

ISSN 2077-8325

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

№ 1(91)-2026

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (91) – 2026 г.

Душанбе – 2026

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1 (91) – 2026 г.

Dushanbe – 2026

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Иброхимзода Илхомуддин Раджабали, доктор экономических наук

Редакционная коллегия:

Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Искандарова Дилоро Мукадасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)
Султанова Рафохат Мирзоевна, доктор филологических наук (Таджикистан)
Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)
Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Комилов Сироджиддин Джалалидинович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)
Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)
Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)
Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)
Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)

Редактор: Р.В.Баратова

Технический редактор/
компьютерная верстка: Г.Х.Ташматова

Перевод на английский язык: С.У.Тагаева

Перевод на таджикский язык: К.Камолов

Компьютерная верстка: Ш.Кодиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации №275/ЖР-97 от 08 февраля 2023 года.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М. Турсунзаде, д.30

тел: (+992) 44 620 42 34; 44 620 42 11

www.vestnik_rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименований только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуют материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Рахмонзода Н.Д. Использование арабских словообразовательных моделей в ФЕ таджикского языка и их перевод на русский язык.....	13
Сюй Цзе, Имомзода М.М., Сунь Цзинь. Культурный симбиоз и ценностный резонанс: межкультурный диалог между праздником Весны и Наврузом.....	25
Некушоева Ш.С. Взаимосвязь языка, культуры и концепта: когнитивный анализ на материале памирской лингвокультуры.....	40
Нодирова С.С. Сопоставительный анализ словообразования глаголов в таджикском и английском языках (на материале прозы Садриддина Айни).....	55
Усмонзода Ш. Лингвокультурные особенности выражения патриотизма в узбекских пословицах и поговорках (сравнительно-типологический анализ).....	65
Ибодуллоев Б.Дж. Фоновые знания – отражатели культуры как проблема перевода (теоретический обзор).....	77
Манонзода Ф. Особенности отражения концепта «мечта» в художественном тексте.....	85
Салимшоева Ф.М. Роль заимствованных оронимов в системе топонимики таджикского и английского языков.....	97

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

Елистратов В.С., Ковтун М.Б. К проблемам стилематики Максима Горького (на материале романа «Фома Гордеев»).....	110
Муллоев Ш.Б. Информационные жанры в СМИ Таджикистана: трансформация в период независимости (1991-2024 гг.).....	121
Рахимов А.А., Алиева Ф.Х. Роль интернет-рекламы в формировании и развитии онлайн-СМИ Республики Таджикистан.....	129
Хамидиён И.И., Мансури Б.С. Политическая реклама как инструмент символической политики в Таджикистане: структура, коммуникативные стратегии и эффекты восприятия.....	141

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Султанов З. Финансовое обеспечение развития национальной инновационной системы в условиях цифровизации экономики.....	150
Раджабов Р.К., Зубайдов С., Субхонов Дж.А. Экономико-математическое моделирование устойчивого развития туризма (научные подходы).....	160
Назаров А.А., Асророва М.А. Совершенствование методики оценки инновационной деятельности предприятия.....	170
Шарипова А.Г. Развитие человеческого капитала и цифровизация образования в Таджикистане в контексте года расширения благоустройства и создания.....	183
Фозилханов Д.О., Саторов Х.К. Теоретическое обоснование многообразия научных интерпретаций понятия услуг.....	197

Баринов М.А. Анализ факторов, влияющих на тенденцию развития промышленного сектора региона.....	207
Быкова М.Л. Оценка пространственной неоднородности бизнес-демографии регионов.....	222
Абдулхаева Ш.Р. Механизмы бюджетного обеспечения развития регионов в условиях современной межбюджетной системы: состояние и перспективы совершенствования.....	238
Сатторов Д.Н. Методологические основы внутреннего мониторинга и оценки качества образовательного процесса в высших учебных заведениях.....	248
Тагаев Р.Б. Инновационные технологии в здравоохранении Таджикистана.....	258

CONTENTS

• PHILOLOGICAL SCIENCES

LINGUISTICS

Rahmonzoda N.D. The use of Arabic word-formation models in Tajik phraseological units and their translation into Russian.....	13
Xu Jie, Imomzoda M.M., Sun Jin. Cultural symbiosis and value resonance: intercultural dialogue between the Spring festival and Nowruz.....	25
Nekushoeva Sh.S. Interrelation of language, culture and concept: cognitive analysis based on Pamiri linguoculture.....	40
Nodirova S.S. Comparative analysis of verb word formation in the Tajik and English languages (based on the prose of Sadridin Ayni).....	55
Usmonzoda Sh. Linguocultural peculiarities of patriotism representation in Uzbek proverbs and sayings: a comparative-typological study.....	65
Ibodulloev B.J. Background knowledge as a reflection of culture: a translation problem (a theoretical review).....	77
Manonzoda F. Features of reflection of the concept "dream" in the literary text.....	85
Salimshoeva F.M. The role of borrowed oronyms in the toponymic systems of the Tajik and English languages.....	97

LITERARY CRITICISM, JOURNALISM

Elistratov V.S., Kovtun M.B. On the problems of the stylematics of Maxim Gorky (based on the novel «Foma Gordeyev»).....	110
Mulloev Sh.B. Informational genres in the media of Tajikistan: transformation during the period of independence (1991-2024).....	121
Rakhimov A.A., Alieva F.Kh. The role of internet advertising in the formation and development of online media of the Republic of Tajikistan.....	129
Khamidiyon I.I., Mansuri B.S. Political advertising as an instrument of symbolic policy in Tajikistan: structure, communicative strategies and perception effects.....	141

• ECONOMIC SCIENCES

Sultanov Z. Financial support for the development of the national innovation system in the context of economic digitalization.....	150
Radjabov R.K., Zubaydov S., Subkhonov J.A. Economic and mathematical modeling of sustainable tourism development (scientific approaches).....	160
Nazarov A.A., Asrorova M.A. Improvement of the methodology for assessing innovation activities of an enterprise.....	170
Sharipova A.G. Human capital development and digitalization of education in tajikistan in the context of the year of expanding improvement and creation.....	183
Fozilkhanov D.O., Satorov Kh.K. Theoretical justification of the diversity of scientific interpretations of the concept of services.....	197

Barinov M.A. Analysis of factors influencing the development trends of the regional industrial sector.....	207
Bykova M.L. Assessing spatial heterogeneity in regional business demography.....	222
Abdulkhayeva Sh.R. Mechanisms of budgetary support for regional development in the context of the modern inter-budget system: status and prospects for improvement.....	238
Sattorov D.N. Methodological basis of internal monitoring and quality assessment of the educational process in higher education institutions.....	248
Tagaev R.B. Innovative technologies in the healthcare system of Tajikistan.....	258

МУНДАРИЧА

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ

ЗАБОНШИНОСӢ

Раҳмонзода Н.Д. Истифодаи қолабҳои калимасозии арабӣ дар воҳидҳои фразеологӣ забони тоҷикӣ ва тарҷумаи онҳо ба забони русӣ.....	13
Сюй Сзе, Имомзода М.М., Сун Чин. Симбиози фарҳангӣ ва ҳамгиномади арзишҳо: муколамаи байни фарҳангҳои чашни Баҳор ва Наврӯз.....	25
Некушоева Ш.С. Ҳамбастагии забон, фарҳанг ва концепт: таҳлили когнитивӣ дар асоси забонҳои помирӣ.....	40
Нодирова С.С. Таҳлили муқоисавии калимасозии феълҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (дар асоси насри бадеии Садриддин Айни).....	55
Усмонзода Ш. Вижагиҳои қорбурди ватанпарастӣ дар забоншиносӣ-фарҳангӣ дар зарбулмасал ва мақолҳои узбекӣ (таҳлили муқоисавӣ-типологӣ).....	65
Ибодуллоев Б.Ч. Донишҳои манзарӣ – таҷассумгари фарҳанг ҳамчун мушқилоти тарҷума (чанбаи назариявӣ).....	77
Манонзода Ф. Хусусиятҳои инъикоси мафҳуми "орзу" дар матни адабӣ.....	85
Салимшоева Ф.М. Нақши оронимҳои иқтибосӣ дар низоми топонимикаи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ.....	97

АДАБИЁТШИНОСӢ, ЖУРНАЛИСТИКА

Элистратов В.С., Ковтун М.Б. Ба мушқилоти стилематикаи Максим Горкий (дар асоси романи "Фома Гордеев").....	110
Муллоев Ш.Б. Жанрҳои иттилоотӣ дар ВАО-и Тоҷикистон: таъдил дар давраи истиқлолият (1991-2024).....	121
Раҳимов А.А., Алиева Ф.Ҳ. Нақши рекламаи интернет дар ташаккул ва рушди васоити ахбори оммаи онлайнӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	129
Ҳамидиён И.И., Мансурӣ Б.С. Рекламаи сиёсӣ ҳамчун воситаи сиёсати рамзӣ дар Тоҷикистон: сохтор, стратегияҳои коммуникативӣ ва бардошти муассир.....	141

• ИЛМҲОИ ИҚТИСОДИ

Султонов З. Дастгирии молиявӣ барои рушди системаи миллии инновационӣ дар заминаи рақамӣ қардани иқтисод.....	150
Рачабов Р.К., Зубайдов С., Субхонов Ҷ.А. Моделсозии иқтисодӣ – математикӣ рушди устувори туризм (равешҳои илмӣ).....	160
Назаров А.А., Асророва М.А. Такмили методологияи арзёбии фаъолияти инновационии соҳибдорӣ.....	170
Шарипова А.Ғ. Рушди сармояи инсонӣ ва рақамӣ шудани маориф дар Тоҷикистон дар заминаи соли вусъати тақвими ва эҷодкорӣ.....	183
Ғозилхонов Д.О., Саторов Ҳ.К. Асосҳои назариявии гуногунии тафсириҳои илмӣ мафҳуми хизматрасонӣ.....	197

Баринов М.А. Таҳлили омилҳое, ки ба тамоюлҳои рушди бахши саноати минтақавӣ таъсир медиҳанд.....	207
Быкова М.Л. Арзёбии гетерогении фазоии демографияи тичорати минтақавӣ.....	222
Абдулхаева Ш.Р. Механизмҳои дастгирии буҷетии рушди минтақавӣ дар заминаи системаи муосири байнибучечӣ: вазъият ва дурнамои беҳтаркунӣ.....	238
Сатторов Д.Н. Асосҳои методологии назорати дохилӣ ва арзёбии сифати раванди таълим дар мактабҳои олий.....	248
Тагаев Р.Б. Технологияҳои инноватсионӣ дар соҳаи тандурустии Тоҷикистон.....	258

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.21/.22-111-161.1(03)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРАБСКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
МОДЕЛЕЙ В ФЕ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ПЕРЕВОД НА
РУССКИЙ ЯЗЫК**

Рахмонзода Нуроншохи Довудшох

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Б. Хисорақ, 12
Тел.: (+992) 90 410 94 94 (м.)
nuronshoh.rahmonzoda.91@mail.ru

В статье анализируется использование арабских словообразовательных моделей во фразеологизмах таджикского языка и показано многоуровневое влияние арабского языка на его формирование. Фразеологизмы отражают национально-культурную специфику языка и менталитет народа; при их переводе с таджикского, арабского и русского языков примерно в 50 % случаев возможен эквивалент, а в остальных требуется объяснительный перевод. Выявлено, что в арабском языке новые слова образуются от глагольных основ с тремя-четырьмя согласными; более 30 таких моделей вошли в таджикский язык с разной степенью употребительности. Большинство таких фразеологизмов, благодаря своим лексико-семантическим особенностям, прочно вошли в словарный состав таджикского языка, что подтверждено лексико-семантическим и стилистическим анализом. В ходе развития языка семантика арабских заимствований и структура фразеологизмов постепенно трансформировались. В таджикских фразеологизмах представлены арабизмы разных лексико-грамматических групп, преимущественно существительные со значением действия. Среди арабизмов-существительных в фразеологизмах выделяются две группы: конкретные и абстрактные. Арабские заимствования в таджикском языке преимущественно выражают абстрактные понятия; конкретные слова во фразеологизмах встречаются редко и обычно теряют исходное значение, приобретая новое. Арабские архаизмы и историзмы в таджикских фразеологизмах различаются по частоте употребления и относятся к разным лексическим слоям. В этих случаях арабские фразеологизмы заимствуются таджикским языком с сохранением всех исходных слов. Таким образом, арабские заимствования и грамматические элементы в таджикских фразеологизмах в основном претерпевают семантические изменения и объединяются с другими компонентами, формируя целостное значение единицы.

Ключевые слова: арабский язык; таджикский язык; фразеологические единицы; словообразовательные модели; лексические заимствования; семантика; абстрактные существительные; архаизмы; историзмы; перевод.

Явление заимствования иностранных слов наблюдается во всех языках мира, поскольку на протяжении долгой истории своего развития языки постоянно

находятся во взаимных связях, контактах и взаимодействии друг с другом. На протяжении более чем тысячи лет арабский язык не только сохранял высокий культурный и коммуникативный статус, но и последовательно воздействовал на другие языки, служа постоянным источником лексических заимствований. Такое длительное и непрерывное влияние связано с религиозными, научными, культурными и социально-историческими факторами, прежде всего с распространением ислама и развитием арабской письменной традиции.

В этом контексте арабский язык сыграл особую роль в формировании словарного состава персидско-таджикского языка. Его воздействие носило системный характер и проявилось в значительном пополнении лексики, включая общественно-политические, религиозные, научные и абстрактные понятия. Тем самым арабский язык стал одним из ключевых факторов, определивших развитие и обогащение персидско-таджикской лексической системы.

Язык, концентрируя субъективное восприятие мира носителями языка, выступает базой создания личности: изучение языка всегда сопровождается знакомством с культурными традициями и национальными особенностями того или иного народа. Национально-культурная специфика семантики лексических единиц наиболее ярко выражается во фразеологических единицах любого языка, который определяет менталитет, обычаи и образа жизни народа. Именно благодаря его образности фразеологизмы одинаковым образом передают смысл как в устной, так и письменной речи [11, с. 129].

При переводе фразеологизмов таджикского, арабского и русского языков существует возможность их адекватного перевода: в 50 % случаев обнаруживается фразеологический переводной эквивалент, а в остальных случаях применяется метод объяснения данных языковых единиц. Лингвисты считают, что фразеологический эквивалент (ФЭ) является фразеологическим единством на переводимом языке (ПЯ), кроме того, по всем своим параметрам эквивалентным переводимой лексической единице [5, с. 109].

Языковед М. У. Муслимов в своей работе отмечает, что арабский язык сыграл существенную роль в развитии таджикского, оказав влияние на его грамматику, фонетику и лексический состав. В процессе активного функционирования арабские заимствования проникали и в таджикские фразеологизмы, при этом они могли претерпевать грамматические, фонетические и семантические изменения, сохраняя при этом отчетливые признаки арабского происхождения [6, с. 7].

Все лингвисты, занимающиеся исследованием фразеологического разнообразия, подчеркивают, что это явление обладает высокой сложностью. Дело в том, что фразеологическая единица представляет собой особую языковую структуру, в которой означаемое выражено отдельными лексическими компонентами и «словосочетания по своей структуре состоят из двух или более самостоятельных слов, связанных между собой в грамматическом отношении, внешне сходные со свободными словосочетаниями, однако компоненты, составляющие их, несвободны, они компактны, взаимосвязаны и не выражают заключительной мысли» [13, с. 9-10]. Этот факт непосредственно обуславливает большое разнообразие вариантов фразеологизмов при переводе, поскольку позволяет единице включать

в себя все виды вариантности, характерные для разных уровней языка - фонетического, морфологического, лексического, синтаксического и семантического. Иными словами, фразеологическая единица способна проявлять изменения и преобразование на всех уровнях языковой структуры, что делает исследование ее вариативности при их переводе особенно сложным и многогранным. Однако надо иметь в виду, что «в принципе основные проблемы фразеологии одинаковы для всех языков, в каждом из них имеются свои специфические особенности, отражающие различные формы бытования (литературный, разговорный, прозы или поэзии), национальные черты и формы исторического развития» [12, с.9-10].

Как известно, словообразовательная система арабского языка основана на глагольных корнях, как правило, трех- или четырехконсонантной структуры. Данные корневые согласные выступают в качестве базового материала, на основе которого посредством внутренней флексии в сочетании с префиксальными и суффиксальными элементами формируется развернутая парадигматическая серия лексических моделей. Таджикским языком было заимствовано очень много арабских словообразовательных моделей, которые отличаются по своей степени продуктивности и частотности употребления.

В настоящей статье осуществляется выборочный анализ наиболее употребительных арабских моделей, функционирующих в составе таджикских фразеологических единиц. Приведем некоторые из них:

А. **фаъл** (فعل) – **вахм** (وهم) [10, с. 1407] переводится «страх»: **дили касеро вахм пахш кард** (وهم) [10, с. 1407] «испугаться»; **вачх** (سبب) [10, с. 526] в значении «причина»: **бе хеч вачх** (اسباب) [10, с. 526] «никогда»; **дайн** (دين) [10, с. 407] в значении «обязанность»: **ба гардани касе дайн кардан** (يدين) [10, с. 407] «обязать кого-л.»; **табъ** (طبع) [10, с. 722] переводится как «настроение»: **табъи касе хира шуд** (...طبعه) [10, с. 722] «расстроиться» и т.д.;

Б. **фаъл** (فعل) – **рамак** (رمى) [10, с. 480] переводится «дыхание»: **чон аз рамак баромадан** (ارماق) [10, с. 480] «кто-л. скончался»; **ҳазар** (حذر) [8, с. 359] в знач. «опасение»: **аз бало ҳазар** (من البلاء حذر) «боже упаси!»; **ғазаб** (غضب) [9, с.234] в знач. «гнев»: **дар аспи ғазаб савор шудан** (غضب) [9, с.234] «рассердиться на кого-л.»;

В. **Фаъл** (فاعل) - **сабил** (سبيل) [10, с.531] переводится «путь, дорога»: **сабил монад** (سبل) [10, с.530] «ну и пусть»; **сағир** (صغير) [10, с.670] переводится как «малый»: **сағиру кабир** (صغير الكبير) «от мала до старого»;

Г. **фаъл** (فعال) – **сабот** (ثبات) [8, с.227] в знач. «устойчивость»: **на сабот до-раду на иззату нафс** (ثبوت) [9, с.97] «кто-л. является бессовестным»; **салоҳ** (صلاح) [10, с.679] в знач. «целесообразность»: **салоҳи кор** (صلاحية) [10, с. 679] «усмотрение»; **карор** (قرار) [10, с.976] в знач. «решение»: **сабру карорро аз даст додан** (اقرار) [9, с. 977] «растеряться»; **наҳор** (نهار) [9, с.812] в знач. «утро»: **бо дили наҳор** (انهار) [9, с.812] «натошак» и т.п.;

Д. **фиъл** (فعال) – **чидол** (جدال) [9, с.261] в знач. «сражение»: **чангу чидол** (تجادل) [8, с.261] «распря»; **ниқоб** (نقاب) [10, с. 1271] в знач. «маска»: **ниқоб аз рӯи касе кашидан** (نقاب) [10, с.1271] «разоблачать кого-л.»; **фирор** (فرار) [10, с.911] в знач. «побег»: **рӯ ба фирор ниҳодан** (فرّ) [10, с.911] «убегать» и т.п.;

Е. **фоил** (فاعل) – **вочиб** (واجب) [9, с. 897] «обязательный», «необходимый»: **амри вочиб** (وجب) [9, с.987] «дело, подлежащее обязательному исполнению»; **сохиб** (صاحب) [8, с.951] «владелец»: **саг сохибашро намеёбад** (...الكذب) «хаос, неразбериха»; **комил** (كامل) [9, с.538] «совершенный», «безупречный»: **имони комил** (كمال) [9, с.537] «полная уверенность» и т.п. В арабском языке имеется определенная группа слов, в первоначальной позиции которых встречается звук айн, который в таджикских заимствованиях утрачивается. В эту группу можно отнести слова **асал** (عسل) [9, с.130] «мёд», **айш** (عيش) [10, с.857] «веселье», **иззат** (عزة) [9, с.123] «уважение», **арак** (عرق) [9, с.119] «водка», **алаф** (علف) [9, с. 167] «трава» и т.п. Их можно раскрыть в составе ФЕ типа «аз забони касе қанду асал мерезад» (معسول) [9, с.131] «кто-л. сладок на язык», **иззати нафси касеро зери по кардан** (عزّ) [9, с.122] «оскорбить кого-л.», **айши касеро талх кардан** (عائش) [10, с. 858] «испортить настроение кому-л.», **араки чабин** (ازرق) [9, с.119] «труд» и т.п.

Большинство подобных фразеологических единиц, благодаря своим лексико-семантическим и стилистическим характеристикам, заняли устойчивое место в словарном составе таджикского языка, что было установлено нами в ходе проведенного лексико-семантического и стилистического анализа. Например, слово «асал» (عسلي) [9, с.131] – «мёд» является синонимом исконно таджикского слова «ангубин» и арабского «шахд». В современном таджикском языке оно вытеснило из употребления слово «ангубин». Другой его синоним «шахд» различается своим книжным оттенком. По этой причине в современном таджикском литературном языке отмечается тенденция расширения лексической сочетаемости этого слова: **қанду асал** «сахар и мёд» (السكرار و العسل), **шахду шакар** (العسل والسكرار) [9, с.131] «мёд и сахар» (ср.: **аз даҳони касе қанду асал мерезад** или же **аз даҳони касе шахду шакар мерезад** (معسول) [9, с.131] «у кого-л. речь сладкая»). Слово «асал», утратив в приведенных ФЕ свое основное значение в переводе, объединяется со значением других компонентов этих конструкций.

Возьмём, к примеру, другое слово арабского происхождения – **таъна** (طعن) [9, с.27] «упрек», «попрек», образованное от корня «таън» (طعن) [9, с.27], имеет лексическое значение «уколоть кого-л.». Здесь обнаруживается другой его семантический оттенок в составе таджикского ФЕ «таъна задан» (طعن) [9, с.27] – переводится «обвинять кого-л.». Это значение может быть представлено словами **сарзаниш**, **коҳиш**, **маломат** (طعن) [9, с.27] «укор», «упрек», «порицание».

В другой группе арабских слов, исконно имеющих в средней позиции в таджикских заимствованиях звук «айн» (ع), в настоящее время допускается следование друг за другом двух гласных, то есть «айн» (ع), находящийся между ними, выпадает: **маориф** (معارف) [9, с.117] «просвещение», **соат** (ساعة) [10, с.583] «часы», **саодат** (سعادة) [8, с.799] «счастье» и т.п. Арабское слово **соат** (ساعات) [10, с. 583], обозначающее «временной отрезок из 60 секунд», в словосочетании **соат ба соат** (ساعة فساعة) переводится как «всегда, ежеминутно», «быстро». Арабизированная форма этого сочетания **соатан фа соатан** (ساعة فساعة) в том же значении встречалась в классическом литературном языке.

Арабское слово **куфл** (قفل) [9, с.432], подвергаясь метатезе, т.е. взаимной перестановке звуков или слогов в пределах одного слова, в современном таджикском языке употребляется главным образом в форме **кулф** (قفل) [9, с.432] и обозначает предмет для запора двери. Это значение оно сохраняет и в составе ФЕ **дар дахон кулфи хомӯшӣ задан** (قفّل) [9, с.432] «закрыть рот на замок» и **гӯшҳои касеро кулф задаанд** (قفّل) [9, с.432] «заткнуть уши кому-л.». В первом примере в сочетании **кулфи хомӯшӣ** (مقفل) [9, с.432] оно переведено и использовано в переносном значении, хотя арабским заимствованиям не свойственно его использование в таком значении. Среди указанных лексических единиц выделяются также арабские заимствования, которые закрепились в лексическом фонде таджикского языка исключительно в результате их функционирования в составе фразеологических единиц. Например, слова **қил** и **қол** (القال والقيل) [9, с. 460] в арабском языке выражают понятие «близость друг к другу», «речь, беседа, сказанные слова». В таджикском языке эти слова не имеют свободного употребления, тем не менее они сохранились в составе фразеологизма **бекилуқол** (اقوال) [9, с.460], который переводится как «беспрекословно», «безоговорочно».

Другую группу арабских слов, отличающихся своими фонетическими и структурными особенностями, представляют слова, в составе которых отмечается удвоение использования одного и того же согласного. Такие редуцированные формы типа **ғусса** (غصّة) [9, с.214], **таассуф** (اسف) [8, с.73] – «сожаление», **тааччуб** (عجب) [10, с.775] – «удивление», **кувват** (قوة) [10, с.1037] – «сила», **Чаббор** (جبار) [8, с.250] – «Джаббор» (имя собственное) участвуют в конструировании фразеологических единиц: **бори ғаму ғусса ниҳодан** (غصّة) [9, с.232] «опечалиться, грустить», **дар тааччуб мондан** (يعجب) [10, с.775] «удивляться», **дилро бакувват доштан** (قوات) [10, с.1037] «бодриться» часто встречаются в таджикских фразеологизмах и создают трудности при переводе.

В процессе исторического развития лексического состава языка и формирования его фразеологической системы семантика арабских заимствований в составе фразеологических единиц претерпевала постепенное расширение и трансформацию, что при их переводе сопровождалось изменениями их структурно-семантических характеристик. В количественном отношении фразеологические единства представляют собой превалирующую группу фразеологических единиц, ведущих свое происхождение от словосочетаний или же предложений, семантика которых с течением времени была переосмыслена [2, с.145]. Например, слово **адаб** (ادب) [8, с.59] в арабском языке имеет следующие значения: 1. вежливость, учтивость; 2. стыдливость, стеснение, утонченность. В составе фразеологизма **бо ду дасти адаб** (تأدب) [8, с.59] переводится как «вежливо», «с глубоким уважением», но при буквальном переводе как *с двумя руками на груди* и приобретает значение «уважение». Следует подчеркнуть, что внутренняя форма данной конструкции обусловлена культурной традицией восточных народов, в рамках которой жест прикладывания руки к груди функционирует как невербальный знак почтения и уважительного отношения к собеседнику. В результате процессов вторичной фразеологизмами данный фразеологизм в таджикском языке приобре-

тает дополнительную коннотативную семантику, выражающую оттенок демонстративного, внешнего либо притворного уважения.

В системе таджикской фразеологии существуют заимствования из арабского языка, относящиеся к различным лексико-грамматическим группам при их переводе. Наиболее продуктивную группу среди них составляют имена существительные, которые обозначают действия, процессы и виды деятельности, например: **фарк** (فرق) [10, с.920] – «различие, отличие»: **байни чизе фарк нагузоштан** (فرق) [10, с.920] – «не различать»; **табъ** (طبع) [10, с.722] – «характер», «нрав»: **табъи касеро хира кардан** (...طبعه) [10, с.722] – «обидеть кого-л.», **табъи нозук** (طباع) [10, с.722] – «тонкий вкус», «изысканный вкус»; **тамаъ** (طمع) [10, с.745] – «алчность, жадность»: **чашми тамаъ духтан** (يطمع) [10, с.745] – «жадничать».

Имена собственные и имена, обозначающие род и отличающиеся друг от друга степенью употребления, составляют следующую группу арабизмов, входящих в состав таджикских фразеологизмов; преимущество в использовании принадлежит словам, обозначающим род, а употребление имен собственных, чаще всего, представителей религии, носит единичный характер: **Исо** (عیسی) [9, с.206] – *Иисус Христос*; **Мусо** (موسی) [9, с.692] – *Моисей*; **Хайдар** (علي) [9, с.177] – *прозвище Али (зятя Мухаммада)* (محمد) [8, с.431]. Например, *алами Исоро аз Мусо гирифтан «с больной головы на здоровую»* (буквально, *наказать Моисея из-за вины Иисуса*).

Исходя из лексических особенностей, среди арабизмов – имен существительных, используемых в ФЕ, выделяются две группы [1, с.78]: а) конкретные имена существительные; б) абстрактные имена существительные.

Во фразеологических конструкциях значительно реже используются существительные с конкретным значением по сравнению с абстрактными словами. Это объясняется тем, что арабские заимствования, попав в лексический фонд таджикского языка, в основном обозначают абстрактные понятия. При этом арабские слова, первоначально обозначавшие конкретные предметы или явления, не только редко встречаются в составе фразеологизмов, но и нередко приобретают новое значение, утрачивая исходный смысл. Примеры показывают, что в процессе развития языка многие слова, выражающие конкретные понятия, утрачивают свой основной смысл и начинают выражать нечто абстрактное [4, с.214].

Как пример, рассмотрим слово **ниқоб** (نقاب) [10, с.1271], которое переводится как конкретный предмет «маска», «вуаль», «покрывало». В словосочетании **ниқоб аз чехра гирифтан** (نقاب) [10, с.1271] «*снять маску (покрывало) с лица*» оно употреблено в своем прямом значении. В качестве одного из компонентов ФЕ **ниқоб аз рӯй кашидан** (نقاب) [10, с.1271] оно утратило свое первичное значение. В целом данная ФЕ выражает «*раскрыть чью-л. сущность*».

Стоит подчеркнуть, что «среди слов арабского происхождения обнаружены как историзмы (аманат, ногата, холоп), так и архаизмы, возникшие вследствие пассивизации вариантов фонетического оформления заимствованных единиц (басурман, мизгитъ, салтан), морфологического колебания (кофий, жирафа), их словообразовательных производных (альманашный, поалмазити) и развития в их семантической структуре новых значений (альманах – «календарь»)» [1, с.18].

Арабские архаизмы и историзмы в составе таджикских фразеологизмов отличаются частотностью употребления и принадлежностью к различным лексическим слоям, что при переводе даёт возможность классифицировать их по значимости как литературно-книжные слова и народно-разговорные слова и диалектизмы.

Слова первой группы характеризуются довольно высокой степенью употребления в фразеологизмах, и именно они придают таким конструкциям оттенок книжности. К ним относятся, к примеру, следующие слова и словосочетания: **адоват** (عداوة) [9, с.101] – «вражда», «ненависть»: **деги рашку адоват** (عداء) [9, с.101] – «огромная ненависть»; **сӯхбат** (حديث) [8, с.356] – «беседа»: **сӯхбати касе каймоқ баст** (احاديث) [8, с.356] – «беседа у кого-л. разгорелась»; **кирон** (قران) [10, с.987] – «уничтожение»: **ба тухми касе қирон омад** (اقتران) [10, с.986] – «истреблять»; **таачуб** (عجب) [9, с.85] – «удивление»: **аз таачуб гиребон гирифтан** (تعجب) [9, с.85] – «безмерно удивляться»; **айш** (عيش) [10, с.857] – «наслаждение», «веселье»: **айши касеро талх кардан** (عايش) [10, с.858] – «наносить сильную обиду кому-л.».

Некоторые арабские слова из литературно-книжной лексики, не получившие широкого употребления в таджикском литературном языке, встречаются исключительно в составе фразеологических единиц. К числу таких слов можно отнести **дайн** (دين) [10, с.407] переводится как «долг», «обязанность», **сабот** (ثبات) [8, с.227] – «твёрдость», **мустанҷоб** (مستجيب) [8, с.326] – «одобрение», «принятый» и др.

Арабские слова, придающие таджикским фразеологизмам оттенок просторечия, разговорного стиля, составляют более многочисленную группу арабизмов, так как «литературно-книжный и устный языки не находятся в живом взаимодействии, не сливаются в единую систему, что усложняет их изучение» [15, с.170]. Например: **маҳол** (محال) [8, с.454] – «невероятный», **димоғ** (دماغ) [8, с.588] – «настроение», **шайтон** (شیطان) [10, с.645] – «шайтан», «дьявол», **хамир** (خميرة) [8, с.533] – «тесто», **қиёмат** (قيامة) [9, с.464] – «страшный суд», **маърака** (عيد) [10, с.852] – «компания», **тоқат** (صبر) [8, с.946] – «терпение» и т.п. Данные слова встречаются еще и в составе ряда фразеологических единиц: **шайтон** (شیطان) [10, с.645] – «дьявол» использована при образовании следующих фразеологизмов: **шайтон бардор кард** (شیطانیة) [10, с.645] – «действовать необдуманно» (букв. дьявол вынудил): **гардани шайтонро шикастан**, **шайтон ба дили касе васваса андохт** (تشيطان) [10, с.644] соответственно в значении «не поддаваться искушению» но буквально переводится как *поломать шею дьявола*; и «поддаться соблазну» буквально переводится как *дьявол умещал в чьё-л. сердце соблазн*.

Однако арабские диалектизмы в таджикских фразеологизмах встречаются значительно реже, что можно растолковать проникновением арабских слов, в первую очередь, в официальную и научную лексику таджикского языка [3, с.102].

Следует отметить, что арабизмы, входящие в состав фразеологизмов таджикского языка, нередко приобретают новое значение, ранее им не свойственное. Например, слово **қиёмат** (قيامة) [9, с.464] в арабском языке имеет

значение «судный день», «страшный день», а во фразеологизме **қиёмат андохтан** (قامت) [9, с.464] означает «ссора», «распря»; **дайн** (دين) [10, с. 407] – «долг», «долгосрочный долг» в составе фразеологизма **гунохро ба гардани касе дайн кардан** (يدين) [10, с. 407] приобретает значение «доказать».

В ряде случаев арабизмы в составе фразеологических конструкций приобретают новое значение, отсутствующее в языке-источнике. Например, слово **сабил** (سبيل) [10, с.531] в арабском языке обозначает «дорога», «способ», а во фразеологизме **сабил монад** (سبل) [10, с.530] переводится как «ну и пусть, черт с ним». Аналогичной семантической трансформации подверглось слово **салавот** (صلوات) [10, с.681] – «молитва, читаемая во время совершения намаза», которое в сочетании **ба гузашта салавот** (ماضية) [10, с.1175] – «забудем прошлое» переосмысливается в новом значении «забыть».

В процессе формирования таджикских фразеологических единиц используются также арабские архаизмы. В подобных случаях арабские фразеологические единицы калькируются в таджикском языке с полным сохранением исходных лексических компонентов. В качестве примера рассмотрим слова **кут** (قوت) [9, с.455] – «пища», «протитание» и **лоямут** (لا يموت) [9, с.455] – «бессмертный, вечный». В составе фразеологизма данные арабизмы в сочетании **кути лоямут** (قوت لا يموت) [9, с. 455] получает значение «необходимый минимум пищи». Аналогичные семантические изменения характерны и для других заимствований из арабского языка. Например, слово **салма** (صلمی) (правильная форма **салмо**) в языке подлинника означает «красавица, возлюбленная», а слово **сақат** (سقط) [8, с.806] – «напрасно, бесполезный, никчемный». В составе фразеологизма **салмаи сақат** (لسقوط) [8, с. 806] данное слово обретает смысловое содержание, т.е. понимается как «лишняя ноша», «ненужная вещь».

Безэквивалентные арабские фразеологические единицы в составе фразеологизмов таджикского языка, как правило, не сохраняют свою безэквивалентность в полном объёме. Совершенно очевидно, что «определённые нормы и ценности конкретного национального общества не всегда существуют в другой культурной среде или другом национальном обществе, или же они существенно отличаются от норм и ценностей другого общества» [14, с.151]. Языковое взаимодействие подчиняется определённым закономерностям взаимного обогащения, по которым в заимствующий язык из языка-первоисточника входят лексические единицы во всей совокупности их семантических компонентов. Однако с точки зрения генетической классификации таджикский и арабский языки относятся к разным языковым семьям: таджикский язык входит в индоевропейскую семью, где «все языки индоевропейской семьи имеют одинаковую оригинальную структуру, основанную на инфлексии» [7, с.23], тогда как арабский относится к семитской группе языков.

Фразеологический состав таджикского языка включает арабские фразеологические кальки, которые либо полностью переведены на таджикский язык, либо заимствованы без перевода. К числу переводов фразеологических калек относятся следующие сочетания: **худо** (ان شاء الله) [8, с.936] «если богу будет угодно»; **Худоро шукур** (الحمد لله) [8, с.431] «Слава богу»; **Оллохи карим** (الله الكريم) [8, с.86]

«Всемогущий боже»; **амри махол** (محالية) [8, с.454] «невозможное, неосуществимое дело»; **барака ёбед** (بارك الله فيك) [8, с.142] «удачи вам»; **намози аср** (صلاة العصر) [10, с. 681] «молитва, совершаемая перед закатом солнца»; **моту мабхут** (مات مبهوت) [10, с.1195] «пораженный»; **раду бадал** (رد البدل) [8, с.658] «обмен»; **хусни таваччух** (احسن) [8, с.385] «благодарность» и т.д.

Среди фразеологических единиц, употребляемых в таджикском языке без перевода, преобладают арабские заимствования. В течение многовекового использования они прочно закрепились в фразеологической системе таджикского языка. Их интеграции в данный пласт способствовало то, что арабские языковые единицы обладали основными признаками фразеологизмов: семантической целостностью, устойчивостью структуры, неизменяемостью компонентов и их тесной смысловой связью. Например, арабское словосочетание **салому алейкум** (السلام عليكم) [8, с.825] – «здравствуйте», которое буквально переводится *желаю вам мира*, в таджикском языке имеет необыкновенно широкую употребительность. То же самое можно сказать о выражениях **нуран ало нур** – (نور) [9, с.820] «очень хорошо», но имеет буквальный перевод как *свет над светом*; **хайра макдам** (اهلا و سهلا) [8, с.102] (مرحباً) [8, с.654] «добро пожаловать», буквально переводится *добрыми шагами* и т.п. Кроме калькированных и заимствованных без перевода фразеологических единиц арабского происхождения в современном таджикском языке употребляются также устойчивые арабские словосочетания, впоследствии получившие форму неделимых лексических единиц без перевода: **бисмиллох** (باسم الله) [8, с.150] – «именем Бога!»; **мошоллох** (ما شاء الله) [9, с.622] – «упаси боже!»; **шайхурраис** (شياخة) [10, с.644] (глава учёных); **ноибурраис** (نائب الرئيس) [10, с.1292] – «вице-премьер» (букв. *заместитель председателя*) и многие другие.

Таким образом, сопоставительный метод занимает важное место среди методических приемов научного исследования и позволяет достигать значимых результатов, прежде всего при построении теоретических моделей языка и их способов перевода. Арабские лексические заимствования и грамматические элементы, входя в состав фразеологических единиц таджикского языка, как правило, подвергаются семантическому переосмыслению и, взаимодействуют со значениями других компонентов, или же остаются неизменными и переводятся как целостное значение всей фразеологической единицы.

Литература

1. Александрова О.И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Александрова Оксана Ивановна. – М., 2010. – 22 с.
2. Бекиров Р.А. Глагольные фразеологические единства современного арабского языка // Научный вестник Крыма. – 2019. – №2 (20). – С.142-149.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 390 с.

4. Гиясов Н.И. Арабские заимствования в составе фразеологических единиц современного таджикского литературного языка / Н.И.Гиясов, М.М.Атоева // Вестник ТГУПБП. – 2013. – №1 (53). – С.214-223.
5. Дададжанова И.Б. Аналогии и эквиваленты с терминами миграции в английском и таджикском языках // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2025. – №6. – С.108-114.
6. Муслимов М.У. Фразеологические единицы современного таджикского литературного языка с арабскими лексическими элементами: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Муслимов Маъбуд Умедходжаевич. – Душанбе, 2005. – 23 с.
7. Рахмонзода Н.Д. Лексические и лексикографические особенности первых толковых словарей в Северной Индии. – Душанбе: Дониш, 2022. – 145 с.
8. Рахмонзода Н.Д. Лексикография-как отражение норм литературного языка народа // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2016. – №4/6 (212). – С.52-55.
9. Рахмонзода Н.Д. Из истории становления персидско-таджикской лексикографии // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2017. – №4/5. – С.133-135.
10. Саидрахмон С. Арабско-таджикский словарь: в 2 т. Т.1. – Душанбе: ЭР-граф, 2004. – 1046с.
11. Саидрахмон С. Арабско-таджикский словарь: в 2 т. Т.2. – Душанбе: ЭР-граф, 2005. – 1208с.
12. Сулаймони С. Арабско-таджикский словарь. – 2 изд., испр. и доп. – Душанбе: ЭР-граф, 2010. – 1564 с.
13. Тарахиб А.Б. Основные типы классификаций фразеологических единиц в арабской и русской лингвистике [Электронный ресурс] // Восточный факул. – 2020. – Т.1, вып.1. – С.125-32. – Режим доступа: <https://inlibrary.uz/index.php/eastern-torch/article/view/13394> (дата обращения: 31.01.2026)
14. Турди-Аханова И.А. Фразеологизмы в таджикском языке // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №2 (92). – Doi: 10.23670/IRJ.2020.92.2.044
15. Шарипова З.М. Семантико-структурный анализ фразеологических единиц таджикского, арабского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Шарипова Зумрад Махмудовна. – Душанбе, 2011. – 27 с.

THE USE OF ARABIC WORD-FORMATION MODELS IN TAJIK PHRASEOLOGICAL UNITS AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Rahmonzoda Nuronshohi Dovudshoh

Candidate of philology,
associate Professor of the chair of foreign languages
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, B. Hisorak str., 12
Ph.: (+992) 90 410 94 94 (m.)
nuronshoh.rahmonzoda.91@mail.ru

This article analyzes the use of Arabic word-formation patterns in Tajik phraseological units and demonstrates the multifaceted influence of the Arabic language on their development. Phraseological units reflect the national and cultural specifics of the language and the mentality of the people; when

translating them from Tajik, Arabic, and Russian, an equivalent is possible in approximately 50% of cases, while in the remaining cases, an explanatory translation is required. It has been revealed that in Arabic, new words are formed from verb stems with three or four consonants; more than 30 such patterns have entered the Tajik language with varying degrees of frequency. Most of these phraseological units, due to their lexical and semantic features, have become firmly established in the vocabulary of the Tajik language, as confirmed by lexical, semantic, and stylistic analysis. Over the course of the language's development, the semantics of Arabic borrowings and the structure of phraseological units have gradually transformed. Tajik phraseological units feature Arabic words from various lexical and grammatical groups, primarily nouns denoting action. Among the nouns used in phraseological units, two groups stand out: concrete and abstract. Arabic borrowings in Tajik primarily express abstract concepts; concrete words in phraseological units are rare and typically lose their original meaning, acquiring a new one. Arabic archaisms and historicisms in Tajik phraseological units vary in frequency of use and belong to different lexical layers. In these cases, Arabic phraseological units are borrowed into Tajik while preserving all the original words. Thus, Arabic borrowings and grammatical elements in Tajik phraseological units primarily undergo semantic changes and combine with other components to form the unit's integral meaning.

Keywords: Arabic language; Tajik language; phraseological units; word-formation patterns; lexical borrowings; semantics; abstract nouns; archaisms; historicisms; translation.

ИСТИФОДАИ ҚОЛАБҲОИ КАЛИМАСОЗИИ АРАБӢ ДАР ВОҲИДҲОИ ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАБОНИ ТОЧИКӢ ВА ТАРҶУМАИ ОНҲО БА ЗАБОНИ РУСӢ

Раҳмонзода Нуруншоҳи Довудшоҳ

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забонҳои хориҷии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Б. Ҳисорак, 12
Тел.: (+992) 90 410 94 94 (м.)
nuronshoh.rahmonzoda.91@mail.ru

Дар ин мақола истифодаи қолабҳои калимасозии арабӣ дар фразеологизмҳои тоҷикӣ таҳлил шуда, таъсири бисёрҷонибаи забони арабиро ба рушди он нишон медиҳад. Воҳидҳои фразеологӣ хусусиятҳои миллии ва фарҳангии забон ва тафаккури мардумро инъикос мекунанд, ҳангоми тарҷумаи онҳо аз забонҳои тоҷикӣ, арабӣ ва русӣ, тақрибан дар 50% мавридҳо муодили он имконпазир аст. Вале дар ҳолатҳои боқимонда тарҷумаи тафсири лозим аст. Муайян карда шудааст, ки дар забони арабӣ калимаҳои нав аз решаҳои феълии се-ҷор ҳамсадодор сохта мешаванд; зиёда аз 30 чунин қолабҳо бо дараҷаҳои гуногуни истифода ба забони тоҷикӣ ворид шудаанд. Аксари ин фразеологизмҳо бинобар хусусиятҳои лексикиву семантикии худ, дар фонди луғавии забони тоҷикӣ пурра шомиланд, ки инро таҳлили лексикӣ, семантикӣ ва услубӣ нишон медиҳад. Дар раванди рушди забон, семантикаи иқтибосоти арабӣ ва сохтори фразеологизмҳо тадриҷан тағйирёфтаанд. Фразеологизмҳои тоҷикӣ аз гурӯҳҳои гуногуни лексикиву грамматикӣ калимаҳои арабӣ, асосан исмҳои амал таркиб ёфтаанд. Дар байни исмҳои арабии дар фразеологизмҳо истифодашаванда ду гурӯҳҳо: конкрет ва абстракт маълуманд. Иқтибосоти арабӣ дар забони тоҷикӣ асосан мафҳумҳои абстрактиро ифода мекунанд; исмҳои конкрет дар фразеологизмҳо камбанд ва одатан маънои аслии худро гум карда маънои нав пайдо мекунанд. Арха-

измҳо ва историзмҳои арабӣ дар фразеологизмҳои тоҷикӣ аз ҷиҳати басомади истифода фарқ карда ба қабатҳои гуногуни луғавӣ тааллуқ доранд, фразеологизмҳои арабӣ бошанд ба забони тоҷикӣ бо ҳамаи калимаҳои аслии худ ворид мешаванд. Ҳамин тариқ, иқтибосоти арабӣ ва унсурҳои грамматикӣ дар фразеологизмҳои тоҷикӣ асосан тағйироти семантикиро дороанду яқоя бо дигар ҷузъҳо маъноӣ ягонаи воҳидро месозанд.

Калидвожаҳо: забони арабӣ; забони тоҷикӣ; воҳидҳои иборӣ; намунаҳои сохтори луғавӣ; қарзҳои луғавӣ; маъношиносӣ; исмҳои ҳулосавӣ; архаизмҳо; историзмҳо; тарҷума.

УДК 811.161.1=581

**КУЛЬТУРНЫЙ СИМБИОЗ И ЦЕННОСТНЫЙ РЕЗОНАНС:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ ПРАЗДНИКОМ
ВЕСНЫ И НАВРУЗОМ¹**

Сюй Цзе

Преподаватель

Институт политики и права Синьцзянского педагогического университета
Китайская Народная Республика, Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный
район, район Шуимогоу, ул. Гуаньцзинлу, 100

Тел.: 17799617969

649379523@qq.com

Имомзода Махина Мухаммадюсуф

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

Таджикский национальный университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17

Тел.: (+992) 000 11 14 29 (м.)

mahina-07@mail.ru

Сунь Цзинь

Доктор наук, доцент, преподаватель

Институт политики и права Синьцзянского педагогического университета
Китайская Народная Республика, Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный
район, район Шуимогоу, ул. Гуаньцзинлу, 100

Тел.: 17799617811

1304033869@qq.com

Статья посвящена исследованию китайского Праздника Весны и международного Праздника Навруз. Рассматриваются феномены культурного симбиоза и ценностного резонанса, присущие этим двум традиционным праздникам. Путем сравнительного анализа происхождения, ритуального содержания и культурной преемственности праздников выявляются взаимное культурное заимствование и ценностная идентичность, сформировавшиеся в ходе исторического взаимодействия Китая и Таджикистана. Результаты исследования показывают, что, несмотря на укоренён-

¹ Данная статья подготовлена в рамках общего проекта (ZK2025C26) конкурса на создание аналитических центров при Синьцзянском педагогическом университете в 2025 году.

ность в различных цивилизационных системах. Праздник Весны и Навруз глубоко перекликаются в таких ключевых аспектах, как почитание природы, внимание к семейной этике и стремление к общественной гармонии. Это подчёркивает уникальную ценность межкультурного симбиоза и закладывает теоретическую и практическую основу для межкультурной коммуникации, культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Ключевые слова: Праздник Весны; Навруз; культурный симбиоз; ценностный резонанс.

В условиях двойного продвижения глобализации и инициативы «Один пояс, один путь» межкультурная коммуникация и культурный обмен становятся важной движущей силой прогресса человеческой цивилизации. Традиционные праздники, как живые носители национальной культуры, воплощают в себе историческую память, систему ценностей и житейскую мудрость народов. Китайский Праздник Весны и таджикский Навруз, являясь яркими явлениями восточноазиатской и центральноазиатской культур, несут в себе глубокое культурное содержание. В 2009 и 2024 годах ЮНЕСКО включила Навруз и Китайский Новый год в список нематериального культурного наследия человечества. Несмотря на то, что эти праздники принадлежат к разным цивилизационным системам, в ходе длительного исторического взаимодействия между ними сформировались уникальные отношения культурного симбиоза. Как возможно культурное сосуществование новогодних праздников двух разных цивилизаций? В настоящей статье, основываясь на сравнительном анализе в рамках фольклористики, семиотики и межкультурной теории, авторы предпринимают попытку глубоко исследовать оба праздника, выявить внутреннюю логику культурного симбиоза и глубинные источники ценностного резонанса, а также предложить теоретическую поддержку укреплению китайско-таджикского культурного обмена и построения сообщества единой судьбы человечества.

1. Культурные истоки и особенности Праздника Весны и Навруза

В системе символов китайской цивилизации Праздник Весны — это не просто торжество по случаю начала нового года, а ключевая культурная парадигма, содержащая гены земледельческой цивилизации, институционализированное восприятие времени и психологическую структуру этноса. Формирование этого культурного феномена восходит к древнейшим временам, когда ритуалы земледельческих жертвоприношений играли центральную роль в организации времени. С течением времени, проходя через концепцию небесного мандата эпохи Шан и Чжоу, календарные системы Хань и Тан, а также народные верования эпох Сун и Мин, Праздник Весны постепенно оформился как цивилизационный код, сочетающий космологическое объяснение, социальную интеграцию и этическую преемственность. От пиктограммы иероглифа «年» (год) на гадательных костях эпохи Инь до обозначений сезонов в современных электронных календарях — эволюция Праздника Весны глубоко отражает осмысление китайцами природных закономерностей, мудрость в построении общественного порядка и размышления о смысле жизни.

1.1. Происхождение Праздника Весны: от земледельческих жертвоприношений к символу времени

Культурные корни Праздника Весны восходят к земледельческим жертвоприношениям эпохи династии Шан. На одной из костяных надписей из Ииньской столицы, хранящейся в Императорском дворце (инвентарный номер: 乙編 8688), иероглиф «年» (год) изображён в виде человека внизу и тяжелого, согнувшегося колоса наверху. Такая форма иероглифа как раз объясняет значение из «Шовэнь цзецзы»: «年» означает «созревание зерна»¹. Древние люди связали цикл роста сельскохозяйственных культур со своим трудом и создали иероглиф «年», что стало их первичным определением времени. Когда просо в бассейне реки Хуанхэ проходило путь от посева до урожая, древние называли этот цикл «одним годом» и запечатлевали своё понимание природных закономерностей на панцирях черепах².

С точки зрения семиотики, первоначальное понимание времени, связанного с Праздником Весны, было единством «природных закономерностей — производственной деятельности — ритуальных действий». Написание иероглифа «年» в надписях на гадательных костях можно рассматривать через призму лингвистических понятий «означающее» и «означаемое»: означающее — это конкретный колос, а означаемое — весь сельскохозяйственный цикл. Люди династии Чжоу приносили свежий урожай в жертву предкам в храме, и этот обряд был не только просьбой о благословении, но и выражением культурной идентичности — единства человека и природы. Соединяя рост сельхозкультур с культом предков, древние создали представление о «сакральности природного времени», что заложило основу для духа почтения к природе и уважения к предкам, присущего Празднику Весны.

Провозглашение календаря Тайчу в эпоху Хань стало важным поворотным моментом, когда Праздник Весны из местной традиции превратился в общенациональный праздник. В 104 году до н.э. Сыма Цянь и другие учёные провели реформу календаря, установив первый день первого месяца по летнему календарю (сяли) в качестве начала нового года, синхронизировав его с моментом наступления «Начала весны» (立春, Личунь), что обеспечило единство между официальным и народным счётом времени³. Эта реформа была не просто астрономическим пересмотром календаря, но и попыткой ввести 24 сезонных периода (цзеци) в календарную систему, тем самым установив единый стандарт для сельскохозяйственных работ в бассейне Хуанхэ. Центральная власть рассылала календари с обозначенными сезонными периодами по всей стране, превращая разрозненные

¹ См.: Юй Шэну. Толкование иероглифов надписей на гадательных костях. Пекин: Изд. Чжунхуа шуцзюй, 2009. С.167.

² См.: Ли Сяодин. Толкование иероглифов на гадательных костях / Институт истории и филологии Академии Синика, 1965; в гадательной надписи на кости из ямы УН127 в Ииньских руинах (乙編 8688), хранящейся в Императорском дворце, можно увидеть, что иероглиф «年» соседствует с записями о сельскохозяйственных предсказаниях.

³ См.: Гэ Чжаогуан. Этот дом – Китай. Пекин: Изд. Чжунхуа шуцзюй, 2011. С.187-190.

аграрные ритмы разных регионов в единое «имперское время»¹. Праздник Весны как Новый год стал символом легитимности императорской власти. Официальные церемонии поздравлений с Новым годом, проходившие в императорском дворце в первый день первого месяца, демонстрировали не только преданность чиновников императору, но и служили выражением того, как государство управляет своей территорией через систему времени.

С точки зрения культурной социологии, календарь Тайчу (太初历) создал модель «временной централизации». Как указывает Гэ Чжаогуан, древнекитайский календарь был не просто инструментом для ведения сельского хозяйства, но и основой для установления общественного порядка². Когда такие народные обычаи, как «жертвоприношение кухонному богу на Ла-жи» и «бдение в канун Нового года с молитвами о благополучии», получили официальное признание, Праздник Весны стал мостом между императорским двором и народом. Учёные выражали патриотические чувства в поэтических строках вроде «Со звуком пестард уходит старый год», а простой народ ощущал присутствие государства через наклеивание парных надписей и поклонение предкам. Это взаимодействие между официальными институтами и народными обычаями сделало Праздник Весны не просто праздником сельскохозяйственного цикла, а культурным символом, объединяющим различные народы и регионы. Как отметил Сяо Фан в своей книге «Времена года», календарь Тайчу «благодаря унификации начала года обеспечил институциональную основу для распространения новогодних обычаев по всей стране, превратив их в общую временную координату китайской нации»³.

Праздник Весны является воплощением космологии китайцев и межпоколенческой передачей этических норм. Согласно культурному антропологу Арнольду ван Геннепу, различные обряды, сопровождающие Праздник Весны, относятся к «обрядам перехода» и содержат в себе элементы реконструкции космического порядка. Например, обряд «с 扫尘» (выметание пыли) в канун Нового года внешне представляет собой обычную уборку, но символизирует прощание с прошлым и встречу нового начала, что перекликается с космологией, изложенной в «Ли цзи. Юэ лин» («Записи о ритуалах. Месячные постановления»), где говорится: «Небо и Земля гармоничны, и трава с деревьями прорастают»⁴. Во время ночного бдения вся семья собирается за столом, и, как говорил антрополог Клод Леви-Стросс, это превращается в «миниатюрный театр социальной структуры»: когда старшие рассказывают детям легенду о «Няньшоу» (новогоднем чудовище), они не просто повествуют сказку, а передают коллективную память, содержащую такие ценности, как «почтение к природе» и «единство и солидар-

¹ См.: Чжан Вэньюй. Лекции по древней астрономии и календарям. Пекин: Изд-во: Педагогический университет Гуанси, 2008. С.123-125.

² См.: Гэ Чжаогуан. Жили здесь китайцы. Пекин: Изд-во Чжунхуа шуцзюй, 2011. С.187-190.

³ См.: Сяо Фан. Времена года: временная жизнь традиционного китайского народа. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2000. С.45-48.

⁴ См.: Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода / пер. Ху Сяохуэй. М.: Изд-во: Коммерческая типография, 2006. С.3-5.

ность»¹. Когда звучат новогодние куранты, личное время человека сливается с природным временем, происходит переход от «личного времени» к «общественному времени».

В плане этической преемственности различные обряды Праздника Весны являются наглядным воплощением конфуцианской идеи «сяо и ти» — сыновней почтительности и братской любви. Во время новогоднего ужина пожилым членам семьи отводят почётные места, а в новогодние дни принято совершать поклоны старшим — эти на первый взгляд сложные ритуалы являются продолжением принципа «уважения к родным и старшим», изложенного ещё в древнем трактате «Чжоу ли» («Ритуалы Чжоу»). Благодаря передаче этих действий из поколения в поколение, такие представления, как «отец добродетелен — сын почтителен» и «старший брат дружелюбен — младший почтителен», постепенно укоренились в культурном подсознании людей². На новогодних свитках эпохи Цин, хранящихся в музеях Запретного города, часто изображены сцены, где дед и внук вместе любуются парными надписями, а отец с сыном совершают обряд поклонения предкам — это указывает на то, что в рамках Праздника Весны семейная этика, государственный порядок, народные верования и официальная культура достигают гармоничного единства. Как писал Клиффорд Гирц, сущность религиозного ритуала заключается в «интеграции мироощущения и жизненных ориентиров с помощью символических средств»; все обряды Праздника Весны в конечном итоге направлены на утверждение и усиление таких ключевых ценностей, как «единство Неба и человека» и «тождество семьи и государства»³.

В цифровую эпоху традиционные обряды Праздника Весны претерпели множество изменений, а культурные символы постоянно обновляются. Сегодня электронные «красные конверты» заменили традиционные подарки денег, а новогодние поздравления в формате коротких видео сделали обряд поклона менее формальным. Некоторые опасаются, что Праздник Весны может утратить свою культурную глубину. Однако исследования показывают, что жизненная сила культурных традиций заключается в их способности адаптироваться к изменениям времени. Подобно тому как древние отметки на бронзовых водяных часах превратились в напоминания о сезонах в календарях на смартфонах, а обряды «жертвоприношений Небу и молитв о хорошем урожае» трансформировались в традицию всей семьёй смотреть новогодний гала-концерт, суть Праздника Весны — уважение к жизни, почтение ко времени и чувство коллективной принадлежности — продолжает жить в новых формах.

На выставке «С Новым годом — празднование весны в Запретном городе», проходившей в 2019 году в музее Гугун, иероглиф «年» (год), встречающийся в

¹ См.: Клод Леви-Стросс. Структурная антропология / пер. Се Вэйян и Юй Сюаньмэн. Шанхай: Изд-во «Шанхай Ивэнь», 1995. С.212-213.

² См.: Цянь Му. Введение в историю китайской культуры. Пекин: Изд-во: Коммерческая типография, 1994. С.89-91.

³ См.: Клиффорд Гирц. Интерпретация культур / пер. Нажипилигэ и др. Шанхай: Изд-во Шанхайского народного издательства, 1999. С.46-48.

надписях на гадательных костях, был представлен с помощью цифровой проекции и сочетался со светом традиционных дворцовых фонарей эпохи Цин. Это показывает, что традиционная культура вполне может сочетаться с современными технологиями. От изображения зёрен проса в древней письменности до виртуальных поздравлений с Новым годом в метавселенной — Праздник Весны всегда адаптировался к духу времени. В аграрном обществе он был выражением народной мудрости выживания; в феодальных империях — инструментом власти; в эпоху глобализации он стал культурной визитной карточкой Китая в мире.

Признание Праздника Весны официальным праздником ООН свидетельствует о том, что этот праздник, зародившийся в Китае, стал общим культурным наследием всего человечества. Заложенные в нём идеи «следования природе» и «гармоничного сосуществования» могут предоставить современному обществу древнюю, но по-прежнему актуальную мудрость в решении экологических проблем и кризиса идентичности.

1.2. Навруз: поэтика времени и символика природной сакральности в персидской цивилизации

Навруз — самый известный традиционный праздник в персидской цивилизации. В переводе с персидского языка слово «Навруз» (نوروز) означает «новый день», и в нём заключено представление арийских народов о законах природы и устройстве космоса. Этот праздник чрезвычайно древний — его история уходит в глубь веков до 2000 года до нашей эры и связана с зороастризмом, религией Древнеперсидской империи. В священной книге зороастрийцев «Авеста» день весеннего равноденствия считается моментом сотворения мира богом, символизирующим победу света над тьмой и обновление природы, когда весна побеждает зимний холод¹.

Праздник Навруз ярко отражает толерантность и адаптивность персидской культуры. Когда в VII веке н.э. арабо-исламская культура пришла в Среднюю Азию, изначальный праздник весеннего равноденствия не был вытеснен, а, напротив, он интегрировался с исламскими догматами. Например, коранические представления о жизни и смерти получили новые интерпретации, которые созвучны изначальной концепции «круговорота жизни»². Персидская мистическая традиция придала празднику философское измерение, связанное с идеей единства человека и природы. Весенние поэмы великого персидского поэта Руми стали неотъемлемой частью праздничной культуры³. Наложение различных религиозных и философских слоёв превратило Навруз в наглядный пример многокультурного сосуществования и гармонии в регионе Средней Азии.

В Таджикистане праздник Навруз отражает синтез оседлой земледельческой культуры и элементов мировоззрения кочевых народов, с которыми таджики исторически взаимодействовали. В нём сочетаются персидские религиозные тра-

¹ Mary Boyce. Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices. Routledge, 1979. С.85-87.

² Absalom D. Shabaz. LAND OF THE LION AND THE SUN, Milwaukee, WI., 1901 and 1904. С.112-114.

³ Arberry A.J. Mystical Poems of Rumi / The University of Chicago Press. Chicago; London, 1968. P.97-99.

диции и уважительное отношение к природе, характерное для народов Центральной Азии. Это сочетание сформировало ритуалы Навруза, основанные на идее «круга жизни». С точки зрения культурных символов, различные обряды Навруза можно рассматривать как своего рода «код поклонения природе». Так, на праздничных столах в дни Навруза размещаются предметы с особым символическим значением: лох (санчид), ростки пшеницы (сабза), яблоко (себ), суманак (суманак), чеснок (сир), уксус (сирко) и оберегающее растение сипанд (сипанд). Каждый из этих элементов имеет свою символику. Ароматный лох символизирует любовь к природе. Некоторые учёные считают его «пищей мудрости», поэтому он воспринимается как символ знаний и разума. Сабза олицетворяет пробуждение природы и силу жизни, передаёт надежду на процветание и счастье человечества. Яблоко, по мнению фольклористов, символизирует здоровье. В народной медицине существует поговорка: «Одно яблоко в день — и врач не нужен». Суманак символизирует богатый урожай, физическую силу и здоровый рост.

С точки зрения адаптации человека к окружающей среде, Навруз на самом деле является «воплощением жизненной мудрости» арийских народов. В суровых климатических условиях Памира таджикские земледельцы и скотоводы живут за счёт «сезонного кочевания», и как раз в день весеннего равноденствия они перегоняют скот с зимних пастбищ на весенние. Обряд «выращивания ростков пшеницы» (сабза), проводимый во время праздника, по сути символизирует важнейший момент в году для земледельцев: ростки пшеницы служат для предсказания погоды, а в случае неурожая могут быть использованы как экстренная пища, придавая людям психологическую уверенность. Такой способ превращения природных явлений в праздничные обряды демонстрирует уникальную «экологическую мудрость» таджикского народа — с помощью ежегодного празднования природные закономерности интегрируются в социальную жизнь, а «почтение к природе» превращается из инстинкта выживания в общую веру.

Сегодня праздник Навруз по-прежнему остаётся живым и полным энергии. В 2009 году ЮНЕСКО включила его в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, подчеркнув его универсальную ценность в «содействии культурному разнообразию и инклюзивности»¹. В условиях глобализации этот древний праздник является не только культурным символом таджикского народа, но и важным «кодом» для понимания традиционных взаимоотношений между человеком и природой. Он показывает, как доиндустриальные общества через систему символов наделяли природу священным смыслом и как в процессе межцивилизационного диалога традиции могут быть творчески переосмыслены. Ритуальное наследие Навруза напоминает нам: в условиях современного экологического кризиса древняя мудрость оседлой земледельческой культуры — подчинение природным ритмам и уважение к

¹ См.: Навруз: Вечный праздник, посвящённый обновлению и новым начинаниям. URL: <https://www.un.org/zh/observances/international-nowruz-day>

круговороту жизни — остаётся актуальной и даёт глубокие духовные и практические уроки.

2. Культурное сосуществование и созвучие ценностей: историческое и современное взаимодействие Праздника Весны и Навруза как проявление ключевой культурной идентичности

Праздник Весны и Навруз, как праздники, отражающие земледельческую цивилизацию Восточной Азии и сочетание земледельческой и кочевой цивилизаций Центральной Азии, на протяжении истории сформировали уникальный культурный диалог и ценностное созвучие. Несмотря на то, что эти два праздника укоренены в разных экологических и социальных условиях, они демонстрируют глубокое культурное сходство в восприятии времени, отношении к жизни и социальной сплочённости, что подтверждает универсальный закон многогранного сосуществования человеческих цивилизаций.

2.1. Культурное сосуществование: историческое и современное взаимодействие Праздника Весны и Навруза

Открытие Великого Шёлкового пути стало историческим мостом для культурного обмена между Китаем и Таджикистаном. Начиная с эпохи Хань, Китай и регионы Центральной Азии через торговлю и миграцию людей осуществляли двустороннее культурное проникновение. Китайский шёлк, чай, фарфор проникали в Центральную Азию, в то время как музыка, танцы и религиозные верования региона оказывали глубокое влияние на китайскую культуру. Это особенно ярко проявилось в праздничных обычаях: использование хуциня и пипы в Празднике Весны, а также восхищение китайским шёлком в Наврузе — всё это отражает культурный обмен и взаимопроникновение.

Праздник Весны, приуроченный к китайскому лунному Новому году, основан на системе 24 сезонов и рассматривает «Личунь» (начало весны) как отправную точку сельскохозяйственного цикла, отражая мудрость китайцев в наблюдении за звёздами и управлении временем. Навруз же приурочен ко дню весеннего равноденствия, символизируя священный момент сотворения мира богом света Ахура Маздой в персидской традиции¹. Общий интерес к астрономическим явлениям отражает общее почтительное отношение земледельческой и кочевой цивилизаций к природным циклам. Примечательно, что расцвет Шёлкового пути при династии Юань способствовал прямому контакту между двумя цивилизациями: календарь «Шоушили», составленный Го Шоутином, был передан в Персию через государство Ильханов, а его точные астрономические расчёты оказали влияние на календарные системы Центральной Азии, тем самым косвенно усилив синхронность временного восприятия этих двух праздников².

И Праздник Весны, и Навруз выстраивают ритуальную систему с акцентом на идею «возрождения». Праздник Весны с помощью наклеивания парных

¹ См. подробнее: Boyce M. Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices. Routledge, 1979. P.86.

² См. подробнее: Чжан Синъян. Собрание материалов по истории контактов между Китаем и Западом. Пекин: Изд-во Чжунхуа шуцзюй, 2003. С.127.

надписей (чуньянь), запуска петард и других обрядов отгоняет злых духов и привлекает удачу, а также через семейный ужин в канун Нового года и ночное бодрствование укрепляет родственные узы, отражая важность продолжения жизни в земледельческой цивилизации. Навруз же празднуется с оформлением «хафт син», где размещаются символизирующие пробуждение жизни ростки пшеницы, яблоки — символы урожая и здоровья, а поклонение священному огню выражает космический порядок, в котором свет побеждает тьму. Это сходное понимание жизни вызывает глубокий отклик в условиях современного межкультурного взаимодействия.

Празднования, проводимые Китаем и Таджикистаном в период Праздника Весны и Навруза, представляют собой новую форму культурной симбиозы двух стран. Благодаря инициативе «Один пояс – один путь», китайско-таджикский культурный обмен вышел на новый этап. Обе стороны углубили взаимодействие в сфере праздничной культуры через проведение Годов культуры, совместные заявки на включение в список нематериального наследия и другие мероприятия. В последние годы Таджикистан неоднократно проводил празднования Навруза в различных регионах Китая. В свою очередь, Китай учредил в Таджикистане «Культурную неделю Праздника Весны», в рамках которой проходят выступления с танцами драконов и львов, выставки каллиграфии и другие мероприятия, демонстрирующие очарование китайского Нового года. С 18:00 1 февраля до 1:00 2 февраля 2025 года гигантский электронный экран на здании-ориентире столицы Таджикистана, Душанбе — башне Рудаки — засветился «китайским красным» в честь празднования Китайского Нового года — Года Змеи по лунному календарю¹.

Такое двустороннее взаимодействие между Китаем и Таджикистаном не только обогатило содержание праздников, но и способствовало инновационному развитию культурной симбиозы, придав двум великим праздникам новую жизненную силу в современном контексте.

2.2. Резонанс ценностей: основная культурная идентичность Праздника Весны и Навруза

Праздник Весны и Навруз отражают общее почитание обеих сторон природы и идеи гармоничного сосуществования с ней. Обряды «встречи весны» в китайском Празднике Весны и празднование дня весеннего равноденствия в Наврузе по сути своей являются проявлением уважения к природным ритмам. Через такие действия, как уборка дома и жертвоприношения небесам и земле, оба праздника выражают стремление человека к гармонии с природой. Такое благоговение перед природой отражает коллективную мудрость разных народов в условиях борьбы за выживание и служит важной основой для ценностного резонанса между культурами.

Оба праздника воплощают общее стремление к семейной этике и гармонии в обществе. Праздник Весны подчеркивает воссоединение семьи, укрепляя

¹ Столица Таджикистана зажгла "китайский красный" в честь Праздника Весны – Синьхуа. URL: <http://www.news.cn/world/20250202/e94e1286f8a840cab6c592334377fc2f/c.html>

семейные узы через праздничный ужин и визиты с поздравлениями. В Наврузе объединение общины достигается через совместные молитвы и трапезы. Несмотря на различия в формах, оба праздника считают семейную гармонию и общественное согласие главными ценностями, что отражает универсальное стремление человека к эмоциональной принадлежности и социальному порядку. Этот резонанс ценностей создает эмоциональные мосты для межкультурного взаимопонимания.

Обряды «проводы старого и встреча нового» в Празднике Весны и «пробуждение всего живого» в Наврузе содержат общие ожидания в отношении продолжения жизни и благополучия. Китайские парные надписи и иероглиф «福» символизируют пожелания счастья и здоровья, а выращивание проростков пшеницы на Навруз символизирует обновление и надежду. Эти культурные символы, выходящие за пределы регионов и этнических различий, передают общечеловеческие размышления о смысле жизни и демонстрируют ценностный консенсус, превосходящий культурные барьеры.

3. Современное значение культурного симбиоза и ценностного резонанса

3.1. Содействие сближению народов и углубление международного сотрудничества

Диалог между культурами Праздника Весны и Навруза по своей сути является эмоциональным и духовным обменом, выходящим за рамки государственных границ. В процессе реализации инициативы "Один пояс – один путь" укрепление политического доверия и экономического сотрудничества невозможно без взаимопонимания и признания между народами. Праздник Весны, являясь важнейшим традиционным праздником китайской нации, несёт в себе культурные смыслы, связанные с воссоединением семьи и благопожеланиями. Навруз же — важный праздник, символизирующий обновление и надежду, отмечаемый в Таджикистане и странах Центральной Азии. Несмотря на различия культурного фона, эти праздники схожи по своей эмоциональной сути.

Китай и Таджикистан проводят совместные культурные мероприятия, посвящённые праздникам Весны и Навруза, позволяя гражданам обеих стран в полной мере погрузиться в традиции друг друга. Такой наглядный культурный обмен помогает преодолеть барьеры, вызванные территориальными и языковыми различиями, превращая абстрактные культурные символы в осязаемые, вызывающие сочувствие эмоциональные связи.

Когда люди испытывают культурный резонанс в праздничной атмосфере, эта эмоциональная основа естественным образом распространяется и на политическую, и на экономическую сферы. В международной практике нередко возникают коммуникативные барьеры между зарубежными компаниями и местными партнёрами из-за недостаточного понимания культуры. Однако благодаря культурному обмену в рамках праздников обе стороны могут глубже понять образ мышления и поведенческие привычки друг друга, что способствует снижению недоразумений и трений в процессе сотрудничества, а также создаёт благоприятную общественную среду для реализации совместных проектов.

Такая модель "укрепления доверия через культуру и продвижения сотрудничества" открывает новые пути для международного взаимодействия, позволяя странам достигать консенсуса через культурную эмпатию и объединять усилия в решении глобальных вызовов.

3.2. Защита культурного многообразия и продвижение взаимного обогащения цивилизаций

На фоне стремительной глобализации некоторые уязвимые культуры сталкиваются с риском быть вытесненными на периферию. Однако симбиотический диалог между Праздником Весны и Наврузом представляет собой наглядный пример защиты культурного многообразия. Эти два праздника отражают уникальную мудрость разных цивилизационных систем: Праздник Весны объединяет ритуальные традиции земледельческой культуры с этическими принципами конфуцианства, а Навруз воплощает почтительное отношение таджикского народа к природе и осознание цикличности жизни.

Когда эти два праздника встречаются, это не означает вытеснение одного другим, а, напротив, через взаимное уважение и диалог они вместе раскрывают многоликость и богатство мировой культуры.

Такой межкультурный диалог разрушает оковы теории «столкновения цивилизаций» и создает платформу для равноправного общения. В процессе праздничного сотрудничества Китай и Таджикистан скоординированно подают заявки на включение в список нематериального культурного наследия, совместно организуют научные конференции и иным образом систематизируют и популяризируют уникальные ценности своих культур, одновременно объективно анализируя сходства и различия между ними.

Во время празднования Навруза китайцы могут изучать таджикское искусство приготовления традиционного блюда «Суманак» и прочувствовать заложенную в нём философию гармонии всего сущего. А граждане Таджикистана, знакомясь с обычаями Праздника Весны — такими как написание парных надписей (чуньянь) и вырезание бумажных украшений на окна, — получают представление об эстетике китайской традиционной культуры.

Такое двустороннее взаимодействие не только обогащает культурную жизнь обеих сторон, но и помогает участникам осознать, что между цивилизациями нет превосходства — есть лишь различия. Это способствует формированию культурной экосистемы, в которой «каждая культура прекрасна по-своему, и все культуры могут сосуществовать в гармонии», внося тем самым культурную энергию в построение сообщества единой судьбы человечества.

3.3. Стимулирование культурных инноваций и укрепление культурной уверенности

Культурная симбиоза и ценностный резонанс создают плодородную почву для инновационного развития традиционных праздников. В процессе взаимодействия Праздник Весны и Навруз активно впитывают элементы других культур, сохраняя при этом свою основную духовную суть и наполняясь современным содержанием. В рамках китайско-таджикского культурного обмена в праздничные ярмарки по случаю Праздника Весны были интегрированы

музыкальные и танцевальные выступления Центральной Азии, а в торжества по случаю Навруза — китайская традиционная опера и демонстрации чайного искусства. Такое культурное слияние породило новые формы праздничных мероприятий. Кроме того, использование современных технологий расширило границы культурного обмена: с помощью коротких видеороликов, онлайн-выставок и других цифровых форм традиционные праздники обретают более молодое и модное выражение, становясь ближе к современной жизни и привлекая всё больше молодых людей к участию.

Такая инновационная практика имеет глубокое значение для укрепления культурной уверенности нации. Когда традиционные праздники обретают новую жизнь через межкультурный диалог, люди начинают глубже осознавать жизнеспособность и творческий потенциал родной культуры, что усиливает чувство принадлежности к ней и гордость за неё. После участия в мероприятиях по случаю Праздника Весны и Навруза молодое поколение Китая не только более осознанно передаёт традиции празднования Праздника Весны, но и стремится переосмыслить традиционную культуру с международной точки зрения, создавая произведения искусства, сочетающие восточные и западные элементы. Такой переход от «культурного осознания» к «культурной уверенности» способствует творческой трансформации и инновационному развитию традиционной культуры, позволяя ей и в современном обществе оставаться духовной связью и источником ценностей. Это обеспечивает мощную культурную поддержку великому возрождению нации.

Межкультурный диалог между китайским Праздником Весны и таджикским Наврузом не только ярко раскрывает глубокий смысл культурного симбиоза и ценностного резонанса, но и демонстрирует, как два великих праздника, развиваясь в ходе исторического взаимодействия, взаимно обогащают друг друга и формируют сильное созвучие на уровне основных ценностей, отражая единство в многообразии человеческой цивилизации.

В контексте инициативы «Один пояс – один путь» углубление культурного обмена между Праздником Весны и Наврузом способствует не только укреплению взаимопонимания между народами Китая и Таджикистана, но и служит полезным примером для глобального межкультурного диалога. В будущем необходимо и далее совершенствовать механизмы культурного обмена, способствовать творческой трансформации традиционных праздничных культур и сделать культурный симбиоз и ценностный резонанс важной движущей силой в построении сообщества единой судьбы человечества.

Литература

1. Ли Сяодин. Толкование иероглифов на гадательных костях / Институт истории и филологии Академии Синика, 1965.
2. Навруз в зеркале истории: «Хафт мин и хафт шин» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://narodnava.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=11042%3A2020-03-20-04-48-08&Itemid=213
3. НАВРУЗ // Словари и энциклопедии на сайте Академик [Электронный ресурс]. – Режим

- доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names/8589/Наврвз
4. Словарь таджикского языка: в 2 т. Т. 1 / под ред. М.Ш.Шукуровой, В.А.Капрановой, Р.Хошима, Н.А.Масуми. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 951 с. (на тадж.яз.)
 5. Энциклопедия культуры таджикского народа. – 3-е изд. Т.1 / Гл. ред. Нурмухаммад Амиршохи. Государственный научно-редакционный совет Таджикской национальной энциклопедии. – Душанбе, 2015. – 608с. (на тадж.яз.)
 6. Amir Arsalan Qasemi, The Semiotics of Nowruz: A Cultural Analysis. – город: Iran University Press, 2015. – P.45-52.
 7. Arberry A.J. Mystical Poems of Rumi / The University of Chicago press. – Chicago: London, 1968. – P.97-99.
 8. Boyce M. Zoroastrians: Their religious beliefs and practices. Routledge and Kegan Paull. – London, 1979. – 274 p.
 9. Mary Boyce, Zoroastrians: Their RELIGIOUS BELIEFS AND PRACTICES. – Routledge, 1979. – P.85-87.
 10. 于省吾. 甲骨文字释林. 北京: 中华书局 2009 年版, 第 167 页。
 11. 葛兆光. 宅兹中国. 北京: 中华书局 2011 年版, 第 187-190 页。
 12. 张闻玉. 古代天文历法讲座. 南宁: 广西师范大学出版社 2008 年版, 第 123-125。
 13. 萧放. 岁时——传统中国民众的时间生活. 北京: 北京师范大学出版社 2000 年版, 第 45-48 页。
 14. 阿诺德·范·盖内普. 过渡仪式. 户晓辉译. 北京: 商务印书馆 2006 年版, 第 3-5 页。
 15. 克劳德·列维-斯特劳斯. 结构人类学. 谢维扬、俞宣孟译. 上海: 上海译文出版社 1995 年版, 第 212-213 页。
 16. 钱穆. 中国文化史导论. 北京: 商务印书馆 1994 年版, 第 89-91 页。
 17. 克利福德·格尔茨. 文化的解释. 纳日碧力戈等译. 上海: 上海人民出版社 1999 年版, 第 46-48 页。
 18. 张星娘. 中西交通史料汇编. 北京: 中华书局 2003 版, 第 127 页。

CULTURAL SYMBIOSIS AND VALUE RESONANCE: INTERCULTURAL DIALOGUE BETWEEN THE SPRING FESTIVAL AND NOWRUZ

Xu Jie

Lecturer Institute of politics and law
Xinjiang pedagogical university
People's Republic of China, Urumqi, Xinjiang Uygur Autonomous Region,
Shuimogou District, str. Guanjinglu, 100
Ph.: 17799617969
649379523@qq.com

Imomzoda Mahina Muhammadyusuf

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of foreign languages
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 000 11 14 29 (m.)
mahina-07@mail.ru

Sun Jin

Doctor of sciences, associate professor, lecturer
Institute of politics and law
Xinjiang pedagogical university
People's Republic of China, Urumqi, Xinjiang Uyghur Autonomous Region,
Shuimogou District, str. Guanjinglu, 100
Ph.: 17799617811
1304033869@qq.com

This article is devoted to the study the Chinese Spring Festival and the international Nowruz Festival. It examines the phenomena of cultural symbiosis and value resonance inherent in these two traditional festivals. Through a comparative analysis of the origins, ritual content, and cultural continuity of the festivals, it reveals the mutual cultural borrowing and value identity formed during the historical interaction between China and Tajikistan. The research findings demonstrate that, despite their roots in different civilizational systems, the Spring Festival and Nowruz deeply overlap in key aspects such as the veneration of nature, attention to family ethics, and the pursuit of social harmony. This underscores the unique value of intercultural symbiosis and lays the theoretical and practical foundation for intercultural communication and cultural exchange within the framework of the Belt and Road Initiative.

Keywords: Spring Festival; Nowruz; cultural symbiosis; value resonance.

**СИМБИОЗИ ФАРҶАНГӢ ВА ҲАМГИНОМАДИ АРЗИШҶО:
МУКОЛАМАИ БАӢНИ ФАРҶАНГӢОИ ЧАШНИ БАҶОР ВА НАВРӢЗ**

Сюй Сзе

Лектор
Институти сиёсат ва ҳуқуқи Донишгоҳи омӯзгории Синсзян
Ҷумҳурии Мардумии Чин, Урумчӣ, вилояти Мухтори Синсзян-Уйғур,
ноҳияи Шуймоғу, кӯчаи Гуанчинглу, 100
Тел.: 17799617969
649379523@qq.com

Имомзода Маҳина Муҳаммадюсуф

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забонҳои хориҷии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 000 11 14 29 (м.)
mahina-07@mail.ru

Сун Чин

Доктори илмҳо, дотсент, лектор
Институти сиёсат ва ҳуқуқи
Донишгоҳи омӯзгорӣ Сисзян
Ҷумҳурии Мардумии Чин, Урумчӣ, Вилояти Мухтори Синчзян-Уйғур,
ноҳияи Шуймоғу, кӯч. Гуанчинглу, 100
Тел.: 17799617811
1304033869@qq.com

Дар ин мақола Ҷашни баҳори Чин ва ҷашни байналмилалӣ Наврӯз баррасӣ мешавад. Падидаҳои симбиози фарҳангӣ ва резонанси арзишӣ, ки дар ин ду ҷашни анъанавӣ ҳосанд, баррасӣ мешаванд. Тавассути таҳлили муқоисавӣ пайдоиш, мундариҷаи маросим ва идомаи фарҳангии идҳо, қарзгирӣ мутақобилаи фарҳангӣ ва хувияти арзишӣ, ки дар давраи ҳамкорӣ таърихӣ байни Чин ва Тоҷикистон ташаккул ёфтааст, ошкор карда мешаванд. Натиҷаҳои таҳқиқот нишон медиҳанд, ки сарфи назар аз реша дар системаҳои гуногуни тамаддунӣ, Ҷашни баҳор ва Наврӯз дар ҷанбаҳои калидӣ ба монанди эҳтиром ба табиат, тавачҷӯх ба ахлоқи оилавӣ ва хоҳиши ҳамҷаҳонӣ иҷтимоӣ ба таври амик ба ҳам мепайванданд. Ин арзиши беназири симбиози байнифарҳангиро нишон медиҳад ва заминаи назариявӣ ва амалиро барои муоширати байнифарҳангӣ ва мубодилаи фарҳангӣ дар доираи ташаббуси "Камарбанд ва роҳ" фароҳам меорад.

Калимаҳои калидӣ: Ҷашни баҳор; Наврӯз; симбиози фарҳангӣ; резонанси арзишӣ.

УДК 81'37:81'42

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И КОНЦЕПТА: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ ПАМИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела памирских языков
Институт гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова
Национальной академии наук Таджикистана
736002, Республика Таджикистан, Хорог, ул. У. Холдорова, 4
nekushoevash@gmail.com

Статья посвящена исследованию взаимосвязи языка, культуры и концепта в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии на материале языков шугнано-рушанской группы. Автор обосновывает необходимость выхода за пределы традиционных словарных дефиниций понятий «язык» и «культура», подчеркивая роль концептов как ментальных единиц, формирующихся на пересечении языковой формы и культурного содержания. В работе сочетаются теоретический анализ подходов разных лингвистов и эмпирический материал, собранный среди носителей шугн.-руш. языков.

Анализ показывает, что язык не только называет предметы и явления, но и закрепляет культурные ценности, регулирует нормы поведения и влияет на когнитивные модели носителей. Выявленные закономерности подчеркивают, что концепт нельзя рассматривать вне культурного контекста, а язык является не только средством передачи, но и фактором формирования концептов.

Статья делает вклад в развитие когнитивно-лингвистического и лингвокультурологического подходов, показывая значимость регионального (памирского) языкового материала для понимания общих закономерностей взаимодействия языка, культуры и концептуализации мира.

Ключевые слова: язык; культура; концепт; шугнано-рушанские языки; концепт *Дом*; когнитивная лингвистика.

Цель данного исследования состоит в эмпирическом и теоретическом анализе взаимосвязи понятий язык, культура и концепт. Исследование включает обзорную (теоретическую) часть, основанную на систематическом анализе ключевых работ в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, и эмпирическую часть, реализованную через корпусный анализ и полевые данные. То есть, теоретические положения проверяются посредством анализа языкового материала, где эмпирическая часть направлена на идентификацию языковых маркеров, отражающих культурно обусловленные представления о концептах, и анализ когнитивных структур носителей. С методологической точки зрения исследование опирается на корпусный анализ шугнанского языка с данными и для других языках

шугнано-рушанской группы [31], а также на сбор и интерпретацию языкового материала в естественной среде общения. Эмпирическая база включает высказывания и словоупотребления, зафиксированные среди носителей шугнано-рушанской группы языков. Особое значение придается тому, что автор исследования сам принадлежит к данной культурной среде, что обеспечивает дополнительную достоверность интерпретации концептов в их естественном культурном контексте.

Поэтому, исследование не только подкрепляет ключевые теоретические положения когнитивной лингвистики, но и демонстрирует перспективность привлечения локального языкового материала для глубокого осмысления механизмов взаимодействия языка, культуры и мышления.

На наш взгляд, прежде чем приступить к подробному анализу взаимосвязи языка, культуры и концепта, необходимо указать на ограниченность традиционных дефиниций. Словарные определения слишком узкие и не отражают всей сложности понятий язык, культура и концепт в контексте научного анализа, особенно когда речь идет о таких смежных областях, как когнитивная лингвистика, культурология и философия языка. Максимум, что можно извлечь из словарных дефиниций – это базовое, поверхностное значение данных понятий [15]. Мы полагаем, что современные словари должны содержать важные интерпретации, демонстрирующие взаимосвязь между словами и терминами как единой системы наряду с традиционными дефинициями.

Следует отметить, что в последнее время в лексикографической практике появляются ресурсы, выходящие за рамки традиционных методов определения дефиниций лексем. Так, FrameNet группирует лексические единицы по фреймам, отображающим ситуации и роли участников, что позволяет увидеть системные связи между понятиями [33]. WordNet строит синсеты и связывает их отношениями иерархии, ближе к семантической сети, нежели к классическому «словарю» [32]. Проекты вроде ConceptNet и Lexipedia дополнительно встраивают знания о «здоровом смысле» и многомодальные связи, демонстрируя, как лексические единицы функционируют в широком контексте человеческого опыта [34]. Это подтверждает, что современные словари работают не только с поверхностными дефинициями, но и с развернутыми семантическими моделями, отражающими взаимосвязь понятий как единой системы.

Результаты исследования: Взаимосвязь языка, культуры и концепта, которые в равной мере являются продуктом сознания и мыслительных процессов человека, обуславливается тем, что язык служит основным средством выражения концептов, культура формирует содержание этих концептов через систему ценностей и символов, а мышление обеспечивает их осмысление, интерпретацию и передачу. Концепты же выступают как ментальные образования, возникающие на стыке языковой формы и культурного содержания, отражающие особенности восприятия и категоризации мира представителями определенного лингвокультурного сообщества. К примеру, в языках шугнано-рушанской группы лексема шугн. *ēid*, руш. хуф., *ēod*, барт. *ēöd*, рош. *ēūd*, сар. *ēed* обозначает не просто «дом» как физическое строение, но также включает понятие семьи, рода, места

происхождения и принадлежности, что отражает культурную значимость родовой и локальной идентичности, встроенной в языковую форму. Такие выражения, как шугн. *dod čīd*, руш. *pi-čod* «отцовский дом», шугн. *kata-čīd* и руш. *kona-čod* «дедовской дом (дом, откуда происходит род)»; шугн. *nān zīngak*, руш. *mod zong* «материнский отступ очага (передняя часть очага)» концептуализируют дом как семейно-центрированную, сакральную и иерархическую организованную структуру, в которой каждое место ассоциируется с определенным членом семьи, функцией и символическим значением.

Язык, культура и концепт представляют собой неразрывную триаду в когнитивной парадигме. Язык выполняет функцию символического кода и основного средства репрезентации концептов, позволяя человеку не только выражать, но и структурировать свои ментальные представления. Культура, в свою очередь, формирует содержание этих концептов через ценностные ориентиры, повседневные практики, мифологемы и семиотические системы. Концепты как ментальные образования отражают специфическое восприятие мира представителями определенной лингвокультурной общности и функционируют на пересечении языковой формы и культурной семантики. Следовательно, язык дает форму концепту, культура – содержание, а концепт – это когнитивный результат данного взаимодействия.

Рассматривая язык в культурной парадигме, важно подчеркнуть его фундаментальную роль как инструмента выражения и формирования культурных смыслов. Человек с помощью языка формирует и выражает свое понимание внешнего мира, наравне с этим язык является средой для формирования и развития человека.

Исследование вопроса взаимосвязи языка, культуры и концепта предполагает еще раз обратиться к гипотезе лингвистической относительности Уорфа-Сепира, которая допускает влияние культуры посредством языка на образ мышления человека, т.е. формирует наше мышление, способность категоризации и классификации мира вокруг нас. В своей работе В.И.Хайруллин отражает ту же основную идею, что и гипотеза Уорфа-Сепира: то, что мы говорим и как структурируем высказывания, напрямую связано с тем, как мы мысленно организуем и интерпретируем мир [19, 37-38]. В теории Уорфа-Сепира языковые категории задают «рамки» для мысленных моделей, а анализ различий между языками позволяет выявить различия в когнитивных схемах носителей. Другими словами, язык становится своего рода «окном» в сознание носителя языка, т.е. по тому, какие слова и конструкции предпочитает носитель, можно судить о его ментальных образах мира. Необходимо отметить, что Сепир рассматривает данную проблему в ракурсе влияния уже существующего языка на мышление, с чем конечно трудно не соглашаться. Близко к этой идее в своей диссертационной работе Паула Сифуэнтес Ферес, проводя сравнительный семантический анализ английских и испанских глаголов движения, описывает то, как разные языки по-разному кодируют информацию о движении [22, 118-119].

Примеры из языков шугн.-руш. группы также убедительно демонстрируют, как структура языка может влиять на категоризацию пространственной инфор-

мации и, как следствие, на когнитивные процессы носителей языка. В частности, в шугнано-рушанской группе языков существуют уникальные пространственные наречия, которые можно отнести к так называемым адвербиальным прилагательным (*adverbial adjectives*), обозначающим не только направление, но и специфику поверхности или местоположения: шугн.-руш. *padam* – «там наверху» (указывает на верхнюю позицию) – шугн.-руш. *padūd* – «здесь наверху»; шугн.-руш. *aram* – «там внизу» – шугн.-руш. *arūd* «здесь внизу» (указывает на нижнюю позицию); шугн.-руш. *taram* – «там на плоском пространстве» – шугн.-руш. *tarūd* – «здесь на плоском пространстве» (указывает на позицию на плоской поверхности). Эти базовые пространственные ориентиры могут быть семантически дополнительны путем присоединения суффиксов с более нюансированным значением. Например, добавление суффиксов *-ec*, передающий значение «вплоть до определенного места» *-ard*, формирующий значение «к тому месту» формируют новые адвербиальные прилагательные, обозначающие движение к указанной точке: шугн.-руш. *padam-ec* – «до того места наверху», шугн.-руш. *padam-ard* – «к тому месту наверху»; шугн.-руш. *aram-ec* – «до того места внизу», шугн. *aram-ard* – «к тому месту внизу»; шугн.-руш. *taram-ec* – «до того места на плоском пространстве», шугн.-руш. *taram-ard* – «к тому месту на плоской местности». В контексте следующих предложений можно увидеть категоризацию пространства посредством морфологических элементов языка:

1. Waδ-en padam -ec sifād -at soz-en lūd
 D3.PL-3PL D3.UP LIM-до подниматься-PST.F и песня-3PL петь-PST
 Они поднимались до того места (наверху) и пели песню.

2. Uz-um aram -ard mot sat xu zīr-ti-yum nost
 Я-1SG D3.DOWN LAT-до уставать-PST и камень-SUP-на-1SG сесть-PST.F
 Я (доходя) до того места в низу устала и села на камень.

3. Mardum tar-ūd jām sut.
 Люди D1.EQ-здесь собраться-PST.M
 Люди здесь собрались.

Данное языковое явление в исследуемых языках отражает высокую степень пространственной категоризации, в основе которой лежит телесно-пространственный опыт носителей языка. Приведённые примеры иллюстрируют сложную систему пространственных ориентиров в шугн.-руш. языках, основанную на телесно-перцептивном опыте носителей. В первом предложении используется показатель *padam-ec*, передающий движение вверх и достижение определённого предела в пространстве. Второй пример отражает противоположную направленность движения, т.е. вниз *aram-ard*, что маркирует нисходящий вектор действия и указывает на пространственную точку остановки. Третий пример фиксирует статичное положение в пространстве через указание на конкретную локализацию (*tar-ūd* – «здесь (около адресанта)»). Данные структуры демонстрируют не просто обозначение направлений вверх, вниз или на месте, а наличие глубоко укоренённой в языке пространственной

категоризации, основанной на ориентации тела человека в мире – вверх/вниз, близко/далеко, здесь/там. Такая категоризация отражает когнитивную модель пространства, где направление и положение осмысляются относительно тела говорящего и его физического опыта перемещения в горной местности. Иными словами, грамматические средства языка (аффиксы, послелогии, глагольные показатели движения) в шугн.-руш. языках не только выражают локализацию, но и репрезентируют телесное восприятие пространства, что свидетельствует о высокой степени когнитивной глубины пространственных понятий.

Подобные лингвистические особенности показывают, как языки шугн.-руш. группы кодируют объективный мир посредством уникальных семантических концептов, что может оказывать влияние на когнитивные процессы в сознании его носителей, формируя их пространственное мышление и способность категоризации мира вокруг нас. Данные примеры служат наглядным подтверждением гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой язык опосредует культуру и влияет на наше мышление, особенно в способах классификации и осмысления объектов окружающего мира на основе опыта.

Следует отметить, что гипотеза Сепира-Уорфа предполагает ряд идей о взаимосвязи языка и мышления. Во-первых, данная гипотеза предполагает, что каждый язык имеет характерный только ему способ классификации информации и передачи мыслей. То есть, если в одном языке существуют более детализированные категории для определения информации, то в другом языке такая характеристика может отсутствовать. Такая характеристика языка, согласно данной гипотезе, может влиять на способность носителей языков при классификации и анализе объектов и явлений внешнего мира. Во-вторых, носитель языка не просто говорит на своем языке, он также использует структуру своего языка в качестве инструмента мышления, т.е. думает с помощью структуры своего языка. В-третьих, язык являясь частью культуры, имеет культурные значения, нормы и представления, которые влияют на наше мышление и способность классификации окружающего мира [21, с.38-43, 209-210].

Умеренная форма гипотезы лингвистической относительности, согласно которой язык влияет на мышление, но не полностью его детерминирует, нашла поддержку у ряда современных исследователей когнитивной лингвистики, таких как Крис Синха, Вивьен Эванс, Мелани Грин, Джон А.Люси и др. Их подходы подтверждают, что язык может отражать и направлять когнитивные процессы, в том числе в тесной связи с культурой. Согласно Крис Шинха «Если язык предоставляет окно в разум, а различия в индивидуальных умах обусловлены различиями в культурах, которые формируют эти умы, тогда язык (на всех уровнях анализа) также будет предоставлять окно в культурно специфическое мышление. Это и есть потенциал культурной лингвистики, основанной на когнитивной лингвистике [28, с.301-304; 25, с.390-395]. Это положение стало одним из оснований для развития культурной лингвистики.

Л.С.Виготский характеризуя слова утверждает, что «Слово, лишенное мысли, есть мертвая вещь, а мысль, не воплощенная в словах, остается тенью». Ав-

тор подчеркивает, что мысль и слово взаимосвязаны: без языка мысль остается «тенью», а язык без содержательного мышления превращается в «мертвый знак», т.е. при отсутствии лингвистической системы коммуникативные возможности ограничены до выражения эмоциональных импульсов, что подчеркивает роль языка как культурного инструмента, формирующего мышление [29, с.12].

В работе В.Еванса и М.Грин многократно освещается идея, что изучение языковых форм и их распределения позволяет исследователям реконструировать внутренние когнитивные модели носителей языка. Фраза «*language is a window into conceptual structure*» (язык – это окно в концептуальную структуру) подчеркивает, что анализ лексики и грамматики выявляет, как устроены концепты и схемы мышления [23, с.70-90; 22, с.58-59].

По П.Бергеру и Т.Лукману, язык следует рассматривать не просто как средство коммуникации, а как центральную знаковую систему социальной реальности. Авторы подчёркивают, что знак изначально ориентирован на выражение субъективных смыслов, однако в процессе социального функционирования эти смыслы получают объективированную форму и становятся доступными другим участникам общения. В этом отношении язык выступает как особый механизм объективирования опыта, благодаря которому индивидуальные переживания и представления закрепляются в социально разделяемых формах и выходят за пределы ситуации «здесь и сейчас». Далее П.Бергер и Т.Лукман показывают, что язык не только фиксирует опыт, но и сохраняет его как «объективное хранилище» накопленных значений, обеспечивая их передачу во времени и от поколения к поколению. Кроме того, язык типизирует опыт, подводя единичные переживания под более широкие категории, значимые не только для отдельного индивида, но и для сообщества в целом. Тем самым язык оказывается не нейтральным средством обозначения, а формой социальной организации знания, которая структурирует восприятие мира и задаёт рамки его коллективной интерпретации [20, с.35-39].

В системе взаимосвязей языка, культуры и концепта культура играет ключевую роль как система ценностей, норм и символов, которая предопределяет рамки для формирования и осмысления концептов. Сепир в одной из своих работ указывает, что язык как социальный институт несет в себе культурные нормы и ценности, определяющие, какие концепты вообще возможны в сознании носителей, и что «... язык не существует отдельно от культуры, то есть от социально унаследованной совокупности практик и верований, определяющей структуру нашей жизни» [26, с.6-7].

Л.С.Виготский подтверждая ключевую роль культуры утверждает, что «Психологические орудия, как и материальные орудия, являются искусственными образованиями. Оба по своей природе социальные, но если материальные орудия направлены на управление процессами в природе, то психологические орудия осваивают естественные формы индивидуального поведения и познания...» [29, с.14-15]. То есть, культуру он считает источником и создателем психологических орудий, а язык в этой системе выступает главным основным инструментом. Культура производит знаки и символы (язык, схемы, условные обозначения)

ния), которые становятся психологическими орудиями. Эти орудия формируют именно структуры мышления, которые и называются концептами. Таким образом, без культурно созданных инструментов (прежде всего – языка) само понятие «концепт» не возникает: культура задает форму и содержание нашего мышления, а язык – составляет его «архитектуру».

Яркой эмпирической иллюстрацией вышесказанного служит символическая функция передней верхней части очага памирского дома, которая в исследуемых языках обозначается лексемой шуг. *zīngak*, руш. *zong*, хуф. *zaeng*, бр. *zing*, *zingak*, *poш. zāng*. Эта часть очага воспринимается как сакральная, в значимые дни – например, в пятницу шугн.-руш. *jumā* на этом месте зажигается ритуальное благовоние шугн.-руш. *s(i)tiraxm*, что сопровождается особым эмоциональным и поведенческим состоянием участников. Культурное табу запрещает сидеть или наступать на передний выступ очага, который выполняет роль своеобразного алтаря. Таким образом, очаг приобретает статус культурного знака, регулирующего поведение и выступающего психологическим орудием, формирующим эмоционально-нравственные установки членов сообщества.

С.Крамш анализируя взаимосвязь языка и культуры говорит о том, что язык, в котором закреплены культурные значения и нормы, структурирует способы классификации и описания мира. В продолжение этой мысли, автор, обсуждая глубокие изменения в умах студентов, которых вызывают преподаватели в процессе обучения языку, утверждает, что «... изменения эти возможны только благодаря сложной связи между языком, мышлением и культурой». То есть, под «мышление», который в оригинале дается как «*thought*» (мысль) и интерпретируется как «концепт», может формироваться только посредством языка и культуры. Автор подчеркивает, что культура – это не просто окружение, а активный участник в формировании смысла. В современном подходе к обучению языку культура – это не фиксированное пространство, а живая и сложная система, через которую человек учится понимать и выражать значения [24, с.233-254].

А.Вежбицкая, рассматривая взаимосвязь языка и культуры, показывает, что лексика не только называет фрагменты действительности, но и фиксирует культурно значимые способы их осмысления. В её интерпретации ключевые слова языка выступают носителями базовых для данной культуры смыслов и ценностей, а через их семантический анализ становится возможной реконструкция специфических для данной лингвокультуры концептуальных моделей мира. Тем самым язык рассматривается как привилегированный доступ к культурно обусловленным формам категоризации и интерпретации опыта. При этом А.Вежбицкая исходит из того, что различия между языками связаны не только с различиями в именовании, но и с различиями в закреплённых в языке способах мышления, тогда как ключевые слова позволяют выявить «ядро» культурных представлений, значимых для носителей конкретной традиции [30, с.1-20].

Исходя из этого, концепты, тесно связанные с языком и культурой, отражают специфическое восприятие мира носителей определенного лингвокультурного сообщества. Таким образом, понимание концептов требует учета как языковых, так и культурных контекстов, в которых они формируются и функционируют.

Примером вариативности концептуализации может служить концепт *ДОМ*, который в различных культурах выходит за пределы физического жилища. В одних лингвокультурах он интерпретируется преимущественно как место проживания семьи, ограниченное архитектурными рамками (стены, крыша), в то время как в других – представляет собой символ родины в широком смысле, охватывающий родной двор, улицу, соседей и даже весь населенный пункт, с которым индивид связан эмоционально и исторически. В шугн.-руш. языковой группе все указанные выше аспекты концепта дом обладают высокой значимостью. Более того, в данной группе языков наравне с этими интерпретациями концепт *ДОМ* выступает как отражение упорядоченной вселенной, своеобразная языковая модель космоса, в рамках которой дом воспринимается не только как физическое жилище или социокультурный символ, но и как микрокосм, воплощающий целостность, гармонию и онтологическую опору человека. Внутренняя архитектура традиционного памирского дома репрезентирует четыре природных элемента – шугн.-руш. *хас* «вода», шугн.-руш. *уоѝ* «огонь», шугн.-руш. *хок* «земля» и шугн.-руш. *ауо* «воздух», находящих свое отражение в четырехступенчатой потолочной конструкции, обозначаемой шугн.-руш. термином *сорхита* букв. «четыре дома», где уже в самом названии заложена идея четырех взаимосвязанных уровней. Эти природные стихии также символически воплощаются в четырех из пяти опорных столбов дома, что подчеркивает космологическое и сакральное измерение концепта *ДОМ* в традиционной картине мира носителей шугн.-руш. группы языков.

Следует отметить, что в шугн.-руш. группе языков концепт *ДОМ* обладает не только сакрально-укрепляющим, но и может проявляться в негативных культурных ассоциациях, т.е. в сознании носителей культуры оно также ассоциируется не с безопасностью и теплом, а наоборот с одиночеством, болезнями, отторжением, проклятием, «мертвым пространством». Так, выражение шугн.-руш. *уат ѝд хути уиѝ налакѝт* «этот дом никого в себя не пускает» используется в ситуациях, когда жилище долгое время закрыто, остается без хозяев или когда в семье происходят частые смерти и болезни. Это выражение обретает особую символическую нагрузку, связываясь с идеей нарушения жизненного цикла, утери родовой энергии и символической «закрытости» рода. С этой же концептуальной зоной связано устойчивое выражение шугн.-руш. *ѝст дивѝ* «закрытая дверь», имеющее негативную коннотацию и обозначающее отсутствие гостеприимства, уединение, отчуждение или даже «проклятие» рода. Выражение *ѝд дѝу-ѝс гѝхѝт* «дом превратился в убежище черта» отражает негативную оценочную модель, связанную с нарушением сакрально-бытового порядка, закрепленного в традиционной культуре шугнано-рушанцев. Семиотически *ДОМ* в данной этнической картине мира выступает не только физическим жилищем, но и антропоморфным и сакрализованным пространством, требующим постоянного присутствия, заботы и открытости. Выражение *ѝд дѝу-ѝс гѝхѝт* отсылает к представлению шугнано-рушанцев о том, что **закрытая дверь дома символизирует разрыв жизненного и духовного цикла жилища**. В традиционном сознании она воспринимается как **признак утраты связи дома с человеческим порядком и перехода его в сферу «нечистого»**, то есть пространства, покинутого людьми и лишённого обжитости.

Конструкция *čīd dew-jīc gāxt* представляет собой фразеологизированное выражение, где лексема *dew* ('чёрт, демон') символизирует хаос, забвение и утрату человеческого присутствия, а компонент *-jīc* ('жилище, пристанище') формирует образ захваченного пространства, утратившего хозяйскую энергию (*baraka*). В когнитивном плане это выражение кодирует концепт *ДОМ* как живое существо, нуждающееся в заботе и взаимодействии.

Таким образом, культурно обусловленные различия в свою очередь находят отражение в языковых средствах, формируя у представителей разных сообществ специфические способы концептуализации пространства и идентичности.

В системе взаимосвязи язык – культура – концепт культуре отведена ключевая роль, так как язык является одним из элементов культурного наследия и средством выражения концептов. Концепты же, в свою очередь, тесно связаны как с языком, так и с культурой.

Многогранность понятия концепта проявляется в большом разнообразии подходов и терминологических интерпретаций. Несмотря на разнообразные толкования концепта, исследователи едины во мнении, что это ментальное образование имеет когнитивную природу и не существует вне мышления [6, с.3-44; 2, с.3-6; 17, с.45-56; 16, с.108-112; 7, с.5-12]. Особый интерес представляют взгляды ряда исследователей, которые акцентируют внимание на семиотической плотности и эмоциональной насыщенности концепта.

Сложность концепта состоит в наличии двусторонней связи между языком и сознанием, т.е. наше восприятие мира находит свое отражение в языке, и наравне с этим наше мышление тоже формируется и структурируется посредством разных языковых категорий, культура в свою очередь обуславливает концепт, т.е. концепт – это и есть ментальная репрезентация элементов культуры. Язык в этой парадигме, являясь системой символов, репрезентирует и передает концепты, обеспечивает окно в когницию [23, с.41-50].

С.Г.Воркачев уточняет, что лингвокультурный концепт – это ментальная, эмоциональная, семиотически плотная единица, находящаяся в точке пересечения языка, культуры и сознания [7, с.5-12]. Ю.С.Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [17]. Более того, концепты, по мнению В.И. Карасика, являются первичными элементами культуры, то есть базовые ментальные образования, через которые человек воспринимает и организует реальность. Эти концепты проникают и проявляются в таких различных сферах человеческой жизни, как наука, искусство, быденная жизнь [9, с.3-16].

Концепт представляет собой не только ментальную структуру сознания, но и выражение культурных ценностей, норм, представлений и способов мышления, репрезентированных через язык. Как лингвокультурное явление, он отражает тесную взаимосвязь языка и культуры, поскольку каждая культура формирует уникальные концепты, а язык служит средством их выражения, передачи и интерпретации. Еще одним ярким примером концептуальной насыщенности слова *дом* в языках шугн.-руш. группы служит выражение шугн.-руш. *wef xāsitan as miyen sut* букв.: «их главный столб ушел из жизни». Здесь *xāsitan* «главный столб традиционного дома» – это не просто архитектурная деталь, а метафора главы

семьи, символизирующего духовную опору, благодать и защиту дома. Уход *ḫāsitan* означает не только смерть старшего члена рода, но и утрату устойчивости всего семейного пространства, а иногда и начало распада родовой структуры. Такое символическое осмысление архитектурных элементов дома как живых носителей сакральной силы подчеркивает глубину и плотность концепта дом в шугнано-рушанской лингвокультуре, что согласуется с определениями концепта у С.Г.Воркачева и Ю.С.Степанова как ментально-культурной и семиотической насыщенной единицы, находящейся на стыке языка, культуры и мышления.

Авторы статьи «Linguo-Cultural Concept in Describing Linguo-Cultural Situation» определяют концепт как многослойная структура, включающая идеи, эмоции, историю, этикет, четко ориентированная на культуру и выраженная через язык. Авторы отмечают, что лексемы, идиомы, тексты являются элементами посредством, которых концепты проявляются и передаются посредством языка [27, с.1462-1468)].

С точки зрения лингвокогнитологов, концепт представляет собой единицу ментального пространства, отражающую опыт человека и служащую опорой для осмысления действительности. В работах Е.С.Кубряковой [13], Н.Н.Болдырева [4; 5, с.5-25], И.А.Стернина [18, 58-65] и А.П.Бабушкина [3] подчеркивается, что концепты – это не словесные обозначения, а целостные ментальные репрезентации, возникающие в сознании на основе восприятия, знаний и эмоционального опыта. Они являются результатом когнитивной переработки информации и служат своего рода «порциями» знаний, позволяющими человеку структурировать и интерпретировать окружающий мир.

Такая двойственная природа концепта, т.е. культурно-языковой феномен и ментальная опора осмысления действительности, наглядно проявляется в материале шугн.-руш. языков. К примеру, лексема *kicor* «очаг» обозначает не только физический центр жилища, но и сакральный символ домашнего тепла и защиты. С ним связаны ритуалы рождения, брака и поминовения предков; нарушение норм обращения с очагом считалось нарушением этических правил. В языке закреплено представление о доме как о пространстве духовного единства семьи и культурной памяти.

Показательны также выражения *uax at nān* «сестра и мать», *uax-dor* «имеющий сестру», *rizīn-dor* «имеющий дочь», которые выходят за пределы терминологии родства. Они служат маркерами этических и ценностных норм, отражая уважение к женщине как хранительнице рода и очага. Тем самым язык фиксирует не только социальные отношения, но и моральный код семьи, формируя концепт *ДОМ* как культурный центр, обеспечивающий преемственность традиций и стабильность рода.

Эти примеры показывают, что концепт *ДОМ* в шугнано-рушанской традиции действительно воплощает ментальные образы, культурные ценности и эмоционально-этические установки, подтверждая тезис как о его многослойности и культурной направленности, сформулированный в первом параграфе цитируемого высказывания, так и о его роли как опоры для осмысления действительности, что подчеркивалось во втором параграфе.

Лингвокультурологический подход дополняет когнитивную парадигму, акцентируя влияние этнической и культурной среды на формирование концептов. Такие представители лингвокультурологии, как А.Вежбицкая, Н.Д.Арутюнова, В.И.Карасик, Д.С.Лихачев, Ю.С.Степанов, Л.О.Чейненко, С.Х.Ляпин, В.И.Шаховский поддерживаются того мнения, что концепт – это не просто мысль или знание в голове человека, а ментальное (умственное) образование, которое формируется под влиянием культуры конкретного народа (этноса). То есть концепты «окрашены» национальными, культурными особенностями [1, с.3-10].

Согласно определениям данных двух школ язык выражает концепты, а культура формирует их содержание. Концепты являются неотъемлемыми элементами, своего рода мостом между когницией и культурой. Если концепт – это внутренняя "единица мышления", которая отражает наш опыт, знания и представления об окружающем мире, и если это ментальное образование с «этносемантической спецификой», то язык – это средство, с помощью которого мы выражаем концепт. А культура влияет на то, какие именно концепты у нас формируются и как мы их понимаем. Эти культурные особенности отражаются и в языке: какие слова мы используем, какие образы или эмоции с ними связаны.

На материале шугн.-руш. языков отчетливо видно, как язык фиксирует и передает культурно значимые концепты. Так, сочетание *bobingi ċid* «родовой дом» соединяет базовое обозначение жилища (*ċid*) и атрибутивный компонент *bobingi* «дедовский, предковый», отражая не только архитектурный объект, но и идею преемственности поколений и сакрального центра семьи. В языке эта устойчивая конструкция закрепляет культурную память о роде и символизирует дом как наследственный очаг. Другой показательный пример – система наименований с суффиксом вместилища *-dün*, например *zīzdün* «помещение для хранения дров», *wōḥdün* «сенник», *kadün* «сеновал», *zidün* «кладовая», которые показывают, что в традиционном представлении дом мыслится как упорядоченное пространство с отдельными зонами для хранения необходимых ресурсов. Морфологический показатель *-dün* отражает функциональную организацию жилища и одновременно закрепляет особенности материальной культуры горцев, формируя в сознании концепт дома как системы специализированных вместилищ. Эти примеры демонстрируют, что язык не просто называет предметы быта, но и воплощает культурные ценности, передавая концепты через грамматическую форму и лексический выбор.

В.И.Красных указывая на тесную взаимосвязь языка и культуры, утверждает, что «Язык – это один из ключей к культуре общества и внутреннему миру человека. ... язык – осмысливается в наши дни как обусловленное культурой и переживаемое в индивидуальном сознании знание о мире, проявляющееся в коммуникативном действии» [10; 11]. Вильгельм фон Гумбольдт утверждает, что «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и способствует ему на каждом ступени его локального прогресса или регресса, отражая каждую стадию культуры» (выделено автором) [8, с.270-275].

Таким образом, соотношение между языком, культурой и концептом, которые являются неразрывно взаимосвязанными, и взаимодополняющими элемен-

тами когнитивной картины мира, действительно сложно и многогранно. Язык играет роль как часть культуры, поскольку он неотъемлемо связан с историей, ценностями, традициями и общественными нормами определенной культурной группы. Язык не только отражает культурные особенности, но и формирует их, влияя на мышление и поведение людей внутри этой культуры. Одновременно язык является внешним фактором для культуры, поскольку он может быть изучен, анализирован и сравниваем между различными культурными контекстами. Кроме того, язык и речь являются средствами, через которые концепты становятся конкретными и обретают определенную форму и смысл. Именно в сферах языка и речи концепты приобретают материальное выражение и становятся доступными для обмена и передачи.

Культурные факторы, такие как образ жизни, история, религия и традиции, определяют, какие концепты будут распространяться внутри культурного сообщества. Эти концепты могут быть уникальными для данной культуры или пересекаться с концептами других культур при межкультурном взаимодействии. Понимание взаимосвязи между языком, культурой и концептами помогает лучше осознать, как формируются наши представления о мире и как они передаются и воспринимаются в различных культурных средах.

Взаимосвязь языка, культуры и концепта носит системный характер, и поэтому можно утверждать, что каждый язык ассоциируется с уникальной картиной мира. Свидетельства данного положения содержатся и в современных междисциплинарных исследованиях: различные языки кодируют объективный мир посредством уникальных семантических концептов, что оказывает влияние на когнитивные процессы в сознании представителей лингвокультурной общности [12; 14, с.108-114], чему свидетельствуют и эмпирические примеры, приведенные в настоящем исследовании.

Анализ конкретных лексем, устойчивых выражений и символических образов позволил выявить, что концепты в сознании различных социокультур, в частности носителей шугн.-руш. языков формируются под влиянием этнокультурной среды, проникая в структуру повседневного языка, метафорики и традиционных представлений.

Литература

1. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – Вып. 3. – М., 2004. – С.3-10.
2. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С.3-7.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 123 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – №2. – С.5-25.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 296 с.

7. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С.5-12.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
9. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / под ред. М.И.Лисиной. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С.3-16.
10. Красных В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
11. Красных В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
12. Крючкова Н.В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Крючкова Надежда Владимировна. – Саратов, 2009.
13. Кубряковой Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С.Кубряковой. – М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. – 245 с.
14. Кузьминова И.А. Проблемы лингвокогнитивного изучения культуры как модели языка и значения как модели культуры // Гуманитарные и социальные науки. Филология. – 2011. – №5. – С.108-114.
15. Некушоева Ш.С. О дефинициях двух понятий в словарных статьях (язык и культура) // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе: Сифат-Офсет, 2024. – №1. – С.34-41.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
17. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 824 с.
18. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С.58-65.
19. Хайруллин В.И. Языковая избирательность и высказывание. – М., 2011. – 144с.
20. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the sociology of Knowledge. – New York: Anchor Books, 1966. – 243 p.
21. Carroll J. B. (ed.). Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. – Cambridge, MA: MIT Press & Wiley, 1959. – 278p.
22. Cifuentes-Férez P. Motion in English and Spanish: a perspective from cognitive linguistics, typology and psycholinguistics: Ph.D. thesis. – Universidad de Murcia, 2008. – 480 p.
23. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. – 2nd ed. – Edinburgh: Edinburgh university press, 2006. – 848 p.
24. Kramsch C. Third Culture and Language Education // In V. Cook & L. Wei (Eds.). Contemporary Applied Linguistics: Vol. 1. Language teaching and learning. – London: Continuum, 2011. – P.233-254.
25. Lucy J.A. Linguistic relativity // Annual review of anthropology. – 1997. – Vol. 26. – P. 291-312.
26. Sapir E. Language: An introduction to the study of speech. – New York: Harcourt, Brace & Company, 1921. – 221 p.
27. Shaklein V.M., Karelova M.A., Mikova S.S., Deryabina S.A., Mitrofanova I.I. Linguocultural concept in describing linguocultural Situation // European proceedings of social and behavioural sciences (EpSBS). – 2019. – Vol.76. – P.1462-1468.
28. Sinha C. Culture in Language and Cognition // In: Xu Wen, Taylor J. R. (Eds.). The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics. – London: Routledge, 2021. – P. 387–407.
29. Vygotsky L. S. Thought and Language. Rev. and ed. by A. Kozulin. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986. – 342 p.
30. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 328 p.
31. <https://www.pamiri.online>
32. <https://en.wikipedia.org>
33. <https://en.wikipedia.org/linguamonium.com>
34. <https://conceptnet.io>

**INTERRELATION OF LANGUAGE, CULTURE AND CONCEPT:
A COGNITIVE ANALYSIS BASED ON PAMIR LINGUOCULTURE**

Nekushoeva Shahlo Saidnuriddinovna

Candidate of philological sciences,
Senior Researcher of the department of Pamir languages
Institute of Humanities named after academician B. Iskandarov
National academy of sciences of Tajikistan,
736002, Republic of Tajikistan, Khorog, U. Kholdorov str., 4
nekushoevash@gmail.com

The article is devoted the relationship between language, culture, and concept within the framework of cognitive linguistics and linguoculturology, based on the material of the Shughni-Rushani languages. The author emphasizes the need to go beyond traditional dictionary definitions of “language” and “culture,” highlighting the role of concepts as mental units formed at the intersection of linguistic form and cultural content. The study combines theoretical analysis of approaches proposed by various linguists with empirical data collected from native speakers of the Shughni-Rushani languages.

The analysis shows that language not only names objects and phenomena but also preserves cultural values, regulates behavioral norms, and influences the cognitive models of its speakers. The findings underscore that a concept cannot be considered outside its cultural context and that language functions not merely as a means of transmission but also as a factor shaping concepts.

The article contributes to the development of cognitive-linguistic and linguoculturological approaches, demonstrating the significance of regional (Pamiri) linguistic material for understanding the general patterns of interaction between language, culture, and conceptualization of the world.

Keywords: language; culture; concept; Shughni-Rushani languages; concept of Home; cognitive linguistics.

**ҲАМБАСТАГИИ ЗАБОН, ФАРҲАНГ ВА КОНСЕПТ:
ТАҲЛИЛИ КОГНИТИВӢ ДАР АСОСИ ЗАБОНҲОИ ПОМИРӢ**

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Номзади илмҳои филологӣ,
ходими калони илмӣ шӯъбаи забонҳои помирӣ
Институти илмҳои гуманитарӣ ба номи академик Б. Исқандаров
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,
736002, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, кӯч. У. Холдоров, 4
nekushoevash@gmail.com

Мақола ба омӯзиши ҳамбастагии забон, фарҳанг ва консепт дар доираи лингвистикаи когнитивӣ ва лингвофарҳангшиносӣ бахшида шуда, бар асоси маводи забонҳои шӯғнонӣ-рушонӣ таҳия шудааст. Муаллиф зарурати баромадан аз доираи таърифҳои луғавии анъанавии мафҳумҳои «забон» ва «фарҳанг»-ро таъкид намуда, нақши консептхоро ҳамчун воҳидҳои зехӣ,

ки дар шакли забонӣ ва муҳтавои фарҳангӣ ташаккул меёбанд, нишон медиҳад. Тадқиқот таҳлили назариявии дидгоҳҳои муҳаққиқони гуногунро бо маводи сахрой, ки дар миёни соҳибзабонони ҷамъоварӣ шудааст, муттаҳид месозад.

Натиҷаҳои таҳлил собит месозанд, ки забон на танҳо воситаи номгузори ашё ва падидаҳо мебошад, балки арзишҳои фарҳангиро ҳифз менамояд, меёрҳои рафториро танзим мекунад ва ба моделҳои когнитивии соҳибзабонон таъсир мерасонад. Дар асоси таҳқиқот таъкид мешавад, ки концепт берун аз заминаи фарҳангӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта наметавонад ва забон на танҳо василаи интиқол, балки омили ташаккули концептҳо мебошад.

Мақола ба рушди равишҳои когнитивӣ-лингвистӣ ва лингвофарҳангшиносӣ саҳм мегузорад ва аҳамияти маводи забонии минтақавӣ (помирий)-ро барои дарки қонуниятҳои умумии ҳамбастагии забон, фарҳанг ва концептуализатсияи ҷаҳон нишон медиҳад.

Вожаҳои калидӣ: забон; фарҳанг; концепт; забонҳои шугнону рушонӣ; концепти хона; лингвистикаи когнитивӣ.

УДК 811.512.122.36 + 811.111.36

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
ГЛАГОЛОВ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ САДРИДИНА АЙНИ)**

Нодирова Сайёра Салимшоевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Кулябский государственный университет им. А. Рудаки
735360, Республика Таджикистан, Куляб, ул. С. Сафарова, 16
Тел.: (+992) 98 886 86 49 (м)
bsabrina1978@internet.ru

В современном языкознании за последнее нескольких десятилетий значительно возрастает интерес к сопоставительному изучению словообразовательных систем языков разного типологического строя. В данной статье рассматриваются основные способы словообразования глаголов в таджикском и английском языках на богатом материале художественной прозы С. Айни и её английских переводов. Особое внимание автор уделяет таким способам словообразования как аффиксация, аналитическим глагольным конструкциям, конверсии и фразовым глаголам как типологически значимым механизмам деривации. Выявляются закономерности переводческих трансформаций, обусловленные различиями аналитического и синтетико-агглютинативного строя языков. Доказывается, что при переводе происходит системная компенсация морфологической деривации таджикского языка лексико-семантическими и синтаксическими средствами английского языка. Перевод нередко сопровождается не только утратой формальной деривации, но и перераспределением смысловых акцентов, что требует научного описания и теоретического обоснования.

Анализ проведенного в статье исследования показывает, что выбор словообразовательных моделей глагола в английском языке во многом обусловлен необходимостью передачи динамики действия, стилистической окраски и национально-культурной специфики оригинального текста.

Ключевые слова: словообразование; исследование; сравнение; глагол; конверсия; аффиксация; лексика; язык; проза; сопоставительный анализ.

Словообразование является одним из важнейших разделов языкознания, отражающим динамические процессы развития языка. В современной лингвистике словообразование определяется как система средств и процессов создания новых слов на основе уже существующих языковых единиц. По мнению Л.Бауэра «словообразование отражает не только формальные, но и когнитивные механизмы языкового мышления» [15, с.32].

В этом контексте важное значение имеет концепция когнитивной дериватологии, разработанная Е.С.Кубряковой, согласно которой словообразование выступает как способ концептуализации действия и его представления в языковой

форме. В этой связи Е.С.Кубрякова отмечает: «Словообразование представляет собой когнитивный механизм, посредством которого языковое сознание оформляет действие как самостоятельный объект мышления» [4, с.214].

В английском языке глагольное словообразование характеризуется рядом специфических черт. В частности, высокой продуктивностью конверсии, широким использованием фразовых глаголов и сравнительно ограниченной ролью классических аффиксальных моделей. В художественном переводе данные особенности приобретают особую актуальность, поскольку переводчик вынужден выбирать такие словообразовательные средства, которые позволяют сохранить как смысловую, так и стилистическую эквивалентность оригинала.

В своих работах И.В.Арнольд подчёркивает, что «глагол в английском языке часто образуется не за счёт формального изменения основы, а в результате семантического переосмысления уже существующих слов. Наиболее наглядно данный процесс проявляется в конверсии, которая является одним из ключевых механизмов глагольного словообразования в английском языке» [1, с.92]. Далее И.В.Арнольд отмечает, что «в английском языке словообразование глагола характеризуется сравнительно ограниченной ролью аффиксации» [1, с.93]. В отличие от английского языка, «таджикский язык демонстрирует развитую систему аффиксально-аналитической деривации, в которой вспомогательные глаголы «*кардан*» и «*шудан*» играют ключевую роль, о чем в своих исследованиях отметили таджикские лингвисты А.Мирзоев [6, с.32] и А.Сайфуллоев [13, с.89].

Произведения основоположника таджикской советской литературы С.Айни отличаются социально-философской направленностью, богатством образов и динамичным повествованием. Анализ английских переводов произведений С.Айни позволяет выявить закономерности использования глагольных словообразовательных моделей английского языка при передаче национально-специфических особенностей художественного текста.

В таджикском и английском языках глагольное словообразование обладает как общими чертами, так и существенными типологическими различиями, обусловленными принадлежностью данных языков к разным языковым семьям.

Путем сопоставления различных способов словообразования глаголов в таджикском и английском языках в художественной прозе С.Айни и её английских переводах, наиболее важное место занимает аффиксация и конверсия. В монографии Ш.Рустамова рассмотрены различные аспекты словообразования в таджикском языке, в частности лексико-морфологическому способу словообразования, а также образование новых слов в результате перехода из одной части речи в другую [12]. Проблема словообразования в художественной и публицистической прозе Садриддина Айни в таджикском языке была исследована в докторской диссертации С.Ф.Низамовой [8]. В диссертации Н.И.Насимова исследовалась проблема образования глагольных форм, включая приставочные, суффиксальные и смешанные модели словообразования таджикского языка в художественной прозе С.Айни [7]. Профессор А.Мамадназаров, изучая грамматические категории глагола, провёл глубокий анализ условно-сослагательного наклонения таджикского языка в сопоставлении с данной категорией в английском языке [5].

Таджикский язык, относящийся к иранской группе индоевропейской языковой семьи, характеризуется развитой системой аффиксального словообразования. Наиболее продуктивными способами образования глаголов являются суффиксация, префиксация, конверсия.

Суффиксы глагольного словообразования таджикского языка по сравнению с префиксами данной части речи, хотя и не отличаются большим количеством, тем не менее, являются весьма продуктивными и широко употребительными. В этом отношении прежде всего выделяются суффиксы *-ид* и *-он*, с помощью которых словообразование осуществляется в сочетании с грамматическими формами следующим образом. Суффиксация, при которой глаголы образуются от имён существительных, прилагательных и основ других частей речи. Если глагол образуется от основы переходного глагола, то, помимо приобретения значения косвенного действия, он выражает также значение дупереходности (двухобъектного действия) с помощью суффиксов *-ид*, *-он (онид)*. Например: *хобонд* – *хобонид* – *хобонидан*: «... ба замин галтидан чандин музулро бо зарбаи табарзин ба замин хобонид [19, с.74] – ...he killed a number of Mongols and fell down to the ground [19, с.74].

В английском переводе значение дупереходности и каузации передаётся лексико-семантическим путем, а не морфологическим. Глагол *kill* является простым переходным, тогда как результат действия *fell down to the ground* – *ба замин хобонид* оформляется отдельной предикативной конструкцией. В данном контексте утрата деривационной прозрачности компенсируется синтаксическими средствами, что типично для аналитического строя английского языка.

В английском переводе из текста «Қахрамони халқи тоҷик Темурмалик» («Герой таджикского народа Темурмалик») С.Айни значение интенсивного и результативного воздействия передаётся глаголом *smash*, который не является дериватом, однако обладает инкорпорированной семантикой результата. Например: «... бо як зарба сари Қатаганӯглоно монанди ошқадуи лухсида поши хӯронд... – ...took the poleaxe, and with one smashed the head of Qatahgamughlan like an oshkady (a kind of edible pumpkin) ...» [19, с.78].

В другом примере из этого же произведения С.Айни словообразовательная каузация таджикского языка передаётся в английском языке лексически, за счёт выбора экспрессивного глагола действия *кунон* – *куноид* – *куноидан*. Например: «...ба Хуросон фирустод ва аз одамони маҳаллӣ ҳам дохиён тайёр куноид [19, с.95] – ...to Khorasan, and prepared dais (agents to spread his massage) also from among the local population [19, с.95]. Глагол «куноидан» образован от основы со значением процесса («кун» – *делать*) с помощью суффикса *-онид*, что придаёт ему значение организованного каузативного действия, направленного на результат и объект.

В английском переводе используется глагол «*prepare*», который, несмотря на отсутствие деривационной маркированности, функционально соответствует таджикской каузативной форме. Это подтверждает тезис о том, что английский язык предпочитает лексико-синтаксическую реализацию каузации, тогда как таджикский – морфологическую.

При переводе художественной прозы С.Айни с таджикского языка на английский часто происходит замена аналитических глагольных конструкций таджикского языка синтетическими или конверсионными моделями английского языка, что обусловлено типологическими различиями языков и требованиями художественной выразительности. Это положение обусловлено приведенными ниже примерами из произведений С.Айни «Марги судхӯр» («Смерть ростовщика»), «Чаллодони Бухоро» («Бухарские палачи»), «Қахрамони халки тоҷик Темурмалик» («Герой таджикского народа Темурмалик») и «Исёни Муқаннаъ» («Восстание Муқаннаъ»).

Особое место в английском языке занимают фразовые глаголы, которые являются важным средством передачи значений сложных таджикских глагольных конструкций. Сочетания типа *carry out*, *give up*, *bring about* часто используются для воспроизведения семантики действий. В таджикском языке указанные английские сочетания выражаются аналитическими формами «кардан» и «шудан» [13, с.118].

Таджикское слово *судхӯр (ростовщик) – moneylender* является сложным именным образованием, включающим основу *суд (проценты)* и компонент *хӯр (поедающий, берущий)*. В английском переводе данное значение адекватно передаётся сложным существительным *moneylender*, образованным путём словосложения *money + lender*, что подтверждает наблюдение Л.Бауэра [15, с.45] о прозрачности семантической структуры сложных слов. Оба слова характеризуются прозрачной внутренней формой и совпадающей семантикой, что обеспечивает лексико-семантическую эквивалентность.

Таджикский глагол *қарз додан (давать в долг) – to lend money* представляет собой аналитическую конструкцию, состоящую из имени существительного *қарз «долг»* и вспомогательного глагола *додан – давать*. В английском переводе аналогичное значение реализуется посредством свободного словосочетания *to lend money*, что отражает типологическую особенность английского языка, т.е. тенденцию к аналитическим глагольным конструкциям. Конструкция *қарздор шудан (стать должником) – to fall into debt* образована с участием вспомогательного глагола *шудан* и выражает процесс вхождения в состояние. В английском языке это значение передаётся фразовым сочетанием *to fall into debt*, где глагол *fall* в сочетании с предлогом *into* приобретает переносное значение изменения состояния имеет место функционально-семантическое соответствие при различии словообразовательных моделей, о котором отмечал Л.Бауэр [15, с.62].

Таджикский глагол *зулм кардан (угнетать) – to oppress* в романе С. Айни «Марги судхӯр» («Смерть ростовщика») представляет собой сочетание именной основы *зулм (угнетение)* и глагола *кардан*. В английском языке соответствующее значение выражено глаголом *to oppress*, образованным путём префиксально-корневой деривации *op- + press*. Приведенный пример иллюстрирует различие между аналитическим и аффиксальным словообразованием, о котором говорит в своих исследованиях И.В.Арнольд [1, с.78].

Абстрактное существительное *бечорагӣ – poverty, misery* в таджикском языке образовано при помощи суффикса абстрактности *-гӣ*. В английском языке данное

значение передаётся существительными *pover+ty* и *mise+ry*, сформированными с помощью суффиксов *-ty* и *-ery*. Перевод отражает семантическую близость при различии словообразовательных средств.

Таджикская аналитическая конструкция существительного *гулом (раб)* с глаголом *кардан (сделать)* передаётся в английском языке глаголом *to enslave*, образованным с помощью префикса *en-*, который придаёт значение «*приведения в состояние*». Данный пример наглядно иллюстрирует типологическое различие между аналитическим и аффиксальным словообразованием.

Сочетание *фиреб додан (обманывать)* – *to deceive* представляет собой аналитический глагол со значением намеренного введения в заблуждение. В английском языке данное значение реализуется глаголом *to deceive*, образованным с помощью префикса *de-*, что соответствует тенденции английского языка к использованию аффиксальных глагольных форм.

Таджикский глагол *тарсидан (бояться)* – *to fear* передаёт эмоциональное состояние субъекта. В английском языке глагол *to fear* исторически соотносится с одноимённым существительным, что позволяет рассматривать его как результат конверсии. В переводе наблюдается сохранение семантики при различии формально-словообразовательных механизмов.

Существительное *нобудӣ (неиметь)* – *destruction* выражает абстрактное значение состояния или результата действия. В английском языке эквивалент *destruction* образован при помощи суффикса *-tion*, характерного для абстрактных имён действия. Соответствие демонстрирует общность семантической категории при различии морфологического оформления.

Таджикская конструкция *мубориза бурдан (бороться)* – *to struggle* является аналитическим глаголом, включающим имя существительное и вспомогательный глагол. В английском языке значение передаётся глаголом *to struggle*, который функционально соотносится с одноимённым существительным, что позволяет говорить о явлении конверсии.

Словосочетание, при котором глагол формируется из сочетания именной основы и вспомогательного глагола *кардан и шудан: фикр кардан (думать), хурсанд шудан (радоваться)*.

Конверсия, проявляющаяся в переходе именных форм в глагольные без значительных формальных изменений, что нередко встречается в художественных текстах С. Айни. В прозе С. Айни данные способы активно используются для передачи национального колорита, динамики повествования и эмоционального состояния персонажей.

Конверсия является одним из наиболее продуктивных способов образования английских глаголов: *work – to work, hand – to hand, face – to face*. Эти глаголы образуются от существительных и широко используются в современной английской речи. Наиболее распространённой является модель образования глаголов от существительных: *to shoulder, responsibility, to chain the prisoners*. В переводах прозы С. Айни такие глаголы позволяют лаконично и образно передать действие, не прибегая к описательным конструкциям. Этот способ широко представлен в английских переводах произведений С. Айни, где существительные таджикского

языка нередко передаются глаголами посредством конверсии. Конверсия активно применяется в тех случаях, когда таджикские существительные и составные глагольные конструкции требуют более динамичного выражения в английском языке. Например: «...*гӯшакҳои танбӯрро тофта торҳоро соз кардан гирифтам...*» [17, с.33] – «*I began to adjust the strings, turning the pegs to tune the instrument*» [18, с.60].

В приведенном примере имеет место конверсия *zero-derivation* — переход имени существительного *tune* в глагол *to tune* без формальных словообразовательных показателей. С точки зрения дериватологии, это конверсия, при которой лексема изменяет частеречную принадлежность, сохраняя корневую морфему и базовое семантическое ядро. Семантическая структура глагола *to tune* формируется на основе предметного значения существительного *tune* – *настроить, лад*, но переосмысливается как процессуальное значение – *приводит инструмент в нужный лад*. В таджикском языке данное значение передается аналитической глагольной конструкцией «*соз кардан*», что типологически обусловлено. В языке оригинала аналогичная конверсия менее продуктивна, и процессуальность выражается вспомогательным глаголом «*кардан*».

В английском переводе фрагмента из повести С.Айни «Марги судхӯр» наблюдается процесс словообразования путем конверсии. Например: «...*гӯшакҳои танбӯрро тофта торҳоро соз кардан гирифтам...*» [17, с.33] – «*I began to adjust the strings, turning the pegs to tune the instrument*» [18, с.60]. Лексема *pack* демонстрирует классический случай субстантивно-вербальной конверсии, существительное *pack* – *упаковка, свёрток* функционирует как глагол со значением целенаправленного действия по помещению предмета *в упаковку*. В переводе на таджикский язык глагольное значение *to pack* не передается формально, а семантически интерпретируется через результат действия *гирифта медиҳам* – *возьму и отдам*. Здесь наблюдается переводческая трансформация с утратой словообразовательной мотивации, но с сохранением прагматического смысла высказывания. В данном примере наблюдаем расхождение деривационных моделей английского и таджикского языков. В английском языке выступает как конверсия, а в таджикском языке как лексико-семантическая компенсация, например: «...*he placed him tray and carpet on the platform, leaned on it and smiled, inviting me in*» [18, с.63] – «...*лаълию палосаиро ба рӯи суфача монда худ ба он суфа така карда истода, бо лабҳои хандон маро ба неши худ ҷеғ зад*» [17, с.37]. Форма *inviting* представляет собой вербальную форму настоящего причастия (Participle I), выполняющую функцию вторичного предиката и выражающую сопутствующее действие. В словообразовательном плане причастие является результатом морфологической деривации от глагольной основы *invite*. При переводе на таджикский язык причастная конструкция трансформируется в личную глагольную форму *ҷеғ зад*, что связано с синтаксическими и типологическими особенностями таджикского языка, где неличные формы глагола менее активно используются в функции обстоятельства.

Английская конверсия в процессе перевода художественной прозы С.Айни в предложениях компенсируется таджикской аналитической деривацией.

Аффиксация, представляет собой традиционный способ словообразования, заключающийся в присоединении словообразовательных аффиксов к корню или основе слова. В английском языке данный способ менее продуктивен по сравнению с именным словообразованием, однако он сохраняет важное функциональное значение. Как аналитический язык, английский язык демонстрирует иные механизмы глагольного словообразования. К наиболее распространённым способам словообразования относятся суффиксация и префиксация. Частотными являются глагольные суффиксы: *-ize* или *-ise*, например: *to organize* – *ташкил кардан* (организовать), *to modernize* (модернизировать, обновить) – *муосир кардан, навсозӣ кардан*; суффикс *-ify*: *to simplify* (упрощать), *to clarify* (прояснять, уточнять); суффикс *-en*: *to widen* (расширять), *to strengthen* (укреплять). Несмотря на меньшую продуктивность по сравнению с именным словообразованием, аффиксация продолжает играть заметную роль в образовании глаголов английского языка. Суффиксы *-ify*, *-en* используются для выражения процессуальности и изменения состояния, например: *to simplify*, *to widen*, *to strengthen*. Префиксы *re-*, *un-*, *over-*, *under-* придают глаголам дополнительные семантические оттенки повторности, отрицания или избыточности действия: *to rebuild* (перестраивать, восстанавливать, реконструировать) – *аз нав сохман*; *to overestimate* (переоценивать) – *зиёд баҳо додан* и т.д. В переводах произведений С.Айни данные глаголы способствуют точной передаче логико-смысловых отношений.

Особое место в английском языке занимают фразовые глаголы, которые являются важным средством передачи значений сложных таджикских глагольных конструкций. Сочетания *carry out* (выполнять, осуществлять), *give up* (сдаваться, отказываться), *bring about* (вызывать, приводить к, способствовать) часто используются для воспроизведения семантики действий, выраженных в таджикском языке аналитическими формами *кардан* и *шудан*.

Сравнительный анализ показывает, что в таджикском языке преобладают аналитико-синтетические способы глагольного словообразования с активным использованием вспомогательных глаголов, тогда как в английском языке ведущую роль играют конверсия и фразовые глаголы. В процессе перевода нередко происходит замена одного словообразовательного механизма другим, что обусловлено типологическими различиями языков.

Так, таджикские составные глаголы в английском переводе передаются либо простыми глаголами, образованными посредством конверсии, либо фразовыми глаголами, сохраняющими основное значение действия и его динамику. В английских переводах прозы С.Айни доминируют конверсионные и фразовые глагольные образования, тогда как таджикский язык опирается преимущественно на аффиксацию и аналитические конструкции.

Разнообразие использования глагольных форм в прозе С.Айни усиливает её образительность. Глаголы передают не только внешние действия, но и внутренние состояния, эмоции и отношение персонажей к происходящему. Богатое словообразование и точный выбор глагольных форм придают прозе Айни национальный колорит и ярко выраженный народный характер.

Таким образом, словообразование глаголов в таджикском и английском языках характеризуется как общими тенденциями, так и значительными различиями. В таджикском языке ведущую роль играет аффиксально-аналитический способ, тогда как в английском – конверсия и фразовые глаголы. Несмотря на типологические различия, оба языка используют глагольное словообразование как эффективное средство выражения динамики, экспрессии и стилистической выразительности художественного текста. Исследование прозы С.Айни и её английских переводов подтверждает, что глагольное словообразование играет важную роль в передаче авторского замысла и национально-культурной специфики текста.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 2012. – 344 с.
 2. Винокуров Л.П. Грамматика английского языка. – Л., 1954. – 338 с.
 3. Касимов О. Суффиксальное словообразование имён существительных в «Шахнаме» А.Фирдавси: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Касимов Олимджон Хабибович. – Душанбе, 1988. – 188 с.
 4. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. – М.: Наука, 2004. – 312 с.
 5. Мамадназаров А. Сравнительно-типологическое изучение условно-желательного наклонения в современных английском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мамадназаров Абдусалом. – Тбилиси, 1986. – 26 с.
 6. Мирзоев А. Современные выражения времен в современном таджикском литературном языке. – Душанбе. Дониш. 1972. – 138 с. (на тадж.яз.)
 7. Насимов Н. И. Словообразование глагола в языке прозы Садриддина Айни: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 / Насимов Нуриддин Исоевич. – Душанбе. 1995. – 186 с.
 8. Низомова С.Ф. Словообразование в художественной и публицистической прозе Садриддина Айни: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Низомова Сановбар Фахриевна. – Душанбе, 2022. – 475 с.
 9. Новицкая Т.М. Практическая грамматика английского языка. Морфология, синтаксис, словообразование и некоторые лексические проблемы перевода. –М., 1971. – 371 с.
 10. Расторгуева В.С., Каримова А.А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 292с.
 11. Розенфельд А.З. Глагол. – Сталинабад. АН Тадж. ССР, 1954. – Вып.4. – 80 с.
 12. Рустамов Ш. Словообразование современного таджикского языка. – Душанбе: Дониш, 1999. – 268 с.
 13. Сайфуллоев А. Морфология таджикского языка. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 412 с
 14. Шахובהва М.Б. Опыт сопоставительного исследования строя таджикского и английского языков. – Душанбе.: Изд-во Дониш. 1985. – 252 с.
 15. Bauer L. English Word-Formation. – London: Cambridge university press. 1983. – 266 p.
 16. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. – Weisbaden. 1960. Munchen: Otto Harrassowitz. 1969. – 545 pp.
- Источники**
17. Айни С. Марги судхӯр. – Душанбе. 2019. – 200 с.
 18. Aini Sadriddin. The Death of the Usurer. The Executioners of Bukhara. – Dushanbe: R-graph, 2024. – 296p.
 19. Aini Sadriddin. Temur Malik – Tajik People’s Hero. Muqanna’s Rebellion. – Dushanbe: R-graph, 2022. – 156p.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF VERB WORD FORMATION
IN THE TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES
(BASED ON THE PROSE OF SADRIDDIN AYNI)**

Nodirova Saiyora Salimshoevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of foreign languages
Kulyab State University after of A. Rudaki
735360, Republic of Tajikistan, Kulyab, S. Safarov str., 16
Ph.: (+992) 988 86 86 49, (M)
bsabrina1978@internet.ru

In modern linguistics, over the past several decades, there has been a significant increase in interest in the comparative study of word-formation systems of languages belonging to different typological structures. This article examines the main methods of verb formation in the Tajik and English languages based on extensive material from the literary prose of Sadriddin Ayni and its English translations. The author pays special attention to such word-formation methods as affixation, analytical verb constructions, conversion, and phrasal verbs as typologically significant mechanisms of derivation. The study identifies patterns of translation transformations determined by the differences between the analytical structure of English and the synthetic-agglutinative structure of Tajik. It is argued that in translation there occurs a systematic compensation of Tajik morphological derivation by lexical-semantic and syntactic means of the English language. Translation is often accompanied not only by the loss of formal derivation but also by a redistribution of semantic emphasis, which requires scholarly description and theoretical justification. The analysis conducted in the article shows that the choice of verb word-formation models in English is largely determined by the need to convey the dynamics of action, stylistic coloring, and the national-cultural specificity of the original text.

Keywords: word formation; research; comparison; verb; conversion; affixation; lexis; language; prose; contrastive analysis.

**ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ КАЛИМАСОЗИИ ФЕЪЛҲО
ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА АНГЛИСӢ
(ДАР АСОСИ НАСРИ БАДЕИИ САДРИДДИН АЙНИ)**

Нодирова Сайёра Салимшоевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи забонҳои хориҷӣ
Донишгоҳи давлатии Қӯлоб ба номи А. Рӯдакӣ
735360, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Қулоб, кӯч. С. Сафаров, 16
Тел.: (+992) 988 86 86 49 (М)
bsabrina1978@internet.ru

Дар забоншиносии муосир, таи чанд даҳсолаи охир таваҷҷуҳ ба омӯзиши муқоисавии низомҳои калимасозии забонҳои сохторашон гуногун ба таври назаррас зиёд шудааст. Дар мақола роҳҳои асосии калимасозии феъл дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ дар асоси маводи зиёди насри бадеии Садриддин Айнӣ ва тарҷумаҳои англисии он баррасӣ карда шудааст. Муаллиф, ба чунин роҳҳои калимасозӣ, аз қабилӣ аффиксатсия, сохторҳои таҳлилии феълӣ, конверсия ва феълҳои таркибӣ ҳамчун механизмҳои аз лиҳози типологӣ муҳимми дериватсия диққати махсус медиҳад. Қонуниятҳои тағйироти тарҷумавӣ, ки бо фарқияти сохтори таҳлилии забони англисӣ ва сохтори синтетикӣ-агглютинативии забони тоҷикӣ вобастаанд, муайян карда мешаванд. Исбот мегардад, ки ҳангоми тарҷума ҷаброни низомманди дериватсияи морфологии забони тоҷикӣ бо воситаҳои луғавӣ-семантикӣ ва синтаксисии забони англисӣ ба амал меояд. Тарҷума аксаран на танҳо бо аз даст рафтани шакли дериватсияи расмӣ, балки бо бозтақсимшавии таъкидҳои маъноӣ ҳамроҳ мешавад, ки ин тавсифи илмӣ ва асосноккунии назариявиро талаб мекунад.

Таҳлили натиҷаҳои тадқиқоте, ки дар мақола анҷом дода шудааст, нишон медиҳад, ки интиҳоби моделҳои калимасозии феъл дар забони англисӣ то ҳаққи зиёд бо зарурати интиқоли динамикаи амал, рангубори услубӣ ва вижагиҳои милли-фарҳангии матни асл муайян мегардад.

Калидвожаҳо: калимасозӣ; таҳқиқот; муқоиса; феъл; конверсия; аффиксатсия; луғат; забон; наср; таҳлили муқоисавӣ.

УДК 81`33(575):316.43

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ
ПАТРИОТИЗМА В УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Усмонзода Шохрух

Доктор философии РН(D) по языкознанию,
доцент кафедры английского языка

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 121

Тел.: (+992) 111 23 00 23 (м.)

shohrukh.usmonov@mail.ru

В статье исследуются лингвокультурные особенности репрезентации патриотизма в узбекских пословицах и поговорках. На материале паремий тематической группы «Ватан ва ватанпарварлик» («Родина и патриотизм») проводится комплексный анализ языковых средств выражения национальной идентичности. Выявлены ключевые концепты патриотической картины мира: Ватан, Эл, Юрт. Определены типологические особенности структурной и семантической организации паремий, исследованы метафорические модели концептуализации Родины. Установлены универсальные и национально-специфические черты узбекских пословиц патриотической тематики. Рассмотрены дидактическая и консолидирующая функции паремий в формировании национального самосознания.

Ключевые слова: паремиология; лингвокультурология; концепт; патриотизм; Родина; узбекские пословицы; национальная идентичность; языковая картина мира; сравнительная типология.

Паремиологический фонд любого языка представляет собой уникальный источник сведений о национальной культуре, мировоззрении и системе ценностей народа. Пословицы и поговорки, будучи устойчивыми языковыми единицами, аккумулируют коллективный опыт многих поколений и отражают базовые концепты национального сознания. Как справедливо отмечает Ш.Усмонзода, «При изучении менталитета особый интерес привлекают пословицы и поговорки как по содержанию, так и по своей форме. При изучении пословицы и поговорок настолько очевидно и ярко отражается национальный менталитет каждого народа, что можно будет следить за историческими изменениями и даже можно будет разделить их по классификациям» [11, с.146]. Среди концептов, занимающих центральное место в аксиологической системе узбекского народа, особое значение принадлежит концепту «Ватан» (Родина). Данный концепт является ядерным компонентом национальной идентичности и находит многоаспектную репрезентацию в паремиологическом фонде узбекского языка. Изучение лингвокультур-

ных особенностей вербализации патриотизма в узбекских пословицах позволяет глубже понять специфику национального мировидения, выявить ценностные доминанты узбекской культуры и определить место концепта «Родина» в языковой картине мира.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, возрастающим интересом современной лингвистики к проблемам взаимосвязи языка и культуры, что отражается в интенсивном развитии лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Во-вторых, недостаточной изученностью узбекской паремиологии в сравнительно-типологическом аспекте. В-третьих, социальной значимостью исследования механизмов формирования и трансляции патриотических ценностей посредством языка.

Объектом исследования выступают узбекские пословицы и поговорки тематической группы «Ватан ва ватанпарварлик». Предметом являются лингвокультурные и типологические особенности репрезентации патриотизма в указанных паремиях.

Цель работы состоит в комплексном анализе лингвокультурных особенностей выражения патриотизма в узбекских пословицах и поговорках с позиций сравнительно-сопоставительной типологии. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: систематизировать узбекские паремии патриотической тематики по семантическим группам; выявить ключевые концепты и их вербальные репрезентации; определить типологические особенности структуры и семантики исследуемых паремий; установить универсальные и национально-специфические черты узбекских пословиц о Родине.

Паремиология в системе лингвокультурологических исследований. Современная паремиология развивается на пересечении нескольких научных парадигм, среди которых центральное место занимает лингвокультурология. По определению В.А.Масловой, лингвокультурология есть «наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [8, с.9]. Паремии, в силу своей природы, представляют собой идеальный объект для лингвокультурологического анализа, поскольку они концентрированно выражают народную мудрость и ценностные установки этноса.

Е.С.Кубрякова подчёркивает, что: «концепты отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результатов познания им окружающего мира» [6, с.58]. Применительно к паремиологическому материалу это означает, что пословицы и поговорки выступают формой объективации концептов в языке, обеспечивая их передачу от поколения к поколению.

Ю.С.Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [9, с. 43]. Концепт «Родина» в этом контексте выступает одним из базовых культурных концептов, определяющих национальную идентичность и формирующих патриотическое сознание.

Автор данной статьи рассматривает пословицы как «распространённые устойчивые выражения, в которых заключён глубокий смысл, и определённая мораль излагается простым и общедоступным языком. Большинство пословиц являются результатом совокупно накопленного жизненного опыта населения, облачённого в разговорную языковую форму, и можно говорить о том, что каждый язык содержит определённое количество пословиц, отражающих исторический опыт нации [12, с.51]. Данный подход позволяет анализировать паремии как вербализованные фрагменты концептосферы национального языка. Концепт при этом понимается как многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образный, понятийный и ценностный компоненты.

Типологический подход к изучению паремий. Сравнительно-сопоставительная типология предоставляет методологический инструментарий для выявления как универсальных, так и национально-специфических черт паремиологических единиц. Типологический анализ паремий предполагает рассмотрение их структурных, семантических и функциональных характеристик в сопоставительном аспекте.

В.Н.Телия отмечает «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [10, с.9]. Данное положение в полной мере применимо к паремиям, которые представляют собой особый тип фразеологических единиц, характеризующийся структурной завершённостью и дидактической направленностью. Типологический анализ паремий патриотической тематики позволяет выделить несколько уровней исследования. На структурном уровне анализируется синтаксическая организация пословиц, типы синтаксических конструкций, особенности ритмико-интонационного оформления. На семантическом уровне исследуются способы концептуализации патриотических смыслов, метафорические модели, оппозиции и параллелизмы. На прагматическом уровне рассматриваются функции паремий в коммуникации, их воспитательный и регулятивный потенциал.

Семантическая классификация узбекских паремий патриотической тематики

Концептуальное ядро: Ватан, Эл, Юрт. Анализ узбекских пословиц и поговорок тематической группы «Ватан ва ватанпарварлик» позволяет выделить три ключевых концепта, образующих концептуальное ядро патриотической картины мира: Ватан (Родина), Эл (народ) и Юрт (край, страна). Данные концепты находятся в отношениях семантической близости, однако каждый из них обладает специфическими коннотациями и функциональными особенностями.

Концепт «Ватан» репрезентирует Родину как пространственно-географическую и духовно-ценностную категорию. В узбекских паремиях данный концепт вербализуется посредством лексемы «ватан» и её дериватов: «Ватан учун ўлмок ҳам шараф» (И умереть за Родину – честь), «Ватанни сотган эр бўлмас» (Продавший Родину не станет мужчиной), «Ватансиз инсон куйсиз булбул» (Человек без Родины – соловей без песни). Как отмечают узбекские паремиологи: «концепт «Ватан» в узбекском языковом сознании неразрывно связан с понятиями чести, достоинства и полноценного человеческого существования» [13, с.87].

Концепт «Эл» занимает особое место в узбекской паремиологии, репрезентируя народ как социальную общность, источник силы и опору человека. Частотность употребления лексемы «эл» в исследуемом корпусе паремий превышает частотность других ключевых лексем, что свидетельствует о центральном положении данного концепта. В сборниках пословиц и поговорок узбекского народа можно найти примеры: «Элга хизмат олий химмат» (Служение народу – высшее стремление), «Элдан айрилгунча, жондан айрил» (Лучше расстаться с жизнью, чем с народом), «Эл бор бўлса, эр хор бўлмас» (Если есть народ, герой не будет унижен) [14, с.336]. Концепт «Юрт» обозначает родной край, страну, место обитания и имеет более конкретное пространственное значение по сравнению с концептом «Ватан». В паремиях данный концепт часто противопоставляется чужбине: «Ўз юртинг – ўлан тўшагинг, ўзга юрт бўлмас бешигинг» (Свой край – твоя постель из трав, чужой край не станет твоей колыбелью), «Юрти бойнинг ўзи бой» (У кого богат край, тот и сам богат)» [14, с.280].

Семантические группы паремий. На основе тематико-семантического анализа исследуемый корпус паремий может быть классифицирован по следующим группам.

Первая группа объединяет паремии, выражающие неразрывную связь человека с Родиной и народом. Центральная идея данных пословиц состоит в том, что человек обретает силу, смысл существования и полноту жизни только в единстве со своим народом. В книге Ш.Шомаксудова и Ш.Шорахмедова приводятся примеры с объяснением: «Балиқ сув билан тирик, одам - эл билан» (Рыба жива водой, человек - народом), «Айрилмагин элингдан, кувват кетар белингдан» (Не разлучайся с народом своим - сила уйдёт из поясицы твоей), «Экин ерида кўкарар, эр – элида» (Посев зеленеет на своей земле, мужчина - среди своего народа)» [13, с.280].

Вторая группа включает паремии, утверждающие приоритет Родины над чужбиной. В данных пословицах последовательно проводится мысль о том, что даже низкое положение на родной земле предпочтительнее высокого статуса на чужбине: «Киши юртида султон бўлгунча, ўз юртингда ултон бўл» (Чем быть султаном в чужом краю, лучше быть нищим в своём), «Ўзга юртинг гулидан ўз юртингнинг чўли яхши» (Лучше пустыня своего края, чем цветы чужого), «Бировнинг юртида бек бўлгунча, ўзингнинг юртингда ит бўл» (Чем быть беком в чужом краю, лучше быть собакой в своём) [13, с.300].

Третья группа представлена паремиями о взаимной ответственности народа и героя (эр). Данная семантическая группа отражает специфическую для узбекской культуры концепцию взаимоотношений личности и общества: «Эл бошига кун тушса, эл яратган эр келар» (Когда на народ обрушится беда, придёт герой, рождённый народом), «Эр ишини эл қилур, эр каддини эл билур» (Дело героя вершит народ, цену героя знает народ), «Эр йигит ўзи учун туғилар, эли учун ўлар» (Герой рождается для себя, умирает за свой народ)» [13, с.250].

Четвёртая группа содержит паремии, осуждающие предательство и отступничество от народа и Родины. Измена Родине представляется как тягчайший грех, влекущий неизбежное наказание и позор: «Ватандан йироклашган ному-

сдан ўлар» (Удалившийся от Родины умрёт от позора), «Элидан безган эр унгмас» (Отвернувшийся от народа не преуспеет), «Юртдан айрилганни ёв чопар» (Разлучённого с краем настигнет враг) [14, с.336].

Пятая группа объединяет паремии, выражающие любовь к родной земле через природные образы. В данных пословицах используются метафоры из мира природы, подчёркивающие естественность и глубину привязанности к Родине: «Булбул чаманни севар, одам - Ватанни» (Соловей любит сад, человек - Родину), «Ҳар куш ўз уясига қараб учар» (Каждая птица летит к своему гнезду), «Товушқонга туғилган тепаси азиз» (Зайцу дорог холм, где он родился)» [14, с.180].

Типологические особенности структуры узбекских паремий о Родине

Синтаксическая организация паремий. Структурно-синтаксический анализ узбекских пословиц патриотической тематики позволяет выявить ряд типологических особенностей их организации. Доминирующей синтаксической моделью выступает бинарная структура, основанная на параллелизме или противопоставлении. Как отмечает Э.А.Бегматов «двухчастная структура является универсальной характеристикой тюркских паремий, обеспечивающей их ритмическую организацию и мнемоническую функцию» [2, с.112].

В исследуемом корпусе выделяются следующие структурные типы. Первый тип представляет собой конструкции с синтаксическим параллелизмом, в которых обе части построены по единой модели: «Элга қўшилган мой ютар, элдан айрилган қон ютар» (Присоединившийся к народу будет есть масло, отделившийся от народа будет глотать кровь). В данной пословице параллельные конструкции содержат антонимичные глаголы (қўшилган – айрилган) и контрастные образы (мой – қон), создавая выразительное противопоставление.

Второй тип включает сравнительные конструкции, построенные по модели «Х лучше, чем Y»: «Тўйган ердан тукқан ер яхши» (Лучше земля, где родился, чем земля, где насытился), «Ўзга юртинг боши бўлганча ўз юртингнинг тоши бўл» (Чем быть главой чужого края, лучше быть камнем своего). Данные конструкции эксплицитно выражают иерархию ценностей, характерную для патриотического мировоззрения.

Третий тип представлен условными конструкциями, устанавливающими причинно-следственные связи: «Эл бор бўлса, эр хор бўлмас» (Если есть народ, герой не будет унижен), «Она юртинг омон бўлса, ранги рўйинг сомон бўлмас» (Если родной край твой цел, лицо твоё не станет бледным). В данных конструкциях благополучие личности представляется как следствие благополучия Родины и народа.

Четвёртый тип составляют императивные конструкции, выражающие прямое побуждение к действию или запрет: «Диндан чиқсанг ҳам, элдан чиқма» (Даже если отойдёшь от веры, не отходи от народа), «Тукқан ерда туғингни тик» (На родной земле держи знамя своё). Императивные паремии обладают выраженной дидактической функцией и непосредственно регулируют поведение адресата.

Ритмико-фонетическая организация. Важной типологической характеристикой узбекских паремий является их ритмико-фонетическая организация. Х.Бердиёров указывает, что «музыкальность узбекских пословиц обеспечивается

комплексом просодических средств, включая рифму, аллитерацию и изосиллабизм» [3, с.239]. Данные средства не только придают паремиям эстетическую выразительность, но и способствуют их запоминанию и воспроизведению.

Рифма в узбекских пословицах о Родине представлена различными типами. Наиболее распространена конечная рифма, связывающая заключительные слова параллельных частей: «Элга кўшилсанг, эр бўласан, элдан ажралсанг, ер бўласан» (Если примкнёшь к народу – станешь мужчиной, если отделишься от народа – станешь землёй). В данном примере рифмуются слова «эр» (мужчина) и «ер» (земля), создавая выразительный фонетический и семантический контраст.

Аллитерация также широко представлена в исследуемых паремиях: «Ватан гадоси – кафан гадоси» (Нищий без Родины – нищий в саване). Повтор начальных согласных создаёт звуковую связь между ключевыми понятиями, усиливая их смысловое сближение.

Изосиллабизм, то есть равное количество слогов в соотносимых частях паремии, способствует ритмической упорядоченности текста. Как отмечает Ш.Усмонзода: «В качестве общих признаков пословиц и поговорок можно отмечать; краткость (лаконичность), способность к воспроизведению, связь с речью, а также широкую употребляемость» [12, с.156].

Метафорические модели в узбекских паремиях о Родине

Природоморфные метафоры Метафорическое моделирование представляет собой один из ключевых механизмов концептуализации патриотических смыслов в узбекских пословицах. Е.С.Кубрякова определяет метафору как «основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [6, с.147]. В узбекской паремиологии патриотической тематики выделяется несколько доминирующих метафорических моделей.

Природоморфные метафоры основаны на уподоблении человека объектам и явлениям природы. Центральное место среди них занимает орнитоморфная метафора «Человек – Птица»: «Булбул чаманни севар, одам – Ватанни» (Соловей любит сад, человек - Родину), «Ватансиз инсон куйсиз булбул» (Человек без Родины – соловей без песни), «Ҳар куш ўз уясига қараб учар» (Каждая птица летит к своему гнезду). Образ птицы в данных паремиях символизирует естественность привязанности к родному месту, а гнездо выступает аналогом Родины.

Ихтиоморфная метафора «Человек – Рыба» представлена в паремии «Балик сув билан тирик, одам – эл билан» (Рыба жива водой, человек – народом). Вода в данном контексте символизирует народ как жизненно необходимую среду обитания человека, без которой он не может существовать. В.В.Воронин отмечает, что: «анималистические метафоры в паремиях выполняют функцию наглядной аргументации, апеллируя к очевидным закономерностям природного мира» [4, с.84].

Фитоморфная метафора «Человек – Растение» реализуется в пословице «Экин ерида кўқарар, эр – элида» (Посев зеленеет на своей земле, мужчина – среди своего народа). Растение, укоренённое в родной почве, символизирует связь человека с Родиной как необходимое условие его развития и процветания.

Пространственные и соматические метафоры.

Пространственные метафоры формируют оппозицию «свое – чужое», которая является базовой для патриотической картины мира. Родина концептуализируется как «свое» пространство, характеризующееся положительными коннотациями: безопасность, комфорт, полнота жизни. Чужбина, напротив, маркирована отрицательно: опасность, неустроенность, неполноценность существования. Примеры: «Бегона тупрок – девона тупрок» (Чужая земля – безумная земля), «Ўз уйим – ўлан тўшагим» (Свой дом – моя постель из трав). Особый интерес представляет метафора «Родина – Колыбель», вербализованная в пословице «Она юртинг – олтин бешигинг» (Родной край – твоя золотая колыбель). Колыбель ассоциируется с началом жизни, материнской заботой и защищённостью, что переносится на образ Родины. Ю.С. Степанов указывает, что: «метафора колыбели актуализирует архетипическое представление о Родине как о материнском лоне, дающем жизнь и защиту» [9, с.235].

Соматические метафоры связывают концепт «Родина» с телесным опытом человека. В пословице «Айрилмагин элингдан, кувват кетар белингдан» (Не разлучайся с народом своим – сила уйдёт из поясницы твоей) поясница выступает символом физической силы, которая убывает при разлуке с народом. Данная метафора подчёркивает жизненную необходимость связи с Родиной, представляя её утрату как телесное ослабление.

Сравнительно-типологический анализ: универсальное и национально-специфическое

Универсальные черты паремий о Родине. Сравнительный анализ узбекских пословиц о Родине с паремиологическими фондами других языков позволяет выявить универсальные черты, характерные для патриотической тематики в целом. В.А. Маслова указывает, что: «концепт Родина принадлежит к числу базовых концептов, присутствующих в большинстве культур и отражающих фундаментальные потребности человека в принадлежности и идентичности» [8, с.124]. К универсальным чертам относится прежде всего противопоставление Родины и чужбины с однозначной положительной оценкой Родины. Данная оппозиция присутствует в пословицах большинства народов мира. Сравним узбекскую пословицу «Тўйган ердан туккан ер яхши» (Лучше земля, где родился, чем земля, где насытился) с русской «Где родился, там и пригодился» [1, с.78]. Универсальным является также использование природных образов для выражения привязанности к Родине. Образы птицы, стремящейся к гнезду, рыбы, не живущей без воды, растения, укоренённого в почве, встречаются в паремиологии различных народов. Это свидетельствует об общечеловеческом восприятии связи с Родиной как естественного, природного явления. Осуждение предательства Родины также представляет собой универсальную тему. В большинстве культур измена отечеству рассматривается как тяжкий грех, влекущий позор и наказание. Узбекская пословица «Ватанни сотган эр бўлмас» (Продавший Родину не станет мужчиной) типологически близка к паремиям многих народов, осуждающим измену родной земле.

Национально-специфические особенности узбекских паремий. При наличии универсальных черт узбекские пословицы о Родине обладают выраженной национальной спецификой, которая проявляется на нескольких уровнях. На лексико-семантическом уровне специфичным является наличие трёх близких, но не тождественных концептов: Ватан, Эл и Юрт. В русском языке, например, концепт «Родина» не имеет столь дифференцированного выражения. Концепт «Эл», обозначающий народ как общность, с которой человек связан происхождением и судьбой, является культурно-специфическим для тюркских народов. Как отмечает Х. Бердиёров: «концепт Эл в узбекской культуре имеет более широкое значение, чем русское «народ», включая коннотации родства, взаимопомощи и общей судьбы» [3, с.270].

Специфической чертой является тесная связь патриотизма с концептом «Эр» (мужчина, герой). В узбекских паремиях настоящий мужчина определяется через его отношение к народу и Родине: «Ватанни сотган эр бўлмас», «Эр йигит элга тортар» (Настоящий мужчина тянется к народу). Данная связь отражает специфику гендерных ролей в традиционной узбекской культуре, где защита Родины рассматривается как важнейшая мужская обязанность. На образном уровне специфичной является частотность образа соловья (булбул), который в узбекской культуре символизирует красоту, гармонию и полноту жизни: «Ватансиз инсон куйсиз булбул» (Человек без Родины – соловей без песни). Соловей занимает особое место в культуре народов Центральной Азии, что отражается в его использовании для метафорического выражения отношения к Родине.

Типологически специфичной является также выраженная императивность многих узбекских паремий о Родине. Пословицы формулируются как прямые предписания или запреты: «Диндан чиксанг ҳам, элдан чикма» (Даже если отойдешь от веры, не отходи от народа), «Элдан айрилгунча, жондан айрил» (Лучше расстаться с жизнью, чем с народом). Категоричность данных предписаний свидетельствует о высокой значимости патриотических ценностей в узбекской культуре.

Функционально-прагматический аспект узбекских паремий о Родине. Узбекские пословицы о Родине выполняют выраженную дидактическую функцию, участвуя в процессе социализации и формирования патриотического сознания подрастающего поколения. В.Н.Телия отмечает, что «паремии представляют собой свёрнутые тексты, в которых закодированы поведенческие нормы и ценностные ориентиры общества» [10, с.288]. Дидактический потенциал паремий обеспечивается их афористической формой, образностью и авторитетом традиции. Дидактическая направленность эксплицитно выражена в императивных паремиях, содержащих прямые предписания: «Тукқан ерда туғингни тик» (На родной земле держи знамя своё), «Элнинг йиртиғига ямоқ бўл, узунига улоқ бўл» (Будь заплатой для прорех народа, связкой для его длины). Данные пословицы задают конкретные модели поведения, формируя представление о должном отношении к Родине и народу. Имплицитно дидактическая функция реализуется в паремиях, описывающих последствия тех или иных поступков: «Элга қўшилган мой ютар, элдан айрилган қон ютар» (Присоединившийся к народу будет есть

масло, отделившийся от народа будет глотать кровь). Такие пословицы не содержат прямых предписаний, однако однозначно оценивают альтернативные линии поведения, направляя выбор адресата.

Консолидирующая функция. Паремии о Родине выполняют важную функцию социальной консолидации, укрепляя чувство национальной общности и солидарности. Как указывает Ш.Шомаксудов: «пословицы о народе и Родине формируют коллективную идентичность, определяя границы «своего» сообщества и основания для принадлежности к нему» [13, с.142]. Консолидирующая функция реализуется через утверждение ценности единства: «Эл бор бўлса, эр хор бўлмас, эр бор бўлса, эл хор бўлмас» (Если есть народ, герой не будет унижен; если есть герой, народ не будет унижен). Данная пословица подчёркивает взаимозависимость личности и коллектива, утверждая, что благополучие каждого обеспечивается единством всех. Паремии также формируют представление об общей судьбе народа: «Эл бошига тушгани – эр бошига тушгани» (Что постигло народ – постигло и героя), «Элнинг ғами – эрнинг ғами» (Горе народа – горе мужчины). Идея общей судьбы является мощным фактором консолидации, побуждая членов сообщества к взаимной поддержке и ответственности.

Заключение. Проведённый анализ узбекских пословиц и поговорок тематической группы «Ватан ва ватанпарварлик» позволяет сделать следующие выводы относительно лингвокультурных особенностей выражения патриотизма в узбекской паремиологии. Концептуальное ядро патриотической картины мира в узбекском языке образуют три взаимосвязанных концепта: Ватан (Родина как духовно-ценностная категория), Эл (народ как социальная общность и источник силы) и Юрт (родной край как пространственная категория). Дифференциация данных концептов представляет собой национально-специфическую черту узбекского языкового сознания, отличающую его от языков, в которых концепт «Родина» не имеет столь детализированного выражения.

Семантическая классификация исследуемых паремий позволила выделить пять основных тематических групп: паремии о неразрывной связи человека с Родиной; паремии о приоритете Родины над чужбиной; паремии о взаимной ответственности народа и героя; паремии, осуждающие предательство; паремии с природными образами Родины. Данная классификация отражает многоаспектность концептуализации патриотизма в узбекской культуре.

Типологический анализ структуры узбекских паремий о Родине выявил преобладание бинарных конструкций, основанных на параллелизме и противопоставлении. Ритмико-фонетическая организация паремий обеспечивает их запоминаемость и устойчивость в языке. Данные структурные особенности являются типичными для тюркской паремиологии в целом.

Метафорическое моделирование патриотических смыслов осуществляется посредством природоморфных, пространственных и соматических метафор. Образы птицы, стремящейся к гнезду, рыбы, живущей водой, растения, укоренённого в почве, выражают идею естественности привязанности к Родине. Метафора «Родина – Колыбель» актуализирует архетипическое представление о Родине как о материнском лоне.

Сравнительно-типологический анализ позволил установить наличие как универсальных, так и национально-специфических черт в узбекских паремиях о Родине. К универсальным относятся противопоставление Родины и чужбины, использование природных образов, осуждение предательства. Национально-специфическими являются дифференциация концептов «Ватан», «Эл», «Юрт»; тесная связь патриотизма с концептом «Эр»; частотность образа соловья; выраженная императивность паремий.

Функционально-прагматический анализ выявил дидактическую и консолидирующую функции узбекских паремий о Родине. Данные функции обеспечивают участие паремий в процессах социализации и формирования национальной идентичности. Результаты исследования вносят вклад в развитие лингвокультурологии и сравнительной паремиологии, расширяя представления о способах вербализации патриотизма в языках тюркской группы. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением сравнительной базы за счёт привлечения паремиологического материала генетически родственных и ареально близких языков.

Литература

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Бегматов Э.А. Лексические пласты современного узбекского литературного языка. – Ташкент: Фан, 1985. – 208 с. (на узб.яз.)
3. Бердиев Х., Расулов Р. Паремиологический словарь узбекского языка. – Ташкент: Учитель, 1984. – 302 с. (на узб.яз.)
4. Воронин В.В. Лингвокультурологический аспект исследования концептов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2021. – №2. – С.78-92.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – М.: Знак, 2012. – 204с.
7. Магруфов З.М., Михайлов Г.Н. и др. Русско-узбекский и узбекско-русский разговорник. – Ташкент: Главная редакция Узбекской советской энциклопедии, 1988. – 240 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208с.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288с.
11. Усмонзода Ш. Понятие и виды менталитета // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2020. – №3. – С.146-149.
12. Усмонзода Ш. Различные подходы учёных к вопросу паремий в лингвистике // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2019. – №1. – С.50-54.
13. Шомаксудов Ш., Шорахмедов Ш. Хикматнома. Толковый словарь узбекских народных пословиц и поговорок. – Ташкент: Узбекская национальная энциклопедия, 1990. – 528 с. (на узб.яз.)
14. Узбекские народные пословицы: в 2 т. / сост.: Т.Мирзаев, Б.Саримсоков, А.Мусакулов; отв. редакторы и т.п. – Ташкент: Фан, 1987. – Т.1. – 368 с.; 1988; Т.2. – 373 с. (на узб.яз.)

**LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF PATRIOTISM
REPRESENTATION IN UZBEK PROVERBS AND SAYINGS:
A COMPARATIVE-TYOLOGICAL STUDY**

Usmonzoda Shokhrukh

Doctor of Philosophy PhD in linguistics,
associate professor of the chair of English
Tajik state pedagogical university named after S. Aini
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 121
Ph.: (+992) 111 23 00 23 (m.)
shohrukh.usmonov@mail.ru

The article examines linguocultural features of patriotism representation in Uzbek proverbs and sayings. Based on the paremiological material of the thematic group «Vatan va vatanparvarlik» («Motherland and Patriotism»), a comprehensive analysis of linguistic means expressing national identity is conducted. Key concepts of the patriotic worldview are identified: Vatan, El, Yurt. Typological features of structural and semantic organization of proverbs are determined, metaphorical models of Homeland conceptualization are investigated. Universal and nationally specific features of Uzbek patriotic proverbs are established. Didactic and consolidating functions of proverbs in forming national consciousness are examined.

Keywords: paremiology; linguoculturology; concept; patriotism; Homeland; Uzbek proverbs; national identity; linguistic worldview; comparative typology.

**ВИЖАГИҲОИ КОРБУРДИ ВАТАНПАРАСТӢ ДАР ЗАБОНШИНОСӢ-
ФАРҲАНГӢ ДАР ЗАРБУЛМАСАЛ ВА МАҚОЛҲОИ УЗБЕКӢ
(ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВӢ-ТИПОЛОГӢ)**

Усмонзода Шохрух

Доктори фалсафа РН(D) дар забоншиносӣ,
дотсенти кафедраи забони англисӣ
Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айнӣ
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 121
Тел.: (+992) 111 23 00 23 (м.)
shohrukh.usmonov@mail.ru

Дар мақола хусусиятҳои забоншиносӣ-фарҳангии корбурди ватанпарастӣ дар зарбулмасал ва мақолҳои узбекӣ мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд. Дар асоси маводи паремияҳои ғуруҳи мавзӯи «Ватан ва ватанпарастӣ» таҳлили муқаммали воситаҳои забонӣ барои ифодаи шинохти миллӣ анҷом дода мешавад. Консептҳои асосии тасвири ватанпарастӣ чунин муайян карда

шудаанд: Ватан, Эл, Юрт. Хусусиятҳои типологӣ ва сохторӣ-семантикии паремияҳо баррасӣ гардида, моделҳои мафҳуми маҷозҳои Ватан таҳқиқ мешаванд. Вобаста ба зарбулмасал ва мақолҳои узбекӣ мавзӯи ватанпарастӣ ҳамчун хусусиятҳои умумӣ ва хоси милли муайян карда шудаанд. Дар зарбулмасал ва мақолҳо, ташаккули худшиносии милли, дар вазифаҳои дидактикӣ ва муттаҳидкунанда баррасӣ мегарданд.

Калидвожаҳо: паремиология; забоншиносӣ-фарҳангӣ; концепт; ватанпарастӣ; Ватан; зарбулмасал ва мақолҳо; шинохти милли; тасвири забонӣ; таҳлили муқоисавӣ-типологӣ.

УДК: 811.161.1=21/.22=112.2

**ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ – ОТРАЖАТЕЛИ КУЛЬТУРЫ
КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА
(теоретический обзор)**

Ибодуллоев Бахром Джаборович

Ассистент кафедры романо-германских языков
Таджикский Международный университет иностранных языков
имени С. Улугзаде
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6
Тел.: (+992) 93 599 83 80 (м)
ibodulloewb@gmail.com

В статье перевод рассматривается как сложный межъязыковой и межкультурный процесс, выходящий за рамки простой передачи слов с одного языка на другой. Подчёркивается, что, поскольку язык выступает не только средством коммуникации, но и формой существования культуры и мировоззрения народа, особое значение в обеспечении адекватности приобретают фоновые знания перевода, а также передача безэквивалентной лексики и реалий на принимающем языке. На основе трудов известных – исследователей лингвострановедческой проблематики рассматриваются общие вопросы взаимосвязи языка, культуры и сознания. Приводятся примеры из таджикского и немецкого языков, демонстрирующие, что имена собственные, фразеологизмы и культурно маркированные единицы требуют от переводчика глубокого понимания исторического и социокультурного контекста. Делается вывод, что переводчик выступает посредником между культурами, а успешный перевод возможен только при сочетании языковой компетенции и культурной грамотности.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация; фоновые знания; безэквивалентная лексика; реалии; языковая картина мира; культура; эквивалентность.

Введение. Перевод – это не просто механизм передачи слов одного языка на другом языке. Он представляет собой сложный межъязыковой и межкультурный процесс, где язык служит средством передачи смысла, а культура – основой его понимания. Современное понимание перевода рассматривает его как инструмент межкультурной коммуникации, позволяющий создавать мосты между народами и их мировоззрениями.

В мире существует несколько сотен, а то и тысяч языков. Они различаются по лексике и структуре, но суть каждого языка одинакова: любой язык успешно выполняет свою задачу, независимо от объёма словарного запаса. Языки и культуры часто взаимодействуют друг с другом, будь то через завоевания, торговлю или распространение религии. Для передачи философии, культурных норм и обычаев язык играет ключевую роль, особенно в процессе перевода.

Формирование человека происходит не только в биологическом, но и в социальном контексте. Социализация предполагает, что общество приобщает индивида к своим традициям и нормам. Как отмечает Э.Сепир, человек с раннего возраста готов к освоению языка, однако развитие речевой способности требует участия общества: «Если исключить влияние общества, у ребенка останется природная способность научиться ходить при условии выживания, но он никогда не овладеет речью, то есть не сможет выражать свои мысли в соответствии с установленной системой конкретного общества» [7, с.28]. Игнорировать влияние общества на язык было бы нелогично, ведь язык тесно связан с социально-экономическими, политическими и культурными отношениями.

Каждый народ и государство обладают своим языком, на котором формулируются мысли и отражается уникальная картина мира. Особенности культуры, климата, государственного устройства и традиций создают разнообразие мировосприятия в разных регионах и странах. Разные языки формируют разные мировоззрения. В.Гумбольдт писал, что «разные языки являются различными мировидениями... всякий язык, обозначая отдельные предметы, в действительности созидает: он формирует для говорящего на нём картину мира, каждый язык образует вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, выйти за пределы которого можно только, вступив в другой круг» [6, с.123]. Как отмечают представители неогумбольдтианского направления в лингвистике (Э.Сепир, Л.Вайсгербер), «люди, говорящие на разных языках, воспринимают окружающий мир по-разному» [7, с.261]. Таким образом, языковая среда существенно влияет на интерпретацию действительности. Это означает, что язык — не только средство общения, но и фактор, формирующий индивидуальное и коллективное сознание.

Перевод также рассматривается как процесс межкультурного взаимодействия. Согласно В. Коллеру, «перевод открывает доступ к текстам, созданным на других языках, преодолевая языковые барьеры» [12, с.11]. Об этом же говорит, по сути, Г.Хансен, считающий, что перевод играет ключевую роль в межкультурном сотрудничестве, позволяя людям из разных культур общаться [10, с.14]. По словам Эттингера, перевод – это «преобразование или замена знаков элементов одного языка знаками другого языка, при этом между элементами исходного и переводимого языка должна сохраняться смысловая эквивалентность» [цит. по: 12, с.90].

Любой перевод, даже самый филигранный, обречён быть лишь интерпретацией, а не тождеством оригинала. Эта дилемма особенно остро стоит при передаче культурных реалий (безэквивалентная лексика – БЭЛ), когда понятие, знакомое носителю исходного языка, отсутствует в опыте читателя перевода. Выбор переводческой стратегии здесь подобен сделке с неизбежными потерями: использование функционального аналога из принимающего языка (ПЯ) жертвует уникальностью ради доступности, приближая мир оригинала к читателю, но подменяя его собственными культурными кодами. Сохранение же чуждой формы (экзотизм) обогащает язык перевода новым понятием, но рискует оттолкнуть читателя своей непроницаемостью, требуя от него усилий по декодированию смысла. Даже при тщательном переводе результат остаётся приближением к ори-

гиналу, что точно подметил Вильгельм фон Гумбольдт, указывая на неизбежность утрат: «при переводе неизбежны утраты: элементы и смыслы могут теряться, а передача эмоций и культурной окраски оказывается сложной. Перевод становится не механическим перенесением слов, а сложным процессом, где оригинал и перевод живут в разных пространствах, каждый теряя часть подлинности» [цит. по: 12, с.159].

Постижение языка и культуры другого народа невозможно без изучения аспектов, которые трудно или невозможно передать дословно. По словам Гёте, «при переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык» [цит. по: 5, с.3]. Это подтверждает, что истинное понимание языка и культуры требует знания тех нюансов, которые не поддаются простому переводу.

В лингвистике эта совокупность нюансов, известных всем носителям языка, но скрытых от «чужака», обозначается термином «фоновые знания». В авторитетном «Словаре лингвистических терминов» О.С.Ахмановой фоновое знание определяется как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [1, с.151]. Иными словами, это та незримая обшая база, которая позволяет людям понимать друг друга с полуслова.

Непереводимое – это не только отдельные слова или фразеологизмы, но и культурные коды, уникальные для каждой нации. Это может быть специфическая идиома, отражающая исторический контекст, или понятие, укоренившееся в традициях и обычаях. На лексическом уровне эти «тонкости» и «непереводимые» элементы проявляются в виде безэквивалентной лексики. Это слова и выражения, которые не имеют прямых соответствий в словарном составе другого языка. Познание этих тонкостей открывает более глубокое понимание мировосприятия, ценностей и образа жизни другого народа.

Безэквивалентная лексика тесно связана с этим понятием. Вильс отмечает: «Едва ли найдется какой-либо другой термин в теории перевода, который вызвал бы столько обсуждений и попыток определения, сколько концепция переводческой эквивалентности» [13, с.156]. По мнению Г.Д.Томахин, «слова и концепты, отсутствующие в одной культуре, часто невозможно перевести одним словом на другой язык» [8, с.5]. Это связано с уникальностью культурного контекста, в котором формируются языковые единицы.

Согласно Л.С.Бархударову, безэквивалентная лексика делится на три категории [2, с.94-95]:

Имена собственные – географические названия, имена людей, учреждений или организаций. Примеры: W. Röntgen (Вильгельм Рентген), Goethe-Institut, Сомони (купюра).

Реалии – термины, обозначающие предметы, явления или традиции, отсутствующие у носителей другого языка. Примеры: «чодар», «матрёшка», «Маѝkrug».

Случайные лакуны – слова, не имеющие прямого аналога в другом языке. Примеры: таджикское «Чурабозй» или немецкие «Nachmittag» и «Vormittag».

Безэквивалентная лексика играет важную роль в изучении языков и переводе. Она помогает понять уникальные особенности культуры, традиций и мировосприятия народа. Работа с такими терминами требует от переводчика не только знания языка, но и глубокого понимания культурного контекста.

Перевод можно рассматривать в широком смысле как «работу с культурой», где каждая языковая единица несет уникальные культурные смыслы. Как справедливо замечает Коллер, «языковые барьеры всегда представляют собой коммуникативные преграды, и зачастую они становятся и культурными барьерами» [12, с.26]. При этом не все культурные различия выступают как языковые барьеры, которые можно преодолеть только с помощью перевода.

Реалии языка являются важной частью культуры и помогают понимать культурные коды и особенности. Исследование реалий позволяет глубже понять, как уникальность культуры формирует восприятие мира и влияет на понимание текста.

Под понятием культуры можно понимать не только предметы, действия и характеристики объектов, но и моральные, эстетические, волевые и утилитарные аспекты жизни. Хасс-Цумкер выделяет здесь три ключевых момента [11, с.16]:

- Культура обеспечивает ориентиры – переводчик должен ориентироваться в ней;
- Культурные знания конвенционализированы и кодифицированы в лингвокультурном сообществе;
- Культура как пространство знаний включает стабильные и интерпретируемые компоненты.

Переводчик, находясь на стыке двух культур, играет важную роль в создании мостов между народами. Успех невозможен без глубокого понимания своей культуры и культуры целевого языка: «...переводчик должен изучить иностранную культуру, на которую он переводит» [10, с.11-17].

Однако простого владения лексикой и грамматикой недостаточно для полноценного перевода. Как справедливо отмечает Л.С.Бархударов, «перевод невозможен без привлечения экстралингвистической информации, поскольку любое речевое произведение предполагает наличие темы сообщения, ситуации общения и участников речевого акта, обладающих определенным жизненным опытом» [2, с.30-31]. Ученый приводит широкий спектр примеров такой информации: от ситуативного контекста, снимающего грамматическую многозначность, до специальных знаний из научной области [2, с.32-37].

Однако в рамках данного исследования, вслед за Е.М.Верещагиным, В.Г.Костомаровым и Г.Д.Томахиным, мы сужаем понятие «фоновые знания» до культурно-исторического и страноведческого компонента. Нас интересуют не универсальные логические или ситуативные знания, а та специфическая информация о культуре, истории и повседневном быте, которая «присвоена» языковым сообществом и неочевидна для носителя иной культуры.

Г.Д.Томахин прямо определяет реалии как «компонент фоновых знаний, необходимых для адекватного восприятия иноязычного текста» [8, с.18]. Он подчеркивает, что «недостаточное знание истории страны, важнейших исторических

событий, ее крупнейших политических и исторических деятелей приводит к непониманию сравнений, исторических ссылок и т.д. и в конечном итоге к языковой некомпетенции» [Там же]. Анализируя перевод романа Харпер Ли «Убить пересмешника», исследователь показывает, как незнание американской истории (периода Reconstruction – «Реконструкции Юга») и социальных реалий Великой депрессии (breadlines – очереди за бесплатным питанием для безработных) приводит к смысловым искажениям и буквализму [Там же].

Наиболее фундаментальное обоснование понятия «фоновые знания» предложено в трудах Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова. Развивая идею о языке как «хранителе информации о мире, характерной для всего коллектива говорящих» [4, с.31-32], авторы вводят ключевое для лингвострановедения понятие лексического фона. Под ним понимается совокупность непонятных семантических долей, несущих информацию о национальной культуре, которая сопутствует лексическому понятию. Иными словами, у каждого слова помимо его словарного определения есть некий культурный «шлейф», который для носителя языка очевиден, а для иностранца – скрыт. Именно этот фоновый «шлейф» номинативных единиц, по мысли авторов, «в наибольшей мере накапливает, хранит и выражает национальную культуру» [Там же].

Важно подчеркнуть, что индивидуальное сознание, с точки зрения Верещагина и Костомарова, – это «подлинное со-знание, совместное знание», продукт социализации человека, усвоения им общественного опыта [Там же]. Таким образом, фоновые знания не являются субъективным багажом отдельного человека, а представляют собой объективно существующую в языке и разделяемую всем языковым коллективом информацию о мире, истории, культуре и повседневной жизни.

Справедливость вышеизложенных теоретических положений становится очевидной при обращении к конкретным примерам из разных языков. Фоновые знания особенно ярко проявляются при переводе имен собственных, которые для носителя языка являются не просто обозначением личности, а целым культурным символом.

Так, для носителя таджикского языка следующие имена несут в себе глубокий культурный смысл, который полностью утрачивается при переводе без соответствующих фоновых знаний:

Хизр (ал-Хидр) – это не просто имя собственное, а символ мудрости, добра и духовного наставничества, уходящий корнями в коранические предания.

Хотами Тай – отсылка к образу легендарного арабского персонажа Хатима ат-Таи, ставшего в таджикской и персидской культуре эталоном щедрости и великодушия.

Рустам, главный герой эпоса «Шахнаме», является для таджиков воплощением силы, доблести и богатырской мощи.

Пожелание долголетия «умри Саъдиёна» (букв. «век Саади») отсылает к конкретному историческому лицу – поэту Саади, прожившему, по преданию, более 100 лет, и являющемуся для носителя языка символом плодотворной и долгой жизни.

Без знания этих культурных кодов перевод таких имен останется лишь формальной транскрипцией, лишенной глубокого символического значения для иноязычного читателя. Иностранцу, незнакомому с персидско-таджикским эпосом, имя Рустам ничего не скажет, так же как таджикскому читателю может быть непонятна немецкая идиома.

Так фразеологизм «jemandem einen Korb geben» (букв. «дать кому-либо корзину») имеет значение «отказать (в сватовстве, свидании)» [3, с.368]. Однако его понимание невозможно без обращения к исторической реалии: согласно средневековому обычаю, жениха поднимали в корзине к окну девушки. Если она хотела отказать, то подавала корзину с подпиленным дном, и жених проваливался, оказываясь в смешном положении. Для носителя современного немецкого языка эта внутренняя форма уже стёрта, но сам фразеологизм сохраняет культурный «след» этого обычая.

Почему перевод одного фразеологизма или поговорки на другой язык часто оказывается непонятным или требует комментария? Потому что за каждым из них стоит уникальная история, система ценностей и особенности мировосприятия конкретного народа. Как точно подметил Г.Д.Томахин, «чем более уникальны сравниваемые языки и чем реже у них были культурные связи, тем меньше общих черт и больше различий» [8, с.5]. Эти различия проявляются прежде всего в области фоновых знаний, без которых адекватный перевод невозможен.

К слову сказать, в немецкоязычных странах наблюдаются как культурные и языковые сходства, так и различия. Бавария и Австрия, находясь близко друг к другу, имеют много общих черт, объясняющихся историческими связями и совместным развитием. В то же время северные регионы Германии, с которыми Бавария не имела тесных связей, демонстрируют заметные отличия в языке и культурных традициях. Это подчеркивает важность учета культурных особенностей при переводе: чем более уникальны и разрознены языки и культуры, тем больше различий в терминах, реалиях и коннотациях.

Переводчик, оперирующий в пределах двух языков и культур, должен быть не только языковым специалистом, но и культурным посредником. Только сочетание языковой компетенции и глубоких фоновых знаний позволяет передавать не только слова, но и их эмоциональную, культурную и историческую ценность.

Вывод. Перевод не ограничивается простой заменой слов из одного языка на другой. Он требует глубокого понимания культуры, традиций, ценностей и образа жизни народа, которому принадлежит язык. Фоновые знания играют ключевую роль, поскольку именно они позволяют переводчику точно передавать смысл, эмоциональную и культурную окраску текста.

Каждый язык отражает уникальное мировоззрение и мышление своего народа. Несовпадение культур, истории и традиций между исходным и целевым языками создаёт трудности, которые невозможно преодолеть лишь знанием лексики и грамматики. В этих условиях переводчик становится культурным посредником, способным интерпретировать не только слова, но и глубинные культурные смыслы.

Успешный перевод возможен только при сочетании языковой компетенции с культурной грамотностью, интуицией и вниманием к деталям. Это делает перевод важным инструментом межкультурного общения и способствует более глубокому пониманию национальных идентичностей и культурных практик.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.
4. Верещагин Е.М. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров; под ред. Ю.С.Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
5. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И.Влахов, С.П.Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: перевод с немецкого / общ. ред. Г.В.Рамишвили. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656с.
8. Томахин Г. Д. Реалии – американизмы: учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
9. Cavagnoli S. Vom Paradigma zur Umsetzung: Das Bozner Modell // Wissenstransfer durch Sprache als gesellschaftliches Problem / hrsg. von G.Antos, S.Wichter. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. – P. 77-89.
10. Hansen G. Einführung in das Übersetzen. – 3. Aufl. – Kopenhagen: Handelshøjskolens Forlag, 2001. – 319 s.
11. Haß-Zumkehr U. Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. – Berlin; New York: de Gruyter, 2001. – 411 s.
12. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. – 7., aktualisierte Aufl. – Wiebelsheim: Quelle & Meyer Verlag, 2004. – 349 s.
13. Wilss W. Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1977. – 361 s.

BACKGROUND KNOWLEDGE AS A REFLECTION OF CULTURE: A TRANSLATION PROBLEM (a theoretical review)

Ibodulloev Bahrom Jaborovich

Assistant at the chair of Romance and Germanic languages
Tajik International university of foreign languages after names of Sotim Ulughzoda
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Muhammadiev str., 17/6
(+992) 93 599 83 80 (м.)
ibodulloewb@gmail.com

The article studies translation as a complex interlingual and intercultural process that extends beyond the mechanical transfer of words from one language to another. Language is viewed not only as a means of communication but also as a reflection of a nation's worldview and cultural identity. Particular attention is given to the role of background knowledge in achieving translation adequacy and to the challenges posed by non-equivalent vocabulary and culture-specific realia. Drawing on the theoretical perspectives of Humboldt, Sapir, Weisgerber, Barkhudarov, Tomakhin, Vereshchagin, and Kostomarov, the study highlights the interrelation between language, culture, and collective consciousness. Examples from Tajik and German demonstrate that proper names, phraseological units, and culturally marked elements require deep historical and sociocultural awareness on the part of the translator. The paper concludes that the translator functions as a cultural mediator and that successful translation depends on the integration of linguistic competence and cultural literacy. Translation is thus defined as a form of intercultural dialogue that fosters mutual understanding between peoples.

Keywords: translation; intercultural communication; background knowledge; non-equivalent vocabulary; realia; linguistic worldview; culture; equivalence.

ДОНИШҶОИ МАНЗАРӢ – ТАҶАССУМГАРИ ФАРҶАНГ ҲАМЧУН МУШКИЛОТИ ТАРҶУМА (чанбаи назариявӣ)

Ибодуллоев Баҳром Ҷаборович

Ассистенти кафедраи забонҳои романӣ-германӣ
Донишгоҳи байналмилалии забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи С.Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Муҳаммадиев, 17/6
Тел.: (+992) 93 599 83 80 (м.)
ibodulloewb@gmail.com

Дар мақола тарҷума ҳамчун раванди мураккаби байнисоҳавӣ ва байнифарҳангӣ баррасӣ мешавад, ки аз интиқоли оддии воҳидҳои луғавӣ фаротар меравад. Забон ҳамчун воситаи муошират ва ҳамзамон ҳамчун ифодаи ҷаҳонбинии миллӣ арзёбӣ мегардад. Таваҷҷуҳи махсус ба нақши донишҳои пасманзарӣ дар таъмин намудани мувофиқати маъноӣ ва фарҳангии тарҷума равона шудааст. Мафҳумҳои вожаҳои бемуодил ва реалияҳо таҳлил шуда, таъсири онҳо ба дарки матн нишон дода мешавад. Бо таъҷиб ба назарияҳои олимони робитаи зичи забон, фарҳанг ва шуури ҷамъиятӣ асоснок мегардад. Мисолҳо аз забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ нишон медиҳанд, ки тарҷумаи номҳои хос, фразеологизмҳо ва воҳидҳои фарҳангӣ бе донишҳои заминаӣ таърихӣ ва иҷтимоӣ мушкил аст. Хулоса бар он аст, ки тарҷумон на танҳо мутахассиси забон, балки миёнравии фарҳангҳо мебошад. Танҳо дар ҳолати ҳамроҳии донишҳои забонӣ ва фарҳангӣ тарҷума метавонад муваффақ ва дақиқ бошад.

Калидвожаҳо: тарҷума; муоширати байнифарҳангӣ; донишҳои заминаӣ; лексикаи бебаробар; реалияҳо; таъсири забонии ҷаҳон; фарҳанг; баробарии маъноӣ.

УДК 81'42:821.161.1-1(045)

**ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «МЕЧТА»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Манонзода Фарангис

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 92 914 23 96 (м.)
manonzodaf@mail.ru

Статья посвящена лингвокогнитивному анализу концепта «мечта» в поэзии Серебряного века русской литературы. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения национальных концептосфер и их отражения в художественном дискурсе: анализ ключевых концептов позволяет глубже понять мировоззрение эпохи и особенности индивидуального авторского стиля. Цель работы – выявить структурные и семантические особенности концепта «мечта» в лирике Н.С.Гумилева, А.А.Блока, С.А.Есенина, А.А.Ахматовой, определить его когнитивные метафоры и эмоционально-содержательные признаки. Проведена систематизация языковых репрезентаций концепта «мечта» в поэтическом дискурсе Серебряного века, выявлены их общенациональные и индивидуально-авторские признаки, предложена группировка структурно-семантических компонентов. Установлено, что концепт «мечта» обладает многослойной структурой и включает следующие постоянные понятийные признаки: «воображаемое», «желанное», «идеал», «неосуществимое». При этом у каждого поэта концепт обретает специфические оттенки: у Ахматовой мечта связана с «счастьем», у Гумилёва – с вдохновением «прекрасное убежище», у Блока с «идеалом», противопоставленным реальности, у Есенина с критическим осмыслением «бред души больной». На основе анализа выделены четыре структурно-семантические группы признаков: «глубокие чувства», «внутренний свет», «воображаемый мир», «иллюзорность». Концепт «мечта» в поэзии Серебряного века предстает как многомерный символ эпохи, служит ключом к пониманию общей и индивидуально-авторской концептосфер.

Ключевые слова: концепт «Мечта»; лингвокогнитивный анализ; репрезентация; поэзия; когнитивная метафора; Серебряный век; русский язык.

Отдельное место в когнитивной науке и лингвокультурологии занимает область изучения художественных концептов. Анализ художественных текстов применяется для выявления таких признаков, которые приобрели в составе концепта символический смысл, а также индивидуально-авторских концептов в художественных произведениях, описание которых позволяет глубже понять особенности мировидения и идиостиля писателей. Художественные концепты чаще всего представлены образной формой, которые обладают не меньшей значимостью чем её содержание, то есть эстетически самоценны.

Осмыслению концептов и концептосферы посвящены фундаментальные труды Д.С.Лихачева, Ю.С.Степанова, В.И.Карасика и др. По словам Д.С.Лихачёва, «концепты создаются не только в индивидуальном опыте человека, и не все люди в равной мере обладают способностью обогащать «концептосферу» национального языка. Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам), носителям фольклора, отдельным профессиям и сословиям» [9, с.155]. Творчество писателей и поэтов играет ключевую роль в становлении и обогащении общенациональной концептосферы. Художественные концепты являются не только единицей художественной модели мира авторов, но и отражают общую концептосферу, а в некоторых случаях могут влиять на её формирование.

Структура концепта является многослойной. По мнению Ю.С.Степанова, «...в поверхностный, новейший слой концепта входит коллективное сознание, выразителями которого являются наиболее выдающиеся представители общества: мыслители, писатели, признанные самим обществом в качестве таковых» [11, с.55].

Мы в своем исследовании опираемся также на труды ученых таджикской школы лингвокогнитивистики и лингвокультурологии, у которой так же сложились свои традиции – Д.М.Искандаровой [2; 3], М.Б.Давлатмировой [1], Х.Х.Курбановой [8], Д.Ниязовой [10] и др. Д.М.Искандарова отмечает, «В исследованиях осуществляются практически все виды языковой объективации на материале этимологических, толковых, фразеологических, паремиологических и др. словарей и языковых корпусов, на основе исследования словообразовательной парадигмы как одного из средств объективации концепта, иначе говоря, исследователи описывают этимологическую, культурную, когнитивную память слова» [3, с.1242]. Это положение особенно важно для анализа поэтического текста, где концепт проявляется через систему образов, метафор и символов.

Исследователи М.Б.Давлатмирова [1], Х.Х.Курбанова [8], Д.Ниязова [10] демонстрируют, что концепты функционируют как ценностные доминанты культуры. Следует отметить, что «ценностная составляющая является определяющей при выделении слова в концепт» (Карасик).

Анализу концептов в поэтическом дискурсе посвящены работы Н.С.Касюка, который исследует концепты «время» и «пространство» у О.Мандельштама, подчеркивая их роль в формировании авторской картины мира [5]. Аналогично Ю.А.Шанталиа рассматривает концепт «пространство» в поэзии Н.С.Гумилёва, выявляя его символическую и философскую нагрузку [13].

В работе В.В.Цуркан и Т.Б.Зайцевой концепт «счастье» в поэзии К.Бальмонта и В.Брюсова рассматривается как эстетический и философский идеал [12]. Данный вывод напрямую соотносится с концептом «мечта», поскольку оба концепта функционируют в поле идеального и желаемого.

И.Н.Кучер, анализируя концепт «soptow» в поэзии А.Теннисона, показывает, что концепты в поэтическом тексте обладают сложной структурой, включающей когнитивный, образный и оценочный компоненты [7], данный подход мы считаем применимым к анализу «мечты» в русской поэзии.

Е.Б.Никифорова анализирует эволюцию концепта «мечта» в русском языке, показывая его переход от романтического идеала к более прагматическому пониманию в современной культуре [17]. Л.Ф.Мулюкова отмечает связь с такими философскими категориями как «идеал», «воображение» и «утопия». Интересным на наш взгляд являются выводы о том, что мечта, как и надежда неразрывно связана с будущим: мечта и надежда содержат активные и пассивные ожидающие начала – они направлены в будущее. «Мечта всегда направлена в будущее, в перспективу жизни и деятельности человека, она основана на жизненных потребностях, вызывающих желания и стремления человека» [15, с.166].

Ю.В.Кокора отмечает, что «концепт «Мечта» русской языковой картины мира и концепт «Traum» немецкой языковой картины мира обладают универсальными и специфическими чертами» [16, с.6].

Таким образом, наиболее близким к теме нашего исследования является подход, рассматривающий мечту как эстетический и духовный идеал, характерный для поэзии Серебряного века.

Целью исследования в данной работе является выявление универсальных и индивидуально-авторских способов представления концепта мечта в поэтических произведениях русских поэтов Серебряного века, их эмоционально-содержательной специфики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) произвести систематическую выборку концепта «мечта» в лирике; 2) изучить семантику концепта «Мечта» в контексте художественного бытия; 3) выявить эмоциональные, оценочные признаки.

В работе были использованы описательный метод, метод компонентного анализа, лингвокогнитивный анализ.

Прежде чем приступить к анализу данного концепта в поэтических текстах, рассмотрим понятийные признаки концепта, представленные в Толковом словаре русского языка С.И.Ожегова:

Мечта 1. Нечто, созданное воображением, мысленно представляемое. *Предаться мечтам.*

Мечта 2. Предмет желаний, стремлений. *Мечта всей жизни.*

Главный признак концепта «Мечта» – это нечто, что-либо созданное воображением/фантазией; что-то воображаемое, картина воображения, мысленный образ. Следующий признак включает в себя значение – предмет желаний, стремлений, мысленный образ чего-нибудь сильно желаемого. Кроме того, понятие мечта включает также в себя такие семы как «несбыточная, неосуществимая, нереальная».

Основными лексемами-репрезентантами концепта «Мечта» являются: мечтание (то же, что и мечта), грёза (сон, светлая мечта, призрачное видение), иллюзия (нечто несбыточное), самообман (обман самого себя), фантазия (способность к творческому воображению), химера (неосуществимая, несбыточная, странная мечта), надежда (вера в возможность осуществления чего-то радостного, благоприятного), цель (предмет стремлений), стремление (настойчивое желание чего-

то добиться) [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений под редакцией Н.Абрамова].

Данные компоненты поля позволяют выделить в структуре концепта такие общие признаки, выраженные семами «предмет желаний», «несбыточность», «неосуществимое», «необычайное», «радостное, светлое». Также можно выделить сему «сон, сновидение»: с положительной оценкой - «грёза» (светлая мечта) и с отрицательной оценкой - «кошмар» (тяжелый сон с гнетущими видениями).

По словам В.И.Карасика, «мечта в значительной мере представляет собой идеал, к которому люди стремятся, логично предположить, что ее осмысление должно быть активно представлено в поэзии» [4, с.445].

Образная реализация концепта обусловлена принадлежностью автора к определенному литературному направлению; в связи с этим целесообразно кратко обозначить направленческую соотнесенность поэтов.

Николай Степанович Гумилев (1886-1921) – русский поэт Серебряного века, один из основателей и ключевых представителей литературного направления акмеизма, для которого характерны предметность образа, точность слова, стремление к конкретности и «вещности» художественного мира. При анализе текстов Н.С.Гумилева необходимо учитывать акмеистическую установку на семантическую конкретизацию и образную четкость.

Сергей Александрович Есенин (1895-1925) – представитель новокрестьянской поэзии; на раннем этапе его творчество также соотносится с имажинизмом. Поэтика имажинистов характеризуется образной насыщенностью, метафоричностью, эмоциональной экспрессивностью. При анализе необходимо учитывать направленность на образно-ассоциативное моделирование смыслов, что проявляется в активном использовании метафор, символов и фольклорных традиций.

Александр Александрович Блок (1880-1921) относится к младшему поколению русских символистов. В его поэзии образы, как правило, не имеют одного четкого значения, а передают скрытые, более глубокие смыслы и вызывают эмоциональные ассоциации. Поэтому при анализе концепта «мечта» следует учитывать, что у Блока она выражает не только личные переживания, но и связана с идеалом, внутренним поиском и стремлением к недостижимому.

Анна Андреевна Ахматова (1889-1966) – одна из ключевых фигур русской поэзии XX века, представительница акмеизма. В отличие от символистов, Ахматова стремится к предельной точности и простоте выражения: ее поэзия передает в обыденных выражениях сложное психологическое содержание. Корней Иванович Чуковский подчеркивал, что ее поэзия отличается «удивительной простотой и точностью при огромной внутренней напряженности».

1. В поэзии А.А.Ахматовой мечта оценивается как важное, приносящее счастье явление. Когнитивная метафора мечта – счастье:

Осуществленною мечтою

И счастьем полон каждый час [А.А.Ахматова];

Мечты драгоценны – дороги как память, как часть души:

Только память вы мне оставьте,

Только память в последний миг.

Чтоб в томительной веренице

Не чужим показался ты,

Я готова платить сторицей

За улыбки и за мечты [А.А.Ахматова. «Умирая, томлюсь о бессмертии»].

Метафора «и зажигается мечта» показывает, что мечта становится чем-то осязаемым и реальным, словно зажигается огонь, пробуждая в душе глубокие чувства и стремление к светлому: мечта - огонь.

Порою близок парус встречный,

И зажигается мечта;

И вот — над ширью бесконечной

Душа чудесным занята [А.А.Блок].

Мечта напоминает песню: пою ...мечту родного корабля, который символизирует надежды, то есть мечта – песня, надежда.

Но даль пустынна и спокойна —

И я всё тот же — у руля,

И я пою, всё так же стройно,

Мечту родного корабля [А.А.Блок].

Бой барабанов ...будит мечту – как будит воинов к бою, мечта символизирует вдохновение, стремление и готовность к новым свершениям: мечта – вдохновение:

Это — Бусса, и Гамба, и царь Тимбукту,

Самый звук этих слов мне, как солнце, отраден,

Точно бой барабанов, он будит мечту [Н.С.Гумилев].

2. Отмечается несбыточность мечты – мы выделили целый ряд признаков, которые можно объединить в группу мечта-обман. В нижеследующих строках выражены чувство безысходности, внутренней борьбы, разочарование (мечта души больной) и одновременно принятие себя, прослеживается когнитивная метафора: мечта – разочарование, бред:

Я знаю — в жизни счастья нет,

Она есть бред, мечта души больной,

И знаю — скучен всем напев унылый мой,

Но я не виноват — такой уж я поэт [С.А.Есенин].

Сочетания «пустые грёзы, несбыточные мечты» часто встречаются в художественном тексте, выражая бесплодность мечтаний, невозможность их осуществить, в данных строках передается холодное отрезвление после разочарования, возможно, в любви, которое приводит к обесцениванию мечты, что позволяет выявить когнитивную метафору мечта – пустые грёзы. Здесь можем определить такие семантические признаки концепта, как «неосуществимость» и «бесплодность»:

Берегись дыханья розы,

Не тревожь ее кусты.

Что любовь? Пустые грёзы,

Бред несбыточной мечты. 1914 [С.А.Есенин]

Не всегда мечта светлая и вдохновляющая, а наоборот – лишенная содержания, «пустая», она не приносит утешения, не даёт ростков надежды, она сравнивается с бесплодной равниной. Мечта у А.Блока не путь к спасению, а выражение внутренней опустошенности: мечта – бесплодная равнина, внутренняя опустошенность.

*Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!* [А.А.Блок. «Какая дивная картина...» (1909)]

У Н.С.Гумилева мечта – болезнь. Она может быть не только благом, но болезнью – болен мечтою. Лирический герой отвергает земную любовь ради идеала.

*Она говорила: «Любимый, любимый,
Ты болен мечтою, ты хочешь и ждешь,
Но память о прошлом, как ратник незримый,
Взнесла над тобой угрожающий нож.
О чём же ты гредишь с такою любовью?
Какую ты ищешь себе госпожу?»* [Н.С. Гумилёв]

Мечта – темная, когда нет больше возможности мечтать: в следующих строках выражается представление о мечте как чувстве единения двух душ, о всех прекрасных моментах проведенных вместе. «Святая Тишина» – смерть разлучает, но воспоминания нельзя отнять: «Но будет жизнь моя светла, пока жива любовь».

*Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мне все те ж твердит слова
Святая Тишина.
Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но будет жизнь моя светла,
Пока жива любовь* [Н.С.Гумилев]

Мечта – воображаемый мир, «прекрасное убежище». В своих мечтах творец создаёт искусственный, воображенный мир «...чего на свете нет», мир прекрасный, но нереальный. Мечта становится силой, преображающей жизнь – символом творческого вдохновения «моё прекрасное убежище», придающего ей смысл:

*Моё прекрасное убежище —
Мир звуков, линий и цветов,
Куда не входит ветер режущий
Из недостроенных миров.
Цветок сорву ли — буйным пением
Наполнил душу он, дразня,
Чаруя светлым откровением,
Что жизнь кипит и вне меня.*

Но также дорог мне искусственный

Взлеянный мечтою цвет:

Он мозг дурманит жаждой чувственной

Того, чего на свете нет [Н.С.Гумилев]

3. В поэтических текстах выделяем следующую когнитивную метафору: мечта – тайна: «Я одну мечту, скрывая, нежу». Концепт «мечта» эмоционально насыщен и показывает переживания лирического героя: он надеется, что он «сердцем чист», так говорят о добром человеке с высокой нравственностью, который не таит злых умыслов и обид. Мечта «о сохранении нравственной чистоты» выполняет роль внутреннего убежища и противопоставлена внешней каре (приговору к каторге, к казни). Данное противопоставление показывает трагизм героя: он предвидит, что совершит зло и будет наказан, но лелеет надежду на спасение души. Мечта здесь – способ сохранить образ собственной нравственной ценности, жалкая, но необходимая иллюзия, не спасающая от поступков и их последствий. В связи с вышесказанным можем выделить такие когнитивные признаки концепта, как мечта – «необходимая иллюзия», мечта – «спасение души».

Я одну мечту, скрывая, нежу,

Что я сердцем чист.

Но и я кого-нибудь зарежу

Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,

По тому ль песку,

Поведут с верёвкой на шею

Полюбить тоску [С.А.Есенин]

В признаковой структуре концепта «мечта» различаем сему – наивность, выдуманное: мечтания девушки – наивные, свободные, воздушные «о ещё неведомой любви».

И причуды, и мечты, и думы

Поверяла мне она свои,

Все, что может девушка придумать

О еще неведомой любви [Н.С.Гумилёв]

Двойственная природа концепта «Мечта» реализуется в сочетании «несмелые и пророческие». Эпитет «пророческие» метафоричен и актуализирует сему «предвидение будущего», мечта интерпретируется не как произвольная фантазия, а как предвосхищение возможной реальности; в то же время «несмелые мечты» – ещё неуверенные, хрупкие, но обладающие интуитивной истиной. Таким образом мечтанья как предвосхищение будущего опыта равны пророчеству, мечтанья – пророчества.

Об озерах, о павлинах белых,

О закатно-лунных вечерах

Вы мне говорили, о несмелых

И пророческих своих мечтах [Н.С.Гумилев]

Анализ стихотворения С.Есенина позволил определить когнитивную метафору: мечта – сила, которая позволяет летать, не иллюзия, а источник воодушевления.

ляющей силы, который мотивирует героя к преодолению страха, робости, невзгод:

*Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль [С.А.Есенин]*

Концепт «мечта» в следующих строках раскрывается как живая сила духа, не сдающаяся даже перед лицом смерти, она наделена волей «с упрямой силой» и энергией «открывает путь», мечта – воля, энергия:

*Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:
Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца [А.А.Блок]*

В стихотворении А.Блока концепт «мечта» предстает как вселенская сила, соединяющая личное страдание и космическую гармонию.

*Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована —
Угадает Ее Имена [А.А.Блок]*

Рассуждая о судьбах своей Отчизны, А.А.Блок осуждает войну, разрушения, которые она приносит. Концепт «мечта» в данном контексте предстаёт как поиск мира и духовности. Мечта о мире, где исчезают войны, вместо щитов «одной мечты наряд» – одна мечта, одна цель – устремление к миру и свободе, возможность найти утешение и обрести покой: мечта – утешение, мир.

*Война горит неукротимо,
Но ты задумайся на миг, —
И голубое станет зримо,
И в голубом — Печальный Лик. ...
Вот — равные, идут на воле, ...
...На них — одной мечты наряд,
Ведь там, в широком божьем поле,
Нет ни щитов, ни битв, ни стад [А.А.Блок]*

В следующем стихотворении концепт «мечта» вербализуется через образы возвышенности и недостижимого - «горные хребты», «мир белых облаков» – это светлый идеал, который придает смысл жизни и любви, выводит из рутины страданий в мир возвышенной красоты: мечта – идеал, ради которого герой живёт, смысл жизни.

*И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,
Туда, где бродят только козы,*

В мир самых белых облаков [Н.С.Гумилев]

Нами было отобрано более 50 примеров и был проведён лингвокогнитивный анализ репрезентации концепта «мечта» в стихотворениях поэтов-представителей Серебряного века русской поэзии: Н.С.Гумилёва, А.А.Блока, С.А.Есенина, А.А.Ахматовой, который позволил выявить его многослойную структуру, определить когнитивные метафоры, эмоциональные и содержательные признаки, отражающие сложное взаимодействие рационального, эмоционального и эстетического элементов в сознании человека начала 20 века. Таким образом, концепт «мечта» в поэзии данного периода отражает общее представление о ней в национальной концептосфере: «воображаемый мир», «воображаемое», «грёзы», «идеал», «бред», «иллюзия», «неосуществимость». Кроме того, в вербализации данного концепта отражены особенности индивидуально-авторского мировидения в таких признаках структурного поля, как: «вдохновение», «смысл жизни», «счастье», «огонь», «бесплодная равнина», «внутренний свет», «идеал».

В структуре лексико-семантического поля концепта выделяются следующие постоянные понятийные признаки: «воображаемое», «желанное», «идеал», «неосуществимое».

В лирике А.А.Ахматовой мечта отражает духовное устремление, наполняющее жизнь смыслом и красотой, что вербализуется через такие метафоры: «мечта – счастье», «мечта – память».

В поэтическом мире Н.С.Гумилёва мечта символизирует творческое начало, создающее «искусственный, но прекрасный мир», противопоставленный хаосу действительности, что отражается в следующих когнитивных метафорах: «мечта – вдохновение», «мечта – болезнь»; «темная мечта», «воображаемый мир»; «мечта – прекрасное убежище»; «мечта – выдуманное»; «мечтания – наивность»; «мечта – идеал»; «мечта – смысл жизни».

В стихотворениях А.А. Блока представления о мечте связаны с идеалом, противопоставлены реальному миру, что отражается в следующих когнитивных метафорах: «мечта – огонь»; «мечта – песня, надежда»; «мечта – бесплодная равнина – внутренняя опустошенность»; «мечта – утешение»; «мечта – умиротворенность, мир (отсутствие войны)».

В лирике С.А.Есенина наблюдается смещение акцента от идеализированного восприятия мечты к её критическому осмыслению, что отражается в таком её определении, как «бред больной души»; в когнитивных метафорах «мечта – обман», «мечта – разочарование», «бред», «пустые грёзы»; в признаках «неосуществимость мечты», «бесплодность мечты». Но при этом она сохраняет функцию внутреннего убежища и символа нравственной чистоты, что отражается в следующих признаках: «мечта – тайна»; «мечта – внутренний свет»; «мечта – идеал»; «мечта – необходимая иллюзия»; «мечта – сила»; «мечта – воля»; «мечта – энергия».

Таким образом, концепт «мечта» является эмоционально насыщенным и противоречивым. Все содержательные и чувственно-эмоциональные признаки можно разделить на следующие структурные группы:

- 1) глубокие чувства – «счастье», «вдохновение», «внутренняя опустошенность», «разочарование»;
- 2) внутренний свет – «смысл жизни», «утешение», «мечта – огонь», «надежда, песня», «тайна», «необходимая иллюзия», «сила», «воля», «энергия», «память»;
- 3) воображаемый мир – «прекрасное убежище», «идеал», «мир (отсутствие войны)»;
- 4) тленность и иллюзорность мечты – «болезнь», «тёмная», «выдуманное», «наивность», «обман», «бред», «пустые грёзы», «неосуществимость», «бесплодность».

Представленное исследование не претендует на исчерпывающее описание вербализации концепта «мечта». В рамках данной работы проанализированы лишь часть языковых репрезентаций указанного концепта. Перспективными направлениями дальнейшего исследования могут выступить:

- детальный анализ идиостиля отдельных поэтов;
- изучение особенностей репрезентации концепта в творчестве представителей определенных школ;
- сопоставительный анализ репрезентации концепта «мечта» в русской и таджикской поэтических традициях (будет представлено в рамках диссертационного исследования).

Литература

1. Давлатмирова М.Б. Макроконцепт судьба как ценностная доминанта памирской лингвокультуры // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2016. – № 2(53). – С.225-231.
2. Искандарова Д.М. Векторы развития таджикской лингвистики: цифровизация научных исследований // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – № 2(88). – С. 166-182. – EDN YXLURH.
3. Искандарова Д.М. Русский мир в таджикском научном дискурсе: направления исследований, проблемы, перспективы // Quaestio Rossica. – 2024. – Т. 12, № 4. – С.1232-1245. – DOI 10.15826/qr.2024.4.933. – EDN AUFCKG.
4. Карасик В.И., Китанина Э.А. Коллективные и личностные векторы осмысления мечты // Коммуникативные исследования. – 2021. – Т.8, №3. – С.433-453. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).433-453.
5. Касюк Н.С. Языковая объективация концептов «время» «пространство» в поэзии О. Мандельштама // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П.Шубы): материалы III Междунар. науч. конф.: в 2 ч. (Минск, 6-7 апр. 2006 г.) / редкол.: И.С.Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч.1. – С.258-261.
6. Ковынёва И.А., Петрова Н.Э. Исследование эмоциональных концептов «любовь» и «ненависть» в поэзии М.Цветаевой [Электронный ресурс] // Baltic humanitarian journal. – 2020. – Т.9, №2(31). – С.262-264. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-emotsionalnyh-kontseptov-lyubov-i-nenavist-v-poezii-m-tsvetaevoy>
7. Кучер И.Н. Структурно-семантические и когнитивные особенности концепта Sorrow в поэзии А.Теннисона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-i-kognitivnye-osobennosti-metaforizatsii-kontsepta-sorrow-v-poezii-a-tennisona.pdf>

8. Курбонова Х.Х. Отражение концепта «Сабр» (терпение) в легендах и сказках таджикского народа // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №3(67). – С.209-215.
9. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С.148-165.
10. Ниязова Д. Отражение концепта хушдоман / свекровь в таджикской языковой картине мира (на материале пословиц, поговорок и рубаи) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №3-4(75). – С.329-335.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1977. – 824 с.
12. Цуркан В.В., Зайцева Т.Б. Концепт счастье в поэзии К.Бальмонта и В.Брюсова [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т.13, вып.10. – С.70-74. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-schastie-v-poezii-k-balmonta-i-v-bryusova.pdf>
13. Шанталлина Ю.А. Речевая объективация концепта «пространство» в поэзии Н.С.Гумилёва // Вестник СамГУ. – 2006. – №10/2 (50). – С.252-257.
14. Манаенко Г.М. Мечта в русском языке и русском сознании // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. – С.96-99.
15. Мулюкова Л.Ф. «Мечта» и ее взаимоотражение с родственными философскими понятиями // Вестник ОГУ. – 2013. – №7 (156). – С.161-167.
16. Кокора Ю.В. Когнитивно-прагматические и лингвокультурологические особенности формирования концептов «мечта» / «Traum» в немецкой и русской поэтических картинах мира: дис. ... канд. фил. наук: 5.9.8. / Кокора Юлия Васильевна. – Кубань, 2024. – 205с.
17. Никифорова Е.Б. Смысловая эволюция концепта «мечта» и его вербализация в русском языке XIX – XXI вв. // – Вестник СамГУ. – 2006. – №10. – С.204-210.
18. Сергеев С.А. Особенности объективации концепта «мечта» в русской языковой картине мира: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Сергеев Сергей Александрович. – Новосибирск, 2005. – 164 с.
19. Огнева Е.А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.20 / Огнева Елена Анатольевна [ГОУВПО "Белгородский государственный университет"]. – Белгород, 2009. – 407 с.

FEATURES OF REFLECTION OF THE CONCEPT "DREAM" IN LITERARY TEXT

Manonzoda Farangis

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 92 914 23 96 (m.)
manonzodaf@mail.ru

This article is devoted to a linguacognitive analysis of the concept "dream" in the poetry of the Silver Age of Russian Literature. The relevance of this study stems from the importance of studying national conceptual spheres and their reflection in literary discourse: analysis of key concepts allows for a deeper understanding of the worldview of the era and the characteristics of the author's individual style.

The aim of this study is to identify the structural and semantic features of the concept "dream" in the poetry of N.S.Gumilev, A.A.Blok, S.A.Yesenin, and A.A.Akhmatova, and to determine its cognitive metaphors and emotional-substantive attributes. This study systematizes linguistic representations of the concept "dream" in the poetic discourse of the Silver Age, identifies their national and author-specific features, and proposes a grouping of structural and semantic components. It has been established that the concept "dream" has a multilayered structure and includes the following constant conceptual attributes: "imaginary," "desired," "ideal," and "unrealizable." Moreover, each poet associates the concept with specific nuances: Akhmatova's dream is associated with "happiness," Gumilev's with inspiration, a "beautiful refuge," Blok's with an "ideal" opposed to reality, and Yesenin's with critical reflection, the "delirium of a sick soul." Based on the analysis, four structural-semantic groups of features were identified: "deep feelings," "inner light," "imaginary world," and "illusory nature." The concept of "dream" in Silver Age poetry appears as a multidimensional symbol of the era, serving as a key to understanding the general and individual conceptual spheres of the author.

Keywords: concept of "dream"; linguacognitive analysis; representation; poetry; cognitive metaphor; Silver Age; Russian language.

ХУСУСИЯТҲОИ ИНЪИКОСИ МАФҲУМИ "ОРЗУ" ДАР МАТНИ АДАБИ

Манонзода Фарангис

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 92 914 23 96 (м.)
manonzodaf@mail.ru

Мақола ба таҳлили лингвокогнитивии мафҳуми "орзу" дар шеъри асри нуқраи адабиёти рус бахшида шудааст. Аҳамияти таҳқиқот аз аҳамияти омӯзиши соҳаҳои концептуалии миллӣ ва инъикоси онҳо дар гуфтугӯи бадеӣ муайян карда мешавад: таҳлили мафҳумҳои асосӣ имкон медиҳад, ки ҷаҳонбинии давр ва хусусиятҳои услуби муаллифи алоҳида амиқтар дарк карда шаванд. Ҳадафи ин таҳқиқот муайян кардани хусусиятҳои сохторӣ ва семантикии мафҳуми "орзу" дар шеъри лирикии Н.С.Гумилев, А.А.Блок, С.А.Есенин ва А.А.Ахматова ва муайян кардани истиораҳои маърифатӣ ва хусусиятҳои эмотсионалӣ-моддӣ он. Намунаҳои забони мафҳуми "орзу" дар гуфтугӯи шеърии асри нуқра системанок карда шудаанд, хусусиятҳои миллӣ ва инфиродӣ-муаллифӣ онҳо муайян карда шудаанд ва гурӯҳбандии ҷузъҳои сохторӣ-семантикӣ пешниҳод карда шудаанд. Муқаррар карда шудааст, ки мафҳуми "орзу" сохтори бисёрқабата дорад ва хусусиятҳои доимии зерини мафҳумиро дар бар мегирад: "хаёلى", "хосташуда", "идеалӣ" ва "амалнопазир". Ғайр аз ин, ҳар як шоир мафҳумро бо сояҳои мушаххас алоқаманд мекунад: орзуи Ахматова бо "хушбахтӣ", орзуи Гумилев бо илҳом, "паноҳгоҳи зебо", орзуи Блок бо "идеал", ки бар хилофи воқеият аст ва орзуи Есенин бо фаҳмиши интиқодӣ, "делирияи рӯҳи бемор" алоқаманд аст. Дар асоси таҳлил, чор гурӯҳи сохторӣ ва семантикии хусусиятҳо муайян карда шудаанд: "эҳсосоти амиқ", "нури ботинӣ", "ҷаҳони хаёلى" ва "табиати иллюзорӣ". Мафҳуми «орзу» дар шеъри асри нуқра ҳамчун рамзи бисёрҷанбаи давр пайдо мешавад ва калиди дарки соҳаҳои умумии концептуалӣ ва инфиродӣ-муаллифӣ мебошад.

Калидвожаҳо: мафҳуми «Орзу»; таҳлили лингвокогнитивӣ; намояндагӣ; шеър; метафораи маърифатӣ; асри нуқра; забони русӣ.

УДК 801.3:802.0

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАННЫХ ОРОНИМОВ В СИСТЕМЕ ТОПОНИМИКИ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Салимшоева Фуруг Мехрубоновна

Докторант PhD кафедры языкознания и сравнительной типологии
Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 121
Тел: (+992) 93 122 19 10 (м.)
salimshoevafurugh1@gmail.com

Статья посвящена исследованию роли заимствованных оронимов в формировании топонимических систем таджикского и английского языков. В работе географические названия рассматриваются как важные носители исторической, культурной и языковой информации, отражающие длительные процессы межкультурных контактов, миграций и этнолингвистического взаимодействия. Особое внимание уделяется оронимам как одному из наиболее устойчивых пластов топонимии, сохраняющих древние языковые элементы и следы исторических эпох. Цель исследования заключается в выявлении особенностей происхождения и функционирования заимствованных оронимов в сопоставляемых языках. В качестве основных методов используются описательный, сравнительно-типологический и этимологический анализ. Анализируются этимологические источники заимствованных оронимов, а также особенности их структурной организации, фонетико-морфологической адаптации и семантической трансформации в принимающем языке. Рассматривается влияние арабских, форси-дари, тюркских и русских элементов в таджикской оронимии, а также кельтских, латинских, скандинавских и норманнских заимствований в английской топонимической системе. Подчеркивается, что заимствованные оронимы выступают важным показателем историко-культурных связей народов, сохраняют культурно-историческую память и отражают мировоззренческие особенности соответствующих регионов. Делается вывод о значении заимствований как одного из ключевых факторов формирования многослойной топонимической картины мира и ценного материала для дальнейших лингвистических исследований.

Ключевые слова: оронимы; заимствования; топонимика; таджикский язык; английский язык; этимология; адаптация; семантика; структурные модели; языковые контакты; историческое влияние; культурная интеграция.

Топонимическая система любого языка представляет собой сложный историко-лингвистический пласт, в котором отражаются древние этнокультурные контакты, миграционные процессы и особенности языкового развития. Одним из наиболее информативных компонентов этой системы являются *оронимы* – названия гор, хребтов, вершин, перевалов и других форм рельефа. Оронимия сохраняет древнейшие слои лексики и фиксирует следы исчезнувших языков и культур, что делает её важным объектом филологического анализа. Особенность оронимической лексики заключается в том, что названия объектов рельефа часто

формируются в результате контактов разных этноязыковых общностей. Поэтому значительная часть оронимов имеет заимствованное происхождение, отражая исторические взаимодействия народов. В этом отношении таджикская и английская оронимия представляют особый интерес: обе системы формировались в условиях интенсивных языковых контактов, однако их источники, механизмы и направления заимствований отличаются.

В таджикской оронимии заметны многослойные пласты: древнеиранский, согдийский, арабский, тюркский, китайский и русский, каждый из которых оставил свой след в номинации географических объектов. Формирование этих слоёв обусловлено длительными историческими, культурными и миграционными процессами, которые на протяжении столетий определяли языковую картину региона. Как показывают исследования А.Азимова [1], О.Махмаджонова [4] и А.Л.Хромова [9], современные таджикские оронимы нередко скрывают в себе сложные этимологические структуры, восходящие к глубоко укоренённым лексическим пластам. Эти названия не только обозначают конкретные географические реалии, но и отражают древние представления о пространстве, культуре, сакральности горных объектов, а также о социально-исторических связях между народами. Наличие таких разновременных и разноязыковых элементов позволяет рассматривать таджикскую оронимию как динамичную систему, в которой прошлое и настоящее тесно переплетаются, а языковые архаизмы сохраняются в устойчивых номинативных моделях. Таким образом, оронимы становятся важным источником сведений о развитии и трансформации таджикской топонимической традиции.

Английская оронимия, представленная в трудах Эйлера Эквалла [13], А.Миллса [15] и С.Алкаваза [11], характеризуется многослойной системой заимствований, сформированной в результате длительного историко-культурного взаимодействия различных этноязыковых общностей. В её становлении участвовали кельтские, латинские, скандинавские, норманнские и германские языковые пласты, каждый из которых внёс определённый вклад в структурно-семантическую организацию английской оронимической лексики. Как отмечает Сихам Алкаваз: «многие названия гор Британии фиксируют следы древних этносов, таких как бритты, пикты, скоты, а также позднейшие англосаксонские и скандинавские влияния» [11, с.132]. Подобная многослойность языковых элементов обусловила высокую степень семантической неоднородности оронимов, а также их полисемичный характер, что позволяет рассматривать английскую оронимию как результат сложных процессов языковой интерференции и культурной преемственности.

Сопоставительное изучение заимствованных оронимов двух языков позволяет выявить не только общие типологические черты и структурные различия между двумя независимыми ономастическими традициями, но и определить направления исторического взаимодействия культур, отражённого в географических наименованиях. Обращение к заимствованным формам открывает возможность для анализа глубинных языковых контактов, которые проявляются в фонетической, морфологической и семантической адаптации оронимических единиц. В

этом контексте важно учитывать, что заимствования проходят сложный путь интеграции: от прямого переноса имени до его постепенной ассимиляции в новой языковой системе, сопровождаемой переосмыслением, сокращением или расширением значения.

Кроме того, межъязыковое сопоставление демонстрирует, что заимствованные оронимы выполняют не только номинативную функцию, но и приобретают культурно-репрезентативный статус, становясь маркерами исторической памяти, социально-политических трансформаций и геолингвистической идентичности сообщества. Они фиксируют следы древних миграций, торговых маршрутов, политических влияний и культурных контактов, которые по-разному проявляются в таджикской и английской традициях формирования оронимов. Рассматриваемая в статье тематика опирается на широкий круг исследований по ономастике и этимологии, включая работы О. Аббозова [10], посвящённые структуре и происхождению таджикских оронимов, фундаментальные англоязычные источники по исторической топонимии (в частности, исследования К. Уотсона [Watson K. *The Oxford Dictionary of British Place-Names* / Oxford University Press, 2011], М. Миллера [Miller M. *The Logic of Place-Names* / University College London Press, 2014], Р. Коутса [12]), а также современные междисциплинарные подходы, объединяющие методы когнитивной лингвистики, культурологии и географической семантики. Использование сопоставительного анализа позволяет установить, какие типы горных названий наиболее подвержены заимствованиям, как изменяется их внутренняя структура в процессе адаптации к новой языковой среде, какие модели словообразования проявляют наибольшую устойчивость, и какие факторы, к примеру, исторические, культурные или лингвистические оказывают наибольшее влияние на трансформацию оронимических единиц. Такой анализ делает возможным выявление общих закономерностей функционирования заимствованных географических названий и уточнение механизмов их семантической эволюции в двух сопоставляемых языках.

Изучение оронимии опирается на комплексный подход, включающий лингвистические, историко-культурные, географические и этнографические методы. В российской ономастической традиции термин «ороним» закреплён в работах Н. В. Подольской, которая определяет его как «собственное имя любого объекта рельефа земной поверхности» [7, с.98]. Такое широкое трактование позволяет объединить в единую категорию вершины, хребты, массивы, плато, перевалы, ущелья, сопки и другие формы рельефа. В научной литературе представлены разные классификации оронимов. Ниже в таблице мы попытаемся разобраться с данными классификациями.

Таблица 1 — Семантические признаки заимствованных оронимов в таджикском и английском языках

Семантический признак	Категория	Таджикский пример (ТЖ)	Английский пример (EN)	Комментарий о заимствовании/адаптации
Природные признаки	Отражение формы, размера, рельефа	Куллаи Скалисти (Пик Скалистый)	The Peak District (или Mount Peak)	В обоих языках слово «Peak/Пик» является заимствованным (в тадж. через рус.) для обозначения острой формы вершины. Слово «Скалисти» в таджикской топонимии также выступает как заимствованный адъективный ороним
Антропонимические названия	Названы в честь личностей	Куллаи Исмоили Сомонӣ (Пик И. Сомони)	Mount St. Helens (Назван в честь дипломата лорда Сент-Хеленса)	Англ: Заимствование (имени собственного) из французско-английского культурного ареала. Тадж: Адаптация исторического имени
Отражение цвета	Связаны с визуальной характеристикой	Кӯхи Сиёҳ (Kūhi Siyoh – Черная гора)	Black Mountain (Уэльс)	Оба примера часто являются кальками (Кӯхи Сиёҳ может быть калькой с тюрк. <i>Karatağ</i> или наоборот)

Семанти- ческий признак	Кате- гория	Таджик- ский при- мер (ТЖ)	Англий- ский пример (ЕН)	Комментарий о заимствова- нии/адаптации
Связан- ные с жи- вотными	Назва- ны по местной фауне	Кӯҳи Буз (<i>Kūhi Buz</i> – Козья гора)	Goat Fell (Шотлан- дия)	Англ: <i>Fell</i> (нор- веж. «гора») — скандинавское заимствование. Тадж: Исконное название буз (коза)

Источник: составлено автором

Данная таблица демонстрирует, что в обеих языковых системах используются сходные мотивы номинации горных объектов, при этом в их структуре нередко прослеживаются заимствованные или адаптированные элементы. Наблюдается закономерность, согласно которой, несмотря на различия культурных и языковых традиций, процессы называния гор опираются на универсальные принципы: описание физико-географических признаков, указание на сакральный характер объекта, отражение исторических персоналий, а также использование древних субстратных форм. Исследователь О.К.Аббозов акцентирует внимание на лингвистической гетерогенности топонимов, отмечая, что «формирование оронимических наименований нередко осуществляется посредством смешанных моделей, при которых в одном названии сочетаются элементы разных языков или различных исторических слоёв» [10, с.15]. Данное положение наглядно подтверждается примером сочетания *Kuh-i-Lalmi*, включающего ирано-таджикскую основу *kuh* («гора») и тюркский компонент, что иллюстрирует механизм межъязыкового взаимодействия и постепенной языковой адаптации.

Такие гибридные структуры особенно важны для анализа, поскольку они фиксируют следы древних контактов и свидетельствуют о том, что оронимы редко бывают «чистыми» с точки зрения происхождения. В таджикской и английской оронимии подобные случаи демонстрируют, как языковая система стремится сохранить историческую форму заимствования, одновременно адаптируя её к собственной фонетике и словообразовательным моделям. Благодаря этому смешанные оронимы становятся ценным источником данных для изучения исторической динамики, взаимодействия культур и эволюции географических названий в разных языковых традициях.

Процесс заимствования собственных имён обладает рядом специфических особенностей и существенно отличается от заимствования общеязыковой лексики, поскольку в данном случае единицей переноса выступает не отдельное слово, а целостная номинация, тесно связанная с историко-культурным контекстом. Как отмечает А.Азимов, в процессе топонимической деривации «чаще всего “пере-

ходят» не отдельные слова, а целые номинации вместе с историческими, религиозными и культурными смыслами» [1, с.24]. В результате оронимы могут заимствоваться другим языком в неизменённом виде, сохраняя свою исходную форму и семантику: Так, *Everest*, являясь именем Дж. Эвереста (брит.), был воспринят и закрепился в десятках языков мира; *Ararat* (арм.) вошёл в персидскую, русскую и европейскую традиции; *Хиндукуш* (ст.-инд.) был интегрирован в таджикскую языковую систему [5; 7]. Вместе с тем, нередко случаи фонетической и морфологической адаптации оронимов, что подтверждается трансформацией согдийского *Pamir* в таджикский *Памир*, становлением английской фонетической формы кельтского *Ben Nevis* [9], а также эволюцией авестийского *Alborz*, зафиксированного в таджикской традиции через промежуточные варианты *Elburz* и *Alburz* [1]. Помимо этого, в ряде случаев реализуется механизм калькирования, о чём свидетельствуют такие примеры, как английское *Black Mountains* (калька кельтского *Mynydd Du*) и таджикское *Кӯҳи Сиёҳ* [10; 12].

Как отмечает исследователь Сихам Алкавваз, оронимы «чаще других топонимов сохраняют древнейшие пласты языков, поскольку географические названия менее подвержены замене, чем урбанонимы или гидронимы» [11, с.130], что создаёт уникальную возможность для прослеживания глубинных процессов заимствования и исторической преемственности в системе географической номенклатуры. Оронимическая система таджикского языка, как показывают исследования А.Азимова [1] и О.Махмаджонова [4], «обладает выраженной многослойностью, сформировавшейся в результате длительных исторических контактов и постепенной эволюции иранских языков» [1, с.42]. Наиболее древние пласты, представленные авестийскими и раннеиранскими элементами, формируют основу горной номинации и включают такие оронимы, как *Памир*, трактуемый как древнегорный термин со значением «крыша мира»; *Алборз*, восходящий к авестийскому *Harā Vərəzaitī* со значением «высокая, возвышенная гора»; а также *Турмир*, связанный с древнеиранским корнем *tir* («стрела, луч»). Среднеиранские элементы, прежде всего согдийского и бактрийского происхождения, сохранили своё влияние в Согдийской области и прилегающих районах, к числу которых относятся такие названия, как *Зарафшон*, интерпретируемое как «золотоносный», и *Кӯҳи Музбек*, буквально означающее «ледяная гора» или «гора льда».

Арабский слой, проникший в таджикскую оронимию вместе с исламом, представлен, главным образом, религиозной и астрономико-символической семантикой, что наглядно проявляется на примере *Кӯҳҳои Ақрабо*, связанного с зодиакальным знаком «скорпион», а также *Ҷабали Нур*, означающего «гора света». Тюркский компонент, активно представленный в северных и южных районах страны, отражает историческое соседство и миграционные процессы; его иллюстрируют такие оронимы, как *Қизил Қулла*, где тюркское *қизил* («красный») сочетается с таджикским *қулла* («вершина»), и *Тентан Суфиён*, в составе которого элемент *тента* является адаптацией тюркского *тепе* («холм»). Для новейшего этапа формирования оронимической системы характерен русский суперстрат, который, будучи связан с советской идеологией, породил ряд наименований, позднее подвергшихся переосмыслению и замене в ходе культурно-

политической трансформации, поскольку, по справедливому замечанию исследователей, «в новейший период заметным стал русский суперстрат, связанный с советской идеологией и породивший ряд названий, позднее заменённых в ходе культурно-политической переоценки» [2, с.34]. Процессы переименования крупнейших орографических объектов Таджикистана наглядно демонстрируют трансформацию топонимической политики: так, *Пик Ленина* был переименован в *Пик Абуали ибни Сино*, а *Пик Коммунизма* – в *Пик Исмоила Сомони*, что иллюстрирует переход от внешне идеологически обусловленной номинации к национально значимым антропонимам. Совокупность приведённых данных подтверждает тезис, обоснованный в трудах А.Л.Хромова, о «многослойности таджикской оронимии, где древние субстраты, средневековые влияния, тюркские адстраты и новейшие русские суперстраты взаимодействуют в пределах единой топонимической системы, отражая историческую динамику и культурную память региона» [9, с.14].

Английская оронимия, как показывают классификации Эйлерта Эквалла [13] и Эдриана Миллса [15], формировалась в пространстве, где в течение нескольких веков взаимодействовали кельтские, латинские, германские, скандинавские и норманнские пласты, что обусловило её многосоставный характер. Древнейший и мощный слой представлен кельтскими элементами, сохранившимися в названиях наиболее известных горных объектов Британии. Такие оронимы, как *Ben Nevis*, происходящий от гэльского *beann* «гора», *Snowdon*, отражающий валлийское *Eryri* «орлиные горы», а также *Pen-y-Fan*, *Ben Lomond*, *Cader Idris*, демонстрируют устойчивость кельтского субстрата, который продолжает определять фонетическую и семантическую структуру значительной части английских горных названий.

Второй крупный исторический слой связывается с латинскими и романскими элементами, проникшими в английскую топонимию в эпоху Римской Британии. Латинское *mons*, адаптированное в английской традиции в форме *mount*, сохранилось в ряде оронимов, например *Mount Caburn* и *Mount Grace*. При этом в ряде случаев древние элементы проявляются фрагментарно, главным образом через отдельные корневые формы типа *tor* («скала») или *dun* («крепость на холме»), которые, как подчеркивает крупнейший теоретик топонимики Э.М.Мурзаев, «постепенно интегрировались в местные словообразовательные модели» [5, с.46]. Последующий этап представлен англосаксонским пластом, сформировавшимся в V-XI вв., когда германские племена существенно изменили лингвистическую карту Британских островов. Такие оронимы, как *Highcliff* с характерным англосаксонским элементом *clif* («скала»), а также *Steep Holm* и *Harden Hill*, демонстрируют сочетание германских корней с более древними субстратными компонентами.

Весомый вклад в формирование английской оронимии внесли скандинавские элементы. Как отмечает Эдриан Миллс, норвежское *ffell* («гора»), адаптированное в форме *fell*, закрепилось в названиях *Goat Fell* и *Scafell Pike*. Также существенную роль сыграли норвежские форманты *howe* и *haugr* («курган», «холм»), ставшие частью горной терминологии северных регионов Британии. Позднейшие

влияния представлены французскими формами, такими как *Beaufort Hill* и *Montacute* (от франц. *mont aigü* – «острая гора»), что фиксирует точечное проникновение норманнской лексики в топонимическую систему [15, с.332].

Современные исследования, в частности работа Сихама М.Х.Алкаваза, подтверждают, что «английская оронимия характеризуется высокой гибридностью» [11, с.132], поскольку многие названия сочетают кельтские корни с англосаксонскими или скандинавскими формантами. Так, *Scafell* демонстрирует взаимодействие скандинавской основы с её английской адаптацией. Механизмы адаптации заимствованных оронимов в английской и таджикской традициях обнаруживают значительное сходство. Как отмечает А.Азимов: «наиболее распространённым способом выступает фонетическое приспособление к нормам языка-реципиента» [1, с.123]. Это прослеживается в трансформации авестийского *Harā Vərəzaitī* в таджикское *Alborz (Elburz)*, что сопоставимо с переходом гэльского *Beann Nibheis* в английское *Ben Nevis*. Помимо этого, существенную роль играет морфологическая интеграция. Согласно выводам Олимджона Аббозова, таджикские наименования типа *Кӯҳи Ало* или *Қаторқӯҳҳои Вахш* и английские сочетания с формантами *-mount*, *-hill*, *-fell* демонстрируют активное встраивание заимствованных корней в национальные словообразовательные модели [10, с.15].

Оронимия Таджикистана представляет собой многослойную лексическую систему, сформировавшуюся под воздействием древнеиранских, согдийских, арабских, тюркских, монгольских, русских и советских пластов. В современной лингвистической литературе, в частности в фундаментальном труде Олимджона Обиджоновича Махмаджонова, указывается на сложный и неоднородный характер таджикской оронимической традиции, в рамках которой заимствованные элементы составляют значительный процент. Это подтверждается положением автора о том, что «заимствования затрагивают как основы номинации, так и частные форманты, что позволяет классифицировать оронимы по различным историко-этимологическим уровням» [4, с.38].

Авестийские и древнеиранские элементы формируют наиболее глубокий и устойчивый пласт таджикской оронимии. Крупные горные массивы региона восходят именно к этим древним корням, сохраняя их даже после длительных фонетических и структурных преобразований. Как подчёркивает в своём исследовании Саидкул Курбанович Караев, названия Албурз/*Alborz*, происходящие от авестийского *Harā Vərəzaitī* («высокая гора»), а также формы Тирмиз / Тирмир, связанные с древнеиранским элементом *tir* («луч», «стрела»), «демонстрируют устойчивость древнеиранской оронимической традиции» [3, с.32]. При этом лингвистический анализ таких макрооронимов, как Памир / Помир, подтверждает их связь с древними иранскими пластами лексики, несмотря на различные исторические интерпретации. В этой связи обращает на себя внимание положение о том, что значительная часть гор Центрального Таджикистана сохраняет доисламские наименования, формирующие базовый слой локальной топонимики, как это устанавливается в работах А.Азимова. На данный фундамент наслаивается согдийско-бактрийский слой, особенно отчётливо представленный в Согде и прилегающих территориях. Такие оронимы, как *Зарафшон* (золотоносный), *Кӯҳи*

Музбек (от согд. *Muz* «лёд»), а также *Рамит / Ромит*, восходящие к бактрийскому *ram* (укреплённое, возвышенное место), отражают древние хозяйственные и культурные традиции региона, о чём свидетельствуют исследования О.Махмаджонова.

Обобщение материала подтверждает, что древнеиранская основа формирует фундамент таджикской оронимии, тюркский слой существенно влияет на региональные особенности номинации, арабские элементы ограничиваются религиозной сферой, а русские названия XX века отражают политическую историю. Высокая степень гибридации, отмеченная Азимовым и Махмаджоновым, определяет уникальный характер таджикской оронимической системы, в которой исторические пласты активно взаимодействуют друг с другом.

Английская оронимия сформировалась в результате многовекового взаимодействия различных этноязыковых групп, что обусловило возникновение сложной структуры, в рамках которой пересекаются кельтские, латинские, германские, скандинавские и норманнские пласты. В трудах Эйлерта Эквалла, А.Миллса, а также в более поздних работах С.Алкаваза английские горные названия рассматриваются как носители следов древних культурно-языковых контактов, сохраняющие наиболее устойчивые элементы каждого исторического периода. Наиболее ранний и фундаментальный слой английской оронимии связан с кельтской традицией, оставившей такие корневые элементы, как *ben, pen, tor, craig, cader*, представленные в названиях *Ben Nevis, Ben Lomond, Snowdon* и *Cader Idris*. Как подчеркивает классик зарубежной топонимики В.А.Никонов, данные формы «восходят к древнейшим пластам кельтской языковой картины мира» [6, с.46]. Эти формы отражают архаичные представления о природном ландшафте и мифологические образы, закрепившиеся в топонимической системе Британии задолго до англосаксонского и римского влияния.

Скандинавский пласт, наряду с англосаксонским наследием, выступил ключевым фактором гибридации английской топонимии. По мнению А.В.Суперанской, такие компоненты, как *fell, howe* и *gill*, не просто заимствовались, а образовывали устойчивые смешанные модели номинации, адаптируясь к местной грамматике. В свою очередь, норманнско-французский слой, возникший после 1066 года, хоть и проявился менее масштабно, привнес в оронимию, по словам исследователя, «характерную культурно-аристократическую окраску», закрепив за объектами статусную маркированность в рамках единой системы [8, с.312]. Сравнительное рассмотрение таджикской и английской оронимии позволяет выявить ряд типологических сходств и различий, обусловленных исторической динамикой двух языковых систем, спецификой языковых контактов и культурных моделей номинации. Несмотря на значительную генетическую и географическую удалённость этих языков и отсутствие прямых взаимодействий между ними, процессы формирования заимствованных оронимов в обеих традициях обнаруживают структурные параллели, что даёт основания рассматривать оронимию как универсальный механизм фиксации исторических и культурных слоёв в языковом сознании.

Одним из наиболее существенных типологических совпадений является многослойный характер оронимических систем. В таджикской традиции, согласно работам А.Азимова и О.Махмаджонова, выделяются древнеиранский, согдийский, арабский, тюркский и русский пласты, каждый из которых отражает определённый этап исторического развития и этнокультурных контактов. Сходная структура наблюдается и в английской оронимии, где, как показывают исследования классиков топонимики Эйлерта Эквалла и Эдриана Миллса, проанализированные в работе Г.Исраилова, «кельтские элементы взаимодействуют с латинскими, англосаксонскими, скандинавскими и норманнскими компонентами, формируя многослойную оронимическую систему» [14, с.3]. Это позволяет рассматривать оронимию обоих языков как результат длительного накопления и взаимодействия разноэтничных структур.

Важную параллель можно наблюдать в том, что наиболее древние пласты сохраняются преимущественно в горных названиях, что отмечает С.Алкаваз применительно к английской традиции и А. Азимов к таджикской. Горные объекты наиболее устойчивы к переименованию, в отличие от городов или сельских поселений, которые часто меняют названия вследствие политических и социальных трансформаций. Так, древнеиранский *Harā Vərəzaitī*, закреплённый в таджикской форме *Албурз*, и гэльское *Beann Nibheis*, адаптированное как *Ben Nevis*, сохраняют историческую память языков, которые уже давно не функционируют как доминирующие. Таким образом, оронимы становятся своеобразным «музеем языка», фиксирующим исчезнувшие или ослабленные культурные элементы.

Взаимодействие языков и заимствование структурных элементов в обеих традициях имеет схожие механизмы. Таджикские примеры (*Қаратог, Теннаи Суфиён, Қизил Қулла*) демонстрируют адаптацию тюркских корней в комбинации с иранскими словообразовательными моделями. Английские гибриды (*Scafell Pike, Castle Crag, Cader Idris*) показывают аналогичное слияние скандинавских, кельтских и германских основ. Такое структурное переплетение наблюдается и в фонетической адаптации: таджикский *Помир* и английский *Helvellyn* модифицируют древние формы под действием фонологического строя языка реципиента. Эти процессы подтверждают, что заимствования в оронимии подчиняются общим лингвистическим закономерностям: фонетической ассимиляции, морфологической интеграции и постепенной семантической переинтерпретации.

Однако сопоставительный анализ выявляет и существенные различия, обусловленные историко-культурной спецификой соответствующих регионов. Таджикская оронимия характеризуется доминированием древнеиранской основы, которая, как отмечает ведущий исследователь региона А.Л.Хромов, «формирует не только корневые элементы, но и семантические структуры, что особенно заметно в названиях крупных региональных массивов (Памир, Албурз, Зарафшон)» [9, с.34]. В английской же традиции подобный единый глубинный пласт отсутствует: вместо него взаимодействуют несколько древних субстратов, прежде всего кельтский и скандинавский. Такая полифоничность обуславливает большую вариативность номинативных моделей, в результате чего в английской оронимии значительно чаще фиксируются двойные и тройные гибридные образования, то-

гда как в таджикской традиции гибридность также присутствует, но характеризуется более ограниченным набором структурных комбинаций.

Анализ заимствованных оронимов таджикской и английской топонимии позволяет сделать вывод о том, что обе системы представляют собой сложные историко-лингвистические образования, сохраняющие следы многочисленных этнокультурных контактов. Независимость развития двух языков не исключила сходных механизмов формирования оронимического пространства: в обеих традициях именно горные названия демонстрируют наибольшую устойчивость, что позволяет выявлять глубинные пласты языка, утратившие продуктивность в других сферах. Благодаря этому оронимия остаётся одним из наиболее информативных источников для реконструкции древних форм и культурных влияний.

В таджикской традиции доминирующим является древнеиранский пласт, обеспечивший основу для крупных географических названий, тогда как согдийские, бактрийские, арабские, тюркские и русские элементы наслаивались в течение столетий, создавая многоуровневую структуру. В английской оронимии ситуация иная: отсутствие единого глубинного субстрата обусловило взаимодействие нескольких древних пластов, прежде всего кельтского и скандинавского, сопровождаемое латинскими, германскими и норманнскими влияниями. Это привело к большей гибридизации моделей номинации и к формированию уникального многоязыкового ландшафта.

Таким образом, сопоставительный анализ позволяет утверждать, что роль заимствований в формировании таджикской и английской оронимии заключается не только в расширении номинативного ресурса, но и в формировании культурного пространства, отражающего историческую память народов. Через горные названия сохраняются древнейшие представления о ландшафте, мифологии, мировоззрении и этнических контактах, что делает оронимию важной частью национального языкового наследия и ценной областью для дальнейших междисциплинарных исследований.

Литература

1. Азимов А. Проблема этимологического анализа оронимов Центрального Таджикистана: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Азимов Абдусаттор. – Душанбе: ИЯиЛ им. А. Рудаки, 2011. – 167 с.
2. Асадова М.Р. Сравнительный структурно-семантический и этимологический анализ географических терминов в таджикском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Асадова Мунира Рустамовна. – Душанбе: ТНУ, 2021. – 162 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/sravnitelnyi-strukturno-semanticheskii-i-etimologicheskii-analiz-geograficheskikh-terminov-v>
3. Караев С.К. Таджикская ономастика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Караев Саидкул Курбанович. – Душанбе: ТНУ, 1998. – 380 с.
4. Махмаджонов О.О. Историко-лингвистическое исследование топонимии Гиссарской долины Таджикистана: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Махмаджонов Олимджон Обиджонович. – Душанбе, 2010. – 350 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/istoriko-lingvisticheskoe-issledovani>
5. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

6. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 180 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. – М.: Наука, 1988. – 192 с. – Режим доступа: <https://djuv.online/file/KElpsLt8CxUXt>.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
9. Хромов А.Л. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана. Вып.1. – Душанбе : Ирфон, 1975. – 84 с.
10. Abbozov O.Q. In Particular of the Formation of the Oronyms [Electronic resource] // Intersections of faith and culture: American journal of religious and cultural studies. – 2023. – Vol.1, №10. – P.13-17. – Access mode: <https://grnjournal.us/index.php/AJRCS/article/download/>
11. Alkawwaz S.M.H. A Phono-Rhetorical Study of Oronyms in English [Electronic resource] // Academic journal of interdisciplinary studies. – 2021. – Vol.10, №2. – P.129-137. – Access mode: <https://doi.org/10.36941/ajis-2021-0044>
12. Coates R. The Oxford handbook of names and naming. – Oxford: Oxford university press, 2016. – 612 p.
13. Ekwall E. The Concise Oxford dictionary of English place-names. – 4th ed. – Oxford: Clarendon press, 1960. – 546 p.
14. Israilov G. Scopus Lexician and Oronym Semantics [Electronic resource] // International journal of psychosocial rehabilitation. – 2019. – Vol.24, №5. – P.1-6. – Access mode: <https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I5/PR2020617>
15. Mills A.D. A Dictionary of English place-names. – Oxford: Oxford university press, 1991. – 383 p.

THE ROLE OF BORROWED ORONYMS IN THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

Salimshoeva Furug Mehrubonovna

PhD student of the chair of linguistics and comparative typology

Tajik state pedagogical university named after S.Aini

734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 121

Ph.: (+992) 93 122 19 10 (м.)

salimshoevafurugh1@gmail.com

The article is devoted to the study the role of borrowed oronyms in the formation of the toponymic systems of the Tajik and English languages. The paper examines geographical names as important carriers of historical, cultural, and linguistic information, reflecting long-term processes of intercultural contacts, migrations, and ethno-linguistic interaction. Particular attention is given to oronyms as one of the most stable layers of toponymy, preserving ancient linguistic elements and traces of historical eras. The aim of the study is to identify the origins and functioning of borrowed oronyms in the compared languages. Descriptive, comparative typological, and etymological analysis are the primary methods used. The etymological sources of borrowed oronyms, as well as the features of their structural organization, phonetic and morphological adaptation, and semantic transformation in the host language, are analyzed. The influence of Arabic, Forsi-Dari, Turkic, and Russian elements in Tajik oronymy, as well as Celtic, Latin, Scandinavian, and Norman borrowings in the English toponymic system, is considered. It is emphasized that borrowed oronyms serve as an important indicator of the historical and cultural ties between peoples, preserve cultural and historical memory, and reflect the ideological characteristics of the

corresponding regions. The article concludes that borrowings are a key factor in the formation of a multilayered toponymic picture of the world and provide valuable material for further linguistic research.

Keywords: oronyms; borrowings; toponymy; Tajik language; English language; etymology; adaptation; semantics; structural patterns; language contacts; historical influence; cultural integration.

НАҚШИ ОРЕНИМҲОИ ИҚТИБОСӢ ДАР НИЗОМИ ТОПОНИМИКАИ ЗАБОНҲОИ ТОЧИКӢ ВА АНГЛИСӢ

Салимшоева Фуруғ Меҳрубоновна

Докторант аз рӯи ихтисос PhD кафедраи забоншиносӣ
ва типологияи муқоисавии

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рудаки, 121

Тел.: (+992) 93 122 19 10 (м.)

salimshoefurugh1@gmail.com

Мақола ба баррасии нақши оронимҳои иқтибосӣ дар ташаккули низоми топонимии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ бахшида шудааст. Дар таҳқиқот номҳои чуғрофӣ ҳамчун ниғаҳдорандаи иттилооти таърихӣ, фарҳангӣ ва забонӣ мавриди омӯзиш қарор мегиранд, ки раванҳои тӯлони робитаҳои байнифарҳангӣ ва ҳамкориҳои этнолингвистиро инъикос менамоянд. Манбаҳои этимологии оронимҳои иқтибосӣ, хусусиятҳои сохторию семантикии онҳо ва ҷараёни мутобиқшавии забонӣ таҳлил карда мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба таъсири унсурҳои арабӣ, форсӣ-дарӣ, туркӣ ва русӣ дар оронимии тоҷикӣ, инчунин иқтибосҳои келтӣ, лотинӣ, скандинавӣ ва норманнӣ дар забони англисӣ равона шудааст. Зикр мегардад, ки оронимҳои иқтибосӣ хотираи таърихию фарҳангиро ҳифз намуда, хусусиятҳои ҷаҳонбинӣ ва муҳити фарҳангии минтақахоро инъикос мекунанд. Хулоса бар он аст, ки иқтибосҳо омилҳои муҳим дар ташаккули тасвири бисёрҷабатаи топонимии ҷаҳон мебошанд.

Калидвожаҳо: ороним; иқтибос; топонимия; забони тоҷикӣ; забони англисӣ; этимология; мутобиқсозӣ; онамастика; семантика; ангешиш; модели сохторӣ; робитаҳои забонӣ; таъсири таърихӣ; ҳамгирии фарҳангӣ; лингвотрансфер.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 821.161.1.09

К ПРОБЛЕМАМ СТИЛЕМАТИКИ МАКСИМА ГОРЬКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ФОМА ГОРДЕЕВ»)

Елистратов Владимир Станиславович

Доктор культурологии, профессор
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1
Тел.: +7 (916) 935 13 66 (м.)
vse.slova@mail.ru

Ковтун Марина Борисовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
Государственный университет просвещения
105005, Россия, Москва, ул. Радио, д.10а
Тел.: +7 (926) 185 45 68 (м.)
kovtunmb@rambler.ru

Статья посвящена исследованию стилематики творчества М. Горького на материале его романа «Фома Гордеев». Под стилематикой писателя понимаются те «стилистические зоны», которые доминируют в его текстах. Максим Горький – писатель очень «неровный» в плане «полистилематики». Писатель постоянно «зонировал» не только проблематику, идеологию своих текстов, но и стиль. И все же определенная доминанта у М.Горького была. Актуальность работы и обусловлена необходимостью нового осмысления языковых экспериментов писателя в контексте литературного процесса рубежа XIX-XX веков.

Характерная черта русской словесности – осуществлять дидактику через стилистику, «учительствовать» через стилематику. Такая установка – одна из доминирующих. Русская литература – фабрика по производству образных афоризмов (гном, максим), так называемых крылах слов и выражений, ориентированных на языковую игру, речевую энигматичность. Максим Горький в этом смысле очень показателен. Его роман «Фома Гордеев» изобилует тем, что можно назвать гибридами пословиц и афоризмов, гном и поговорок (все герои романа «говорят афоризмами»). Дидактизм и язык, стиль пересекаются в той стилистической зоне, которая вбирает в себя множество кратких речевых жанров. В них М.Горький умело «нейтрализует» авторское и народное, как мастер идиоматической мимикрии. Использование писателем малоформатных жанров в романе свидетельствует о глубоком знании народного языка, с другой – позволяет в полной мере охарактеризовать поступки и характеры людей: выделить важные, с точки зрения автора, понятия, позицию персонажей, рефлексии и ход их размышлений. Лаконичное изложение мыслей, имеющих особую силу воздействия, их острота, простота и многогранность придают произведению экс-

прессивно-эмоциональную окраску и в этом заключены языковые и стилевые особенности романа «Фома Гордеев», отражающие результаты творческих исканий писателя между дидактизмом и ярким стилем.

В стилистике романа М.Горького, как и в его творчестве в целом, отчетливо отражается лингвоцентризм русской словесности. Причина в том, что Горький воспринимал язык, стиль не просто как систему изобразительно-выразительных средств, он воспринимал его глубоко этически.

Полученные выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории русского литературного языка и при чтении вузовских курсов по творчеству М.Горького.

Ключевые слова: стилема; стилематика; максима; гнома; мораль; апофегма; афоризм; изречение; сентенция; лингвоцентризм; языковая личность; парадоксальность Горького.

Стилема – термин столь же дискуссионный, сколь дискуссионны все так называемые эмные, или эмические, единицы: от фонемы и морфемы до культуры или психологемы. Стилема (соответственно – стилематика) может пониматься по-разному, например, как некая единица текста функционального стилистического уровня или же уровня экспрессивно-стилистического. В литературе можно встретить и практические отождествление стилемы и стилистического архетипа (с использованием юнчианского дискурса). Термины локализуют внимание лишь на определенных деталях и не отражают в полной мере знания, информацию, связанную с позиционируемым объектом, но «в термине реализуются механизмы познания той или иной специальной области знаний или деятельности, в нём репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимизации организации деятельности специалистов» [1, с.51-52].

Под стилематикой писателя мы будем понимать те «стилистические зоны», которые доминируют в его текстах. К примеру, для стилематики Андрея Белого очень важна фонетико-стилистическая и синтактико-стилистическая зоны (регистры). Для Андрея Платонова – зона семантико-сочетаемостная. Сердцевина стилематики этого писателя – нарочитое нарушение законов семантической сочетаемости («вскоре после Родины они проснулись»; «в мире было рано, шли первоначальные века» и т.д.). Данное понимание термина апеллирует к многомерному представлению художественной картины мира писателя и способствует его более полному и глубокому познанию.

Максим Горький – писатель, конечно, великий, но очень «неровный». Не в смысле того, что «у него есть удачные» и «неудачные» тексты, а именно в плане «полистилематики». Согласимся, что «Песня о Буревестнике», «Старуха Изергиль» и «Жизнь Клима Самгина» – совершенно разные стилистические регистры. Вместе с тем, надо отметить, что на разных этапах творчества М.Горький постоянно «зонировал» (очень модный термин у современных архитекторов) не только проблематику, идеологию своих текстов, но и стиль. И все же определенная доминанта, «красная нить», у М.Горького была. И в этом смысле он очень русских писатель.

Русская литература, как никакая другая, постоянно находилась в мучительных поисках компромиссов между этикой и эстетикой, «учительством», морализаторством и лингвоцентризмом, «самовитостью слова» (Вел. Хлебников). Творческие искания между дидактизмом и ярким стилем, под которым подразумевается не развлекательность, а именно яркая форма выражения дидактических постулатов.

В некоторых культурах в этом смысле произошло четкое «разделение труда». К примеру, британская словесность дала с одной стороны – парадоксализм Б. Оу и О. Уайльда, а веком ранее – Л. Стерна, с другой – дидактическую назидательную романистику. Даже А.С. Пушкин назвал Клариссу С. Ричардсона «скучной душой». В Китае эти функции поделили «нудные» конфуцианцы и «веселые» даосы, как Чжуан-цзы.

В России этот компромисс давался намного труднее. Однако можно привести блестящие примеры дидактико-стилистического синтеза. Один из самых ярких – басни И.А. Крылова, в которых эпический басенный жанр становится своего рода «короткометражной комедией», а мораль – «веселой поговоркой».

Дидактизм и язык, стиль пересекаются в той стилистической зоне, которая вбирает в себя множество кратких речевых жанров, имеющих самые разные названия: максима, гнома, мораль, апофегма, афоризм, изречение, сентенция и т.п. Все эти жанры считаются дидактическими. В целом они должны быть поучительными, глубокими, в меньшей степени – «меткими». Такие качества, как остроумность, парадоксальность в них периферийны, факультативны. Так, греческая гнома абсолютно серьезна. Мнемоничность (запоминаемость) гномы вовсе не подразумевает ее образности или смеховой составляющей. И это не только у греков. В этом смысле и цитатник Мао Цзэдуна и собранные Л.Н. Толстым «Мысли мудрых людей» – тоже сборники гном, максим, апофегм, изречений, сентенций и афоризмов. Они не «лингвоцентричны», они – «мыслецентричны», «когнитивноцентричны».

Такое отношение к дидактике никогда не удовлетворят русских писателей. Существует огромное количество высказываний о русском языке как о своего рода «дидактической самооценности», о том, что язык сам по себе уже «учитель жизни», что вся мудрость заключается как бы не в «ментальности», «когнитивности», а в самом языке, речи. Здесь сакраментальны и тургеневское «великий, могучий, правдивый и свободный», и гоголевское «меткое русское слово» из «Мертвых душ» и т.д.

В XX веке в лингвистике появилась хорошо известная гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которая предполагает примат языка над мышлением (ранее схожие идеи высказывались многими учеными, например, В. Гумбольдтом). Русская же литература повторяла о «лингвистической относительности», начиная с М.В. Ломоносова. Отсюда характерная черта русской словесности – осуществлять дидактику через стилистику, «учительствовать» через стилематику. Такая установка – одна из доминирующих. Русская литература – фабрика по производству образных афоризмов (гном, максим), так называемых крылах слов и выражений, ориентированных на языковую игру, речевую энигма-

тичность (А.Н.Островский, И.А.Крылов, М.А.Булгаков, И.Ильф и Е.Петров и др.). Далее эта традиция будет продолжена в советском и российском кинематографе (от «Чапаева» братьев Васильевых до «Брата» Алексея Балабанова). Отсюда следует соответствующий характерный прием многих писателей, который можно назвать идиоматической мимикрией. То есть писатели словно бы говорят народным языком, имитируя пословицы, поговорки, приговорки, скороговорки и т.д.; играют определенную речевую роль, под которой понимается «некий возможный и допустимый репертуар речевых средств, которые можно употребить в различных ситуациях общения» [8, с.65].

Максим Горький в этом смысле очень показателен. Как отмечают исследователи: «По самым скромным подсчетам, учитывающим данные современных поисковых систем, в русское языковое пространство за последнее столетие вошло более 300 крылатых единиц великого писателя. Это свидетельствует о том, что вклад А.М.Горького в корпус цитат и крылатых выражений русского языка настолько значителен, что необходимо его монографическое словарное описание наряду с теми лексикографическими трудами, которые уже подготовлены отечественными филологами» [4, с.45-46]. «Фома Гордеев» (1899) М. Горького, первый роман писателя, изобилует такой идиоматической мимикрией.

«Фома Гордеев» – не самый лучший и не самый худший роман М.Горького. Известно, что его критиковал, например, А.П.Чехов. К.И.Чуковскому тоже роман явно не понравился и менее всего понравилась именно стилематика. По его замечанию, все герои в романе «непременно говорят афоризмами». Тем не менее, роман имел большой успех, неоднократно ставился в театрах, получал кинематографическое воплощение (1959г.).

Роман «Фома Гордеев» изобилует тем, что можно назвать гибридами пословиц и афоризмов, гном и поговорок. В них М. Горький умело «нейтрализует» авторское и народное, как мастер идиоматической мимикрии. Если бы при желании мы захотели проделать поистине гигантскую работу по сопоставлению русской идиоматики, зашифрованной в словарях (например, В.И.Даля) с горьковской стилематикой, то мы вряд ли точно бы определили их прямую связь. Придумал М.Горький свои «гномапоговорки» или подслушал и переделал – очень трудно сказать. Идентичны они или являются «авторскими трансформерами» – тайна. Каково здесь соотношение «документального плагиата» и индивидуального художественного творчества – сплошная «энигма».

Итак, рассмотрим краткие речевые жанры М.Горького, условно обозначив их одним термином – «афоризмы». Они, используя терминологию Н.Т.Федоренко и Л.И.Сокольской, вводные, то есть извлеченные из текста романа [9].

Действительно, по замечанию К.И.Чуковского, все герои романа «Фома Гордеев» «говорят афоризмами». В качестве иллюстрации приведем образцы «стилематических» малых жанров из романа:

Маякин: «...девка не лошадь, без сбруи с рук не сбудешь...» [2, с.402]; «...свинья ищет, где лужа, а Фома – где хуже...» [Там же, с.414]; «Раньше песик корку жрал, – нынче Моське сливки жидки...» [Там же, с.410]; (о недовольстве

кем-либо, чем-либо); «жирок обсосать» [Там же, с.414] (заставить кого-то поху-деть, осунуться); «Мертвому – рай, живой – дальше играй!» [Там же, с.416] (о движении вперед); «... кровь густая, никакая баба не разбавит её» [Там же, с.409] (о сильных мужчинах своей семьи); «... не выйдет из ветлы ни оглобли, ни метлы» [Там же, с.442] (о никчемном человеке); «Прикормит девка моя парня к себе» [Там же, с.360]; «... на брюхе-то шёлк, да в брюхе-то щёлк» [Там же, с.369]; (о представителях городской знати); «... темечко толстовато» [Там же, с.284] (о туповатом, недогадливом человеке); «Расцветает наш репей алым маком» [Там же, с.232] (человек набирается ума, добивается успехов); «... голова садовая, то есть – капуста» [Там же, с.269].

Игнат: «... не люди, а так, скорлупа одна» [Там же, с.211] (о «разной шушаре»); «Около хорошего человека потрешься – как медная копейка о серебро – и сам за двугривенный сойдешь...» [Там же, с.220] (о влиянии хорошего человека); «из пяток слезы брызнут» [Там же, с.255] (о сильном ощущении, трудном испытании); «... как гриб-поганка, чуть из земли поднялся, а уж воняешь» [Там же, с.255] (отрицательная оценка поведения человека).

Фома: «ни в дудку, ни поплясать» [Там же, с.290] (о никуда не годном человеке); «... или башка вдребезги, или стена пополам!» [Там же, с.363] (об упрямости);

Ежов: «оглобля символическая» [Там же, с.435] (о большом, но нерасторопном человеке); «чемоданчики с пирожками» [Там же, с.224]; (о сытых благополучных людях);

Луп Резников: «Не дрогнул! Как барыня в пляс!» [Там же, с.436] (о наглom поведении);

Мужик: «Горе заставит – бык соловьем запоет» [Там же, с.333]; «... с непри-вычки и кашу есть трудно» [Там же, с.356] (о терпении);

Ефим: «подмочить вином пружины» [Там же, с.344] (разгорячиться, сме-леть от вина); «... у брюха свои законы» [Там же, с.235] (о нищете, голоде);

Саша: «Гуляй себе без оглядки, а там – кашку слопал – чашку о пол...» [Там же, с.360] (о безрассудном поведении);

Пелагея: «... до золы сгорю, коли вспыхнула» [Там же, с.242] (о страсти).

Представленные гибриды пословиц, афоризмов, гном, поговорок – метафо-рическое осмысление обобщенной информации: оценки действительности, по-учения, суждения, определения, эмоциональное или ментальное состояние. Каж-дая фраза в какой-то степени характерологична, подчеркивает нечто индивиду-альное в образе говорящего и в тоже время является определенным маркером со-циальной принадлежности.

«Автором» многочисленных метких высказываний в романе является Яков Маякин. Образ купца, владельца канатного завода, Якова Маякина в произведе-нии – один из наиболее удачно созданных писателем социально-бытовых типа-жей купечества в контексте русской художественной литературы XIX – начала XX в. [10]: человек деловой, энергичный, прагматичный, «железный», «мозго-

вой», «способен думать шире, чем требуют узколичные его интересы, он политически наточен и чувствует значение своего класса» [3, с.478-479]. Образ Маякина создается именно средствами разговорной речи.

Речь Маякина экспрессивна, образна, иносказательна. Примечательны диалоги Маякина и Фомы:

«— Я, деточка, паче всего боюсь глупости, — со смиренной ядовитостью ответил Маякин. — Я так полагаю: *даст тебе дурак мёду — плюнь; даст мудрец яду — пей!* (курсивом выделено авторами) А тебе скажу: *слаба, брат, душа у ерша, коли у него щетинка дыбом не стоит...*

Насмешливые слова старика обидели и озлили Фому. Он отвернулся в сторону и сказал:

— Не можете вы без вывертов без этих говорить...

— Не могу! — воскликнул Маякин, и глаза его тревожно заиграли. — Каждый говорит тем самым языком, какой имеет. Суров я кажусь? Так, что ли?» [2, с.265-266];

«Маякин чмокнул губами и унылым голосом пропел:

— Какой ты ду-убина! Какой ду-урачина! — и, внезапно озлившись, плюнул. — Тыфу тебе! *Всякий скот пил из крынки, остались подонки, а дурак из грязного горшка сделал божка!*.. Чо-орт! Ты иди к ней и прямо говори: «Желаю быть вашим любовником, — человек молодой, дорого не берите» [Там же, с.291];

« — Ну и глуп же человек в своей юности! — негромко воскликнул Маякин. — *Стоит перед ним пень дерева, а он видит — морда зверева...* о-хо-хо!

— Говорите прямыми словами, — угрюмо сказал Фома.

— Чего тут говорить? Дело ясное: *девки — сливки, бабы — молоко; бабы — близко, девки — далеко...* стало быть, иди к Соньке, ежели без этого не можешь, — и говори ей прямо — так, мол, и так... Дурашка! Чего ж ты дуешься? Чего пыжишься?» [Там же, с. 292].

Высказывается Маякин, по словам Фомы, «вывертами», не «прямыми словами». Использование обобщающих конструкций и пословично-поговорочных выражений (присутствующее обобщение — языковой маркер дидактизма) создает образ Маякина прежде всего как наставника, крестного отца Фомы. Речь героя в полной мере соответствует заданности его образа. Диалоги Маякина с Фомой по сути своей — нравоучительные беседы, передающие жизненные установки «воспитателя» «воспитываемому». Поучения, главной целью которых является достижения определенного воздействия на адресата, транслируют субъективное отношение к жизни, выражают личностные положительно или отрицательно маркированные ценности Маякина с позиции априорной осведомленности о том, что есть «истина», должное:

«... когда всей сластей наешься досыта — а ржаного хлебу захочется... вот тогда женись» [2, с.245-246] (о житейской мудрости, связанной с выбором спутника жизни и пониманием истинных ценностей);

«... ты еще щенок, рано тебе басом лаять» [Там же, с.249] (о молодости и неопытности);

«... или всех грызи, иль в грязи лежи» [Там же, с.286] (о бескомпромиссности, борьбе);

«Рубль – штука клейкая: чем больше в твоих руках повертится, тем больше копеек к нему пристанет...» [Там же, с.303];

«... побить молотом – будет золотом...» [Там же, с.313];

«При плохих картах всегда с козыря ходи» [Там же, с.363] (о решительности);

«Кабы комар столько время жил — с курицу бы вырос...» [Там же, с.363];

«Телятам же – по-медвежьи не реветь» [Там же, с.365].

Назидательность речи наставника реализуется посредством употребления лексики, которая содержит этические семы или коннотации с эмоционально-оценочными компонентами. Любое его суждение построено алогично, парадоксально, содержит ироническую интенцию и подтекст. Таким образом, Маякин показывает себя как убежденного и рассудочного человека, демонстрирующего свою сообразительность, чувство юмора и остроумную манеру говорить.

Использование М.Горьким малоформатных жанров в романе свидетельствует о глубоком знании народного языка, с другой – позволяет в полной мере охарактеризовать поступки и характеры людей: выделить важные, с точки зрения автора, понятия, позицию персонажей, рефлексии и ход их размышлений [6]. Лаконичное изложение мыслей, имеющих особую силу воздействия, их острота, простота и многогранность придают произведению экспрессивно-эмоциональную окраску и в этом заключены языковые и стиливые особенности романа «Фома Гордеев», отражающие результаты творческих исканий писателя между дидактизмом и ярким стилем.

Симбиозность идейно-тематического содержания романа и весь арсенал художественно-выразительных средств (метафора, антитеза, ирония, каламбурная игра слов и мыслей, парадокс, афористическая дефиниция, интертекстуальные связи и др.), используемых Горьким для его воплощения, и определяет миропонимание автора, то есть его стиль – «психоидеологию писателя» [5, с.149]. Но, прежде всего, это демонстрация мастерства писателя, его интеллектуального капитала и искусности его словотворчества.

В стилистике романа М. Горького, как и в его творчестве в целом, мы видим отчетливое отражение лингвоцентризма русской словесности, который прослеживается еще с древнерусской литературы. Об этом достаточно много говорилось и писалось. Русский лингвоцентризм традиционно проявляется в своих экстремумах. С одной стороны – «тихая экспрессия» («Повесть о Петре и Февронии Муромских», с другой стороны – «громкая экспрессия» так называемого «плетения словесных венков» («Епифаний Премудрый» и др.). Все аналогично иконописи: «минимализм», как сказали бы в XX веке, Андрея Рублева и «максимализм» Максима Грека. Та же картина и в XIX веке: «выверенный», к примеру, в языковом отношении Тургенев и «неистовый», со стилистической точки зрения, Лесков. Даже те же «крайности» и в серебряном веке, и в раннесоветских экспериментах, и в позднесоветских литературных текстах. Эта культурная оппозиция

глубоко интернациональна. Еще древние греки противопоставляли лаконизм азианизму, видя «золотое сечение» где-то посередине, то есть в так называемом аттицизме.

Для русской литературы эти поиски отмечены особым экзистенциальным напряжением. В этом смысле Горький и как личность, и как «языковая личность» [7, с.35] очень симптоматичен. Можно сказать, что он как бы стремится заполнить весь стилематический спектр. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что Горький воспринимал язык, стиль не просто как систему изобразительно-выразительных средств, он воспринимал его глубоко этически. И отсюда – парадоксальность Горького и как человека, и как писателя-стилиста. Об этом очень точно написал В. Ф. Ходасевич в своем знаменитом очерке о Горьком.

Ходасевич называет Горького Лукой [11, с.165-166], который притворяется Сатиным. Лука-ложь, со стилистической точки зрения, – не что иное, как «плетение словес», Сатин-правда – бесстилен. Его страстная речь о человеке, несмотря на весь ее пафос, абсолютно безобразна.

Во всем творчестве Горького, и в «Фоме Гордееве» в том числе, отрицательные герои говорят ярко, метафорично, афористично, положительные – тускло, бесстильно. Сатин изъясняется примерно так же, как Горький в «Песне о Буревестнике». Кроме «седой равнины моря» (почти стертая, сухая метафора), «черной молнии подобный», в стихотворении есть только банальные прилагательные-атрибуты, вроде «гордого» буревестника и «глупого» пингвина, и столь же банальные наречия. Ложь многословна, для Правды же «плетение словес», «азианизм» – табу. Отсюда – подобный «натужный минимализм».

Многие отмечали, что в повседневной жизни Горький был довольно многословен, говорил со вкусом, ярко, долго, «сочно». Был он выразителен и соматически. На это и указывает В.Ф.Ходасевич, неоднократно отмечает и К.И.Чуковский в своих дневниках, и многие другие. Тот же Ходасевич говорит о том, что Горький преклонялся перед фактами, потому что факт – это чистая Правда. Но факт бесстилен. Значит и Правда должна быть бесстильна. Горький заставляет Сатина произносить речь о человеке в пьяном состоянии. Сатин даже не произносит речь, он ее как бы «вылаивает» или выстреливает. Там масса назывных предложений и парцелляций. Это своего рода «пулеметный лаконизм». Сам же Горький как языковая личность скорее всего был похож на Луку, в также и на многочисленных своих героев, которых он «развенчивал», «разоблачал».

Такова, на наш взгляд, главная лингвоэтическая антиномия языковой личности Горького, которая делает его воистину уникальным человеком и писателем. И глубоко трагичным, и творчески неповторимым.

Важно отметить, стилематика М.Горького очень симптоматична для стилематики русской литературы в целом. Перед нами действительно «меткое русско-горьковское слово». Или «горьковско-русское». Через дефис, как известно, пишутся слова, являющиеся равноценными, которые можно соединить союзом «и».

Литература

1. Головина Е.И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – №2. – С.51-54.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 25 т. Т.4. – М.: Наука, 1969. – 644с.
3. Горький А.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во худож. лит., 1950.
4. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Цитаты и крылатые выражения из произведений А.М.Горького в изменчивом пространстве языка и культуры // Филология и культура. – 2019. – №4(58). – С.45-46.
5. Сакулин П.Н. Филология и культурология. – М.: Высшая школа, 1990. – 240 с.
6. Савенкова Л.Б. Способы введения афоризмов в текст как отражение коммуникативной установки автора речи // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. научн. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2 т. / отв. ред. Н.Ф.Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2: Идиоматика и когнитивная лингвистика. – С. 205-209.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
8. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. – М.: Высшая школа, 1992. – 175 с.
9. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М.: Наука, 1990. – 189 с.
10. Харсеева Н.В. Образ купечества в русской художественной литературе XIX начала XX в. // Теория и практика общественного развития. – 2009. – №3-4. – С.213-224.; Богданова В.П. Купеческие образы в русской литературе // Русская литература. – 1994. – №1. – С.181-196.
11. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т.4: Некрополь. Воспоминания. Письма. – М.: Согласие, 1997. – 744 с.

ON THE PROBLEMS OF THE STYLEMATICS OF MAXIM GORKY (BASED ON THE NOVEL «FOMA GORDEYEV»)

Elistratov Vladimir Stanislavovich

Doctor of cultural studies, professor
Moscow state university of Lomonosov
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1
Ph.: +7 (916) 935 13 66 (m.)
vse.slova@mail.ru

Kovtun Marina Borisovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of Russian as foreign language
State university of education
105005, Russia, Moscow, Radio, 10a
Ph.: +7 (926) 185 45 68 (m.)
kovtunmb@rambler.ru

This article is devoted to the study of the stylematics of Maxim Gorky's oeuvre, examined through the material of his novel «Foma Gordeyev». By the writer's stylematics we mean those «stylistic zones» that dominate his texts. Maxim Gorky is a highly «uneven» writer in terms of «polysimantics». He consistently «zoned» not only the thematic and ideological dimensions of his works, but also their stylistic organization. Nevertheless, a certain dominant tendency can be identified in Gorky's writing. The relevance of this study lies in the necessity of reinterpreting the author's linguistic experimentation within the broader literary process at the turn of the nineteenth and twentieth centuries.

A characteristic feature of Russian literature is the realization of didactic purposes through stylematics, that is, «teaching» through stylematics means. This orientation constitutes one of its dominant principles. Russian literature may be viewed as a veritable factory of figurative aphorisms (gnomes, maxims), so-called «winged words» and expressions oriented toward linguistic play and verbal enigma. In this respect, Maxim Gorky is particularly illustrative. His novel «Foma Gordeyev» abounds in what may be described as hybrids of proverbs and aphorisms, gnomes and sayings (indeed, all the characters in the novel «speak in aphorisms»). Didacticism, language, and style intersect within that stylistic zone which incorporates numerous concise speech genres. In these forms, Gorky skillfully «neutralizes» the boundary between the authorial and the popular voice, acting as a master of idiomatic mimicry. The writer's use of small-form genres in the novel testifies, on the one hand, to his profound knowledge of the vernacular language and, on the other, enables a comprehensive characterization of actions and personalities. It highlights the concepts most significant from the author's perspective, as well as the positions of the characters, their reflections, and the logic of their reasoning.

The laconic presentation of ideas endowed with particular expressive force – their sharpness, simplicity, and multidimensionality – imbues the work with emotional intensity. These features constitute the linguistic and stylistic specificity of «Foma Gordeyev», reflecting the results of Gorky's creative search between didacticism and vivid stylistic expressiveness.

In the stylistics of Gorky's novel, as in his oeuvre as a whole, the linguocentrism characteristic of Russian literature is distinctly manifested. The reason lies in the fact that Gorky perceived language and style not merely as a system of expressive devices, but as phenomena of profound ethical significance.

The findings obtained may be employed in further research on the history of the Russian literary language, as well as in university-level courses devoted to the works of Maxim Gorky.

Keywords: styleme; stylematics; maxim; gnome; morality; apophthegm; aphorism; dictum; sententia; linguocentrism; linguistic personality; Gorky's paradoxicality.

БА МУШКИЛОТИ СТИЛЕМАТИКАИ МАКСИМ ГОРКИЙ (ДАР АСОСИ РОМАНИ "ФОМА ГОРДЕЕВ")

Элистратов Владимир Станиславович

Доктори фарҳангшиносӣ, профессор
Донишгоҳи давлатии Москва ба номи Ломоносов
119991, Россия, Москва, кӯч. Ленинские Горы, 1
Тел.: +7 (916) 935 13 66 (м.)
vse.slova@mail.ru

Ковтун Марина Борисовна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ
Донишгоҳи давлатии таҳсилот
105005, Россия, Москва, кӯч. Радио, 10а
Тел.: +7 (926) 185 45 68 (м.)
kovtunmb@rambler.ru

Макола ба омӯзиши услубшиносии эҷодиёти М. Горкий бо истифода аз маводи романи ӯ "Фома Гордеев" бахшида шудааст. Чаҳорҷубаи услубии нависанда ба "минтақаҳои услубӣ"-е ишора мекунад, ки матнҳои ӯро бартарӣ медиҳанд. Максим Горкий аз нигоҳи бисёрстилематика нависандаи хеле нобаробар аст. Ӯ на танҳо мавзӯ ва идеологияи матнҳои худро, балки услуби худро низ пайваста "минтақабандӣ" мекард. Бо вучуди ин, Горкий хусусияти муайяни бартаридошта дошт. Аҳамияти ин асар аз зарурати аз нав дида баромадани таҷрибаҳои забонии нависанда дар заминаи раванди адабӣ дар охири асри 19 ва 20 бармеояд. Хусусияти хоси адабиёти рус амалӣ кардани дидактика тавассути услубшиносӣ, "таълим додан" тавассути услубшиносӣ мебошад. Ин равиш яке аз равишҳои бартаридошта аст. Адабиёти рус қорхонаи истеҳсоли афоризмҳои маҷозӣ (гном, максим), калимаҳо ва ибораҳои ба истилоҳ болдор, ки ба бозии забон ва муаммои шифоҳӣ нигаронида шудаанд, мебошад. Максим Горкий дар ин маврид хеле тасвирӣ аст. Романи ӯ "Фома Гордеев" бо он қизе, ки метавон онро гибриди зарбулмасал ва афоризмҳо, гномҳо ва мақолҳо номид, фаровон аст (ҳамаи қаҳрамонҳои роман "бо афоризмҳо сухан мегуянд"). Дидактизм ва забон, услуб дар минтақаи услубие, ки бисёр жанрҳои нутқи кӯтоҳро дар бар мегирад, бо ҳам мепайванданд. Дар онҳо Горкий моҳирона забони муаллиф ва забони мардумро, ки устоди тақлидҳои идиоматикӣ аст, "бетараф" мекунад. Истифодаи жанрҳои кӯтоҳ аз ҷониби нависанда дар роман дониши амики ӯро дар бораи забони мардумӣ нишон медиҳад ва аз тарафи дигар, ба ӯ имкон медиҳад, ки амалҳо ва хислатҳои одамонро пурра тавсиф кунад: мафҳумҳоеро, ки барои муаллиф муҳиманд, мавқеъҳо, андешаҳои қаҳрамонҳо ва ҷараёни андешаи онҳоро таъкид мекунад. Пешниҳоди лаконикӣ аз ғояҳо, ки махсусан аз ҷиҳати таъсир пурқувватанд, тезӣ, соддагӣ ва гуногунҷабҳагии онҳо ба асар сифати ифоданок ва эмотсионалӣ мебахшад. Инҳо хусусиятҳои забонӣ ва услубии романи "Фома Гордеев" мебошанд, ки натиҷаҳои ҷустуҷӯи эҷодии нависандаро байни дидактизм ва услуби равшан инъикос мекунад. Услуби романи Горкий, инчунин умуман асари ӯ, лингвасентризми адабиёти русро ба таври возеҳ инъикос мекунад. Ин аз он сабаб аст, ки Горкий забон ва услубро на танҳо ҳамчун системаи воситаҳои тасвирӣ ва ифодакунанда дарк мекард; ӯ онро аз нигоҳи амики ахлоқӣ дарк мекард. Натиҷаҳои метавон дар таҳқиқоти минбаъда оид ба таърихи забони адабии рус ва дар курсҳои донишгоҳӣ оид ба асари Горкий истифода бурд.

Калидвожаҳо: сабк; услубшиносӣ; максим; гном; ахлоқ; апофтегма; афоризм; гуфтан; максим; забонмарказӣ; шахсияти забонӣ; парадоксии Горкий.

УДК 070.46 (575.3)

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЖАНРЫ В СМИ ТАДЖИКИСТАНА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ (1991-2024гг.)**

Муллоев Шариф Бокиевич

Доктор филологических наук,
профессор кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 33
mulloev_sharif@mail.ru

В статье рассматривается трансформация информационных жанров в СМИ Таджикистана с 1991 по 2024 годы, обусловленная политическими, экономическими и технологическими изменениями. До обретения независимости СМИ являлись инструментом государственной пропаганды, но с 1991 года началось развитие частных медиа, расширившее их жанровое разнообразие. Отмечается, что телевидение стало доминирующим источником информации, акцентируя внимание на новостных программах, отражающих политические, социальные и культурные события. Радио также претерпело изменения, с появлением тематических и молодежных программ. Печатные СМИ адаптировались к новым технологиям, предлагая разнообразные жанры и освещая широкий спектр мнений. Жанровая трансформация проанализирована на примере новостей (заметки), репортажа, интервью, отчета и хроники, разделенных на периоды до и после 2000-х годов.

Ключевые слова: трансформация; СМИ; информационные жанры; Таджикистан; журналистика.

С обретением независимости в 1991 году Таджикистан вступил на путь масштабных преобразований, затронувших и сферу средств массовой информации. Медиапространство страны начало меняться вместе с обществом: информационные жанры трансформировались, подстраиваясь под новые социокультурные и политические реалии. В данной статье рассматривается эволюция информационных жанров в таджикских СМИ с 1991 по 2024 годы, а также влияние телевидения, радио и печатных изданий на этот процесс.

До конца XX века таджикские средства массовой информации находились под строгим контролем тоталитарного режима. Газеты, радио и телевидение выполняли, прежде всего, функцию рупора советской идеологии. Основу медиаконтента составляли официальные сообщения и отчеты, направленные на поддержание существующего порядка. Одним из характерных признаков той эпохи была «монополия государства на распространение информации» [6, с.133], что существенно ограничивало развитие независимой журналистики и свободных жанров.

В начале 1990-х годов ситуация стала постепенно меняться. Появление независимых телеканалов и радиостанций открыло новые возможности для отечественных медиа. Журналистика начала отходить от строгости официоза, и в информационном пространстве стало больше места для репортажей, интервью и аналитических материалов. Новые издания охватывали не только политическую повестку, но и социальные, культурные и экономические темы.

Особую роль в этот период сыграло телевидение, которое стало основным источником информации для большинства населения. С начала 2000-х годов число телеканалов заметно возросло, а одним из наиболее востребованных жанров оказались новостные программы. Они начали освещать не только политические события, но и важные для общества вопросы – от социальных проблем до культурной жизни страны.

В последние годы таджикское телевидение активно развивает интерактивные форматы, стремясь вовлечь зрителей в информационный процесс. На ряде телеканалов появились репортажи с места событий, что сделало новостные программы более динамичными и приближенными к реальности. Так, в 2020 году, в условиях пандемии COVID-19, телевидение перешло к более гибким форматам – прямым эфирам, оперативным включениям и обращениям к зрителям, что позволило быстрее и точнее доводить информацию до населения.

Радио в Таджикистане также прошло путь значительных преобразований за годы независимости. Если в начале 1990-х годов радиопередачи носили в основном пропагандистский характер, то с появлением частных радиостанций жанровое разнообразие заметно расширилось. Многие из них стали ориентироваться на отдельные социальные группы, что способствовало появлению новых форматов вещания – от тематических рубрик до новостных дайджестов.

Сегодня все большую популярность приобретают радиoprogramмы, посвященные социально значимым вопросам: образованию, здравоохранению, экологии. Особенно востребованы передачи, затрагивающие проблемы молодежной политики. Это побуждает радиостанции создавать новые проекты, рассчитанные на интересы молодой аудитории.

Печатная пресса в Таджикистане также переживает период глубоких перемен. В начале 1990-х годов большинство газет продолжали работать в рамках советских журналистских стандартов, однако со временем под влиянием цифровых технологий и интернета подход к печатным изданиям стал меняться. Возникла необходимость адаптироваться к новым условиям – как в выборе содержания и тематики, так и в способах подачи материала.

Современные таджикские газеты и журналы предлагают более широкий спектр жанров – от интервью и рецензий до аналитических публикаций. Готовность к открытой критике и уважение к разнообразию мнений способствуют развитию публичного дискурса, в котором различные точки зрения получают возможность быть услышанными и обсужденными. Ряд популярных изданий публикует материалы, посвященные жизни таджикской диаспоры за рубежом и ее влиянию на общественные процессы внутри страны.

Жанровые изменения в таджикской журналистике прослеживаются на примере типичных форматов информационной группы, особенно при сравнении двух ключевых периодов: до 2000 года и последующих десятилетий. Такой подход позволяет более отчетливо понять, какие изменения произошли под влиянием технологического прогресса и трансформации медиасреды.

Новость (информационная заметка)

До 2000-х годов: преобладали официальные сообщения, отражающие в основном точку зрения государственных структур. Попытки независимых СМИ представить альтернативную позицию часто наталкивались на административные или законодательные ограничения.

С 2000-х годов и далее: к новостным материалам стали предъявляться более высокие требования в плане оперативности, точности и объективности. Вырос интерес к социальным темам, усилилась тенденция к персонализации новостей. Развитие онлайн-СМИ изменило формат подачи: новости стали короче, а в публикациях все чаще используется мультимедийный контент.

В будущем информационные заметки, скорее всего, продолжат меняться под влиянием автоматизации и применения искусственного интеллекта. Уже сегодня журналисты используют алгоритмы для сбора и анализа данных, создания текстов и адаптации контента под конкретного читателя. Тем не менее, как подчеркивает М.Кастельс, «роль журналиста как эксперта и аналитика, способного критически оценивать информацию и предоставлять контекст, останется ключевой» [2, с.232].

Репортаж

До 2000-х годов: репортажи, как правило, имели пропагандистский уклон. Основное внимание уделялось героическим историям и достижениям властей, что соответствовало общему идеологическому вектору СМИ того времени.

С 2000-х годов и далее: начали появляться репортажи с мест событий, в которых освещались реальные проблемы населения, экологические катастрофы, чрезвычайные происшествия и другие социально значимые темы. С развитием технологий журналисты получили возможность создавать более насыщенные и оперативные материалы – с использованием фото, видео и прямых включений.

Цифровая революция, в частности распространение смартфонов с камерами и доступ к скоростному интернету, заметно изменила подход к репортажу. Теперь журналисты могут мгновенно публиковать визуальные материалы, что усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию и позволяет ей становиться свидетелем событий в режиме реального времени.

Интервью

До 2000-х годов: интервью, как правило, проводились с представителями официальных структур и носили строго формальный характер. Вопросы подбирался таким образом, чтобы поддерживать имидж власти и не выходить за рамки дозволенного.

С 2000-х годов и далее: формат интервью стал более разнообразным. Все чаще журналисты обращаются к экспертам, общественным деятелям, оппозици-

онным политикам и обычным гражданам. Увеличилось количество острых, неудобных вопросов, затрагивающих актуальные и порой болезненные темы.

Сегодня, несмотря на изменение подходов и стилей, основная задача интервью остается прежней – предоставить аудитории информацию из первых уст и познакомить с разными взглядами на происходящее. Как отмечает А.А.Рахимов, «интервью продолжают играть важную роль в формировании общественного мнения и содействии демократическому процессу» [5, с.223].

Отчет

До 2000-х годов: отчеты, публиковавшиеся в основном в государственных изданиях, имели характер формальных сводок. В них преобладала статистика, подчеркивающая достижения государственных структур.

С 2000-х годов и далее: на смену сухим цифрам пришли аналитические обзоры, в которых стали учитывать социальные, экономические и политические аспекты. В таких материалах все чаще звучат экспертные оценки, а сами отчеты стали более содержательными и ориентированными на глубокий анализ ситуации.

Сегодня отчет воспринимается как важный аналитический инструмент. Он сочетает в себе статистические данные, мнения специалистов и различные интерпретации, позволяя читателю получить комплексное представление о происходящих в стране процессах.

Хроника

До 2000-х годов: хроникальные материалы в СМИ в основном ограничивались освещением официальных мероприятий и государственных событий. Их содержание, как правило, носило формальный характер и отражало повестку, установленную сверху.

С 2000-х годов и далее: хроника стала охватывать гораздо более широкий круг событий – от культурных акций и спортивных соревнований до происшествий, затрагивающих повседневную жизнь граждан. Расширение тематики позволило приблизить этот жанр к интересам широкой аудитории.

На развитие хроники заметно повлияли новые формы подачи информации. Помимо традиционных текстов, редакции стали активно использовать фотографии, видеоматериалы, инфографику и интерактивные элементы. Это сделало хроникальные записи более наглядными, динамичными и понятными для читателя.

При анализе жанровой трансформации таджикских СМИ необходимо учитывать ряд ключевых факторов.

Во-первых, политическую обстановку. Ограничения свободы слова, давление на журналистов и цензура привели к развитию самоцензуры, а в отдельных случаях – к уходу специалистов из профессии.

Во-вторых, экономические условия. Недостаток финансирования, а также зависимость ряда медиа от грантовых источников нередко отражаются на качестве журналистских материалов. Все чаще появляются заказные публикации, что подрывает доверие аудитории.

В-третьих, технологический прогресс. Развитие интернета и социальных сетей открыло новые возможности для распространения информации. Однако вместе с тем возникли и новые угрозы: дезинформация, фейковые новости и манипуляции, распространяющиеся с высокой скоростью.

Несмотря на положительные изменения, связанные с расширением жанров и форматов, таджикские СМИ продолжают работать в условиях ограниченной свободы. Вопрос независимости и открытости информации остается актуальным. Журналистам зачастую приходится учитывать политический контекст, что отражается как на выборе тем, так и на их подаче.

В последние годы в Таджикистане усиливается тенденция к цифровизации средств массовой информации. Практически все отечественные исследователи медиа, в том числе В.В.Кулакова, отмечают, что «развитие интернета изменило подход к созданию и распространению информации» [3, с.5]. Средства массовой информации все активнее переходят в онлайн-среду, подстраиваясь под запросы аудитории. Блоги и социальные медиа открыли новые каналы для самовыражения и обмена информацией. Как подчеркивает М.М.Лукина, это «создает конкурентную среду и побуждает традиционные СМИ быстрее адаптироваться» [1, с.99].

Учебные заведения и профильные организации уделяют все больше внимания журналистскому образованию и программам повышения квалификации. По мнению А.Нуралиева, это способствует «формированию нового поколения журналистов, способных эффективно использовать различные жанры для подачи информации, соответствующей современным стандартам» [4, с.122].

Какие перспективы открываются перед таджикскими СМИ?

Прежде всего, развитие независимого сектора, что возможно только при наличии системной поддержки и создании благоприятной институциональной среды для свободной и профессиональной деятельности журналистов.

Не менее значимой задачей остается повышение уровня профессионализма. Решение этой проблемы предполагает организацию специализированных образовательных программ, тренингов и семинаров, направленных на укрепление компетенций в области журналистики, цифровых технологий и медиаграмотности.

В условиях цифровой эпохи особое внимание уделяется развитию интернет-журналистики, использованию современных мультимедийных платформ, а также поиску эффективных каналов распространения информации, способных охватить максимально широкую аудиторию.

Одновременно с этим возрастает значение медиаграмотности населения. Критическое восприятие информации, умение распознавать фейковые новости и манипулятивные приемы становятся необходимыми навыками современного общества.

Наконец, одной из приоритетных задач остается обеспечение защиты журналистов. Разработка и внедрение механизмов, гарантирующих безопасность их профессиональной деятельности, являются важным условием устойчивого развития всей медиасферы.

В целом, трансформация информационных жанров в таджикских СМИ с момента обретения независимости представляет собой длительный и многоступенчатый процесс, начавшийся в 1991 году и продолжающийся по сей день. От идеологически выверенных публикаций советского периода таджикская журналистика шаг за шагом движется к жанровому разнообразию, стремясь соответствовать запросам современного общества.

Вместе с тем, наряду с положительной динамикой сохраняются вызовы, связанные с обеспечением свободы слова, доступом к качественному образованию и необходимостью дальнейшего профессионального роста.

Будущее таджикских СМИ во многом зависит от их способности адаптироваться к новым условиям и сохранять доверие аудитории в условиях стремительной цифровизации. Подводя черту под исследованием трансформации информационных жанров в медиапространстве суверенного Таджикистана (1991-2024 гг.), следует констатировать, что эволюция эта протекала под знаком фундаментальных сдвигов в политической, экономической и социокультурной ткани общества. Демонтаж советской парадигмы, переход к рыночным рельсам и кристаллизация национальной идентичности стали катализаторами, преобразившими содержание и архитектуру информационного контента.

Проведенный анализ выявил парадоксальную тенденцию: на фоне стремления к модернизации и соответствия глобальным медиа-стандартам, информационные жанры в Таджикистане демонстрируют устойчивость к инновациям и сохраняют отчетливые черты традиционной журналистской практики. В то же время, наблюдается экспансия прогрессивных форм подачи информации, особенно в сегменте онлайн-СМИ.

Вызовы, стоящие перед таджикскими медиа, коренятся в необходимости достижения хрупкого баланса между гарантированием свободы слова и соблюдением профессионально-этических норм, поддержанием национальной аутентичности и интеграцией в глобальное информационное пространство. Перспективы развития информационных жанров в Таджикистане неразрывно связаны с готовностью медиа-сообщества к новаторству, повышением квалификации журналистских кадров и способностью СМИ оперативно и адекватно реагировать на запросы аудитории в условиях динамично меняющейся информационной экосистемы.

Литература

1. Интернет-СМИ: теория и практика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Журналистика» / под ред. М. М. Лукиной. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 346 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606с.
3. Кулакова В.В. Интернет в системе средств массовой информации Таджикистана: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.10 / Кулакова Вера Владимировна. – Душанбе: 2007. – 180 с.
4. Нуралиев А. Проблемы и перспективы журналистского образования в Таджикистане в свете нового стандарта высшего профессионального образования // Журналистское образование. – Вена: Бюро Представителя по вопросам свободы СМИ, 2010. – С.119-125.
5. Рахимов А.А. Особенности функционирования русскоязычных печатных СМИ Таджикистана в период независимости // Вестник Педагогического университета. – 2011 – №3. – С. 220-227.
6. Шустеров Д.М. Роль печатных СМИ в освещении хода политического процесса // Средне-русский вестник общественных наук. – 2009. – №2. – С. 133-136.

**INFORMATIONAL GENRES IN THE MEDIA OF TAJIKISTAN:
TRANSFORMATION DURING THE PERIOD OF INDEPENDENCE
(1991-2024)**

Mulloev Sharif Bokievich

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of domestic and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Tel.: (+992) 44 620 42 33
mulloev_sharif@mail.ru

The article deals with the transformation of information genres in the media of Tajikistan from 1991 to 2024, which was influenced by political, economic, and technological changes. Prior to independence, the media were a tool of state propaganda, but since 1991, the development of private media has expanded the diversity of genres. The author notes that television has become the dominant source of information, focusing on news programs that cover political, social, and cultural events. Radio has also undergone changes, with the emergence of thematic and youth programs. Print media has adapted to new technologies, offering a variety of genres and covering a wide range of opinions. The genre transformation is analyzed using the examples of news (notes), reportage, interviews, reports, and chronicles, divided into periods before and after the 2000s.

Keywords: transformation; media; information genres; Tajikistan; journalism.

ЖАНРҲОИ ИТТИЛООТӢ ДАР ВАО-И ТОЧИКИСТОН: ТАБДИЛ ДАР ДАВРАИ ИСТИҚЛОЛИЯТ (1991-2024)

Муллоев Шариф Бокиевич

Доктори илмҳои филология,
профессори кафедраи журналистикаи ватанӣ ва байнаҳалқии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел: (+992) 44 620 42 33
mulloev_sharif@mail.ru

Дар мақола дигаргуниҳои жанрҳои иттилоотӣ дар ВАО-и Тоҷикистон аз соли 1991 то 2024 дар робита ба тағйироти сиёсӣ, иқтисодӣ ва технологӣ баррасӣ шудааст. Қабл аз истиқлолият ВАО як василаи таълиғоти давлатӣ буд, аммо аз соли 1991 расонаҳои хусусӣ рушд карда, гуногунии жанрҳоро васеъ намуданд. Муаллиф қайд мекунад, ки телевизион ба манбаи асосии иттилоот табдил ёфта, ба барномаҳои хабарӣ, ки рӯйдодҳои сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангиро инъикос мекунад, таваҷҷуҳ зоҳир мекунад. Радио низ бо пайдоиши барномаҳои мавзӯӣ ва ҷавонон дигаргунӣ ба амал омад. Матбуоти ҷопӣ ба технологияҳои нав мутобик шуда, жанрҳои гуногунро пешкаш намуда, доираи васеи андешаҳоро фаро мегирад. Тағйирёбии жанр бо истифода аз мисоли хабарҳо (қайдҳо), гузориш, мӯсоҳиба, гузориш ва хроника, ки ба давраҳои пеш аз солҳои 2000-ум ва баъд аз он тақсим карда мешавад, таҳлил карда мешавад.

Калидвожаҳо: табдил; ВАО; жанрҳои иттилоотӣ; Тоҷикистон; журналистика.

УДК 23.12.25

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ОНЛАЙН-СМИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Рахимов Абдухамит Абдибосирович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 12

Алиева Фарзона Хотамовна

Соискатель кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 13; (+992) 883 08 49 59 (м.)
farzonaalieva86@gmail.com

В статье рассматривается роль интернет-рекламы в развитии онлайн-СМИ, с особым вниманием к контексту Республики Таджикистан. Проведен анализ истории становления интернет-рекламы, особенностей её функционирования, преимуществ и недостатков, а также влияния на потребительскую аудиторию и цифровые медиа. Показано, что в научной литературе вопросы интернет-рекламы и её влияния на медиасистему разработаны достаточно широко, однако региональные аспекты, в частности специфика Республики Таджикистан, остаются недостаточно изученными. Выявлены ключевые тенденции развития рекламных технологий, включая возможности таргетинга, интерактивность и интеграцию различных видов рекламы. Особое внимание уделено специфике аудитории интернет-изданий, а также влиянию технических и экономических факторов на развитие медиасреды в стране. Сделан вывод о том, что интернет-реклама является самостоятельным, перспективным и самодостаточным видом рекламной деятельности, требующим профессионального подхода к разработке стратегий и адаптации к целевой аудитории.

Ключевые слова: интернет-реклама; онлайн-СМИ; аудитория Интернета; реклама в Таджикистане; Web 2.0; рекламные стратегии.

Около десятилетия назад участники рекламного рынка – специалисты по рекламе, рекламодатели, а также потребители медиаконтента – могли лишь предполагать, насколько значительным станет распространение сети Интернет в Республике Таджикистан. В настоящее время Интернет выступает одним из ключевых каналов коммуникации в современном обществе, оказывая существенное

влияние не только на повседневный образ жизни пользователей и формы их взаимодействия, но и на систему ценностей и мировоззрение в целом.

Развитие интернет-технологий привело к устранению пространственных барьеров между городами, регионами и государствами, что способствовало формированию виртуального сообщества со своими нормами, правилами и особенностями функционирования. Данные изменения находят отражение как в характере распространяемой информации, так и в специфике аудиторных групп, взаимодействующих с цифровыми медиаресурсами.

Указанные особенности позволяют рассматривать Интернет как качественно новое средство массовой коммуникации, обладающее собственной структурой аудитории. Вследствие этого возникает необходимость адаптации информационного контента и рекламных сообщений под характеристики онлайн-пользователей. Таким образом, формируется взаимосвязанная система, в которой особенности аудитории определяют содержание медиаматериалов и рекламных стратегий, что создаёт основу для научного анализа роли онлайн-рекламы в развитии современных СМИ.

Если исходить из позиции, согласно которой «сетевое пространство в целом может рассматриваться как особая форма средства массовой информации», о чём пишет А.И.Акопов в своём исследовании [1, с.20], то представляется целесообразным анализировать весь массив информации, размещаемой в медиасреде, включая рекламные сообщения, именно в контексте функционирования СМИ. Данный подход отражает одну из ключевых характеристик интернет-рекламы как принципиально нового вида рекламной коммуникации.

Актуальность её научного изучения подтверждается и историческими предпосылками развития рекламной деятельности. В отечественной практике реклама начала формироваться в начале 1990-х годов и получила признание со стороны как производителей, так и потребителей лишь к концу указанного десятилетия. Примечательно, что данный период совпал со становлением и активным развитием сети Интернет в Республике Таджикистан.

В отличие от западных стран, где реклама на протяжении нескольких столетий выступала устойчивым и признанным каналом коммуникации, эволюционируя параллельно с социально-экономическими изменениями общества, в постсоветском пространстве рекламная деятельность развивалась в условиях резкого и практически внезапного перехода к рыночной экономике. Ограниченные временные рамки не позволили сформироваться полноценному этапу адаптации рекламных практик. Процессы перестройки и последующая трансформация общественно-экономического уклада создали принципиально новые условия для развития рекламной сферы [1, с.21-26].

Сформулированные положения подтверждают актуальность научного анализа интернет-рекламы как самостоятельного вида рекламной коммуникации, занимающего особое место в существующей классификации рекламных средств. В профессиональном сообществе специалистов по рекламе онлайн-реклама уже длительное время рассматривается как устоявшееся явление, характеризующееся

сравнительно низкими затратами и высоким уровнем коммуникативной эффективности.

Стремительное распространение и признание данного инструмента обуславливают необходимость его системного изучения в рамках общей теории рекламы, а также разработки практико-ориентированных методик, направленных на оптимизацию использования интернет-рекламы и определение направлений её дальнейшего развития.

Следует отметить, что в научном и околонучном дискурсе накоплен значительный массив практических исследований и публицистических работ, в которых феномен интернет-пространства и функционирование интернет-рекламы рассматриваются с различных позиций, включая этическую, философскую, экономическую, филологическую и иные. Комплексный междисциплинарный подход к изучению интернет-рекламы позволяет не только выявить её специфические характеристики, но и обеспечить более результативное применение данного инструмента в процессе взаимодействия с целевой аудиторией.

Анализ научных работ В.Печко [9], позволяет сделать вывод о том, что в современной научной литературе по-прежнему отсутствует единое и устоявшееся определение интернет-рекламы как самостоятельного феномена. Существующие трактовки носят фрагментарный характер и не всегда в полной мере отражают специфику данного вида рекламной коммуникации.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к определению, предложенному А.Панкрухиным. Так, по его мнению, «интернет-реклама (онлайн-реклама) принято называть процесс информирования, убеждения возможного клиента или аргументированного удержания потребителя путем распространения в сети информации на целевую аудиторию о продукте, условиях и возможности его приобретения. Процесс, обеспечивающий конечную покупку продукта в режиме, он-лайн, называется электронной коммерцией» [8, с.453].

Для уточнения сущностных характеристик интернет-рекламы представляется необходимым обратиться к нормативно-правовому определению рекламы, закреплённому в Законе Республики Таджикистан от 28 мая 2003 года «О рекламе». В соответствии с данным законодательным актом реклама определяется как информация, распространяемая в различных формах и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на формирование либо поддержание интереса к физическим и юридическим лицам, товарам, идеям и инициативам, а также на содействие их реализации [4].

Закон Республики Таджикистан «О рекламе» [4], формирует нормативно-правовую основу регулирования рекламной деятельности в стране и, за исключением политической рекламы, определяет правовые отношения в данной сфере. Указанный нормативный акт направлен на защиту участников рекламного рынка от проявлений недобросовестной конкуренции, а также на предотвращение распространения ненадлежащей рекламы, способной ввести потребителей в заблуждение либо нанести ущерб их здоровью, имуществу, образу жизни, чести, достоинству и деловой репутации физических и юридических лиц. Кроме того, зако-

нодательство в области рекламы ориентировано на защиту общественных интересов и соблюдение принципов гуманности и морали.

Сопоставление данного определения с характеристиками интернет-рекламы позволяет сделать вывод о том, что по своим целям и функциональным задачам она не противопоставляется традиционным видам рекламной деятельности. В данном контексте интернет-реклама выступает не как принципиально иное явление, а как форма реализации общих рекламных функций в цифровой среде.

Данный вывод соотносится с позицией Ф.Г.Панкратова, изложенной в учебнике «Рекламная деятельность»:

«Реклама прежде всего представляет собой информацию, передаваемую в сжатой и художественно оформленной форме, обладающую эмоциональной выразительностью и направленную на акцентирование наиболее значимых характеристик товаров и услуг для потенциального потребителя. При этом реклама всегда является информацией, однако не всякая информация может рассматриваться как реклама» [7, с.5].

Таким образом, автор подчёркивает принципиальное различие между понятиями «информация» и «реклама», что позволяет более точно трактовать специфику рекламной коммуникации в цифровой среде.

Лишь спустя несколько лет после выхода рекламы на таджикский рынок специалисты стали учитывать особенности менталитета местного населения и социально-экономическую ситуацию в стране. После того как первая волна рекламной активности стабилизировалась, в Таджикистане началось активное развитие сети Интернет, что создало благоприятные условия для возникновения нового для страны вида рекламной деятельности - интернет-рекламы.

Анализ социологических исследований, проведённых ОО Центром «Зеркало» [6], позволяет автору отметить, что к началу 2010-х годов Республика Таджикистан занимала одну из ведущих позиций по уровню развития интернет-инфраструктуры в Центральной Азии. Численность пользователей сети росла стабильно из года в год, а сама отрасль демонстрировала значительные перспективы роста. В отличие от традиционных форм рекламы, адаптация интернет-рекламы происходила в более щадящих условиях, что обеспечило её динамичное развитие.

Историческая специфика этого процесса объясняет, почему такие традиционные виды рекламы, как телевизионная или наружная, после появления на таджикском рынке остались практически неизменными по своей сути. Изменения здесь затрагивали в основном технологии реализации – более качественная полиграфия, современные цифровые методы или новые анимационные приёмы. В то же время интернет-реклама зарождала принципиально новые форматы, сочетая в себе черты нескольких видов рекламной коммуникации и формируя уникальные подходы к воздействию на аудиторию.

В 2018 году в Республике Таджикистан вступило в силу постановление № 765 «О едином коммуникационном центре электрической связи», которое обязало всех операторов маршрутизировать весь входящий и исходящий интернет-трафик через единый центр государственного оператора «Тоҷиктелеком»

[6, с.50]. Данное нововведение привело к заметному ухудшению качества связи, что, в свою очередь, создало существенные препятствия для развития интернет-бизнеса и мобильной связи в стране.

Воздействие данных изменений коснулось и сферы массовой информации, активно осваивающей онлайн-платформы. Ограниченные пропускные способности и высокая стоимость интернет-трафика затрудняли предоставление мультимедийного контента, особенно видеоматериалов, которые в современных условиях являются наиболее вовлекающей формой контента.

Дополнительной проблемой для онлайн-журналистики стали блокировки сайтов, из-за чего пользователи вынуждены были использовать VPN и другие прокси-сервисы. Это не только замедляло работу сети, но и увеличивало расход интернет-трафика и финансовые затраты как со стороны пользователей, так и со стороны медиаресурсов, усложняя их деятельность и ограничивая возможности полноценного развития онлайн-СМИ.

Рекламная деятельность в Республике Таджикистан продолжает привлекать новых рекламодателей, а объём рекламного рынка страны стабильно увеличивается. В настоящее время основными каналами традиционной рекламы остаются телевидение и наружная реклама; также активно используются пресса и радио. Вместе с тем, наблюдается устойчивый рост интереса аудитории к онлайн-рекламе, что отражает современные тенденции потребления медийного контента и смещает акценты в рекламных стратегиях [6, с.51].

Согласно данным проекта «Зеркало» [6], первой электронной версией газеты в Республике Таджикистан стала «Азия-Плюс», открывшая свой сайт в марте 2005 года по адресу <http://www.news.tj/>. Вслед за интернет-газетами и журналами стремительно начали появляться ресурсы интернет-радиостанций и телевизионного вещания в сети. Увеличение числа электронных изданий создавало значительные возможности для размещения рекламы и охвата потребительской аудитории.

Однако на момент зарождения интернет-СМИ региональный рынок рекламы оставался недостаточно развитым. Многие рекламодатели в регионах не могли позволить себе создание собственного сайта, который служил бы эффективным каналом обратной связи с аудиторией через размещение ссылок на баннеры. Более того, значительная часть рекламодателей не видела необходимости в использовании подобных инструментов.

Данная ситуация привела к снижению эффективности размещения рекламы в сети. Аудитория интернет-платформ отличается высокой мобильностью и готовностью к немедленному восприятию информации, однако она не склонна запоминать контактные данные, такие как телефон или адрес сайта. В результате часть пользователей была потеряна для рекламодателей, а многие компании не ощутили желаемого эффекта от размещения и продолжили отдавать предпочтение традиционным, проверенным каналам рекламы.

В отличие от региональных рынков, столичный интернет-рынок Таджикистана характеризовался более благоприятной динамикой развития: наблюдалось усиление конкуренции между периодическими изданиями, что расширило воз-

возможности рекламодателей по выбору площадок для размещения объявлений на более выгодных ценовых условиях. Однако, несмотря на обозначенные перспективы, преимущества интернет-рекламы в Таджикистане проявились не сразу.

Практика свидетельствует о том, что рекламодатели нередко осуществляли размещение рекламы без должного учета характеристик целевой аудитории и специфики интернет-среды, руководствуясь преимущественно интуитивными подходами. Низкая эффективность рекламных кампаний обуславливалась несоответствием контента интересам аудитории, высокой стоимостью размещения, недостаточным уровнем знаний о специфике интернет-рекламы по сравнению с традиционными формами, а также рядом иных факторов.

В итоге расчеты таджикских и российских интернет-СМИ на доходы за счет рекламы не оправдались. Одновременно в глобальной сети произошло значимое событие - крах «доткомов», то есть доменов верхнего уровня сом, на которых преимущественно были зарегистрированы коммерческие организации, что оказало влияние на доверие к интернет-бизнесу и рекламным инструментам в целом.

Любая информация, размещённая в сети Интернет, становится публичной и приобретает собственную аудиторию, которая может стать постоянной, регулярно посещать сайт, блог или иной ресурс, вовлекая при этом новых пользователей в виртуальное сообщество. В отличие от традиционных печатных и электронных СМИ, аудитория интернет-ресурсов отличается повышенными требованиями и критичностью. Это связано, в частности, с тем, что пользователи сети воспринимают себя как сообщество, предоставляющее «право на публикацию» и одновременно оценивающее представляемый контент.

На основании проведённого анализа нами выделены следующие преимущества интернет-рекламы:

- Интерактивность, позволяющая пользователю активно взаимодействовать с рекламным контентом.
- Эффект обратной связи, который имеет принципиальное значение для потребителя и позволяет оперативно реагировать на рекламные сообщения.
- Широкий географический охват аудитории, обеспечивающий доступ к пользователям в разных регионах и странах.
- Доступность информации круглосуточно, что повышает удобство восприятия рекламы и возможности её использования.
- Высокая эффективность рекламного воздействия, достигаемая за счёт точного попадания в интересы целевой аудитории.
- Симбиоз видов рекламы, например слияние телевидения и интернет-рекламы на одном носителе.
- Гибкость трансляций и целевой таргетинг, позволяющие выделять из общей аудитории сегменты, соответствующие заданным критериям.
- Возможность взаимодействия с аудиторией в рабочие часы, что повышает оперативность коммуникаций и эффективность рекламных кампаний.

Несомненно, при разработке интернет-рекламы необходимо учитывать не только особенности аудитории сети, но и интересы целевой потребительской

группы. В этом контексте важно опираться на результаты исследований, которые позволяют, сопоставляя данные о предпочтениях и поведении пользователей, формировать целостный образ целевой аудитории. Основное отличие интернет-рекламы как средства коммуникации заключается в её способности интегрировать признаки различных видов рекламы, предоставляя возможность одновременно использовать несколько форматов и методов продвижения в рамках одного ресурса.

Для рекламодателя, размещающего интернет-рекламу, а также для исследователя важно учитывать, что для различных товарных категорий требуется подбор соответствующего вида рекламного инструмента. Так, например, продвижение риэлторских услуг не предполагает использования баннерной рекламы, тогда как реклама продуктов питания, таких как йогурт, не требует стимулирования покупки через интернет-магазин. Компетентное планирование рекламных кампаний в сети требует профессиональной квалификации специалистов, оказывающих услуги интернет-рекламы. При этом следует подчеркнуть, что в Интернете рекламируются, как правило, те товарные категории, которые обладают общественной значимостью и интересны определённым потребительским группам.

С появлением нового этапа развития Сети Web 2.0 онлайн-реклама приобретает разнообразные и нестандартные формы: реклама в блогах, сетевых сообществах, PR-материалы и рекламные тексты в группах пользователей и др. Использование блогов в качестве рекламной площадки представляется особенно перспективным, поскольку аудитория блогов, как правило, состоит из лояльных и активных пользователей сети, которые целенаправленно ищут информацию и хорошо осознают свои интересы. Это значительно облегчает таргетирование рекламных сообщений. Можно предположить, что в будущем блоги по охвату аудитории смогут конкурировать с крупными медийными проектами, особенно в условиях обострения политической, экономической или социальной ситуации в стране.

Развитие медийных онлайн-площадок открывает возможности для создания принципиально новых форм интернет-рекламы. Несмотря на многочисленные прогнозы относительно будущего Интернета, для успешного планирования рекламной деятельности необходимо внимательно изучать текущие процессы и тенденции.

Проведённый обзор показывает, что технологии и виды интернет-рекламы достигли уровня развития, позволяющего рассматривать её как самостоятельный и перспективный вид рекламной деятельности. Данный вывод обуславливает необходимость профессионального подхода к разработке рекламных стратегий и корректного использования инструментов интернет-рекламы. Эффективное стратегическое планирование в цифровой среде предполагает не только владение соответствующими технологиями, но и системное изучение их функциональных возможностей, а также их влияния на поведение и предпочтения потребительской аудитории. В перспективе Интернет способен предоставлять новые инструменты продвижения, отличающиеся повышенной мобильностью, экономической эффективностью и удобством использования. При этом Интернет выступает не

только как дополнение к традиционным средствам массовой информации, но и как самостоятельная медиасреда, трансформирующая традиционные формы рекламной деятельности.

Быть готовыми к будущим изменениям в сфере интернет-рекламы означает необходимость тщательного изучения всех имеющихся на данный момент возможностей, чтобы впоследствии корректно сопоставлять их с новыми технологиями и применять наиболее эффективные методы продвижения.

Согласно данным Общественного фонда, «Гражданская инициатива политики Интернета» (ГИПИ, www.cipi.tj), в Таджикистане лишь около 10-15% населения имеют доступ к сети Интернет. Другие источники указывают, что постоянный доступ в Интернет обеспечен примерно 5% населения страны. Эти показатели подчёркивают необходимость адаптации рекламных стратегий к реальной доступности интернет-аудитории и особенностям её использования.

В Таджикистане развитие онлайн-рекламы сталкивается с рядом серьёзных проблем. Прежде всего, это недостаток квалифицированных кадров, способных развивать интернет-СМИ, а также ограниченное наличие необходимого технического оборудования для выпуска онлайн-изданий. По мнению местных экспертов, замедляют развитие отрасли и экономические факторы, в частности низкий уровень жизни населения, а также периодические энергетические кризисы в республике.

В то время как на Западе онлайн-журналистика стала одним из ключевых и влиятельных средств массовой информации, в Таджикистане она лишь начинает формироваться и нередко сталкивается с экономическими и юридическими препятствиями. В настоящее время интернет-СМИ в стране преимущественно представлены таджикскими журналистами, работающими на зарубежные ресурсы, тогда как собственные популярные интернет-платформы практически отсутствуют. Среди существующих информационно-аналитических порталов можно выделить «Азия-Плюс», «Вароруд», «Авеста», «Тоjnews» и другие, при этом только около пяти-шести газет размещают свои печатные версии в интернете. В этой сфере независимые издания проявляют большую инициативу по сравнению с государственными.

Развитие интернет-журналистики в Таджикистане также связано с процессами демократизации общества. По мере расширения демократических механизмов будет расти и доступ населения к свободной информации. Уже наблюдается увеличение возможностей пользования электронной почтой и открытие частных центров доступа в интернет, таких как «Вавилон», «Интерком», «Таджиктел» и «Телеком Технолоджи». Однако к ним имеет доступ лишь ограниченное число пользователей из-за технических ограничений и высокой стоимости подключения.

Для стимулирования широкого доступа к глобальной сети и внедрения современных информационно-коммуникационных технологий 16 сентября 1999 года Президент Республики Таджикистан подписал Указ «О мерах по обеспечению доступа к мировым информационным сетям». С этого времени в интернете начали появляться страницы, посвящённые Таджикистану, в том числе, напри-

мер, «Национальная электронная библиотека - обзор средств массовой информации Таджикистана» [3].

Следует отметить, что интернет-реклама является не только средством продвижения, но и эффективным инструментом представления деятельности предприятия. Рассматривать глобальную сеть исключительно как рекламный канал было бы ошибкой. Использование современных технологий позволяет создавать для партнёров специализированные разделы на сайте, недоступные широкой аудитории. Такие разделы обеспечивают быстрый доступ к необходимой информации, позволяют оформлять заказы и отслеживать их статус без отвлечения сотрудников на длительные телефонные переговоры.

В этих специализированных разделах может содержаться информация об условиях сотрудничества и актуальном состоянии заказов партнёров. Также предусмотрено размещение электронных форм для оформления заказов на продукцию и услуги, при этом данные о наличии продукции и статусе конкретного заказа могут автоматически синхронизироваться с корпоративной информационной системой предприятия, что повышает оперативность взаимодействия и эффективность бизнес-процессов.

На основании рассмотренных теоретических и практических аспектов интернет-рекламы можно выделить ключевые тенденции её развития и определить перспективы применения в современных медиа в Республике Таджикистан:

1. Интернет-реклама представляет собой самостоятельный и перспективный вид рекламы, объединяющий признаки традиционных средств продвижения и предоставляющий новые возможности для взаимодействия с аудиторией.

2. Основными преимуществами интернет-рекламы являются интерактивность, эффект обратной связи, широкий географический охват, доступность информации круглосуточно, высокая эффективность и возможность интеграции различных видов рекламы на одной платформе.

3. Этапы становления интернет-рекламы тесно связаны с историей развития интернет-СМИ: рост числа порталов и периодических электронных изданий создаёт условия для расширения аудитории и развития новых форм рекламных коммуникаций.

4. С внедрением технологий Web 2.0 интернет-реклама получает новые форматы: реклама в блогах, социальных сетях, специализированных сообществах, PR-материалы и другие формы, что требует применения новых подходов к таргетингу и оценке эффективности рекламных кампаний.

5. Для успешного использования интернет-рекламы предприятиям необходимо рассматривать глобальную сеть не только как рекламный канал, но и как инструмент для предоставления партнёрам специализированной информации, оперативного оформления заказов и автоматизации бизнес-процессов.

Таким образом, перспективы развития интернет-рекламы в Таджикистане связаны с ростом доступа населения к сети, совершенствованием технической инфраструктуры и увеличением компетентности специалистов в сфере цифрового маркетинга, что позволит интернет-рекламе стать полноценным инструментом коммуникации и продвижения в стране.

Литература

1. Акопов А.И. Электронная сеть как явление // Журналистика электронных сетей. Вып.1. – Воронеж, 2007. – С.20-26.
2. Акопов А.И. Типологические признаки интернет-изданий // Журналистика электронных сетей. Вып.1. – Воронеж, 2007. – С.72-78.
3. Digital journalism. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Online_journalism (дата обращения: 16.12.2025).
4. Закон Республики Таджикистан от 01 августа 2003 г. № 34 «О рекламе» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geography.agency/zakon-tadzhikistana-o-reklame/?ysclid=mno39s3i7264106212> (дата обращения: 07.04.2026).
5. Лободенко Л.К. Особенности использования рекламы в коммуникационной политике интернет-СМИ // Вестник Южноуральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2014. – Вып.2. – Т.11. – С.5-9.
6. ОО Центр социологического исследования «Зеркало» // Исследовательский отчет. Медиа-предпочтения населения Республики Таджикистан: ТВ, радио, печатные издания, сайты, социальные сети и мессенджеры. – Душанбе, 2019.
7. Панкратов Ф.Г. Рекламная деятельность: учеб. для студентов высш. и сред. спец. учеб. заведений / Ф.Г.Панкратов, Т.К.Серегина, В.Г.Шахурин; Информ.-внедренч. центр. “Маркетинг”. – М.: ИВЦ “Маркетинг”, 1998. – 241 с.
8. Панкрухин А.П. Маркетинг: учеб. для студентов, обучающихся по специальности 061500 “Маркетинг”. – 4.е изд., стер. – М.: Омега. Л, 2006. – 656 с.
9. Печко В. Интернет как СМИ. В 2008 году объем рекламы в интернет-изданиях догонит аналогичный показатель в традиционных СМИ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.sostav.ru/news/2025/12/14/2/>.
10. Хомидов И.И. Рыночная экономика как стимул развития корпоративной прессы в Республике Таджикистан [Электронный ресурс] // Вестник Моск.ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2011. – Режим доступа: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=8376 (дата обращения: 06.04.2026).
11. Число пользователей Интернета в Таджикистане составляет 4,18 миллиона человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khover.ti/rus/2024/07/chislo-polzovatelei-interneta-v-tadzhikistane-sostavlvact-4-18-milliona-chelovek/> (дата обращения: 06.12.2025).
12. Яффе Дж. Up & Down реклама: жизнь после смерти. – М.: ИД «Коммерсантъ», ЦБб: Питер, 2007. – 400 с.
13. O'Reilly T. What Is Web 2.0: Design patterns and business models for the next generation of software. – 30 September 2005. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 10.01.2026).

THE ROLE OF ONLINE ADVERTISING IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ONLINE MEDIA IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Rakhimov Abdukhmit Abdibosirovich

Doctor of Philology,
professor at the chair of domestic and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 12

Alieva Farzona Khotamovna

Applicant of the chair of domestic and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 13; (+992) 883 08 49 59 (m.)
farzonaalieva86@gmail.com

This article deals with the role of online advertising in the development of online media, with a particular focus on the context of the Republic of Tajikistan. An analysis of the history of online advertising, its operational characteristics, advantages and disadvantages, and its impact on consumer audiences and digital media is provided. It is shown that online advertising and its impact on the media system have been extensively explored in the scientific literature; however, regional aspects, particularly the specifics of the Republic of Tajikistan, remain understudied. Key trends in the development of advertising technologies are identified, including targeting capabilities, interactivity, and the integration of various advertising types. Particular attention is paid to the specifics of online publication audiences, as well as the influence of technical and economic factors on the development of the media environment in the country. It is concluded that online advertising is an independent, promising, and self-sufficient form of advertising activity that requires a professional approach to strategy development and adaptation to the target audience.

Keywords: online advertising; online media; internet audience; advertising in Tajikistan; Web 2.0; advertising strategies.

**НАҚШИ РЕКЛАМАИ ИНТЕРНЕТ ДАР ТАШАККУЛ ВА РУШДИ
ВАСОИТИ АХБОРИ ОММАИ ОНЛАЙНИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Раҳимов Абдуҳамит Абдибосирович

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи журналистикаи дохилӣ ва байналмилалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 12

Алиева Фарзона Ҳотамовна

Довталаби кафедраи журналистикаи дохилӣ ва байналмилалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 13; (+992) 883 08 49 59 (м.)
farzonaalieva86@gmail.com

Дар мақола нақши таблиғоти онлайн дар рушди ВАО-и онлайн бо тавачҷӯхи хос ба шароити Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ мешавад. Дар мақола таърихи таблиғоти онлайн, хусусиятҳои фаъолияти он, баргариҳо ва нуқсонҳо, инчунин таъсир ба аудиторияи истеъмоли ва ВАО-и рақамӣ таҳлил карда мешавад. Нишон дода шудааст, ки дар адабиёти илмӣ масъалаҳои таблиғоти онлайн ва таъсири он ба системаи ВАО хеле васеъ таҳия шудаанд, аммо ҷанбаҳои минтақавӣ, бахусус хусусиятҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, то ҳол ба қадри кофӣ омӯхта нашудаанд. Тамоюлҳои асосии рушди технологияҳои таблиғотӣ, аз ҷумла имконоти ҳадафгирӣ, интерактивӣ ва ҳамгироии намудҳои гуногуни таблиғот муайян карда шудаанд. Тавачҷӯхи махсус ба хусусиятҳои аудиторияи наشريҳои онлайн, инчунин таъсири омилҳои техникӣ ва иқтисодӣ ба рушди муҳити ВАО дар кишвар зохир карда мешавад. Хулоса бароварда мешавад, ки таблиғоти онлайн як навъи мустақил, умедбахш ва худкифои фаъолияти таблиғотӣ мебошад, ки барои таҳияи стратегияҳо ва мутобиқшавӣ ба аудиторияи мақсаднок равиши касбиро талаб мекунад.

Калидвожаҳо: таблиғоти онлайн; ВАО-и онлайн; аудиторияи интернетӣ; таблиғот дар Тоҷикистон; Web 2.0; стратегияҳои таблиғотӣ.

УДК 659.4:32.019.5(575.3)

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ: СТРУКТУРА, КОММУНИКАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ И ЭФФЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ**

Хамидиён Илхомджон Иномзода

Доктор филологических наук,
профессор гуманитарно-педагогического факультета
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Борбада, 48/5
Тел.: (+992) 919 70 81 70 (м.)
i.hamidiyon@gmail.com

Мансури Бибимарям Сайдулло

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 870 70 40 04 (м.)
maryam_mansurova_19@mail.ru

В статье анализируется политическая реклама как инструмент символической политики в Республике Таджикистан, а также выявление её структуры, коммуникативных стратегий и эффектов восприятия среди электората. Политическая реклама рассматривается здесь как важный элемент современной политической системы и средство формирования общественного мнения.

Методы исследования включают сравнительный анализ, контент-анализ медиаматериалов, исторический и системный подходы. В качестве эмпирической базы использован опыт Народной Демократической партии Таджикистана в ходе парламентских выборов 2025 года.

Результаты исследования показывают, что политическая реклама в Таджикистане носит преимущественно информационный и идеологический характер, направленный на формирование позитивного образа кандидатов и партий. В отличие от западных стран, технологии негативной рекламы и дискредитации оппонентов практически не применяются. Коммуникативные стратегии ориентированы на национальные ценности, идеи стабильности, единства и социального развития. В то же время выявлены проблемы недостаточного использования цифровых платформ и нехватки квалифицированных специалистов в сфере медиакоммуникаций.

В выводах подчеркивается, что политическая реклама выступает значимым инструментом символической политики, оказывая влияние на политическое поведение граждан, однако её эффективность ограничена недостаточной технологической развитостью. Для совершенствования данного института необходимо учитывать национально-культурные особенности аудитории, закрепить понятие политической рекламы на законодательном уровне и

развивать систему профессиональной подготовки кадров в области журналистики и политических коммуникаций.

Ключевые слова: политическая реклама; Таджикистан; методы; задача; аутсорсинг; политическая коммуникация; выборы; НДПТ; законодательство; политические партии; кандидат; электорат; рекламодаделец.

Политическая реклама функционирует в контексте политической конкуренции и отличает свой объект от других, в связи с чем можно говорить о ее социально-идеологической функции. Цель политической рекламы – побудить людей к участию в определенных политических процессах, включая выборы.

Политическая реклама играет неоспоримую роль в политической жизни государства и имеет особый статус в современной политической системе, и её изучение и анализ также имеют большое значение для журналистского сообщества нашей страны.

Согласно определению российских ученых, коммуникативная сущность политической рекламы заключается в том, что она устанавливает контакт «между представителями власти и претендентами на ту или иную должность в государственных и общественных структурах посредством различных мероприятий» [1, с.42]. Политическая реклама является «носителем идей, формирует идею, создает образ или символы и мифы» [8, с.21]. Она также выполняет информационную функцию, поскольку одной из важных задач политической рекламы является информирование и ознакомление электората с партией, ее программой, кандидатом от партии, его идеями и взглядами, предложениями и программой действий. При этом данный процесс определяет преимущества кандидата перед оппонентом [3, с.17].

Данный вопрос поучителен в нескольких отношениях, а история политической рекламы и её развития доказывает, что её элементы использовались ещё при жизни Платона. В таджикских пословицах «Худиро зан, бегона тарсад» («Бей своих, чтобы чужие боялись») и «Духтарам гуфтам, келинам шунав» («Говорю дочери, чтобы невестка услышала») отчётливо видны элементы, формирующие политическую и скрытую рекламу.

С.А.Коваленко полагает, что политическая реклама понимается как «передача смыслов, важных для функционирования политической системы. В политической коммуникации преобладают знаки, выражающие смысл информации, и типы её интерпретации» [8, с.92].

Кругом пользователей и производителей политической рекламы являются специализированные учреждения, политические партии, средства массовой информации и информационные агентства. Она также широко используется в повседневной жизни обществе. По мнению таджикского исследователя С.Н.Собирова, «политическая реклама создает реальные условия для деятельности и позволяет политическим силам достигать своих целей и задач через избирателей. Осуществляя политическую рекламу, индивиды в конечном итоге предоставляют избирателям условия для совершения правильного выбора и с

технологической точки зрения удовлетворяют потребности детерминанта» [13, с.52].

Безуловно, политическая реклама – это вид политической коммуникации в плане отбора и целенаправленного воздействия на определенные группы. Она отражает сущность преимуществ определенных политических сил, побуждает избирателей поддерживать их, формирует в общественном сознании определенное представление о сущности этих политических сил, создает идею и формирует желаемое психологическое отношение к тому или иному кандидату. Стоит отметить, что в Таджикистане, в отличие от Европы или Америки, влияние или формирование образа не достигается путем очернения или принижения чести и репутации оппонента. Во всяком случае, подобный опыт до настоящего времени не использовался в политических кампаниях.

Е.М.Дринова, А.П.Востроухова справедливо отметили: «Главная задача политической рекламы – создать в сознании избирателей позитивный образ кандидата, партии или определенной группы» [5, с.19]. Исследователи А.К.Чаплыгин, Е.Е.Сук, в частности, писали о языке политической рекламы как способа политического влияние, некоторые элементы которых присущи и языку таджикской политической рекламе [17, с.28].

Объектом политической рекламы всегда являются политические партии, отдельные кандидаты, их программы, а также движения поддержки или протеста. По мнению Е.Е.Нечай, «... субъектом политической рекламы является рекламода- тель (организация или политическое лицо). Они формулируют и уточняют свою политическую волю [11, с.128]. В политической рекламе используются различные методы воздействия на аудиторию, и реакция электората всегда учитывается. Использование эмоций и других подобных приемов всегда эффективно.

Учитывая, что Народная Демократическая Партия Таджикистана (НДПТ) занимает достойное место в политической системе нашей страны по сравнению с другими политическими партиями, а её деятельность значительна, доступна и эффективна, в статье приводится пример из опыта этой партии. В ходе парламентских выборов 2025 года для распространения пропагандистских материалов партией были созданы информационные и пропагандистские страницы в социальных сетях Facebook, Twitter, Instagram, однако страницы в Twitter и Instagram неактивны до сих пор, причиной чего является нехватка персонала и отсутствие специализированных знаний. В ходе предвыборной кампании НДПТ расширила свою пропагандистскую и разъяснительную работу среди мигрантов и установила прямой контакт со своим общественным приёмным центром в Москве: «Группа партийных активистов была направлена в Российскую Федерацию, где проводились дискуссии и встречи с трудовыми мигрантами и соотечественниками за рубежом, а также была представлена программа кампании партии» [16, с.273].

Для представления своих кандидатов Центральный избирательный штаб выпустил партийный плакат с кандидатами в депутаты Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли по единому республиканскому избирательному округу тиражом 20 000 экземпляров. Эта инициатива также была продолжена исполнительными

комитетами партии в регионах, городах и районах, где были подготовлены и бесплатно распространены среди избирателей настольные и карманные календари и плакаты с представлением кандидатов и их предвыборных программ.

Стало традицией проводить различные республиканские собрания в честь той или иной годовщины, международные научно-практические конференции под названием «Политическая школа Лидера нации» и т.д., используя силу партии и возможности местных исполнительных комитетов. В последние годы партия проводила масштабную деятельность, направленную, прежде всего, на продвижение Рогунской гидроэлектростанции как оси единства, солидарности и надежды на лучшее будущее для народа страны. В этом отношении показательной является инициатива Исполнительного комитета НДПТ в Хатлонской области – «Партийный рейтинг». Эта инициатива показала отличную эффективность. Показатели «Партийного рейтинга» рассчитываются на двух уровнях: 1) электронном или виртуальном на официальном сайте и 2) традиционном. Виртуальные показатели состоят из 7 пунктов, а соответствующие статистические данные ежемесячно вносятся исполнительными комитетами НДПТ в городах и районах на официальный сайт. Ответственные партийные работники очень хорошо изучили и используют современные методы работы со СМИ в своей деятельности и всегда предлагают адекватный и обоснованный ответ на предвзятые критические материалы. В частности, регулярно проводятся тренинги и семинары для руководителей, председателей исполнительных комитетов и первичных организаций по медиатехнологиям – демократизации общества с вовлечением граждан и их отношению к ней как к новому формату политической коммуникации. Все 72 исполнительных комитета имеют свои страницы на Facebook, своевременно информируя читателей о внутривнутрипартийных новостях и событиях и адекватно реагируя на критические, аналитические и предвзятые статьи.

Неоспоримо, что в современных условиях информационная борьба стала поводом для беспокойства для всего мирового сообщества, на что справедливо указывают в своих работах Х.К.Сафарализода [14, с.71] и А.Н.Махмадов [10, с.103].

Поиск современных способов сопротивления кибератакам и методов их предотвращения является актуальной задачей, а изучение передового опыта отдельных стран в данной области будет полезным.

Центральное партийное издание «Минбари Халк» в настоящее время является самым многотиражным еженедельником в Таджикистане – более 111 тысяч экземпляров. В качестве печатного органа НДПТ она отстаивает интересы и идеи партии, публикуется в ясном, простом и эффективном формате.

Основными направлениями деятельности еженедельника являются продвижение Программы партии, освещение политики Президента Республики Таджикистан и достижений государственной независимости Таджикистана, роли фракции НДПТ в Маджлиси намояндагон РТ [2, с.16].

Именно через свой печатный орган партия осуществляет такие свои важнейшие функции, как стимуле участия граждан республики в политической жизни, пропаганда интересов общества, формирование общесветного мнения и развитие политической культуры граждан до выдвижения кандидатов для выборов в органы власти и оказания им поддержки, участия в деятельности представительных и исполнительных органов власти и подготовки и выдвижения кадров для государственной службы [2, с.25].

Использование элементов политической рекламы заметно в партийной деятельности, хотя, как показывает опыт, ее пояснительные и формирующие критерии иногда не до конца понимаются ответственными лицами [14, с.191]. Рассматривая пример НДПТ, мы приходим к выводу, что основными понятиями политической рекламы являются характеристики кандидата, его качества, внешняя среда предвыборного маркетинга, внутренняя среда предвыборного маркетинга, рынок, конкурентоспособность кандидата и спрос, и она включена в комплекс политических маркетинговых коммуникаций. Исследователь С.А.Чубай так же указывает на эту возможность в своих материалах [18, с.162].

Специфика политической рекламы заключается в конкретизации ее задач и предмета, то есть политическая реклама в определенной форме обобщает стратегические идеи, регулирует рекламную кампанию и электоральное поведение. Политическая реклама является неотъемлемой и «очень важной частью политического процесса и системы в конкретной стране» [7, с.29]. Она используется для помощи и влияния на избирателей. Подготовка политической рекламы имеет определенные этапы и чаще всего осуществляется накануне выборов в виде рекламных видеороликов, листовок и буклетов, флешмонов и кампаний различного масштаба. В этом контексте формирование политической культуры и знаний имеет важное значение.

Политическая реклама, играя важную роль в предвыборный период, может объединять влияние различных факторов, воздействующих на поведение избирателей, организовывать это влияние и подчинять его избирательной стратегии конкретной партии или кандидата. Содержание политической рекламы «определяется потребностями избирателя» [12, с.131]. Ее главная коммуникативная задача – «связать» запрос объекта и предоставить информацию о субъекте. Для успешного решения коммуникативных задач политической рекламы необходимо провести детальное изучение политического пространства (законодательная ситуация, политические, демографические и экономические мнения, система власти, баланс сил на выборах и т. д.).

Т.Э.Гринберг считает, что политическая реклама имеет 3 основные задачи:

1. *Коммуникативная задача.* Политическая реклама – одна из специфических форм массовой коммуникации. Она выполняет важную коммуникативную функцию, устанавливая прямые связи между носителями политической власти или политических идей и стремящимися к власти, с одной стороны, и обществом, с другой. Коммуникативная функция политической рекламы связана с наличием или отсутствием реального политического выбора.

2. *Информационная функция.* Политическая реклама распространяет информацию о политических силах и их целях. В условиях политической конкуренции эта функция способствует осознанному политическому выбору, поскольку помогает сравнить характеристики политических предложений и позволяет потребителю сделать свой выбор. При этом политическая реклама может не только информировать общественность, но и трансформировать информацию в определенный образ, который становится своего рода носителем определенных политических установок рационального характера в сознании общества.

3. *Идеологическая функция.* Политическая реклама способствует распространению той или иной системы идей в отношении реальности, в которой общественные отношения распознаются и оцениваются с точки зрения определенной социальной группы. Таким образом, она влияет на сознание и поведение аудитории с целью изменения общественных отношений в соответствии с интересами и потребностями носителей этой идеологии. В демократии идеологическая функция политической рекламы – убеждение [4, с.148]. Об этом также в своем исследовании писала и Е.Л.Вартанова [5, с.271].

Таким образом, можно подытожить, что политическая реклама в Таджикистане оказала глубокое влияние на мысли, речь и поведение граждан, но технология её подготовки нуждается в совершенствовании и укреплении. Анализ политической рекламы показывает, что она разрабатывается в стиле советской пропаганды, но с учётом современных условий.

Как видно из анализа, политические партии и общественные движения не боятся разрабатывать политическую рекламу, они не используют технологии очернения или дискредитации своих оппонентов. Методы негативной рекламы и обращения к семье не используются вообще.

Парламентские и президентские выборы в Таджикистане показали, что привлечение внешних сил (аутсорсинг) ещё не используются для разработки политической рекламы, а всё чаще применяются инструменты бизнеса и влияния. Например, большая часть рекламы правящей партии (НДПТ) готовится местными или национальными телеканалами страны, опираясь на собственные силы и знания, бесплатно, либо по указанию своего руководителя, а текст зачитывается известным артистом или известным журналистом. Как правило, подобная реклама не ставит целью изменить поведение электората.

Сегодня реклама имеет все признаки социального института и отличается своими формами, функциями и средствами воздействия. Следует отметить, что СМИ, рассматривая рекламу как основной источник денежного дохода, как институт, влияют на духовную жизнь общества. Можно констатировать, что сегодня реклама во многих случаях определяет структуру медиааудитории. Она способствует формированию образа жизни и моделей поведения, отражающих культурные особенности нации.

Эффективная политическая реклама в Таджикистане появится тогда, когда её создатели будут учитывать специфику таджикского менталитета и определять характеристики и различия таджикского потребителя

Мы предлагаем четко определить понятие «политическая реклама» в законодательстве страны, которое сейчас отсутствует. Организация курсов, семинаров на факультетах и кафедрах журналистики, а также разработка учебников по политической рекламе имеют важное значение в условиях многопартийной системы Таджикистана.

Литература

1. Афанасенко К.А. [Политическая реклама как инструмент стабилизации политической системы](#) / К.А.Афанасенко, Д.А.Лёпёхина, М.С.Скробачева, М.С.Чирун // [Школа Науки](#). – Кемерово, 2018. – №1 (1). – С.42-43.
2. Бобоева Б.Р. Место партийной печати в информационном пространстве независимого Таджикистана: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9 / Бобоева Барножон Рауфовнаю – Душанбе, 2023. – 26с.
3. Быльева Д.С. [Политическая реклама как коммуникативная деятельность политических акторов](#): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Быльева Дарья Сергеевна [Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена]. – СПб., 2009. – 20 с.
4. Вартанова Е. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. – М., 2013. – 320 с.
5. Гринберг Т.Э. Политические технологии; ПР и реклама. – М., 2005. – 208 с.
6. Дринова Е.М. [Политическая реклама и электоральные предпочтения молодежи в России](#) / Е.М.Дринова, А.П.Востроухова // [История. Общество. Политика](#). – Брянск, 2022. – №3 (23). – С.16-25.
7. [Ильясов С.Ф.](#) Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. – М., 2000. – 200с.
8. Коваленко С.А. [Проблема соотношения понятий "политическая агитация" и "Политическая реклама"](#) // [Молодой ученый](#). – Казань, 2022. – №40 (435). – С.91-93.
9. Марьин К.Е. [Виды и жанры политической рекламы в Российской Федерации](#) // [Научный электронный журнал Меридиан](#). – Якутск, 2022. – №1 (63). – С.21-23.
10. Махмадов А.Н. Политология. – Душанбе, 2010. – 280 с. (на тадж.яз.)
11. Нечай Е.Е. [Политическая реклама как вид политической деятельности: практика современной России](#): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Нечай Екатерина Евгеньевна [Санкт-Петербургский государственный университет]. – Владивосток, 2008. – 187 с.
12. Пулькина В.А. [Политическая реклама и политический PR: соотношение понятий](#) / В.А.Пулькина, О.Н.Подорова-Аникина, О.Ю.Борисенко // [Теории и проблемы политических исследований](#). – Ухта, 2020. – Т.9. – №3А. – С.128-134.
13. Собиров С.Н. Влияние политической рекламы на политическое поведение граждан // Таджикистан и мир сегодня. – Душанбе, 2019. – №1 (64). – С. 50-64. (на тадж.яз.)
14. Сафарализода Х.К. Выявление угроз в контексте меняющихся политических процессов // Таджикистан и мир сегодня. – Душанбе, 2021. – №1 (73). – С.62-78. (на тадж.яз.)
15. Хамидиён И. Интернет-журналистика в Таджикистане: становление, проблемы и перспективы / И.Хамидиён, Н.Фирдавс. – Душанбе, 2022. – 268 с. (на тадж.яз.)
16. Хамидиён И. Теоретические и практические основы политической рекламы в Таджикистане: попытки изменения поведения электората и создания положительного имиджа // Государственное управление.– Душанбе, 2023. – №2 (61). – С. 265-278. (на тадж.яз.)
17. Чаплыгин А.К. [Язык политической рекламы как способ политического влияния](#) / А.К.Чаплыгин, Е.Е.Сук // [Сборники конференций НИЦ Социосфера](#). GISAP: sociological, political and military sciences. Part 6. – 2014. – №25. – С.26-31.

18. Чубай С.А. [Политическая реклама и политический PR: общее и отличия](#) // [Успехи современного естествознания](#). – М., 2013. – №7. – С.163-164.

**POLITICAL ADVERTISING AS AN INSTRUMENT OF
SYMBOLIC POLICY IN TAJIKISTAN: STRUCTURE,
COMMUNICATIVE STRATEGIES AND PERCEPTION EFFECTS**

Khamidiyon Ilhomjon Inomzoda

Doctor of philological sciences,
professor of the faculty of humanities and pedagogical sciences
International university of tourism and entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad ave, 48/5
Ph.: (+992) 91 970 81 70 (m.)
i.hamidiyon@gmail.com

Mansuri Bibimaryam Saidullo

Candidate of philological sciences, Associate professor,
The Head of the Department of national and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str, 30
Ph.: (+992) 870 70 40 04 (m.)
marvam_mansurova_19@mail.ru

The aim of this study is to analyze political advertising as an instrument of symbolic politics in the Republic of Tajikistan, as well as to identify its structure, communicative strategies, and perception effects among the electorate. The article conceptualizes political advertising as a key component of the modern political system and an influential tool for shaping public opinion.

The research methodology is based on comparative analysis, content analysis of media materials, as well as historical and systemic approaches. The empirical basis of the study includes the experience of the People's Democratic Party of Tajikistan during the 2025 parliamentary elections.

The findings demonstrate that political advertising in Tajikistan predominantly performs informational and ideological functions, focusing on constructing a positive image of candidates and political parties. Unlike Western practices, negative advertising and opponent discrediting strategies are largely absent. Communicative strategies emphasize national values, social stability, unity, and development. At the same time, the study reveals limitations related to the underdevelopment of digital communication channels and a shortage of specialized professionals in media and political communication.

The conclusions highlight that political advertising serves as an important instrument of symbolic politics, influencing citizens' political perceptions and behavior. However, its effectiveness remains constrained by insufficient technological advancement. To enhance its impact, it is necessary to consider the specific features of the national mentality, establish a clear legal definition of political advertising, and strengthen professional education and training in journalism and political communication.

Keywords: political advertising; Tajikistan; methods; task; outsourcing; political communication; elections; NDPT; legislation; political parties; candidate; electorate; advertiser.

**РЕКЛАМАИ СИЁСӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ СИЁСАТИ РАМЗӢ
ДАР ТОҶИКИСТОН: СОХТОР, СТРАТЕГИЯҲОИ КОММУНИКАТИВӢ
ВА БАРДОШТИ МУАССИР**

Ҳамидиён Илҳомҷон Иномзода

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори факултаи гуманитарӣ-педагогӣ
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Борбад, 48/5
Тел.: (+992) 91 970 81 70 (м.)
i.hamidiyon@gmail.com

Мансури Бибимарям Сайдулло

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи рӯзноманигорӣ ватанӣ ва байналмилалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 870 70 04 04 (м.)
margam_mansurova_19@mail.ru

Мақсади мақолаи мазкур таҳлили рекламаи сиёсӣ ҳамчун абзори сиёсати рамзӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, муайян намудани сохтор, стратегияҳои коммуникативӣ ва таъсири он ба дарки интихобкунандагон мебошад. Дар мақола рекламаи сиёсӣ ҳамчун чӯзӣ муҳими низоми муосири сиёсӣ ва воситаи таъсиррасонӣ ба афкори ҷамъиятӣ баррасӣ мегардад.

Методологияи таҳқиқ ба таҳлили муқоисавӣ, таҳлили мундариҷа (контент-анализ), усули таърихӣ ва усули системавӣ асос ёфтааст. Ҳамчунин, таҷрибаи фаъолияти Ҳизби Халқии Демократии Тоҷикистон дар интихоботи парлумонии соли 2025 ҳамчун мисоли амалӣ истифода шудааст.

Натиҷаҳои таҳқиқ нишон медиҳанд, ки рекламаи сиёсӣ дар Тоҷикистон бештар хусусияти иттилоотӣ ва идеологӣ дошта, ба ташаккули симои мусбати номзадон равона шудааст. Дар муқоиса бо кишварҳои ғарбӣ, дар Тоҷикистон истифодаи технологияҳои рекламаи манфӣ ё сиёҳ (дискредитатсия) ба назар намерасад. Стратегияҳои коммуникативӣ бештар ба арзишҳои миллӣ, ваҳдат, субот ва рушди иҷтимоӣ таъя мекунад. Ҳамзамон, муайян гардид, ки истифодаи шабакаҳои иҷтимоӣ ҳанӯз пурра рушд наёфтааст ва камбуди кадрҳои ихтисосӣ эҳсос мешавад.

Хулосаҳо нишон медиҳанд, ки рекламаи сиёсӣ дар Тоҷикистон ҳамчун абзори сиёсати рамзӣ нақши муҳим дорад, аммо технологияҳои он ба такмил ниёз доранд. Барои баланд бардоштани самараноки зарур аст, ки хусусиятҳои менталитети миллӣ ба назар гирифта шаванд, заминаи ҳуқуқии мафҳуми «рекламаи сиёсӣ» таҳким ёбад ва тайёр кардани мутахассисони соҳавӣ дар соҳаи журналистика ва коммуникатсия тақвият дода шавад.

Калидвожаҳо: рекламаи сиёсӣ; Тоҷикистон; усулҳо; ҳадафҳо; аутсорсинг; коммуникатсияи сиёсӣ; интихобот; ҲХДТ; қонунгузорӣ; хизмҳои сиёсӣ; номзад; интихобкунанда; таблиғгар.

УДК 330 004 9 336

**ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ЭКОНОМИКИ**

Султанов Зубайдулло

Доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры финансов и кредит
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59; (+992) 93 520 28 70 (м.)

В статье исследуются современное состояние и развитие национальной инновационной системы Республики Таджикистан в условиях цифровизации экономики. Отмечается, что в современных трансформационных и глобализационных условиях ключевым фактором обеспечения устойчивого и динамичного развития экономики является развитие национальной инновационной системы, которая состоит из взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов, в совокупности обеспечивающих разработку, распространение и внедрение результатов инновационной деятельности в экономике и обществе. Развитие национальной инновационной системы и эффективная инновационная деятельность требуют постоянного и в достаточном объеме финансового обеспечения, поскольку инновационная деятельность связана с вложением средств в экономику для обеспечения смены поколений техники, технологии и усовершенствования действующих технологических процессов.

Ключевым элементом национальной инновационной системы считается наука (фундаментальная и прикладная). В статье анализируются состояние науки в республике, ее финансирование, территориальное размещение учреждений, науки, качество и количество научных работников и т.д. Затрагиваются также вопросы современного состояния и развития других элементов национальной инновационной системы.

Ключевые слова: инновация; инновационная деятельность; экономика; финансирование; наука; образование; техника и технология; цифровизация.

В условиях глобализации и интеграции производственных процессов и усиления конкуренции на внутренних и внешних рынках актуальным становится финансовое обеспечение развития национальной инновационной системы как ключевой фактор динамичного и устойчивого развития и цифровизации национальной экономики.

Инновационная система – это взаимосвязанные элементы, в совокупности обеспечивающие разработку, внедрение и распространение “инноваций” в экономике и обществе. Напомним, что «Инновация» – это «нововведения, конечный результат инновационной деятельности, связанной с вложением средств в экономику и обеспечивающей смену поколений техники и технологий. Инноваци-

онная деятельность способствует преобразованию идей, заложенных в научные исследования и разработки, в новый или усовершенствованный продукт, внедренный на рынке, новый или усовершенствованный технологический процесс, новый подход к социальным услугам» [8, с.96].

А национальная инновационная система – это институты, организации, процессы и механизмы, обеспечивающие создание новых идей, нового знания и трансформацию их в технологии, внедренные в производство и сферу услуг. Участниками национальной инновационной системы являются научно-исследовательские институты и центры, учреждения системы образования, компании, венчурные фонды, предприниматели, изобретатели и, конечно же, государственные структуры. «Национальная инновационная система состоит из взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов: наука, образование, финансовые механизмы, бизнес, государственное регулирование, инфраструктура, интеллектуальная собственность, международное сотрудничество и т.д.» [5, с.78].

Центральным ключевым звеном национальной инновационной системы является наука, призванная обеспечивать генерацию новых идей и знаний в технологию. Научные исследования, которые проводят университеты, научно-исследовательские институты, лаборатории, конструкторское бюро и другие обеспечивают условия (основу) для последующих прорывов в технологических процессах. Напоминаем, что фундаментальная (академическая) наука направлена на изучение базовых законов общества и природы. Прикладная наука (отраслевая) ориентирована на решение конкретных задач и разработку технологий, используемых на практике.

В настоящее время в Республике Таджикистан функционируют 80 научно-исследовательских организаций (см. табл.), из них 66 – в г. Душанбе и по 5 научных организаций в Согдийской и Хатлонской областях.

Таблица 1 – Число функционирующих научных учреждений и организаций, выполняющих научно-исследовательские работы (единиц)

Регионы/годы	2000	2015	2020	2023
Республика Таджикистан, всего	57	66	82	80
г. Душанбе	42	51	66	66
Согдийская область	8	6	7	5
Хатлонская область	2	4	4	5
ГБАО	3	3	3	3
РРП	2	2	2	1

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте РТ. Душанбе, 2024. С.68.

Как видно из данных таблицы, научные организации в основном располагаются в столице республики (66 из 80), 5 научных организаций находятся в Согдийской области, 5 – в Хатлонской области, 3 – в ГБАО и 1 приходится на районы республиканского подчинения.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

В системе Национальной академии наук Таджикистана функционируют 3 отделения, занимающихся фундаментальными исследованиями: физико-математических, химических и геологических общественных наук.

Известно, что науку делают научные работники, к большому сожалению, в республике постоянно сокращается число научных работников, что видно из таблицы. Если в 1991 г. их было 8501 сотрудник, то в 2023г. – 4496.

Таблица 2 – Численность работников основной (научно-технической) деятельности в РТ, человек

	1991	2000	2015	2020	2022	2023 к 1991, %
Всего	8501	5376	3704	4269	4496	52,9
Докторов наук	226	351	328	337	320	141,6
Кандидатов наук	1835	969	748	849	913	49,7

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте РТ. Душанбе, 2024. С.68.

Данные таблицы наглядно демонстрируют процесс сокращения численности научных работников в республике. Так, за период 1991-2022 гг. число научных работников сократилось на 40 человек, т.е. на 47,1%, число кандидатов наук – на 922, или на 50,3%.

При этом число докторов возросло на 94, или на 41,6%. Сокращение числа научных работников в анализируемый период связано с выездом квалифицированных кадров, особенно докторов и кандидатов наук, в другие страны. Основная причина выезда – низкий уровень заработной платы, недооценка их знаний и потенциала, отсутствие карьерного роста, выезд русскоязычных специалистов в девяностые годы.

Ниже приведем данные о размере заработной плате работников некоторых отраслей экономики республики.

Таблица 3 – Среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата работников, в долларах США

	1991	1995	2010	2015	2020	2023
Всего работников	370 руб	5,8	80,9	142,6	135	175,6
В промышленности	405 руб	15,3	128,3	159,5	165,5	220,2
Строительство	445 руб	12,2	208,6	232,9	232,9	270,2
Образование	295 руб	5,2	58,6	108,3	108,3	138,3
Наука и научное обслуживание	467 руб	7,3	79,7	127,9	127,9	221,0

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте РТ. Душанбе, 2024. С.130-133.

Данные таблицы показывают уровень среднемесячной заработной платы работников некоторых сфер экономики Республики Таджикистан. Среди перечисленных в таблице сфер самая низкая заработная плата у работников образования и науки. В 2022 году среднемесячная заработная плата работников образования была ниже среднего показателя по стране. А среднемесячная заработная плата научных работников ниже этого показателя в строительстве. По причине низкой заработной платы и в настоящее время происходит «утечка мозгов», что снижает интеллектуальный и научный потенциал страны, а расходы государства на науку не достаточны, чтобы повысить уровень заработной платы научных работников в разы.

Таблица 4 – Расходы государственного бюджета Республики Таджикистан на науку

	1991	2000	2015	2020	2022	2023
Расходы (всего тыс. сомони)	18,1 рублей	1155,8	52890,7	82820,4	119586,7	143510,8

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте РТ. Душанбе, 2024. С.68.

Расходы госбюджета на науку в целом растут, однако они незначительны, их удельный вес в ВВП в 2022 году составил 0,1%. Заметим, что в 1991 году расходы государства на науку составили 18,1 млн советских рублей, это, как минимум, составляет 20 млн.долл. США, а в 2022 году расходы госбюджета на науку по паритету составили 10,7 млн. долл. США.

Другим ключевым элементом национальной инновационной системы является образование, которое занимается обучением и подготовкой специалистов. При этом высшие учебные заведения готовят специалистов, способных не только разрабатывать и внедрять в экономику новые технологии, новые инновационные методы управления и оказания различных услуг, но и проводить исследования. Система образования обеспечивает формирование и развитие человеческого капитала, поэтому в условиях цифровизации, технико-технического прогресса непрерывное образование становится важнейшим элементом национальной инновационной системы.

В республике число высших учебных заведений и количество учащихся в них растут постоянно, появляются новые вузы в регионах. Это хорошая тенденция. Обратимся к статистике.

Таблица 4 – Учреждения высшего профессионального образования в Республике Таджикистан и число учащихся в них

	1991	2000	2020	2023	2023-1991
Число учреждений, включая филиалы по республике, единиц			4	4	353
учащихся, тыс. чел	69,3	77,7	245,9	214,4	314,9
ГБАО	1	1	1	2	200
Число учреждений, единиц учащихся, тыс. чел		2,6	4,1	2,7	170
Хатлонская область	2	2	6	7	350
Число учреждений, единиц учащихся, тыс. чел	6,4	7,7	4,7	44,5	более 11 раз
Согдийская область	1	11	7	10	10 раз
Число учреждений, единиц учащихся, тыс. чел	10,6	18,6	48,4	45,1	4,2 раз
г. Душанбе	10	16	25	26	260
Число учреждений, единиц учащихся, тыс. чел	52,3	48,9	139,9	619,3	225,5
РРП	-	-	1	1	-
Число учреждений, единиц учащихся, тыс. чел	-	-	3,9	2,9	-

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте РТ. Душанбе, 2024. С.53-54.

В годы независимости, в 1991-2023 гг., число высших профессиональных учебных заведений увеличилось на 33 единицы, число учащихся в них составило 245,1 тыс. человек. За этот период были построены и сданы в эксплуатацию высшие учебные заведения во всех регионах страны. В настоящее время в г.Душанбе функционируют 26 высших учебных заведений, ГБАО – 2, Хатлонской области – 7, Согдийской области – 10, РРП – 1 высшее учебное заведение, которые готовят специалистов по многочисленным специальностям, работающих во всех отраслях национальной экономики и регионах страны. Если в 1991г. было 13 создано вузов, то в 2023г. – 46.

Важным элементом национальной инновационной системы являются финансовые механизмы. Это деятельность, связанная с финансовым обеспечением создания новых идей, новых знаний, новой техники и технологии и другими составляющими инновационного потенциала и внедрением полученных результатов в производство.

Источниками финансового обеспечения инновационной деятельности могут выступать государственные расходы, гранты, венчурные фонды, средства хозяйствующих субъектов и другие.

Государственная финансовая поддержка, кроме государственных субсидий может осуществляться в виде налоговых каникул, налогового кредита и других налоговых льгот инновационным предприятиям.

Хозяйствующие субъекты также являются участниками инновационной системы. Они создают и потребляют результаты инновационной деятельности, финансируют научные исследования и разработки, создают новые продукты и технологии, внедряют в свою деятельность современные технологические процессы. Корпоративные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) являются важнейшей частью национальной инновационной системы. Во многих государствах крупные компании создают собственные лаборатории, исследовательские центры, взаимодействуют с университетами для ускоренного внедрения инноваций. В свою очередь, государство как участник инновационной системы создает нормативно-правовую базу, регулирует интеллектуальную собственность, поддерживает научные исследования, финансирует ключевые национальные проекты и стимулирует бизнес инновационной активности. Государственные программы способствуют развитию таких приоритетных отраслей, как искусственный интеллект, биотехнологии, возобновляемая энергетика и передовые технологии.

Важнейшим элементом инновационной системы является ее инфраструктура, которая включает в себя технопарки, научные кластеры, бизнес-инкубаторы и центры трансфера технологии (ЦТТ). «Слово трансфер (с англ. «перемещать» или «перевозить») – это добровольное некоммерческое объединение (организация) органов государственного управления, некоммерческих и коммерческих организаций, осуществляющих формирование политики государства в сфере трансфера технологий или занятых в этой сфере» [3, с.178].

Технопарки и инновационные центры предоставляют площадки для научных коллективов, обеспечивают доступ к современному оборудованию и экспертной поддержке, а кластеры объединяют компании, научные учреждения и государственные организации для совместного развития и технологических решений. ЦТТ помогают коммерциализировать научные разработки, и превращать их в конкурентноспособные продукты.

Интеллектуальная собственность как элемент национальной инновационной системы является важным инструментом защиты результатов инноваций. Патенты, авторские права, торговые марки, коммерческие секреты позволяют компаниям и изобретателям получать выгоду от своих разработок, защищая их от копирования конкурентами. «Система охраны интеллектуальной собственности является стимулятором инновационной активности и привлечения инвестиций в исследования и новые разработки» [2, с.192].

Международное сотрудничество как элемент инновационной системы играет важную роль в развитии национальных инновационных систем, поскольку глобализационные изменения способствуют усилению обмена технологиями, научными знаниями, инвестициями между странами. Международные исследовательские программы, совместные разработки, транснациональные компании и глобальные венчурные фонды способствуют ускорению распространения результа-

тов инноваций по всему миру. В свою очередь, культура инноваций и предпринимательства формирует благоприятную среду для развития инновационной деятельности. Открытость к новым идеям, готовность к риску, поддержка инициативности и креативности – все это способствует активному внедрению инноваций. В обществах с развитой культурой инноваций создаются условия для появления и роста стартапов, (новых инновационных проектов) быстрого распространения новых технологий и развития инновационного предпринимательства.

Как видим, инновационная система является сложной многоуровневой структурой, включающей науку, образование, финансы, бизнес, государственное регулирование, инфраструктуру, защиту интеллектуальной собственности, международное сотрудничество и культуру инноваций. Все элементы инновационной системы являются важными, их эффективное функционирование обеспечивает цифровизацию, динамичное развитие национальной экономики, конкурентоспособность страны и в конечном счете повышение качества жизни населения страны. Ключевым механизмом генерации инноваций является взаимодействие университетов, НИИ, бизнеса, государства и других элементов инновационной системы.

В каждой стране формирование и развитие инновационной системы имеют свои особенности, связанные с уровнем развития экономики, научным потенциалом и инновационной политикой государства. К примеру, в США делают ставку на частный сектор и венчурное финансирование. В КНР активно поддерживаются государственные научные программы [6, с.25].

В европейских государствах развивается сеть университетов и международное сотрудничество. В Республике Таджикистан при формировании и развитии инновационной системы целесообразно использовать опыт КНР и европейских стран (в сочетании) использовать сеть университетов. Как было отмечено, в республике функционируют почти 50 университетов в областных центрах и городах. С нашей точки зрения, научный и инновационный потенциал университетов огромен, а научно-инновационный результат – неудовлетворительный (это мое мнение). В этой сфере не совсем эффективная кадровая политика, научный потенциал и опыт профессоров не используются в полной мере. Известно, что в вузах наука осуществляется не отделами науки, не деканатами или другими структурами, она выполняется на кафедрах. Считаем, что эффективность национальной инновационной системы зависит не только от взаимодействия ее ключевых элементов (хотя это важно), но и от множества дополнительных факторов и условий, в том числе уровень цифровой зрелости экономики, степень интеграции науки и производства, качества государственного регулирования, наличие адекватной инфраструктуры, кадровой политики университетов, степень готовности предпринимателей, учебных заведений и инвесторов к сотрудничеству и т.д.

Другим важным вопросом формирования и развития национальной инновационной системы является коммерциализация результатов инновационной деятельности. Многие научные разработки остаются на стадии теоретических разработок, они не доходят до рынка. «Для коммерциализации инноваций нужна система трансферта новой технологии, которая призвана обеспечивать передачу новых

знаний и разработок от научных учреждений и университетов в производство (бизнес)» [7, с.252].

В условиях происходящих глобализационно-трансформационных изменений и ужесточения конкуренции во всех сферах и рынках очень важна государственная инновационная политика, ориентированная на создание благоприятных условий для научных исследований, поддержку инновационного предпринимательства в реальном секторе экономики и привлечение инвестиций из внутренних и внешних источников, установление налоговых льгот для инновационных компаний, фундаментальных научных исследований, создание технопарков, научных кластеров, развитие инфраструктуры инновационной системы.

В последние годы при формировании и развитии национальной инновационной системы весомое значение приобретают экологические факторы, интерес к устойчивому развитию, «зеленым» технологиям, безотходным технологическим процессам, ресурсосбережению, альтернативной экологической энергетике и т.д. Здесь очень важны внедрение технологии, снижающих вредное воздействие на окружающую среду, переход на возобновляемые источники энергии, развитие цифровизации и роботизации технологических процессов и т.д.

На формирование и развитие национальной инновационной системы существенное влияние оказывают искусственный интеллект и цифровизация техники и технологии. Интеллект, цифровизация и машинное обучение кардинально меняют подходы к организации и осуществлению исследовательской деятельности и внедрению результатов инноваций. В свою очередь, искусственный интеллект помогает анализировать огромные объемы информации, выявлять наиболее перспективные направления научно-исследовательской работы, автоматизировать процессы разработки.

В ситуации глобализационных и технико-технологических изменений, которые происходят в мире и в отдельных государствах, прежние устаревшие модели развития теряют свою актуальность. Поэтому продвинутые национальные инновационные системы моментально реагируют на новые вызовы, ускоряют процесс внедрения передовых технологии, новых идей и методы управления и адаптируются к быстроизменяющимся рынкам. Важной частью инновационной системы является социальная инновация, которая направлена на улучшение качества жизни, развитие образования, здравоохранения, культуры, спорта и решение экологических проблем. Все это делает общество более справедливым, а расходы – эффективными.

Отметим, что в условиях глобальной конкуренции государства и компании, постоянно и в достаточном объеме финансирующие развитие инновационной системы получают стратегическое преимущество, достигают устойчивого и динамичного роста экономики и эффективно решают социальные вопросы.

Литература

1. Афанасьев М.П. Инновационные системы: структура, управление, развитие. – М.: ИН-ФРА-М, 2012. – 384с.

2. Глазьев С.Ю. Инновационные развитие экономики России. – М.: Экономика, 2010. – 320с.
3. Данилов-Данильян В.И., Порфирев Б.И. Инновационное развитие: теория, методология, практика». – М.: Наука, 2010. – 456 с.
4. Друкер Питер. Инновации и предпринимательство. – М., 1985. – 288с.
5. Клейнер Г.И. Инновационная экономика и системный подход. – М.: Изд-во «Наука», 2010. – 456 с.
6. Пригожин А.И. Современное управление инновациями. – М.: Изд-во «Дело», 2007. – 352с.
7. Тарасенко В.А. Государственная инновационная политика. – М.: Экономика, 2011. – 368с.
8. Популярная экономическая энциклопедия. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2003. – 367с.
9. Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2024. – 428с.

FINANCIAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF ECONOMIC DIGITALIZATION

Sultanov Zubaydullo

Doctor of economics, professor,
professor of the chair of finance and credit

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

Ph.: (+992 37) 227 54 59; (+992) 93 520 28 70 (m.)

This article examines the current state and development of the national innovation system of the Republic of Tajikistan in the context of economic digitalization. It is noted that in today's transformative and globalizing environment, the key factor in ensuring sustainable and dynamic economic development is the development of a national innovation system, which consists of interconnected and complementary elements that, taken together, ensure the development, dissemination, and implementation of innovative results in the economy and society. The development of a national innovation system and effective innovation require constant and sufficient financial support, as innovation involves investing in the economy to ensure generational changes in technology and the improvement of existing technological processes.

Science (fundamental and applied) is considered a key element of the national innovation system. The article analyzes the state of science in the republic, its funding, the geographical distribution of institutions, the quality and quantity of researchers, etc. The current state and development of other elements of the national innovation system are also addressed.

Keywords: innovation; innovative activity; economy; financing; science; education; engineering and technology; digitalization.

ДАСТГИРИИ МОЛИЯВӢ БАРОИ РУШДИ СИСТЕМАИ МИЛЛИИ ИННОВАЦИОНӢ ДАР ЗАМИНАИ РАҚАМӢ КАРДАНИ ИҚТИСОД

Султонов Зубайдулло

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор,
профессори кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59; (+992) 93 520 28 70 (м.)

Дар мақола вазъияти кунунӣ ва рушди низоми миллии инноватсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи рақамикунонии иқтисодиёт баррасӣ шудааст. Қайд карда мешавад, ки дар шароити муносири табдил ва ҷаҳонишавӣ, омили қалидии таъмини рушди устувор ва динамикии иқтисодиёт рушди низоми миллии инноватсионии он мебошад, ки аз унсурҳои ба ҳам алоқаманд ва мутақобилан муқаммал иборат аст, ки якҷоя рушд, паҳн ва татбиқи натиҷаҳои фаъолияти инноватсиониро дар иқтисодиёт ва ҷомеа таъмин мекунад. Рушди низоми миллии инноватсия ва фаъолияти самараноки инноватсионии он дастгирии доимӣ ва кофии молиявиро талаб мекунад. зеро фаъолияти инноватсионӣ бо сармоягузорӣ дар иқтисодиёт барои таъмини ивазшавии наслҳои таҷҳизот, технология ва тақмили равандҳои технологӣ алоқаманд аст. Илм (бунёди ва амалӣ) унсури қалидии низоми миллии инноватсия ҳисобида мешавад. Дар мақола вазъи илм дар ҷумҳурӣ, маблағгузори он, тақсироти ҳудудии муассисаҳо, илм, сифат ва миқдори тадқиқотчиён ва ғайра таҳлил карда мешавад. Масъалаҳои вазъи кунунӣ ва рушди дигар унсурҳои низоми миллии инноватсия низ баррасӣ шудаанд.

Калидвожаҳо: инноватсия; фаъолияти инноватсионӣ; иқтисодиёт; маблағгузорӣ; илм; маориф; муҳандисӣ ва технология; рақамикунонӣ.

УДК 330.4:338.48

**ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ)**

Раджабов Раджаб Кучакович

Доктор экономических наук, профессор
Таджикский государственный университет коммерции
734061, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Дехоти, ½
Тел.: (+992) 93 444 41 07 (м.)
drrajab@mail.ru

Зубайдов Саидахмад

Доктор экономических наук,
Таджикский государственный университет коммерции
734061, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Дехоти, ½
Тел.: (+992) 900 20 11 57 (м.)
zubaidov57@mail.ru

Субхонов Джовид Азимович

Соискатель
Центр инновационного развития науки и цифровых технологий
Национальной академии наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 33
Тел.: (+992) 201 01 51 00 (м.)
adzhovids@bk.ru

В статье рассматривается устойчивое развитие туризма как сложной многофакторной социально-экономической системы. На основе теории математического моделирования анализируются факторы, влияющие на устойчивость системы, включая инфраструктурные, социальные и человеческие. Особое внимание уделяется роли человеческого фактора как ключевого элемента устойчивого развития. Предлагается статистическая модель оценки устойчивости, основанная на различных законах распределения отказов на стадиях формирования, функционирования и модернизации системы. Подчеркивается необходимость совершенствования методик моделирования и статистической базы для прогнозирования устойчивого развития туризма.

Ключевые слова: устойчивое развитие; туризм; теория надежности; математическое моделирование; социально-экономическая система; человеческий фактор; статистическое распределение; факторы риска.

Введение. Устойчивое развитие туризма рассматривается как важное направление современной социально-экономической политики, обеспечивающее баланс между экономическим ростом, социальным развитием и сохранением окружающей среды. В условиях глобализации туристская отрасль становится одной из наиболее динамично развивающихся сфер экономики, оказывая мультипликативное влияние на региональное развитие, занятость населения и формирование доходов бюджетов.

Для Республики Таджикистан туризм приобретает особое значение в контексте государственной политики, направленной на развитие сельских территорий, народных ремёсел и инфраструктуры. Однако высокая чувствительность туристской системы к внешним и внутренним факторам требует применения современных научных подходов к оценке её устойчивости.

В этой связи актуальным является применение экономико-математического моделирования, основанного на теориях надёжности и вероятностного анализа сложных систем, что позволяет выявлять закономерности функционирования туризма как многофакторной социально-экономической системы.

Гипотеза исследования. Предполагается, что устойчивое развитие туризма как сложной социально-экономической системы может быть формально описано и количественно оценено с использованием моделей теории надёжности и вероятностного распределения факторов риска.

При этом устойчивость туристской системы определяется совокупным воздействием инфраструктурных, социальных, экономических и человеческих факторов, причём человеческий фактор оказывает доминирующее влияние на вероятность системных отказов и снижение эффективности.

Научное обоснование устойчивого функционирования сложных технических систем появилось еще в XX в. Термин «устойчивое развитие» – перевод английского научного термина *sustainable development* – был заимствован учеными из биологии и стал употребляться в других отраслях науки и техники [8].

Используя научные разработки в области теории вероятностей, математического, логического и физического моделирования, видные отечественные и зарубежные ученые создали теорию надежности сложных систем. Благодаря данным фундаментальным исследованиям удалось создать прикладные инструменты контроля и прогнозирования надежности в космической отрасли, энергетике, атомной промышленности, в военной сфере и др.

Данные исследования послужили основой для разработки теоретических и практических рекомендаций для иных сложных систем, в том числе социально-экономических. Впоследствии принципы надежности и устойчивого развития экономики нашли широкое практическое применение при разработке отраслевых программ развития: промышленности, транспорта, торговли, связи и других отраслей производственной сферы и сферы услуг [3, с. 5].

Туризм является сложной социально-экономической системой, в которой его экономические функции постоянно трансформируются в социальные, и наоборот. В связи с этим в последние годы наблюдается рост интереса к разработке

концепции и инструментов устойчивого развития туризма как сложной социально-экономической системы.

Рассмотрим влияние основных факторов на устойчивое развитие туризма. Число таких факторов велико, их воздействие на систему разнонаправленное, что увеличивает вероятность рисков и потери ее устойчивости. С точки зрения теории вероятностей и теории надежности такая система классифицируется как многофакторная и многоуровневая. Чем больше число вероятностных факторов, определяющих устойчивое состояние сложной системы, тем ниже ее надежность, т.е.

$$P = P_1 \cdot P_2 \cdot P_3 \cdot \dots \cdot P_n, \quad (1)$$

где P – надежность [4] данной системы;

$P_1, P_2, P_3, \dots, P_n$ – вероятность возникновения ее отказа или снижения эффективности при одиночном или совокупном воздействии данных факторов.

Составляющие формулы (1) имеют разную экономическую, социальную и физическую природу.

Экономико-математическое моделирование устойчивости сложной многофакторной системы начинается с классификации факторов и группировки их по определенным признакам воздействия на систему. При этом следует выявить природу и степень воздействия каждого из факторов на всех основных стадиях жизни системы: создания (формирования), становления (нормального функционирования в заданных параметрах) и последующего преобразования (модернизации).

Природа воздействующих на систему факторов частично выявляется степенью прогнозирования каждого из них. Из всей совокупности факторов, определяющих туристской системы, часть факторов является непрогнозируемой, другая – прогнозируемой с высокой вероятностью надежности прогноза и оставшаяся часть факторов – прогнозируются с низкой вероятностью.

При экономико-математическом моделировании устойчивого развития туризма как многофакторной социально-экономической системы следует учитывать:

- инфраструктурную составляющую (группа технологических, экономических, экологических, структурных, климатических и техногенных факторов);
- социальную составляющую (группа политических, трудоресурсных, демографических и иных факторов).

В группе социальных факторов следует особо выделить человеческий фактор [1, с.7]. Стремительное развитие научно-технического прогресса предъявляет к человеку все более жесткие требования, а консервативный психоэмоциональный аппарат человека все чаще оказывается неспособным адаптироваться к новым высокоскоростным технологическим нагрузкам. Это означает, что психическая и биологическая адаптация человека не поспевает за быстропротекающими социально-экономическими процессами.

Высококумулятивные стрессы человека являются причиной тяжелых техногенных аварий и катастроф. В настоящее время надежность сложных техниче-

ских систем намного выше «надежности» биосистемы человека. Такой разрыв уже проявляется в форме непрогнозируемых отказов сложных технических объектов по причине человеческого фактора. Ученые прогнозируют рост таких отказов в будущем, в том числе в сложных социально-экономических системах.

На Международной конференции ЮНЕСКО в Салониках, которая подвела итоги Саммита по устойчивому развитию, состоявшегося в Рио-де-Жанейро, было подчеркнуто, что устойчивое развитие должно определяться не только инфраструктурными факторами. Главным фактором устойчивого развития сложных социально-экономических систем, включая туризм, был назван человек, а само определение «устойчивое развитие» получило расширенное научное толкование: социально-устойчивое развитие (Human Sustainable Development).

Исходя из этого, для туризма как сложной многофакторной социально-экономической системы целесообразно использовать именно это научное определение – «социально-устойчивое развитие».

С помощью предложенного алгоритма классификации факторов, определяющих социально-устойчивое развитие (рис. 1.6), по аналогии со сложными техническими системами, а также с учетом принципов ООН-ЮНВТО определим основные подходы к экономико-математическому моделированию развития туризма как многофакторной социально-экономической системы.

В настоящее время не существует точных методик экономико-математического моделирования устойчивого развития сложных социально-экономических систем, в том числе устойчивого развития туризма. В связи с тем, что данные системы являются многофакторными, а сами факторы разнонаправлены, основной метод моделирования таких систем – статистический. При этом накапливаются доступные и достоверные статистические данные по каждому фактору на определенном промежутке времени, группируются по своей физической и социально-экономической природе и описываются соответствующими математическими моделями (вероятностными распределениями) [6].

С развитием теории моделирования и совершенствованием электронно-вычислительной техники в перспективе можно вести речь о динамическом моделировании устойчивого развития многофакторных социально-экономических систем, в том числе в режиме реального времени.

Основной проблемой любой методики оценки надежности функционирования сложной системы является достоверная аппроксимация статистической информации соответствующим вероятностным распределением.

С учетом принятой системы классификации основных факторов, их природы и возможности вероятностного прогнозирования предпримем попытку экономико-математического моделирования трех основных состояний (стадий жизни) многофакторной системы: ее создания (формирования), становления (нормального функционирования в заданных параметрах) и последующего преобразования (модернизации).

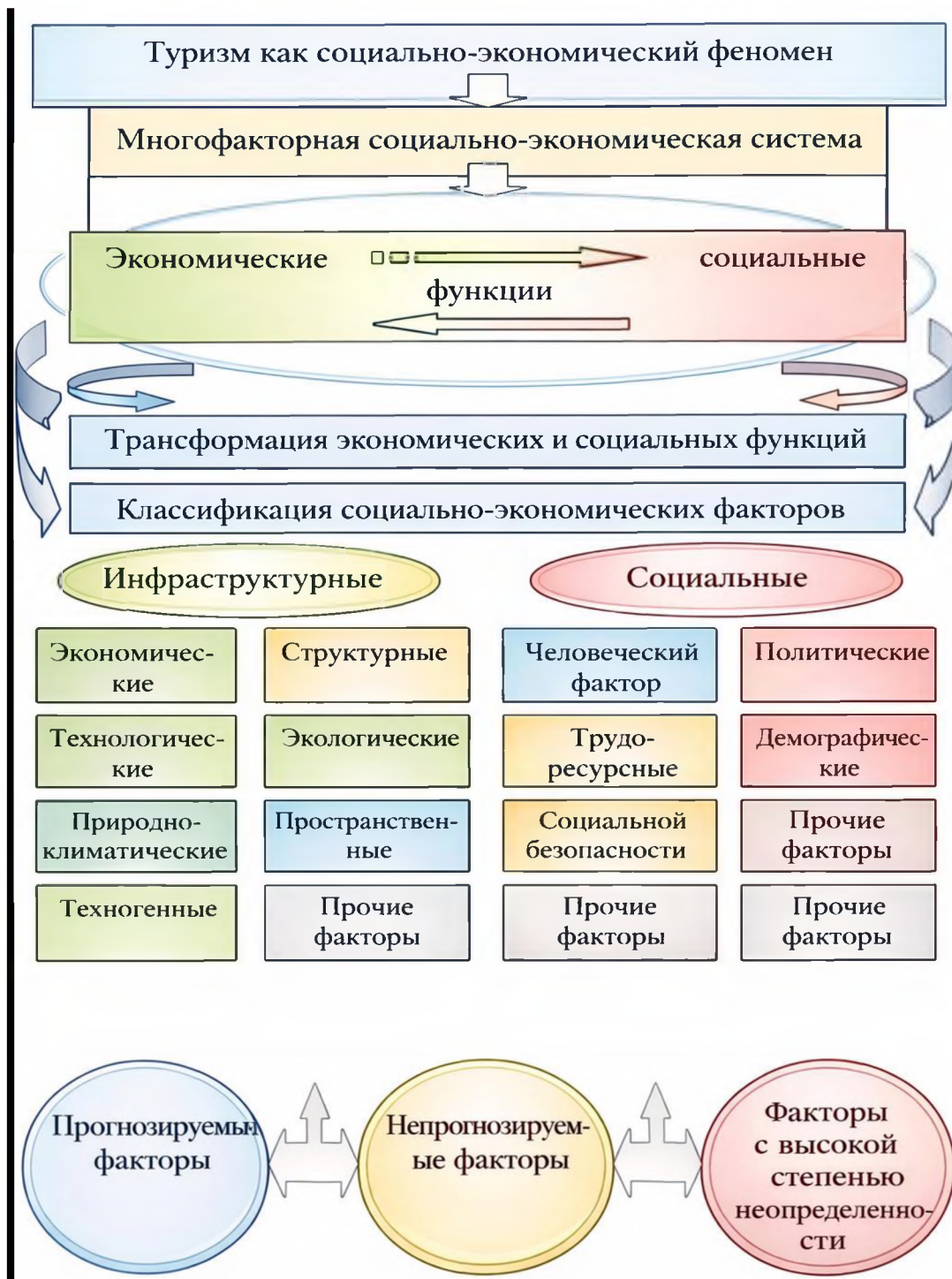

Рис. 1 – Факторы, определяющие устойчивое развитие туризма

Стадия создания (формирования) любой сложной системы характеризуется высокой интенсивностью так называемых приработочных отказов, что приводит к нарушению (изменению) заданных социально-экономических показателей си-

стемы. Длительность данного периода зависит от исходных параметров системы, способности ее к адаптации под воздействием приведенных факторов. На этой стадии система «встраивается» в соответствующую среду и основное воздействие на нее на этом промежутке времени будут оказывать непрогнозируемые факторы.

Состояние сложной многофакторной системы на стадии ее создания (формирования) хорошо описывается (аппроксимируется) гамма-распределением или ветвью нормального распределения¹

$$f_1(l) = \frac{K_1}{V^{K(K-1)!}} l^{K-1} e^{-\frac{l}{V}} \quad (2)$$

где L – выбранный промежуток времени;

K_1 – нормирующий множитель, имеющий физический смысл удельного веса данного вида отказов на стадии формирования системы;

V – масштабный фактор гамма-распределения;

K – параметр остроты гамма-распределения;

! – символ факториала;

e – символ экспоненциального распределения.

Стадия нормальной эксплуатации (становления) данной системы характеризуется влиянием преимущественно прогнозируемых отказов, и ее «поведение» описывается экспоненциальным законом ($f_2(?)$).

$$f_2(l) = K_2 \lambda e^{-\lambda l} \quad (3)$$

где K_2 – нормирующий множитель, имеющий физический смысл удельного веса данного вида отказов на стадии становления системы;

λ – параметр интенсивности отказов на данной стадии развития системы.

Стадия преобразования (модернизации) системы характеризуется преимущественно факторами устойчивого и слабоустойчивого прогнозирования и описывается в основном нормальным законом распределения ($f_3(?)$).

$$f_3(l) = \frac{K_3}{\sigma\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(l-T)^2}{2\sigma^2}} \quad (4)$$

где K_3 – нормирующий множитель, имеющий физический смысл удельного веса данного вида отказов на стадии преобразования (модернизации) системы;

σ – параметры отказов на данной стадии развития системы.

С учетом данных предпосылок, а также принимая во внимание гипотезу Л.П. Леонтьева [2] о совокупном воздействии на систему разнонаправленных факторов на всех стадиях ее функционирования, можно предположить, что устойчивое развитие системы (в нашем случае многофакторной социально-экономической системы) можно формально аппроксимировать суммой дифференциальных законов распределения каждого из ее состояний, т.е.

$$f(l) = K_1 f_1(l) + K_2 f_2(l) + K_3 f_3(l) \quad (5)$$

где f_l – плотности вероятности распределения отказов или ухудшения параметров функционирования системы в трех выбранных ее состояниях;

K_1, K_2, K_3 – нормирующие множители, имеющие физический смысл удельного веса каждого вида отказов на длине промежутка времени l .

Преобразовав формулу (5) в виде ее дифференциальной суммы, получим

$$\int_0^{\infty} f(l) dl = K_1 \int_0^{\infty} f_1(l) dl + K_2 \int_0^{\infty} f_2(l) dl + K_3 \int_0^{\infty} f_3(l) dl \quad (6)$$

где ∞ и 0 – заданные пределы интегрирования.

Проинтегрировав функции по заданным пределам и подставляя в формулу (6) ее члены из (2) - (4), получим

$$f(l) = \frac{K_1}{V^k (K-l)!} l^{k-1} e^{\frac{l}{V}} + K_2 \lambda e^{-\lambda l} + \frac{K_3}{\sigma \sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(l-T)^2}{2\sigma^2}} \quad (7)$$

Так как устойчивая безотказная работа системы в теории надежности принята за единицу, то фактическая надежность (устойчивость) системы $P(l)$ под воздействием ранее описанных факторов составит

$$P(l) = 1 - \int_0^{\infty} f(l) dl \quad (8)$$

Преобразовав выражение (8) путем подстановки его символов из (6) и (7), получим

$$P(l) = 1 - \left(\frac{K_1}{V^k (K-l)!} \right) l^{k-1} e^{\frac{l}{V}} + K_2 \lambda e^{-\lambda l} + \frac{K_3}{\sigma \sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(l-T)^2}{2\sigma^2}} \quad (9)$$

Данное выражение является обобщенной статистической моделью устойчивости сложных многофакторных социально-экономических систем, к числу которых относится туризм.

Использование данной модели для прогнозирования устойчивого развития туризма требует разработки соответствующих научно обоснованных методик, совершенствования туристской статистики и системы национальных счетов.

В конечном итоге, разрабатывая модели и методики устойчивого развития туризма, следует основываться на базовых принципах ООН-ЮНВТО, перечисленных ранее.

Устойчивое развитие туризма как сложной многофакторной системы будет определяться совокупным воздействием его трех основных подсистем: социальной, экономической и экологической.

Воздействие социальной подсистемы определяется основной социальной функцией туризма – улучшение качества трудовых ресурсов страны через оздоровление и отдых, а также создание емкого и устойчивого рынка труда в данной сфере.

Экономическая составляющая устойчивого развития туризма проявляется через развитие региональных экономик, пополнение доходной части бюджетов всех уровней, а также развитие сопутствующих отраслей экономики через мультипликативный эффект туризма.

Воздействие экологической составляющей устойчивого развития туризма в условиях глобализации проявляется через состояние окружающей среды и качество туристско-рекреационных ресурсов.

Литература

1. Вентцель Е.С. Теория вероятностей. – М.: Наука, 1998. – 64 с.
2. Гнеденко Б.В. Математические методы в теории надёжности / Б.В.Гнеденко, Ю.К.Беляев, А.Д.Соловьёв. – М.: Наука, 1965. – 584 с.
3. Енджейчик И. Современный туристский бизнес. Экстратегии в управлении фирмой / пер. с польск. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 320 с.
4. Зорин И.В., Некипелов А.Д. Вызовы цивилизации XXI века. Индустрия туризма: её достижения и проблемы // Актуальные проблемы туризма. 2004-2005 гг. – М.: Советский спорт, 2005. –С.25-32.
5. Кабаян Н.В. Имитационное моделирование направлений развития туризма в рекреационных зонах региона (на материалах Республики Адыгея): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13 / Кабаян Надежда Варгановна. – Ставрополь, 2005. – 178 с.
6. Леонтьев Л.П. Надёжность технических систем. – Рига: Зинатне, 1969. – 266 с.
7. Хазова Д.С. Моделирование устойчивого развития туризма с помощью метода проекции на латентные структуры // Математические методы анализа. – 2014. – №26 (212). – С.53-63.
8. English D.B.K., Marcouiller D.W., Cordell H.K. Tourism dependence in rural America: estimates and effects // Society and natural resources. – 2000. – №13. – P.185-202.

ECONOMIC AND MATHEMATICAL MODELING OF SUSTAINABLE TOURISM DEVELOPMENT (SCIENTIFIC APPROACHES)

Radjabov Radjab Kuchakovich

Doctor of economics, professor
Tajik state university of commerce
734061, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Dekhoti str., ½
Tel.: (+992) 93 444 41 07 (m.)
drrajab@mail.ru

Zubaydov Saidahmad

Doctor of economics,
Tajik state university of commerce
734061, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Dekhoti str., ½
Ph.: (+992) 900 20 11 57 (m.)
zubaidov57@mail.ru

Subkhonov Jovid Azimovich

Applicant
Center for innovative development of science and digital technologies
of the National academy of sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 33
Tel.: (+992) 201 01 51 00 (m.)
adzhovids@bk.ru

The article examines sustainable tourism development as a complex multi-factor socio-economic system. Based on reliability theory and probabilistic and mathematical modeling, it analyzes key factors influencing system stability, including infrastructural, social, and human components. Special attention is given to the human factor as a crucial determinant of sustainable development. A statistical model for assessing system reliability is proposed, based on different failure distribution laws during the formation, operation, and modernization stages of the system. The study emphasizes the need to improve modeling methods and statistical data systems for forecasting sustainable tourism development.

Keywords: sustainable development; tourism; reliability theory; mathematical modeling; socio-economic system; human factor; statistical distribution; risk factors.

**МОДЕЛСОЗИИ ИҚТИСОДӢ – МАТЕМАТИКИИ РУШДИ
УСТУВОРИ ТУРИЗМ (РАВИШӢОИ ИЛМӢ)**

Раҷабов Раҷаб Кучакович

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор
Донишгоҳи давлатии тижорати Тоҷикистон
734061, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Дехотӣ, ½
Тел.: (+992) 93 444 41 07 (м.)
drrajab@mail.ru

Зубайдов Саидахмад

Доктори илмҳои иқтисодӣ
Донишгоҳи давлатии тиҷорати Тоҷикистон
734061, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Дехотӣ, ½
Тел.: (+992) 900 20 11 57 (м.)
zubaidov57@mail.ru

Субхонов Цовид Азимович

Довталаб
Маркази рушди инноватсионии илм ва технологияҳои рақамии
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 33
Тел.: (+992) 201 01 51 00 (м.)
adzhovids@bk.ru

Дар мақола рушди устувори туризм ҳамчун низоми мураккаби бисёрҷиҳа ва иҷтимоӣ-иқтисодӣ баррасӣ мегардад. Дар асоси моделсозии математикӣ омилҳои таъсиррасон ба устувори система, аз ҷумла омилҳои инфрасохторӣ, иҷтимоӣ ва инсонӣ таҳлил мешаванд. Ба нақши омилҳои инсонӣ ҳамчун унсурҳои калидии рушди устувор тавачҷуҳи махсус дода шудааст. Модели омӯри барои арзёбии устувори система пешниҳод мегардад, ки ба тақсими эҳтимолии ноқомӣ дар марҳилаҳои ташаккул, фаъолият ва навсозӣ асос ёфтааст. Зарурати тақмили усулҳои моделсозӣ ва низоми маълумоти омӯри барои пешгӯии рушди устувори туризм таъкид мегардад.

Калидвожаҳо: рушди устувор; туризм; назарияи эътимоднокӣ; моделсозии математикӣ; низоми иҷтимоӣ-иқтисодӣ; омилҳои инсонӣ; тақсими омӯри; омилҳои хатар.

УДК 336.011

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ**

Назаров Абдушукур Абдурахимович

Доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и техники Республики Таджикистан,
профессор кафедры инженерной экономики и менеджмента
Политехнический институт
Таджикского технического университета им. М. Осими
734042, Республика Таджикистан, Худжанд, пр. И. Сомони, 226
Тел.: (+992) 92 707 49 71 (м.)
anazarov_mtm@rambler.ru

Асророва Мавлуда Абдушукуровна

Кандидат экономических наук, доцент,
начальник Управления научно-исследовательских работ
и инновационного развития
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики
735700, Республика Таджикистан, Худжанд, мкр.17 дом 1
Тел.: (+992) 92 775 23 29 (м.)
mav_as@mail.ru

В статье рассмотрены научно-методические основы оценки эффективности инновационной деятельности предприятия. Обобщается понятийный аппарат «инновация» и «инновационная деятельность» как теоретическая основа исследования. Приводятся методы оценки инновационной деятельности, а также обобщаются показатели оценки эффективности производства и реализации новой продукции по сравнению с ранее производимыми и реализуемыми товарами. Подчеркивается, что многие авторы считают, что показателем эффективности производства и реализации продукции является прибыль и она, полученная после реализации всей произведенной продукции является показателем эффективности новой продукции. В статье показывается новая, более совершенная методика расчета показателя эффективности производства и реализации новой продукции через показатель прибыли с учетом доли новой продукции. Автор на примере одного предприятия демонстрирует расчет показателя эффективности производства и реализации новых мукомольных изделий именно с учетом доли новой продукции по отношению к уже реализованной продукции. Приводится и анализируется чистая прибыль, полученная от производства и реализации новой продукции. Автором предлагается более совершенная методика оценки эффективности производства новой продукции на предприятии.

Ключевые слова: инновация; инновационная деятельность; методика; оценка; эффективность; новая продукция; новизна; производство; реализация; прибыль.

Известно, что инновации играют ключевую роль в развитии экономики, способствуя долгосрочному экономическому росту, повышению уровня и динамики конкурентоспособности и созданию новых продуктов, услуг, технологий и отраслей. Они способствуют улучшению качества продукции и услуг, снижению издержек производства, создавая новые рабочие места и мотивируя на повышение уровня квалификации специалистов. Инновационная деятельность является одним из главных двигателей экономического развития и укрепляет позиции страны на мировом рынке.

Следует различать термины «нововведения» и «инновации». Инновация более широкое понятие, чем нововведение.

Инновация – это развивающийся комплексный процесс создания, распространения и использования новой идеи, которая способствует повышению эффективности работы предприятия. При этом инновация – это не просто объект, внедренный в производство, а объект, успешно внедренный и приносящий прибыль в результате проведенного научного исследования или сделанного открытия, качественно отличный от предшествующего аналога.

Научно-техническое нововведение необходимо рассматривать как процесс преобразования научного знания в научно-техническую идею и далее – в производство продукции для удовлетворения всевозрастающей потребности пользователя-потребителя. В этом направлении можно выделить два подхода к научно-техническому нововведению.

Так, первый подход отражает в основном продуктовую ориентацию нововведения. Инновация определяется как процесс преобразования ради выпуска новой готовой продукции. Это направление распространяется в период, когда основные позиции потребителя по отношению к производителю достаточно слабы. Однако следует отметить, что сами по себе продукты – не конечная цель, а лишь средство удовлетворения всевозрастающей потребностей населения и хозяйств. В этой связи, согласно второму подходу, процесс научно-технического и социального нововведения рассматривается как внедрение научного или технического знания персонала-специалистов непосредственно в сферу удовлетворения нужд потребителя. Полагаем, что продукт при этом превращается в носителя технологии, а форма, которую он принимает, определяется после увязки технологии и удовлетворяемой потребности субъектов.

Для определения понятия «инновация» проведем обзор литературных источников (табл. 1).

Таблица 1 – Определение понятия «инновация»

Автор, источник	Понятие «инновация» (определение)
Шумпетер Й.А.	Инновация – новая, неизвестная научно-организационная комбинация производственных факторов, мотивированная предпринимательским духом [12, с.224-226]
Смитс Р.	Инновация – успешная комбинация оборудования, технологий и организационного ресурса в контексте определённой социальной либо экономической модели [6, с.870-874]
Морозов Ю.	Инновация – прибыльное использование новаций в виде новых технологий, видов продукции, организационно-технологических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого или иного характера [3, с.132-136]
Никсон Ф.	Инновация – это совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшенных промышленных процессов и оборудования [4, с.110-114]
Санто Б.	Инновация – это такой общественный – технический – экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий, и в случае, если она ориентируется на экономическую выгоду, прибыль, появление инновации на рынке может привести добавочный доход [5, с.74-78]
Друкер П.Ф.	Инновация – это особый инструмент предпринимателей, средство, с помощью которого они используют изменения как шанс осуществить новый вид бизнеса или услуг [1, с.39-41]
Твисс Б.	Инновация – это процесс передачи научных или технических знаний «непосредственно в сферу нужд потребителя; продукт при этом превращается лишь в носителя технологии, и форма, которую он принимает, определяется только после увязки самой технологии и удовлетворяемой потребности» [7, с.17-18]
Оксфордский толковый словарь	Инновация – любой новый подход к конструированию, производству или сбыту товара, в результате чего инноватор или его компания получают преимущество перед конкурентами [5, с.94-95]

Автор, источник	Понятие «инновация» (определение)
Авторское определение.	Инновация – это что-то новое или усовершенствованное, что предназначено для удовлетворения все новых и новых потребностей человека, а также новый творческий подход к ведению какой-либо деятельности

Обобщение мнений таких ученых, как Ф.Никсон, Б.Санто, Р.А.Фатхудинов, Н.И.Морозов показало, что все исследователи едины в том, что инновации являются результатом инновационной деятельности. В наиболее общем смысле инновационную деятельность можно представить как деятельность по созданию, освоению, распространению и использованию инноваций.

Можно согласиться с мнением Р.А.Фатхудинова, который под инновацией понимает конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, научно-технического и экологического эффекта в инновационной деятельности системы хозяйствования – предприятия [11, с.17].

Полагаем, что инновационная деятельность – это деятельность, направленная на использование и коммерциализацию результатов научных исследований, проектов и разработок для расширения и обновления номенклатуры и улучшения качества выпускаемой продукции, совершенствования технологии их изготовления с последующими внедрением и эффективной реализацией как на внутреннем, так и внешнем рынке.

Следует отметить, что инновационная деятельность предприятий очень часто выступает объектом экономического анализа. Переход на новую ступень научно-технического развития потребовал усиления инновационной активности специалистов и нового подхода к осмыслению нововведений.

В настоящее время инновации являются одним из важных и сложнейших явлений, которое определяет экономический рост и развитие предприятия, региона и страны. Для оценки инновационной активности и конкурентоспособности предприятия широко используются показатели инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Для оценки эффективности инновационной деятельности могут использоваться различные показатели (экономические, технические, финансовые и т.д.).

Рассмотрим мнение различных авторов по характерным показателям оценки инновационной деятельности предприятия (табл. 2).

Таблица 2 – Классификация показателей оценки эффективности инновационной деятельности предприятия

Авторы	Показатели оценки эффективности инновационной деятельности предприятия
Шумпетер Й.А.	Определил прибыль как результат практической реализации новшества (инновации) и ввел понятие «предприниматель-инноватор». Другим основным показателем, характеризующим деятельность организации, является выручка, которая характеризует совокупный доход от реализации продукции или оказания услуг [12, с.342-346]
Кузнецова Е.Ю.	К показателям оценки экономической эффективности инновационных проектов относятся: суммарная (или среднегодовая) прибыль, получаемая при реализации проекта; рентабельность инвестиций (простая норма прибыли); период окупаемости (срок возврата) инвестиций [2, с.107-108]
Устинова Л.Н.	Затраты на НИОКР, рентабельность продукции, прибыль после реализации новой продукции [10, с.12-14]
Авторское определение	Показатель оценки выпуска и реализации продукции определяется как чистая прибыль, полученная только от реализации всей продукции с учетом доли объема новой продукции к объему ранее произведенным и реализованным продуктам

Источник: составлено авторами.

Согласно подходам таких ученых, как Й.А.Шумпетер, Е.Ю.Кузнецова и Л.Н.Устинова, прибыль как результат практической реализации новшества – производства новой продукции, определяется следующим образом: разница прибыли года производства новой продукции, как инновационная деятельность предприятия к предыдущему году.

Однако, на наш взгляд, при определении более точной чистой прибыли, полученной в год производства новой продукции, следовало бы учитывать то, что предприятие также получает определенную прибыль от производства существующих видов продукции. В этом плане при определении оценки следует учитывать долю объема производства новой продукции к другим видам продукции, производимым предприятием. Полагаем, что учет объема реализации произведенной новой продукции является одним из главных факторов оценки инновационной деятельности на предприятии.

Экономика Таджикистана и его регионов в настоящее время демонстрирует устойчивые темпы роста. Важным фактором экономического роста является увеличение объемов промышленного производства.

Известно, что промышленность, как основная отрасль экономики в любом народном хозяйстве, играет ключевую роль для создания сильной диверсифицированной и устойчивой модели роста. Это важнейший источник рабочих мест, инвестиций, инноваций, квалифицированных кадров и производства импортозамещающих товаров, а также развития других отраслей национальной экономики.

Одним из приоритетных направлений развития промышленности страны является пищевая промышленность. Пищевая промышленность Республики Таджикистан, объединяя в своём составе целый ряд предприятий смежного профиля, представляет собой крупный народно-хозяйственный сектор экономики республики.

Проведем анализ показателей оценки эффективности инновационной деятельности на примере одного из ведущих предприятий такой традиционной отрасли индустрии Согдийской области РТ, как пищевая промышленность по переработке пшеницы, производству муки и мучных изделий ООО «ФАРОВОН» (табл. 3).

Таблица 3 – Динамика экономических показателей технико-экономических показателей мукомольного производства ООО «Фаровон» за 2020-2024 гг.

Показатели	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
Выручка от реализации с учетом НДС, сомони	14 676 400	14 818 644	15 325 618	16 018 720	17 512 994
Выпуск продукции, тонн	4320,56	4363,48	4486,32	4640,16	4880,272
Среднегодовая стоимость основных фондов, сомони	10 157 742	9 950 480	10 215 200	10 480 276	11 139 850
Среднесписочная численность производственно-промышленного персонала, чел.	33,6	38,4	43,2	46,4	48
Себестоимость продукции, сомони	11 881 447	14 996 745	15 149 467	15 660 621	16 470 918

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Показатели	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
Прибыль от реализации, сомони	2 794 953	2 821 248	3 206 044	4 130 223	4 336 260
Фондоотдача	1,152	1,192	1,2	1,224	1,256
Производительность труда, кг	102 870,48	90 905,84	83 080	80 002,80	81 337,84
Рентабельность, %	19,2	19,2	21,6	26,4	26,4

Источник: Источник: расчеты авторов по данным отчетов предприятия по исследуемым годам.

Из данных, приведенных в табл. 3 видно, что технико-экономические показатели предприятия за период 2020-2024 гг. имеют поступательное развитие и высокую степень стабильности производственно-хозяйственной деятельности.

За пятилетний период выручка предприятия увеличилась с 14,67 млн сомони в 2020 году до 17,51 млн сомони в 2024 году. Это свидетельствует о положительной динамике спроса, расширении рыночной доли и эффективной сбытовой политике предприятия. Показатель производства за анализируемый период вырос с 4320,56 тонн до 4880,27 тонн, что составляет рост на 13%. Это подтверждает наращивание мощностей и оптимизацию производственного процесса.

Стоимость основных производственных средств увеличилась с 10,15 млн до 11,14 млн сомони, что связано с инвестициями в модернизацию оборудования и обновление технологической базы.

Среднесписочная численность производственного персонала увеличилась с 33,6 до 48 человек, что обусловлено расширением производственного объема и внедрением новых технологических линий.

Прибыль от реализации увеличилась на 55% – с 2,79 млн до 4,34 млн сомони, что напрямую отражает результативность принятых управленческих решений и эффективное управление затратами. Показатель рентабельности также вырос – с 19,2% до 26,4%, указывая на снижение себестоимости на единицу продукции и повышение доходности бизнеса.

Показатель фондоотдачи повысился с 1,152 до 1,256, что означает более эффективное использование основных средств. Однако производительность труда снизилась с 102,87 тыс. кг до 81,34 тыс. кг, что может быть связано с увеличением численности персонала и расширением ассортимента продукции, требующей больше ручного труда или дополнительных операций.

В целом, динамика показателей свидетельствует о стабильном развитии предприятия, усилении его финансовой устойчивости и способности адаптироваться к меняющимся рыночным условиям. Повышение выручки, прибыли и рентабельности демонстрирует эффективность внедряемых инновационных ре-

шений, а также целесообразность стратегических вложений в модернизацию и расширение производственного потенциала.

Таким образом, данные, приведенные в таблице 3, показывают, что предприятие функционирует эффективно.

Отличительными чертами ООО «Фаровон» являются непрерывный поиск новшеств, разработка оригинальных решений, а также гибкая адаптация к изменяющимся рыночным условиям и технологическим трендам. Инновационная деятельность предприятия включает внедрение современных подходов, реализацию творческого потенциала персонала и постоянное стремление к совершенствованию процессов и выпускаемой продукции.

Этот процесс имеет стратегическое значение для развития компании, способствует обновлению продуктовой линейки, росту прибыли и стимулирует устойчивое развитие бизнеса в условиях быстро меняющейся внешней среды. В рамках мукомольного производства компании «Фаровон» уровень инновационной активности остаётся низким, однако предприятие предпринимает шаги по внедрению новых, усовершенствованных видов продукции с целью расширения ассортимента и выхода на внешние рынки. По результатам анкетирования сотрудников установлено, что наибольшее развитие на предприятии получила продуктовая форма инноваций.

Продуктовая инновация представляет собой процесс разработки и вывода на рынок новых или существенно модернизированных товаров либо услуг. На предприятии ООО «Фаровон» продуктовые инновации реализуются через создание продуктов с улучшенными характеристиками, новыми функциональными свойствами или изменённым дизайном, которые обеспечивают добавленную ценность для потребителей и выделяются среди аналогов.

Основной целью продуктовой инновации является удовлетворение изменяющихся запросов потребителей, обеспечение дифференциации продукции и формирование устойчивого конкурентного преимущества. Это направление инновационной деятельности способствует увеличению рыночной доли, привлечению новой клиентской аудитории и укреплению узнаваемости бренда.

Для более точной характеристики инновационной активности группы компаний «Фаровон» следует рассмотреть конкретные примеры инновационной продукции, выпущенной за последние годы в мукомольном направлении, такие как специализированная мука для выпечки и мука для мант под торговой маркой «Анко».

Компания «Фаровон» под торговой маркой АНКО стремится максимально учитывать потребности всех категорий потребителей, поэтому процесс разработки и вывода на рынок новых видов продукции ведётся непрерывно.

Отличительной особенностью муки данного бренда является мелкая фасовка – она поставляется в удобных упаковках по 5 и 10 килограммов.

Пшеничная традиционная мука для самсы представляет собой продукт высшего сорта, выпускаемый в фирменной красной упаковке. Благодаря этой муке любая хозяйка может приготовить тонкое, эластичное тесто, которое не рвётся и легко сохраняет нужную форму при лепке.

Проанализируем изменение объёмов выпуска двух указанных видов продукции в динамике за последние годы, а также произведём расчёт полученной прибыли по каждому из них за 2020-2024 гг. (табл. 4).

Таблица 4 – Динамика объемов производства и основных экономических показателей новых видов продукции за 2020-2024 гг.

Наименование	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
Всего муки, тонн	4320,56	4363,48	4486,32	4640,16	4880,272
В том числе:					
Мука для выпечки	-	-	672,96	795,2	990,4
Мука для самсы	-	-	-	586	867
Прибыль от реализации, сомони	2 794 953	2 821 248	3 206 044	4 130 223	4 336 260
Себестоимость, сомони	11 881 447	11 997 396	12 119 574	12 528 497	13 176 734
Рентабельность, %	19,2	19,2	21,6	26,4	26,4

Источник: расчеты авторов по данным отчетов предприятия по исследуемым годам.

На основе анализа данных таблицы можно сделать вывод, что в период с 2020 по 2024 годы мукомольное производство ООО «Фаровон» демонстрировало поступательное развитие, особенно за счёт внедрения новых видов продукции – муки для выпечки и муки для самсы. Производство этих инновационных продуктов началось с 2022 года, и за два года их совокупный объём достиг 1 857,4 тонн, что свидетельствует о высоком потребительском спросе и успешной реализации продуктовых инноваций.

Прибыль от реализации за этот период также значительно выросла – с 2 794 953 сомони в 2020 году до 4 336 260 сомони в 2024 году. Это подтверждает, что расширение ассортимента положительно повлияло на доходность предприятия. Себестоимость продукции увеличивалась умеренно, что связано с ростом объёмов производства, однако темпы прироста прибыли опережают рост затрат.

Показатель рентабельности также демонстрирует устойчивый рост: с 19,2 % в 2020 и 2021 годах до 26,4 % в 2022 году и сохранение этого уровня в последующие годы. Это подтверждает повышение эффективности производственной деятельности и оправданность внедрения новых продуктовых направлений. В целом, результаты анализа указывают на положительное влияние инновационной продукции на экономические показатели предприятия.

Инновационные продукции могут существенно повлиять на объём прибыли предприятия. Важно исследовать динамику изменения прибыли до и после реализации нововведений.

Основываясь на данных таблицы 4, в которой представлены объёмы производства и совокупная прибыль от реализации всей линейки муки, можно перейти к расчёту прибыли, полученной от внедрения новых товарных позиций. Для этого в первую очередь необходимо установить удельную долю новых видов продукции в общем объёме выпуска:

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для выпечки}} = \frac{\text{Выпуск муки для выпечки}}{\text{Выпуск продукции (общая)}} * 100\%$$

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для выпечки}} = \frac{672,9}{4486,3} * 100\% = 14,9\%$$

Теперь можно рассчитать прибыль от реализации муки для выпечки:

$$Pг_{\text{мука для выпечки}} = \frac{\text{Процентная доля муки для выпечки}}{100} * Pг_{\text{общая}}$$

$$Pг_{\text{мука для выпечки}} = \frac{14,9}{100} * 3\,206\,044 = 477\,700,55 \text{ сомони.}$$

Согласно исходным данным и проведённым расчётам, прибыль от реализации муки для выпечки составила 477 700,55 сомони, что соответствует 14,9 % от общей прибыли предприятия за анализируемый период.

На следующем этапе анализа будет произведён расчёт прибыли, полученной от реализации двух новых видов продукции — муки для самсы и муки для выпечки.

Для этого необходимо определить их долю в общем объёме выпускаемой муки, рассчитав процентное соотношение объёмов каждого из данных видов продукции к совокупному объёму производства:

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для выпечки и для самсы}} = \frac{\text{Выпуск муки для выпечки} + \text{Выпуск муки для самсы}}{\text{Выпуск продукции (общая)}} * 100\%$$

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для выпечки и для мант}} = \frac{795,2 + 468,8}{4640,16} * 100\% = 27,1\%$$

Определяем прибыль от реализации этих двух продуктов:

$$Pг_{\text{мука для выпечки и для мант}} = \frac{\text{Процентная доля муки для выпечки и для мант}}{100} * Pг_{\text{общая}}$$

$$Pг_{\text{мука для выпечки и для мант}} = \frac{27,1}{100} * 4\,130\,239,2 = 1\,119\,294 \text{ сомони.}$$

Нам известна совокупная прибыль от реализации двух новых видов продукции, которая составляет 1 119 294 сомони. Чтобы определить прибыль, приходящуюся на каждый из этих продуктов отдельно, необходимо рассчитать удельный вес (процентную долю) каждого из них в общем объёме производства этих двух наименований.

Рассчитаем процентные доли каждого продукта отдельно:

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для выпечки}} = \frac{\text{Выпуск муки для выпечки}}{\text{Выпуск новой продукции (общая)}} * 100\%$$

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для выпечки}} = \frac{795,2}{1264} * 100\% = 62,91\%$$

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для самсы}} = \frac{\text{Выпуск муки для самсы}}{\text{Выпуск новой продукции (общая)}} * 100\%$$

$$\text{Процентная доля}_{\text{мука для самсы}} = \frac{468,8}{1264} * 100\% = 37\%.$$

На основе этих процентов, можем определить прибыль для каждого нового продукта:

$$Pг_{\text{мука для выпечки}} = \frac{\text{Процентная доля муки для выпечки}}{100} * Pг_{\text{общая от н.п.}}$$

$$Pг_{\text{мука для выпечки}} = \frac{62,91}{100} * 1\,119\,294 = 704\,147,8 \text{ сомони.}$$

$$Pг_{\text{мука для самсы}} = \frac{\text{Процентная доля муки для самсы}}{100} * Pг_{\text{общая от н.п.}}$$

$$Pг_{\text{мука для самсы}} = \frac{37}{100} * 1\,119\,294 = 414\,138,7 \text{ сомони.}$$

Прибыль, полученная от реализации муки для выпечки и муки для самсы, составила, соответственно, 704 147,8 сомони и 414 138,7 сомони. Совокупный объём прибыли от данных двух видов новой продукции составляет 1 119 294 сомони, что представляет собой весомую долю в общей прибыли предприятия, полученной от производства муки. Это подтверждает успешность внедрения новых продуктовых направлений и их значительное влияние на финансовые результаты предприятия.

Таким образом, предлагаемый подход к оценке экономической эффективности производства и реализации новой продукции на предприятиях позволит получить более точную чистую прибыль – доход для хозяйственного субъекта и территориальных подразделений.

Литература

1. Друкер П.Ф. Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles (1985) // Русскоязычное издание: Бизнес и инновации. – М.: Вильямс, 2007. – С.39-41.
2. Кузнецова Е.Ю. Эффективность инновационного процесса: показатели оценки, инструмент повышения // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2015. – №1. – С.96-110.
3. Морозов Ю. Инновационный менеджмент: учеб. пособие; Нижегород. коммер. ин-т. – Нижний Новгород: ННГУ, 1997. – 187 с.
4. Никсон Ф. Роль руководства предприятия в обеспечении качества и надежности. – М.: Издательство стандартов, 1990. – 230 с.
5. Оксфордский толковый словарь. Англ.-русс. – М.: Прогресс-Академия, изд-во РГГУ, 1995. – 318 с.
6. Санто Б. Инновация как средство экономического развития год издания: 1990 Язык: Русский Ориг.название: Innovacio a gazdasag fejlestesenek eszkoze / пер. с венгер. С.Завялов; общ. ред. Б.В.Сазонова. – М.: Прогресс, 1990. – 296 с.
7. Смитс Р. Innovatio studies in the 21st century: questions from a perspective // Tehnological Forecasting & Social Change. – 2002. – №69. – P.760-674.
8. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями / сокр. пер. с англ.; авт. предисл. и науч. ред. К.Ф.Пузыня. – М.: Экономика, 1989. – 271с.
9. Трифилова А.А. Управление инновационным развитием предприятия. – М. Финансы и статистика, 2003. – 176 с.
10. Устинова Л.Н. Совершенствование оценки эффективности использования инновационного потенциала (на примере газо- и нефтехимических предприятий Республики Таджикистан: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Устинова Лилия Нуруллоевна. – Казань, 2014. – 25 с.
11. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент: учебник для вузов. – СПб., 2011. – 432с.

12. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В.С.Автономова, М.С.Любского и др. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

IMPROVING THE METHODOLOGY FOR ASSESSING ENTERPRISE INNOVATION ACTIVITIES

Nazarov Abdushukur Abdurakhimovich

Doctor of economics, professor,
honored scientist and technician of the Republic of Tajikistan,
professor of the chair of engineering economics and management
Polytechnic Institute of the Tajik technical university named after M. Osimi
734042, Republic of Tajikistan, Khujand, I. Somoni ave., 226
Tel.: (+992) 92 707 49 71 (m.)
anazarov_mtm@rambler.ru

Asrorova Mavluda Abdushukurovna

Candidate of economic sciences, associate professor,
head of the chair of scientific research and innovative development
Tajik state university of law, business and politics
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, microdistrict 17, building 1
Ph.: (+992) 92 775 23 29 (m.)
mav_as@mail.ru

This article deals with the scientific and methodological foundations for assessing the effectiveness of enterprise innovation. The conceptual framework of "innovation" and "innovation activity" is summarized as the theoretical basis for the study. Methods for assessing innovation activity are presented, and indicators for evaluating the effectiveness of new product production and sales are summarized, compared to those of previously produced and sold products. It is emphasized that many authors believe that profit is an indicator of production and sales effectiveness, and that profit earned after the sale of all existing products is an indicator of the effectiveness of new products. The article presents a new, more sophisticated method for calculating the effectiveness of new product production and sales using profit as a proxy for the share of new products. Using the example of one enterprise, the author demonstrates the calculation of the effectiveness of new flour products, specifically taking into account the share of new products relative to existing sales. The net profit received from the production and sale of new products is presented and analyzed. The author proposes a more sophisticated method for assessing the effectiveness of new product production at an enterprise.

Keywords: innovation; innovation activity; methodology; evaluation; effectiveness; new products; novelty; production; sales; profit.

**ТАКМИЛИ МЕТОДОЛОГИЯИ АРЗЌБИИ ФАЪОЛИЯТИ
ИННОВАЦИОНИИ СОҲИБКОРӢ**

Назаров Абдушукур Абдурахимович

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор,
Ходими илм ва техникаи шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон,
профессори кафедраи иқтисодиёт ва идоракунии муҳандисии
Донишкадаи политехникии
Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи М. Осимӣ
734042, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, хиёб. И. Сомонӣ, 226
Тел.: (+992) 92 707 49 71 (м.)
anazarov_mtm@rambler.ru

Асророва Мавлуда Абдушукуровна

Номзади илмҳои иқтисодӣ, дотсент,
мудири кафедраи тадқиқоти илмӣ ва рушди инноватсионӣ
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, тибқорат ва сиёсати Тоҷикистон
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, мнх 17, бинои 1
Тел.: (+992) 92 775 23 29 (м.)
mav_as@mail.ru

Дар мақола асосҳои илмӣ ва методологӣ баррасӣ шудаанд барои арзёбии самаранокии фаъолияти инноватсионии корхона. Дастгоҳи мафҳумии "инноватсия" ва "фаъолияти инноватсионӣ" ҳамчун асоси назариявии тадқиқот умумӣ қарда шудааст. Дар мақола усулҳои арзёбии фаъолияти инноватсионӣ пешниҳод қарда шуда, нишондиҳандаҳо барои арзёбии самаранокии истеҳсол ва фурӯши маҳсулоти нав дар муқоиса бо молҳои қаблан истеҳсолшуда ва фурӯхташуда ҷамъбаст қарда шудаанд. Таъкид шудааст, ки бисёре аз муаллифони бар он ақидаанд, ки фондаи нишондиҳандаи самаранокии истеҳсол ва фурӯши маҳсулот аст ва фондае, ки пас аз фурӯши ҳамаи маҳсулоти истеҳсолшуда ба даст оварда мешавад, нишондиҳандаи самаранокии маҳсулоти нав мебошад. Дар мақола методологияи нав ва пешрафтатар барои ҳисоб қардани нишондиҳандаи самаранокии истеҳсол ва фурӯши маҳсулоти нав тавассути нишондиҳандаи фонда, бо назардошти ҳиссаи маҳсулоти нав пешниҳод қарда мешавад. Бо истифода аз мисоли як корхона, муаллиф ҳисобкунии нишондиҳандаи самаранокии истеҳсол ва фурӯши маҳсулоти нави ордҳо бо назардошти ҳиссаи маҳсулоти нав нисбат ба маҳсулоти аллақай фурӯхташуда нишон медиҳад. Фондаи софӣ аз истеҳсол ва фурӯши маҳсулоти нав бадастомада пешниҳод ва таҳлил қарда мешавад. Муаллиф методологияи пешрафтатарро барои арзёбии самаранокии истеҳсоли маҳсулоти нав дар корхона пешниҳод мекунад.

Калидвожаҳо: инноватсия; фаъолияти инноватсионӣ; методология; арзёбӣ; самаранокиӣ; маҳсулоти нав; навоарӣ; истеҳсол; фурӯш; фонда.

УДК 331.5:004.9:338.2

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ГОДА РАСШИРЕНИЯ БЛАГОУСТРОЙСТВА И СОЗИДАНИЯ

Шарипова Асиля Гуломовна

Доктор экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и маркетинга
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 39 73; (+992) 91 950 80 54 (м.)
gavhar.sharipova@bk.ru

В статье рассматриваются особенности развития человеческого капитала в Республике Таджикистан в контексте цифровой трансформации экономики и модернизации образования. Особое внимание уделяется роли цифровизации образования как важнейшего инструмента для повышения качества человеческого капитала и его готовности к требованиям экономики знаний, где знания играют ключевую роль. Анализ научных подходов таджикских исследователей выявил ключевые проблемы в системе образования, среди которых несоответствие образовательных программ потребностям рынка труда, цифровое неравенство и ограниченность инфраструктуры. В работе также рассматриваются положительные практические итоги цифровизации, в том числе внедрение образовательных платформ, создание цифрового контента, повышение квалификации учителей и увеличение доступа к образовательным ресурсам. Подчеркнута важность государственных инициатив, в том числе стратегии цифровой экономики и мероприятий в рамках Года расширения благоустройства и созидания. Выявлена необходимость перехода от количественного роста системы образования к ее качественной перестройке, которая станет основой устойчивого социально-экономического развития страны, с акцентом на развитие компетенций.

Ключевые слова: человеческий капитал; цифровизация; Таджикистан; образование; трудовая миграция; экономический рост; инновационная экономика.

Введение. В условиях перехода к экономике знаний человеческий капитал становится одним из ключевых факторов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие страны. Усиление глобальной конкуренции, цифровизация экономики и трансформация рынка труда предъявляют новые требования к формированию качественно нового уровня человеческого потенциала. Для Республики Таджикистан эта проблема имеет особую актуальность, так как национальная экономика отличается ограниченной диверсификацией, высокой долей трудовой миграции и потребностью в повышении конкурентоспособности. В связи с этим развитие человеческого капитала выступает не только драйвером роста, но и ключевым фактором обеспечения экономической стабильности государства.

Основная часть. Теория человеческого капитала получила широкое развитие в трудах зарубежных ученых, однако в таджикской экономической науке данная категория получила собственное развитие с учетом национальных особенностей. Так, Ф.Н.Салимов определяет человеческий капитал как совокупность знаний, навыков, здоровья и профессионального опыта, формирующих экономическую ценность рабочей силы и обеспечивающих рост производительности труда [8, с.59].

А.А.Акрамов рассматривает человеческий капитал через призму трудовой миграции, подчёркивая, что его формирование в Таджикистане происходит в условиях активного внешнего движения рабочей силы, что оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на экономику [1].

Д.А.Ходиев акцентирует внимание на региональных аспектах развития человеческого капитала, выделяя проблему неэффективного использования трудовых ресурсов в трудоизбыточных регионах. Исследования Д.А.Ходиева охватывают область управления ходом развития человеческого капитала с учетом миграционных процессов, а также региональные институциональные преобразования [10]. Наиболее широко раскрыты вопросы развития человеческого капитала в регионе, изучены и теоретически обоснованы в трудах экономиста Дж.Л.Саидмуродова [7]. Он связывает развитие человеческого капитала с институциональными преобразованиями и занятостью, подчёркивая необходимость системного подхода к формированию человеческого потенциала. Автор работ в области трудовых ресурсов И.С.Хоркашов отмечает, что «...улучшение его компонентов, таких как образование и здравоохранение, открывает возможности для преодоления экономического и социального отставания отдельных стран» [11].

Анализ научных исследований позволяет выделить ключевые проблемы в развитии человеческого капитала, в частности несовершенное качество образовательных услуг; несоответствие подготовки кадров потребностям национальной экономики; высокая миграционная активность и утечка квалифицированных специалистов; недостаточный уровень финансирования социальной сферы; слабое развитие инновационной инфраструктуры.

Развитие человеческого капитала через модернизацию системы образования является одной из ключевых задач социально-экономического развития Республики Таджикистан. В современных условиях именно уровень образования, научного потенциала и профессиональных компетенций населения определяет способность государства обеспечивать устойчивый экономический рост, технологическое обновление и конкурентоспособность национальной экономики. В этой связи государственные стратегии развития страны последовательно подчёркивают, что главным ресурсом долгосрочного прогресса выступает человеческий капитал, формирование которого напрямую связано с эффективным функционированием системы образования и науки. Система образования является ключевым элементом формирования человеческого капитала. Несмотря на расширение охвата населения образованием, сохраняются проблемы качества подготовки кадров и несоответствия навыков требованиям рынка труда. Исходя из этого Ф.Н.Салимов предлагает внедрение дуальной системы образования как эффек-

тивного инструмента повышения качества человеческого капитала, что позволит сблизить образование и производство [8]. Поддерживая эту идею Т. Дж. Усманова и М. Т. Каримова отмечают, что «образовательный процесс должен отвечать требованиям не только сегодняшнего, но завтрашнего дня. Темп изменений в мировой экономике, глобализация, изменение в промышленности, бизнесе и т. д. оказались настолько высоки, что вузы не успевают осваивать новые образовательные продукты, которые диктуются ситуацией и временем» [2, с.127].

Современный образовательный процесс должен ориентироваться не только на удовлетворение актуальных потребностей рынка труда, но и на развитие компетенций, которые будут востребованы в будущем. В условиях стремительной трансформации мировой экономики, вызванной цифровизацией, глобализацией и технологическими изменениями, традиционные подходы к подготовке кадров теряют свою эффективность. Изменения в промышленности, бизнес-среде и структуре занятости происходят настолько стремительно, что возникает так называемый «разрыв навыков», когда знания и умения выпускников не совпадают с требованиями работодателей. Новые профессии появляются быстрее, чем образовательные организации успевают обновлять учебные программы, в то время как некоторые существующие специальности утрачивают актуальность еще до завершения учебного цикла. В результате, наблюдается несоответствие между имеющимися компетенциями и потребностями рынка труда.

В этой ситуации высшие учебные заведения вынуждены постоянно догонять развивающийся мир: образовательные продукты разрабатываются с временным лагом, что уменьшает их практическую применимость. Система образования в основном ориентирована на передачу традиционных знаний, в то время как современная экономика нуждается в гибких, междисциплинарных и цифровых навыках. В данном контексте особую значимость имеет переход к модели опережающего образования, которая предполагает не только передачу знаний, но и формирование способности к их непрерывному обновлению. Для этого необходимы внедрение инновационных подходов, среди которых внедрение гибких и модульных образовательных программ; слияние образования, науки и производства; эволюция дуальной системы обучения; широкое применение цифровых технологий и онлайн-платформ.

Важность так называемых «мягких навыков», таких как критическое мышление, креативность, коммуникационные способности и умение работать в условиях неопределенности, также возрастает. Именно эти компетенции позволяют человеческому капиталу адаптироваться к быстро меняющейся экономике, обеспечивая его гибкость.

Современный образовательный процесс должен трансформироваться из статичной системы передачи знаний в динамичную экосистему, которая будет способствовать формированию компетенций будущего. В противном случае, образование рискует отстать от экономики, что негативно повлияет на конкурентоспособность страны и качество человеческого капитала в целом.

В контексте объявленного Года расширения благоустройства и созидания, укрепления национального самосознания и самопознания, особую актуальность

приобретает цифровая трансформация образовательной среды [5]. Цифровизация образования в данном случае выступает не просто внедрением новых технологий в учебный процесс, а важным инструментом созидательного развития общества. Она способствует модернизации образовательной инфраструктуры, повышению качества преподавания и управления образовательными учреждениями, расширению доступа населения к знаниям и современным образовательным ресурсам.

Цифровые образовательные технологии открывают новые горизонты для сохранения и распространения национального культурного и интеллектуального наследия. Благодаря электронным учебникам, цифровым библиотекам, образовательным платформам и другим цифровым ресурсам не только повышается качество образовательного процесса, но и укрепляется национальная идентичность, происходит популяризация государственного языка, историко-культурных ценностей и научных достижений страны. Следовательно, развитие человеческого капитала посредством цифровизации образования приобретает значимость не только как фактор социально-экономического прогресса, но и как основа для укрепления национального самосознания.

К 2025 году число интернет-пользователей в республике приближалось к 5 миллионам. В сфере образования в учебном году 2024-2025 гг. насчитывалось 4037 общеобразовательных учреждений и 2,4 миллиона учащихся, а количество учителей составляло 130,7 тысячи человек. Это означает, что на одного учителя приходилось ориентировочно 18 учеников. Это обстоятельство подчёркивает, что повышение квалификации учителей является прямым фактором роста человеческого капитала. Эти цифры иллюстрируют масштаб человеческого капитала, который формируется под воздействием качества образовательной среды и управления.

Национальная стратегия развития до 2030 года определяет стратегический уровень развития человеческого капитала, заявляя, что «главным фактором» будущей модели роста станет именно человеческий капитал. В документе подчеркивается, что ключевыми его компонентами являются образование и наука, которые напрямую влияют на конкурентоспособность и безопасность страны. Стратегия связывает долгосрочное развитие человеческого капитала с обновлением системы образования и внедрением передовых стандартов.

Цифровая повестка в образовании находит практическое воплощение в виде реальных инструментов и в учебных заведениях. 10 марта 2026 года Президент страны, уважаемый Эмомали Рахмон, утвердил решение правительства о создании новых учреждений, входящих в состав Международного университета туризма, где будет создана Академия туризма, Институт мировой экономики и дипломатии, а также Институт цифровых технологий и искусственного интеллекта [6]. Создание новых образовательных учреждений направлено на подготовку квалифицированных специалистов в сферах туризма, цифровых технологий, искусственного интеллекта, мировой экономики и дипломатии, учитывая возрастающее значение этих отраслей для социально-экономического развития.

Это является продолжением образовательной политики, которая открывает новые возможности для получения новых профессий молодёжью. Ранее правительством Та-

Таджикистана была утверждена Стратегия развития искусственного интеллекта в РТ до 2040 года [9]. В рамках стратегии определены ключевые задачи: развитие цифровой инфраструктуры, формирование кадрового потенциала в сфере ИИ, внедрение искусственного интеллекта в экономику, использование интеллектуальных технологий в государственном аппарате и стимулирование научных исследований в области ИИ.

В ряде университетов и институтах Таджикистана введена специализация «искусственный интеллект». В этом году первые выпускники по этой специальности завершат обучение, и будут работать в государственных учреждениях и частном секторе. В Таджикском горнометаллургическом институте был создан Центр искусственного интеллекта, в котором есть четыре лаборатории ИИ, оснащенные современными технологиями. Преподаватели этого института прошли повышение квалификации в Южной Корее, Китае и Индии в области ИИ.

Число пользователей интернета в стране в 2025 году приближалось к 5 млн. человек [3]. В 2024-2025 учебном году в 4037 общеобразовательных учреждениях учатся 2,4 млн. учащихся, а число учителей – 130,7 тыс. чел., т.е. ориентировочно 18 учеников на одного учителя, что подчеркивает, что повышение компетентности учителя прямой рычаг роста человеческого капитала. Эти цифры показывают масштаб человеческого капитала, который зависит от качества учебной среды и управления.

Стратегический уровень развития человеческого капитала зафиксирован в Национальной стратегии развития до 2030 года, где отмечается, что главным фактором будущей модели роста может быть только человеческий капитал, а его ключевые компоненты образование и наука, связаны с конкурентоспособностью и безопасностью страны. Стратегия связывает долгосрочное развитие человеческого капитала с модернизацией системы образования и внедрением современных стандартов.

В 2022 году была утверждена Концепция перехода на цифровое образование до 2042 года (реализация которой запланировано в три этапа: 2023-2026 гг., 2027-2030 гг. и 2030-2040 гг.), с ориентацией на цифровые учебные материалы, «единый портал», электронную библиотеку и видеоуроки [4]. В марте 2024 года принято постановление правительства о программе внедрения информационно-коммуникационных технологий в общеобразовательных учреждениях на 2024-2028 годы, включая план действий на 2024-2026 гг. и отчетность координирующего органа перед правительством.

Объявление 2025-2030 годов годами развития цифровой экономики и инноваций формирует новые ориентиры для развития человеческого капитала в Таджикистане. Данный процесс предполагает переход от количественного наращивания образовательного потенциала к его качественной трансформации, обеспечивающей формирование конкурентоспособной, инновационно ориентированной и адаптивной рабочей силы, способной эффективно функционировать в условиях цифровой экономики.

Развитие человеческого капитала – это не только увеличение численности обучающихся или выпускников, но и рост качества навыков, продуктивности

труда, инновационности и гражданской ответственности. Национальная стратегия развития до 2030 года задает рамку: человеческий капитал и его компоненты (образование и наука) являются базой национальной конкурентоспособности, а долгосрочные задачи включают расширение доступа к качественным услугам, включая образование. Следовательно, цифровизация образования должна измеряться не «количеством компьютеров», а тем, насколько она повышает качество компетенций и расширяет равенство возможностей.

В контексте Года 2026 «благоустройство» можно интерпретировать как благоустройство среды формирования человеческого капитала. В традиционном смысле – это строительство и модернизация школ, но в современном – также создание цифровой инфраструктуры: устойчивого интернета, цифровых ресурсов, платформ управления и учебных материалов, доступных для семьи и ребенка. Такой подход хорошо согласуется с логикой «расширения благоустройства» как повседневной практики, охватывающей всю территорию страны.

«Созидание» в образовательной политике – это переход от «потребления знания» к его производству: проектная деятельность, лаборатории, цифровые инструменты, инновационные кружки, обучение навыкам будущего (включая ИИ). Государственные и партнерские проекты прямо объявляют цель: сделать цифровое обучение доступным для каждого ученика и помочь молодежи освоить навыки будущего. Содержательно это означает: повышение уровня базовой грамотности и математики через цифровые ресурсы; развитие цифровых компетенций; рост доли молодежи, способной работать в экономике знаний.

Укрепление национального самосознания через цифровизацию образования происходит по нескольким направлениям. Во-первых, это язык и культурная память. Цифровые учебники на таджикском языке, электронные библиотеки, видеоуроки и интерактивные курсы делают знания об истории, литературе, языке и культуре более доступными для широкого круга учащихся.

Во-вторых, важную роль играет участие семьи. Цифровые платформы, на которых родители могут видеть успеваемость ребенка, его задания и общаться со школой, делают процесс обучения более прозрачным и усиливают сотрудничество семьи и школы.

В-третьих, цифровые технологии помогают укреплять так называемый «цифровой суверенитет». Развитие языковых технологий и цифровых ресурсов на таджикском языке снижает зависимость от внешнего контента и укрепляет позиции государственного языка в цифровой среде.

Однако формирование национального самосознания в цифровую эпоху не происходит само по себе. Для этого необходима продуманная политика развития образовательного контента, эффективная система управления качеством цифровых ресурсов и подготовленные педагоги, способные использовать технологии в учебном процессе. Это соответствует задачам Года 2026, где особое внимание уделяется повышению уровня образования и просвещения общества.

Одновременно развивается и материальная база образования. Так, в 2024 году было построено 269 зданий общеобразовательных школ и дополнительных учебных помещений, рассчитанных на 57,6 тыс. ученических мест в одну смену,

а также новые объекты дошкольного и высшего образования. Эти инвестиции формируют физическую основу развития человеческого капитала. В свою очередь, цифровизация образования становится вторым уровнем модернизации – цифровым, обеспечивая доступ к образовательным ресурсам, улучшая управление системой образования и расширяя возможности взаимодействия школы и семьи.

Практические результаты цифровизации уже заметны. Например, в Хатлонской области были организованы курсы повышения квалификации учителей по использованию компьютеров, интерактивных досок и видеопроекторов в рамках программы 2024-2028 годов. Этот пример показывает переход от стратегических документов к реальным действиям и хорошо отражает идеи созидания и благоустройства, заложенные в повестке 2026 года.

Важным направлением остается развитие цифрового образовательного контента. Так, Министерством образования отмечается, что с 2019 года электронные версии школьных учебников в PDF формате для 1-11 классов размещаются в открытом доступе для учителей и учеников. Кроме того, на этих ресурсах представлено около 135 наименований школьных учебников и более 1700 примеров уроков по различным предметам, что значительно расширяет возможности использования цифровых образовательных материалов в учебном процессе.

С точки зрения человеческого капитала это важно по двум причинам. Во-первых, цифровые учебники и видеоуроки стандартизируют качество минимального набора материалов, снижая зависимость от конкретной школы и региона. Во-вторых, они создают основу для контента на таджикском языке и для укрепления самоидентификации через национальную учебную программу, поскольку доступ к базовым дисциплинам становится устойчивее и дешевле.

Создана цифровая образовательная платформа, "Мактаб Мобайл" для среднеобразовательных учреждений, которая работает на различных видах устройств (компьютеры, планшеты, мобильные телефоны) как в режиме онлайн, так и в автономном режиме (мобильная версия), способствуя непрерывному обучению и приобретению компетенций. Платформа обеспечивает доступ к материалам и заданиям, связь ученика с учителем, вовлечение родителей, мультимедийные уроки, и возможность предварительной загрузки материалов для использования без подключения с последующей синхронизацией результатов.

eDonish показывает другой слой цифровизации: цифровое управление и прозрачность процессов. В Душанбе регистрация в 1 класс переведена на электронную платформу eDonish; цель – упрощение и повышение прозрачности регистрации, а также цифровой формат взаимодействия родителей и школы. Платформа дает родителям оперативную информацию об успеваемости и поведении ребенка, а также позволяет получать домашние задания и сообщения школы. Это не только административное удобство: это инструмент вовлечения семьи в обучение, а вовлеченная семья – один из самых сильных факторов качества человеческого капитала в долгосрочной перспективе (через поддержку учебной мотивации и дисциплины).

Важный и часто недооцененный компонент человеческого капитала – дошкольное развитие. По данным из материалов, подготовленных в отраслевой коммуникации, в стране значительная часть детей от 3х до 6 лет имеет ограничения доступа к непрерывному качественному дошкольному образованию, что и создает спрос на масштабируемые цифровые решения.

Цифровая платформа «Сандукчай Зулбиё» была разработана и запущена в 2019 году в партнерстве министерства, UNICEF, Microsoft и Кембриджского университета; это многоязычный инструмент (таджикский, русский, английский), направленный на поддержку воспитателей и родителей. В раннем пилотировании участвовали более 60 родителей и воспитателей в ряде городов и районов, и реализация этой идеи показала положительные результаты.

С 2025 года в образовательной цифровизации появляется новый слой – ИИ. Project Sogo описывается как первая национальная инициатива системного внедрения ИИ в образование, реализуемая Советом по ИИ при министерстве промышленности и новых технологий совместно с UNICEF и компанией zupl.ai.

ИИ-решение не просто ускоряет обучение, но и укрепляет национальное самопознание через цифровое присутствие таджикского языка и культурно корректные образовательные подсказки. Кроме того, необходимость обеспечения конфиденциальности и защиты детей при внедрении ИИ-инструментов – это задает рамки ответственной цифровизации.

Для вузовского сегмента показательным шагом является создание в марте 2026 года государственного учреждения Института цифровых технологий и искусственного интеллекта при Международном университете туризма и предпринимательства. Это означает, что цифровая повестка закрепляется не только проектами и платформами, но и организационно: через новые структурные единицы, которые могут готовить кадры, проводить исследования и выступать центрами компетенций.

Также важны партнерские проекты повышения качества преподавания. На современном этапе идет обсуждение проекта по укреплению компетентности и использованию ИКТ в преподавании точных, математических и профессионально-технических дисциплин, реализуемого при участии UNESCO, с акцентом на повышение квалификации учителей и разработку материалов «нового поколения». Для человеческого капитала это – «точка максимальной отдачи»: качественные STEM-навыки повышают производительность и инновационность экономики знаний. Цифровые платформы зависят от домохозяйств и мобильного интернета.

Цифровая трансформация системы образования на практике сопровождается рядом институциональных и инфраструктурных ограничений, которые при отсутствии целенаправленных управленческих решений могут существенно снизить ожидаемый эффект реализации инициатив, приуроченных к Году благоустройства и созидания 2026.

Одним из ключевых рисков цифровизации образования является сохраняющееся цифровое неравенство, обусловленное различиями в уровне интернет-инфраструктуры. На отдельных территориях наблюдается ограниченный доступ

школ к стабильному интернет-подключению, что осложняет использование современных образовательных платформ и онлайн-ресурсов. При этом даже существующее подключение часто характеризуется низкой скоростью и нестабильностью, что снижает практическую отдачу от внедрения цифровых инструментов и усиливает образовательный разрыв между городскими и сельскими территориями.

Вторым существенным ограничением выступает уровень кадровой готовности педагогических работников. Практика показывает, что эффективность цифровой трансформации системы образования во многом зависит от способности преподавателей использовать современные цифровые инструменты в образовательном процессе. При недостаточном уровне цифровых компетенций даже современные образовательные платформы могут использоваться лишь формально и не обеспечивать ожидаемого образовательного эффекта. Запуск программ повышения квалификации педагогов по освоению современных цифровых технологий в рамках государственной программы на 2024–2028 годы свидетельствует о признании данной проблемы на государственном уровне. Однако существующие меры пока не полностью соответствуют масштабам потребности в развитии цифровых компетенций педагогических кадров.

Третьим значимым риском является проблема управления качеством цифрового образовательного контента. Активное расширение цифровых учебных материалов, включая электронные учебники и видеоуроки, безусловно повышает доступность образовательных ресурсов, однако одновременно ставит задачу обеспечения их качества, актуальности и методической обоснованности. В этих условиях особую важность приобретает формирование единых стандартов экспертизы образовательного контента, разработка методических рекомендаций и системное обновление учебных материалов. Хотя в Концепции развития цифрового образования до 2042 года предусмотрено создание единого образовательного портала, для обеспечения устойчивости цифровой образовательной среды важно, чтобы такая платформа функционировала не только как хранилище ресурсов, но и как полноценная система управления контентом, включающая механизмы модерации, регулярного обновления и аналитики использования образовательных материалов.

Четвертым риском является защита персональных данных и уровень доверия со стороны семьи. Цифровые платформы взаимодействия «семья – школа», включая систему eDonish, предполагают обработку информации об образовательной деятельности учащихся, что повышает вероятность утечек данных или несанкционированного доступа. Подобные риски могут формировать так называемое «цифровое недоверие» со стороны родителей и снижать их активность в использовании образовательных цифровых сервисов. Не случайно в документах, регулирующих развитие технологий искусственного интеллекта и цифровых образовательных платформ, особое внимание уделяется вопросам конфиденциальности и предотвращения потенциального вреда, что подтверждает системный характер данной проблемы.

Пятым риском можно рассматривать культурно-языковой аспект цифровизации образования. С одной стороны, развитие национальных цифровых образовательных ресурсов, включая проекты искусственного интеллекта, а также создание цифровых учебников на государственном языке, способствует укреплению позиций таджикского языка в цифровой образовательной среде. С другой стороны, при недостаточном объеме качественного образовательного контента на таджикском языке существует вероятность того, что образовательное пространство будет активно заполняться внешними информационными ресурсами. В долгосрочной перспективе это может ослаблять компонент национального самопознания и культурной идентичности, формируемый через систему образования. При этом данный фактор не является аргументом против цифровизации образовательной среды, а, напротив, подчеркивает необходимость проведения целенаправленной контентной политики и расширения инвестиций в развитие национальных образовательных ресурсов и локализацию цифровых материалов.

Для Министерства образования Республики Таджикистан, а также подведомственных образовательных и научно-методических центров, приоритетными направлениями реализации задач цифровизации образования могут выступать три взаимосвязанных стратегических направления.

Первое направление связано с развитием инфраструктуры и обеспечением равного доступа к цифровым образовательным ресурсам. В этой связи особое значение имеет координация действий с Службой связи и международными инициативами, такими как проект GIGA, направленный на подключение образовательных учреждений к устойчивой интернет-инфраструктуре. Обеспечение стабильного интернет-доступа для школ рассматривается как ключевое условие сокращения цифрового неравенства и формирования равных образовательных возможностей для учащихся независимо от их территориального проживания.

Второе направление касается повышения профессиональной готовности педагогических кадров и совершенствования методических подходов к использованию цифровых технологий в образовательном процессе. В данном контексте актуальным является переход от разрозненных краткосрочных курсов повышения квалификации к системной модульной модели профессионального развития педагогов. Такая модель может включать дистанционные и смешанные форматы обучения, а также типовые образовательные пакеты, ориентированные на практическое использование цифровых образовательных платформ, электронных учебников и инструментов искусственного интеллекта в педагогической деятельности.

Третье направление связано с развитием национального цифрового образовательного контента на таджикском языке. Приоритетными задачами в этой области являются расширение цифровых библиотек, создание и распространение образовательных видеоматериалов, а также поддержка контента, посвященного истории, культуре и языку Таджикистана как важным элементам формирования национального самосознания. Дополнительные возможности в данном направлении открывает интеграция современных языковых технологий, включая разработки на основе искусственного интеллекта, которые могут способствовать пер-

сонализации образовательного процесса и расширению использования таджикского языка в цифровой образовательной среде.

Для вузов и академического сектора важно сосредоточиться на развитии цифровых компетенций как основы формирования современного человеческого капитала. Создание Института цифровых технологий и искусственного интеллекта при университетах может стать важной институциональной площадкой для подготовки специалистов, разработки цифровых образовательных материалов и проведения научных исследований, включая проекты по развитию таджикского языка и локализации технологий искусственного интеллекта. При этом роль университетов не должна ограничиваться только подготовкой IT-специалистов. Цифровая грамотность и навыки работы с данными становятся необходимыми для специалистов самых разных направлений – педагогов, экономистов, управленцев и гуманитариев, что способствует формированию более широкого и конкурентоспособного человеческого капитала.

Для школ и местных органов управления образованием важен практический результат, который будет замечен непосредственно в учебном процессе и взаимодействии с семьями учащихся. В качестве минимального стандарта для школы можно рассматривать наличие хотя бы одного стабильно подключенного учебного кабинета или небольшого медиацентра, оснащенного базовым набором цифровых устройств. Не менее важно обучение педагогов работе с электронными учебниками, видеоматериалами и образовательными платформами.

Для укрепления взаимодействия школы и семьи могут эффективно использоваться цифровые платформы, такие как eDonish и Maktabmobile, которые позволяют родителям отслеживать успеваемость и участие ребенка в учебном процессе. Благодаря таким инструментам семья становится активным партнером школы. В рамках Года благоустройства и созидания 2026 это можно рассматривать как своеобразное «благоустройство человеческого капитала», когда родители участвуют в образовательной траектории ребенка не только на уровне праздничных мероприятий, но и через ежедневное вовлечение в его обучение.

Для развития искусственного интеллекта и цифровых инноваций в образовании важно обеспечить доверие к этим технологиям. Проекты Soro и SoroLLM открывают новые возможности для персонализированного обучения на таджикском языке. Однако их внедрение должно сопровождаться мерами по обеспечению безопасности данных, защите персональной информации и ответственному использованию технологий в образовательном процессе.

Поэтому важно учитывать такие вопросы, как прозрачность работы ИИ, предотвращение возможных ошибок и ограничение нежелательного контента. В этой связи целесообразно в 2026 году разработать методические рекомендации по использованию ответственного искусственного интеллекта в образовании и протестировать их на пилотных школах. Одновременно необходимо организовать обучение педагогов и администраторов работе с новыми цифровыми инструментами.

Объявление 2026 года Годом расширения благоустройства и созидания, укрепления национального самосознания и самопознания дает хорошую возмож-

ность связать символическое значение юбилея независимости с конкретными шагами по развитию человеческого капитала, прежде всего через цифровизацию образования. Государственные стратегические документы Таджикистана прямо подчёркивают, что главным фактором долгосрочного развития страны является человеческий капитал, основу которого составляют образование и наука. Поэтому повышение качества образования следует рассматривать не только как задачу системы образования, но и как важный инструмент созидательного развития государства.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что ключевым вызовом для Таджикистана является не столько расширение системы образования, сколько обеспечение её опережающего характера. В эпоху стремительной цифровой трансформации именно формирование адаптивных, технологически ориентированных и культурно интегрированных компетенций становится решающим фактором конкурентоспособности человеческого капитала, так как это позволит стране эффективно конкурировать на глобальном рынке.

В данном контексте цифровизация образования не сводится к технологической модернизации, а выступает как инструмент глубокой структурной перестройки всей модели формирования человеческого потенциала. Ключевым фактором её эффективности является не количество внедряемых технологий, а степень их органичной интеграции в образовательные процессы, управленческие практики и социальное взаимодействие.

Ключевым моментом становится переход к модели, в которой образовательная система не просто реагирует на изменения, а активно формирует их, создавая предпосылки для подготовки специалистов, готовых к работе в новых сферах экономики, таких как цифровые и инновационные отрасли. В этой связи развитие человеческого капитала следует рассматривать как стратегический ресурс, который будет способствовать не только экономическому росту, но и формированию устойчивой и суверенной модели развития государства, обеспечивая его независимость.

Литература

1. Акрамов А.А. Теоретические основы влияния интеллектуальных знаний в формировании человеческого капитала // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: ТНУ, 2018. – №11. – С.158-163.
2. Каримова М.Т. Направления совершенствования организации прохождения производственной практики студентов / М.Т.Каримова, Т.Д.Усманова // Актуальные вопросы современной науки и практики: материалы X Международной научно-практической конференции (Уфа, 20 января 2023 г.). Т.1. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. – С.126-131. – EDN BCILQP.
3. [Количество пользователей интернета в Таджикистане \[Электронный ресурс\] // сайт Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан.](https://www.stat.tj/ru/kolichestvo-polzovatelej-interneta-v-tadzhikistanc/) – Режим доступа: <https://www.stat.tj/ru/kolichestvo-polzovatelej-interneta-v-tadzhikistanc/>

4. Концепция перехода на цифровое образование в Республике Таджикистан на период до 2042 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliva/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=26482
5. Поздравительное послание по случаю наступления Нового 2026 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/news/54492>
6. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 10 марта 2026 года №120 О Государственном учреждении «Институт цифровых технологий и искусственного интеллекта» Государственного учреждения «Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/documents/resolutions/54885>
7. Саидмуродов Д.Л. Развитие человеческого капитала в регионе с высоким уровнем внешней трудовой миграции (на материалах Республики Таджикистан): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Саидмуродов Джовид Лутфуллоевич. – Душанбе, 2014. – 159с.
8. Салимов Ф.Н. Стратегия развития человеческого капитала в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2018. – № 9. – С.57-63.
9. Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://egov.tj/site/innovation/documents/details/545?lang=ru&vsclid=mi09cc0m6a=4143466>
10. Ходиев Д.А. Стратегия развития человеческого капитала в трудоизбыточном регионе // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2014. – №2/11(155). – С.15- 19.
11. Хоркашов И.С. Управление человеческого капитала в условиях экономического кризиса // Роль и значение инвестиций в развитии национальной экономики: материалы республиканской научно-практической конференции. – Куляб: КГУ, 2016. – С.62-66.

HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT AND DIGITALIZATION OF EDUCATION IN TAJIKISTAN IN THE CONTEXT OF THE YEAR OF EXPANDING IMPROVEMENT AND CREATION

Sharipova Asilya Gulomovna

Doctor of economics,
associate professor of the chair of management and marketing
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992 37) 227 39 73; (+992) 91 950 80 54 (m.)
gavhar.sharipova@bk.ru

This article analyzes the specifics of human capital development in the Republic of Tajikistan in the context of the digital transformation of the economy and the modernization of education. Particular attention is paid to the role of digitalization of education as a crucial tool for improving the quality of human capital and its readiness for the demands of the knowledge economy, where knowledge plays a key role. An analysis of the scientific approaches of Tajik researchers revealed key problems in the education system, including the misalignment of educational programs with labor market needs, digital inequality, and limited infrastructure. The paper also examines the positive practical outcomes of

digitalization, including the introduction of educational platforms, the creation of digital content, teacher training, and increased access to educational resources. The importance of government initiatives, including the digital economy strategy and events within the Year of Expansion of Improvement and Creation, was emphasized. The need for a transition from quantitative growth of the education system to its qualitative restructuring, which will form the basis for the country's sustainable socioeconomic development, with an emphasis on the development of competencies, was identified.

Keywords: human capital; digitalization; Tajikistan; education; labor migration; economic growth; innovative economy.

РУШДИ САРМОЯИ ИНСОНӢ ВА РАҚАМӢ ШУДАНИ МАОРИФ ДАР ТОҶИКИСТОН ДАР ЗАМИНАИ СОЛИ ВУСЪАТИ ТАКМИЛ ВА ЭҶОДКОРӢ

Шарипова Асиля Ғуломовна

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи менеҷмент ва маркетинг
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 39 73; (+992) 91 950 80 54 (м.)
gavhar.sharipova@bk.ru

Дар мақола хусусиятҳои рушди сармояи инсонӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи таъдиди рақамии иқтисодиёт ва навосзиши маориф таҳлил карда мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба нақши рақамӣ кардани маориф ҳамчун воситаи муҳим барои беҳтар кардани сифати сармояи инсонӣ ва омодагии он ба талаботи иқтисоди дониш, ки дар он дониш нақши калидӣ дорад, равона карда шудааст. Таҳлили равишҳои илмии муҳаккикони тоҷик мушкилоти асосии низоми маорифро, аз ҷумла номувофиқати барномаҳои таълимӣ бо ниёзҳои бозори меҳнат, нобаробарии рақамӣ ва инфрасохтори маҳдуд, ошкор кард. Дар мақола инчунин натиҷаҳои амалии мусбати рақамикунонӣ, аз ҷумла ҷорӣ намудани платформаҳои таълимӣ, эҷоди мундариҷаи рақамӣ, тақмили ихтисоси омӯзгорон ва дастрасии бештар ба захираҳои таълимӣ баррасӣ шудаанд. Аҳамияти ташаббусҳои ҳукумат, аз ҷумла стратегияи иқтисоди рақамӣ ва ҷоранинҳо дар доираи Соли густариши тақмил ва эҷод таъкид шудааст. Зарурати гузариш аз афзоиши миқдории низоми маориф ба таъдиди сохтори сифатии он муайян карда шудааст, ки асоси рушди устувори иҷтимоию иқтисодии кишвар бо таъкид ба рушди салоҳиятҳо хоҳад буд.

Калидвожаҳо: сармояи инсонӣ; рақамикунонӣ; Тоҷикистон; маориф; муҳоҷирати меҳнатӣ; рушди иқтисодӣ; иқтисоди инноватсионӣ.

УДК 338.46:001.8

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МНОГООБРАЗИЯ НАУЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ УСЛУГ

Фозилханов Дилшод Отаджонович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 897 20 00 (м.)
fozilkhonov@mail.ru

Саторов Хусейн Комилович

Кандидат экономических наук
Филиал Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова в городе Душанбе
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Бохтар, 35
Тел.: (+992) 918 72 62 61 (м.)
satorov-h@mail.ru

В статье рассматривается подробное теоретическое изучение понятия «услуг» в контексте определения зарубежных и отечественных ученых. Авторами была проведена литературный обзор к изучению сущности понятия услуг начиная с основоположника классической политической экономии Адама Смита, определяют услуги как деятельность людей создающий стоимость для обмена на другие виды блага. Далее приводится видение других известных ученых как К.Маркса, Жан Батист Сэя, Ф.Котлера, Кристиана Гренрооса, С.Фишера, Макса Вебера, Л.А.Сосуновой, В.С.Коляго, Т.П.Данько, П.Дойлема, Е.П.Грушевой, Н.Н.Иванова, Е.Г.Решетниковой, А.В.Дроздовой, Т.Н.Кутаевой, И.В.Шавандиной, В.Д.Марковой, Л.Ш.Лозовского, Б.А.Райзберга, А.А.Ратковского, К.Хаксеверома, А.Живана, Н.В.Миронова и Б.А.Райзберга. Авторами изучены и раскрыты каждое определение понятия услуг вышеперечисленных ученых. В процессе исследования также были понятия услуг в словарях С.И.Ожегова, Большой Советской энциклопедии Даля, современном экономическом словаре. Также, нами были исследованы понятия услуг на основе маркетинга, где определены услуга как любое мероприятие или выгода, которую одна сторона может предложить другой и которые в основном неосязаемы и не приводят к завладению чем-либо.

Исходя из обширного анализа теоретических положений понятия услуг авторами в конце приводится свои личные выводы относительно услуг, где охватывает материальные и нематериальные объекты, широкий круг потребителей, осязаемость, хранение, подвижность и пр.

Ключевые слова: услуга; сфера услуг; экономическая теория; сельское хозяйство; промышленность; структура услуг; благо; экономическое отношение; трудовая деятельность; потребность; рабочая сила.

Развитие рыночных отношений и социально-экономическая трансформация общества обусловило развитие и нарастание сферы услуг. Такая тенденция привело к формированию роста платных услуг в экономике. Исследование посвящено изучению эволюции и становления категории «услуга», также определения понятия и ее структуры. Услуга как особый вид блага имеет специфическую эволюцию, так как уже в научных трудах классиков был заложен основной фундамент по раскрытию понятийного аппарата экономической категории «услуга».

Сфера услуг постепенно заняла важное место в современной экономике, в которой произошло смещение акцентов с машины на человека, его творческий потенциал и знания, которые он способен генерировать, ставшие основой развития науки и инноваций. [28, с.131]

Основоположник экономической науки, классической школы политической экономики Адам Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» отмечал, что деятельность многих людей, которые предоставляют услуги, создаёт стоимость для обмена на другие виды блага. По его утверждению «труд домашнего слуги, напротив, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи. Его услуги обычно исчезают в самый момент оказания их и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь стоимость, за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг» [1, с.25]. Кроме труда домашней слуги, он выделил определенных категорий людей, которые их деятельность связано с предоставлением услуг.

По мнению К. Маркса «... что касается тех видов труда, которые производительны для их покупателя или нанимателя, как, например, труд актера для театрального антрепренера, то они потому оказались бы непроизводительными видами труда, что их покупатель может продавать их публике не в форме товара, а только в форме самой деятельности» [13, с.155]. Карл Маркс охарактеризовал услугу как деятельность, которая предоставляется гражданам для поддержания их работоспособности, физиологического и психологического здоровья. Он утверждал, что деятельность таких людей, которые занимаются предоставлением услуг должны оплачиваться.

Далее огромный вклад развитию экономической теории «услуги» внесли ученые прошлого и нынешнего столетия. Уже в 50-60-х годах прошлого столетия сфера услуг была под вниманием ученых, и первые публикации начиная с 90-х годов посвящались развитию сферы услуг в экономике. Это связано с тем, что в тот момент, наряду с промышленностью и сельским хозяйством, сфера услуг начинал расширяться и иметь свою значимую долю в ВВП развитых странах. Согласно данным Всемирного Банка, средний показатель доли сферы услуг в структуре ВВП за 2023 составил 55%. Наибольшее значение было - 91% (Гонконг), наименьшее: 7% (Судан) [32].

Первооткрывателем термина «услуги» считается Жан Батист Сэй, так как в 1803 году в своей книге «Трактат о политической экономии» впервые использо-

вал данный термин как особый вид блага, который способен приносить доход своему владельцу. В своей книге отмечает, что «общество покупает и потребляет услуги администрации, оберегающей его интересы, войска, защищающего страну от внешнего нападения, суда гражданского и уголовного, охраняющего каждое частное лицо от посягательства других. Все эти разнообразные услуги приносят свою пользу, и если они размножаются сверх существующей в них потребности, если они оплачиваются дороже своей ценности, то лишь вследствие недостатков общественной организации, рассмотрение которых выходит за пределы настоящего сочинения» [26, с.135], по его мнению, услуги – это блага, которые приносят определённые пользы обществу.

До сегодняшнего дня существует много трактовок по экономической категории «услуги», однако единого подхода до сих пор в экономической науке не существует, независимо от того, что учеными были проведены комплексные анализы по раскрытию данного понятия. Дискуссии, разногласия в суждениях ученых проявляется в том, чтобы определить – что является услугой? – товар, благо, деятельность, выгода, польза, результат деятельности, процесс и др.?

Следовательно, нам придется исследовать и раскрыть понятие «услуги» исходя из имеющихся точек зрения по данной экономической категории.

Ф.Котлер в своей книге «Основы маркетинга» пишет, что «услуга – любое мероприятие или выгода, которую одна сторона может предложить другой и которые в основном неосвязаемы и не приводят к завладению чем-либо. Производство услуг может быть, а может и не быть связано с товаром в его материальном виде» [14, с.579] Автор услугам дает нематериальный вид блага, которые не имеют овеществлённую форму.

Как считает Кристиан Гренроос «услуга – процесс, включающий серию (или несколько) неосязаемых действий, которые по необходимости происходят при взаимодействии между покупателями и обслуживающим персоналом, физическими ресурсами, системами предприятия-поставщика услуг. Этот процесс направлен на решение проблем покупателя услуги» [30, с.35]. По его мнению, «покупатель присутствует (участвует) в процессе оказания услуги, и процесс оказания услуги для него настолько же важен, как и результат. Это обуславливает особые требования к персоналу и системе контроля качества. Невозможность хранения услуг требует точных расчетов возможностей предприятий в сфере услуг» [30] Здесь услуга охватывает действия, которые необходимо в процессе торговли, то есть связано с процессом обращения.

Такого же мнения придерживается С.Фишер: «Услуга – это действие, обеспечивающее ее собственнику доход через процесс их оказания» [29]. Такая точка зрения направлена на вид деятельности, которые связано с процессом получения дохода.

Макс Вебер в своей книге «История хозяйства» отмечает, что «мы называем какую-нибудь деятельность хозяйственной, поскольку она направлена на заботу о желаемых полезных действиях или на возможность их достижения полезные действия предметов называют для краткости «благами», а человеческие полезные действия – «услугами»» [4, с.7]. Автор при уточнении термина услуг в ос-

новном опирается на полезные действия человека, которые имеют материальную форму, и они связаны с предметом труда.

В ГОСТ 52113-2003 также отмечено, что «услуга – это результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя по удовлетворению потребности потребителя» [8]. Данное определение раскрывает совокупность действий, в которых участвуют и продавец, и потребитель действий.

Отметим, что и по замечанию Л.А.Сосуновой, «услуга, как вид деятельности, находится в непрерывной связи с процессом оказания или выполнением этой услуги, т.е. обслуживанием. Объектами обслуживания могут быть физические и юридические лица – население и предприятия. Возрастание роли услуг связано с результатом научно-технического прогресса, значительного роста производительности труда в производстве материальных благ, а также изменений значения и степени неотложности удовлетворения различных потребностей современного общества» [27, с.34]. По мнению автора услуга это одна из форм деятельности человека, который направлен на обслуживание субъектов хозяйственной деятельности.

В тоже время В.С.Коляго утверждает, что «...связывать услуги с самим процессом труда как таковым – это коренная методологическая ошибка... услуга – экономическая категория, поэтому ее критериальная характеристика находится в сфере экономических отношений по поводу деятельности, а не в самом процессе труда как таковом» [22, с.20]. Автор услугу рассматривает как отношение между участниками хозяйственного процесса, которые проявляется в удовлетворении потребностей людей.

Т.П.Данько считает, что «Услуги – это деятельность, которая связано с маркетингом, результатом, которого является удовлетворение потребностей потребителей. Услуги начинаются от идей и заканчиваются вплоть до формирования рыночного спроса» [10, с.19]. Данная трактовка автора связано со сферой маркетинга, то есть основывается на новых идеях, которые необходимы для потребителя.

П.Дойлем: «услуга является действием или выгодой, ее покупатель не получает право собственности на какой-либо материальный объект» [11, с.560]. Автор раскрывает термин услуги в контексте отношений право собственности на определенные материальные объекты.

Е.П.Грушевой «услуга – это экономическое отношение не по поводу результатов труда, а по поводу труда как деятельности» [7, с.82]. Автор дает услугам форму трудовой деятельности.

Н.Н.Ивановым «Услуга – деятельность, направленная на удовлетворение потребности путем предоставления (производства) соответствующих этой потребности благ материального и нематериального характера. Также, считает возможным назвать три основные интерпретации: услуга – результат трудовой деятельности, непосредственно сама деятельность, и то и другое» [12, с.4] Такая концепция автора дает более расширенное представление термина, так как затрагивает производственный процесс, будто оно материально либо нематериально.

Е.Г. Решетниковой: «под услугой понимается форма экономических отношений по поводу конкретной трудовой деятельности, в процессе которой создается специфическая потребительная стоимость» [19, с.64] Автор услугу исследует с точки зрения проявления новых форм потребительской стоимости, который создается в результате трудовой деятельности.

По мнению А.В. Дроздовой, «услуга не направлена на создание материального результата, а в совершении действий, направленных на изготовление или переработку вещей, на достижение вещественного результата путем выполнения работ» [9, с. 44]. По ее мнению, услуга – это результат, которые не связано с материальным продуктом.

В научных исследованиях Т.Н.Кутаевой и И.В.Шавандиной сказано, что «услуга – это экономические отношения производителя и потребителя услуги; это экономическое благо в форме деятельности; это действие или последовательность действий, цель которых – повышение потребительской полезности объекта услуги» [16, с.12] В этом определении авторов можно наблюдать, что услуги всего лишь действие, которые увеличивают потребительную стоимость благ.

В.Д.Марковой: «К услугам часто относят все виды полезной деятельности, не создающей материальных ценностей, т. е. главным критерием отнесения той или иной деятельности к сфере услуг служит неосвязаемый, невидимый характер производимого в данной сфере продукта» [22, с.24]. По ее мнению, услуги – это деятельность, в которой отсутствует вещественная форма.

В универсальном бизнес-словаре Л.Ш.Лозовского, Б.А.Райзберга, А.А.Ратковского приводится, что «...услуги – виды деятельности, работ, в процессе выполнения, которых не создается новый, ранее не существовавший материально вещественный продукт, не изменяется качество уже имеющегося, созданного продукта» [18, с.74] По их мнению, услуги всего лишь дополняют нематериальную форму созданного продукта.

К.Хаксевером: «Услуги могут быть определены как экономический вид деятельности. Услуги – это действия, дела или исполнение работы; они неосвязаемы. Услуга горничной экономит время потребителя за счет выполнения домашней работы. Универсальные и бакалейно-гастрономические магазины выставляют на продажу много товаров в одном удобном месте. Услуга по базе данных размещает информацию в форме, наиболее удобной для менеджера. Вечер, проведенный в ресторане или кинотеатре в середине загруженной рабочей недели, обеспечивает психологическое восстановление сил» [15, с.14] Здесь услуги охарактеризованы как социальные полезные действия, которые исполняются для потребителя другими людьми.

А.Живан «...все действия человека – это услуги другим, это обслуживание других людей; то, что большая часть действий человека позволяет рассредоточить во времени некоторую часть операций (как правило, это действия или операции, подготавливающие финальную услугу), привело к появлению «специализации», т.е. к увеличению количества выполняемых действий все более независимыми друг от друга участниками этой экономической деятельности» [21, с.58]

Здесь автор услуги рассматривает с точки зрения социальной ориентированности, которые проявляются в форме обслуживания людей.

С данной позиции понятие «услуга» рассматривается в словаре С.И.Ожегова: «Услуга – это действие, приносящее пользу или помощь другому» [24], а также в Большой Советской энциклопедии: «Услуга – это определенная целесообразная деятельность, существующая в форме полезного эффективного труда» [6]. По их мнению, услуги это всего лишь результат полезного труда, которые имеют полезность.

В словаре Даля: «...оказать услугу – это услужить, угодить, быть полезным, сделать нужное, угодное дело» [6]. То есть, «неспособные к длительному хранению нематериальные блага» [25, с.299]; «неосязаемые блага, которые приобретаются потребителем, но не связаны с собственностью» [1], «сфера удовлетворения имущественных потребностей граждан в услугах, связанной с мобилизацией внутреннего ресурса личности в преодолении трудной жизненной ситуации» [3, с.15]. Эти авторы к термину услуги относят форму действия людей, которые формируют благо, польза или выгода.

Н.В.Миронова трактует понятие услуги следующим образом «услуга – это экономическое благо в форме деятельности, действие (или последовательность действий), цель которого — повышение потребительской полезности объекта, на которое направлено данное действие, а метод — воздействие на этот объект» [20, с.18] Автор приводит такую точку зрения и тем самым услугам дает форму полезности, которая необходимо для улучшения потребительской стоимости благ.

В современном экономическом словаре Б.А.Райзберга приведено, что «услуга – это блага, предоставляемые не в виде вещей, а в форме деятельности, и само оказание услуг создает желаемый результат» [26]. Автор также придерживается такой мысли, что дополнительные компоненты благо, связаны с результатом определенных действий, что в итоге повышает полезность этих благ.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что услуги подразумевают разного рода действий, которые расширяются и по сей день, так как полезная деятельность в форме услуг направлены на многообразные материальные и нематериальные объекты, на широкий круг потребителей, на осязаемость, хранение, движимость и пр. Полезность исполнения действий зависит в одних случаях от технологического процесса оказания услуг, также в других случаях от способности и умения человека, предоставляющую действий в форм услуг.

Литература

1. Ассель Г. Маркетинг: принципы и стратегия. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 803с.
2. Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов = Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Т.1. – М.: Гос. соц. эконом. изд-во; Ленинград: Гос. соц. эконом. изд-во, 1935. – 371 с.

3. Барков А.В. Концепция правового регулирования рынка социальных услуг // Пробелы в российском законодательстве: научный журнал. – М.: Издательский дом «Юр-ВАК», 2012. – №5. – С.50-53.
4. Вебер М. История хозяйства. Город / пер. с нем.; под ред. И.Гревса; коммент. Н.Саркитова, Г.Кучкова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.
5. Григорьянц Г.Н. Услуги в социальной сфере: становление и развитие системы независимой оценки качества услуг / Г.Н.Григорьянц, С.А.Петрова // Креативная экономика. – 2024. – Т.18, №12. – DOI 10.18334/ce.18.12.122389; Большой коммерческий словарь / под ред. Т.Ф.Рябовой. – М.: Война и мир», 1996. – 400 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.: Русский язык Медиа, 2008. – 2716 с.
7. Грушевая Е.П. Обязательства по предоставлению услуг в хозяйственных отношениях // Правоведение. – Л.: Ленинградский университет, 1982. – №1. – С.82-87.
8. ГОСТ 30335-95/ГОСТ Р 50646-94 Услуги населению. Термины и определения. (Постановление Госстандарта РФ от 12 марта 1996 г. N 164) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gpl.ru/gost/Gr50646-94.htm>
9. Дроздова А.В. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // Сибирский юридический вестник. Юридический институт ИГУ. – Иркутск, 2003. №1. – С.39-44.
10. Данько Т.П. Управление маркетингом: учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 521 с. (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-01588-1. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/535931> (дата обращения: 09.01.2025).
11. Дойль П. Менеджмент: стратегия и тактика / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2005. – 560с.
12. Иванов Н.Н. Сфера услуг как объект исследования и управления: [препринт] / СПб гос. ун-т экономики и финансов. Высшая экономическая школа. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2000. – 22 с.
13. К.Маркс. Теория прибавочной стоимости. Т.1 / [К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. – Изд. 2-е. – М., 1962. – Т.26.](#) – 652 с.
14. Котлер Филип. Основы маркетинга: краткий курс / пер с англ. – М.: Издательский дом "Вильямс", 2007. – 656 с.
15. К.Хаксевер, Б.Рендер, Р.Рассел, Р.Мердик Управление и организация в сфере услуг. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 752 с.
16. Кутаева Т.Н., Шавандина И.Т. Повышение эффективности услуг, предоставляемых организациями потребительской кооперации: монография. – Княгино: Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 2013. – 189с.
17. Комилов С.Д. Стимулирование инновационной деятельности в предоставлении платных дорожных услуг / С.Д.Комилов, Х.К.Саторов, Ш.Х.Набиев // Наука в современном информационном обществе: материалы XXI Международной научно-практической конференции (North Charleston, 10-11 декабря 2019 г.). – North Charleston: LuluPress, Inc., 2019. – С.183-187. – EDN QKXYKO.
18. Лозовский Л.Ш. Универсальный бизнес-словарь / Л.Ш.Лозовский, Б.А.Райзберг, А.А.Ратковский. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 640 с.
19. Решетникова Е.Г. Сфера услуг: планирование, проблемы перспективы. – Саратов, 1998. – 256с.
20. Миронова Н. Дифференцированный подход к маркетингу услуг [Электронный ресурс] // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2003. – №3. – С.10-18. – Режим доступа: <https://grebennikon.ru/article-wUZS.html>
21. Jivan A. Conseptul generalizat de serviciu // Studii de economie: Lucrari stintifise ate cardelor didactice / Univ.de vest din Timisoara. Fac. De stante econ.si drepti. – Timisoara, 1994/1995. – Vol. 16. – P. 58.
22. Маркова В. Д. Маркетинг услуг. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 127 с.

23. Марсунов Г.В. Понятие юридических услуг // Бюллетень науки и практики: научный журнал. – 2016. – №6. – С.342-346; Коляго В.С. Услуга как экономическая категория. – М., 1983. – С.20-25.
24. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Ок. 57000 слов / под ред. д-ра. фил. наук, проф. Н.Ю.Шведовой. – 16 изд., исправ. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
25. Woll A. Wirtschaftslexikon. – Wien; Oldenbourg, 1994. – 770 p.
26. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 359с.
27. Сэй Жан Батист (1767-1832). Трактат политической экономии / пер. Е.Н.Каменецкой. – М.: К.Т.Солдатенков, 1896. – 400 с.
28. Сосунова Л.А. Влияние сферы услуг на экономику // Российское предпринимательство. – 2003. – № 3. – С. 33–37.
29. Фозилханов Д.О. Проблемы, противоречия и перспективы развития рынка бытовых услуг в Республике Таджикистан / Д.О.Фозилханов, Х.Ш.Салиева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №2(80). – С. 130-139. – EDN NHTXIE.
30. Фишер С. Экономика / пер. с англ. со 2-го изд. / С.Фишер, Р.Дорнбуш, Р.Шмалензи. – М.: Дело ЛТД, 1995. – 864 с.
31. Gronroos C. An applied service marketing theory // European journal of marketing. – 1982. – Vol.16. – №7.– P.30-43.
32. Gronroos C. Service management and marketing. – West Sussex, 2000. – 522 p.
33. https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Share_of_services/

THEORETICAL JUSTIFICATION OF THE DIVERSITY OF SCIENTIFIC INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT OF SERVICES

Fozilkhanov Dilshod Otajonovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 93 897 20 00 (m.)
fozilkhonov@mail.ru

Satorov Khusein Komilovich

Candidate of economic sciences
Humanities Lomonosov Moscow state university in Dushanbe
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Bokhtar str., 35
Ph.: (+992) 918 72 62 61 (m.)
satorov-h@mail.ru

This article deals with the concept of "service" in detail, as defined by foreign and domestic scholars. The authors conducted a literature review examining the essence of the concept of services, beginning with the founder of classical political economy, Adam Smith, who defined services as human activ-

ity that creates value for exchange for other goods. The following is a review of the views of other renowned scholars, including K.Marx, Jean-Baptiste Say, F.Kotler, Christian Grönroos, S.Fischer, Max Weber, L.A.Sosunova, V.S.Kolyago, T.P.Danko, P.Doylema, E.P.Grusheva, N.N.Ivanov, E.G.Reshetnikova, A.V.Drozdova, T.N.Kutaeva, I.V.Shavandina, V.D.Markova, L.Sh.Lofovsky, B.A.Raizberg, A.A.Ratkovsky, K.Hakseverom, A.Zhivan, N.V.Mironov and B.A.Raizberg. The authors have examined and explored each definition of the concept of services provided by the aforementioned scholars. The research also examined service concepts in S.I.Ozhegov's dictionaries, Dahl's Great Soviet Encyclopedia, and a modern economic dictionary. We also examined service concepts based on marketing, which define a service as any activity or benefit that one party can offer to another, which is primarily intangible and does not result in the acquisition of anything.

Based on an extensive analysis of the theoretical principles of the concept of services, the authors conclude by providing their personal conclusions regarding services, which encompass tangible and intangible objects, a wide range of consumers, tangibility, storage, movability, etc.

Keywords: service; service sector; economic theory; agriculture; industry; service structure; benefit; economic relationship; labor activity; need; labor force.

АСОСҲОИ НАЗАРИЯВИИ ҶУНОГУНИИ ТАҶСИРҲОИ ИЛМИИ МАҶҲУМИ ХИЗМАТРАСОНИ

Ҷозилхонов Дилшод Отаҷонович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи назарияи иқтисодӣ ва иқтисодиёти ҷаҳони
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 897 20 00 (м.)
fozilkhonov@mail.ru

Саторов Ҳусейн Комилович

Номзади илмҳои иқтисодӣ
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар Душанбе
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 72 62 61 (м.)
satorov-h@mail.ru

Дар мақола омӯзиши назариявии муфассали маҷҳуми «хизматрасонӣ» дар заминаи таърифи олимони хориҷӣ ва ватанӣ пешниҳод шудааст. Муаллифон баррасии адабиётро барои омӯзиши моҳияти маҷҳуми хизматрасонӣ анҷом доданд, ки аз асосгузори иқтисоди сиёсии класикӣ Адам Смит сар карда, хизматрасонӣ ҳамчун фаъолияти инсонӣ, ки барои мубодилаи дигар намудҳои мол арзиш эҷод мекунад, муайян кардааст. Ғайр аз ин, дар мақола назари дигар олимони машҳур, аз қабили К.Маркс, Жан-Батист Сэй, Ф.Котлер, Кристиан Грөнрус, С.Фишер, Макс Вебер, Л.А.Сосунова, В.С.Коляго, Т.П.Данко, П.Дойл, Е.П.Грушева, Н.Н.Иванов, Е.Г.Решетникова, А.В.Дроздова, Т.Н.Кутаева, И.В.Шавандина, В.Д.Маркова, Л.Ш.Лозовский, Б.А.Райзберг, А.А.Ратковский, К.Ҳаксевер, А.Гиван, Н.В.Миронов ва Б.А. пешниҳод шудааст. Райзберг. Муаллифон ҳар як таърифи маҷҳуми хизматрасониро аз олимони дар боло зикршуда

баррасӣ ва васеъ карданд. Дар таҳқиқот инчунин таърифҳои хизматрасонӣ дар луғатҳои С.И.Ожегов, Энциклопедияи бузурги шӯравии Дал ва луғати муносири иқтисодӣ баррасӣ шуданд. Мо инчунин мафҳумҳои хизматрасонии маркетингиро баррасӣ кардем, ки хизматро ҳамчун ҳамагуна фаъолият ё манфиате муайян мекунанд, ки як тараф метавонад ба тарафи дигар пешниҳод кунад, ки асосан ғайримоддӣ аст ва боиси ба даст овардани чизе намешавад.

Бар асоси таҳлили васеи пешниҳодҳои назариявии мафҳуми хизматрасонӣ, муаллифон бо пешниҳоди хулосаҳои худ дар бораи хизматрасонӣ, ки ашёи моддӣ ва ғайримоддӣ, доираи васеи истеъмолкунандагон, қобилият, нигоҳдорӣ, қобили ҳаракат ва ғайраро дар бар мегиранд, хулоса мебароранд.

Калидвожаҳо: хизматрасонӣ; соҳаи хизматрасонӣ; назарияи иқтисодӣ; кишоварзӣ; саноат; сохтори хизматрасонӣ; неъмат; муносибаги иқтисодӣ; фаъолияти меҳнатӣ; талабот; қувваи корӣ.

УДК 332.36

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ТЕНДЕНЦИЮ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА РЕГИОНА

Баринов Михаил Александрович

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики инноваций и финансов
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
600005, Россия, Владимир, ул. Чайковского, д.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 02 40
31f84@mail.ru

В статье исследуется влияние технологических инноваций на динамику промышленного производства в регионах Российской Федерации, характеризующийся усилением процессов импортозамещения и структурной перестройкой экономики в сложившихся условиях хозяйствования. Основываясь на теоретических подходах к пространственному развитию и анализе статистических данных Росстата, подтверждается гипотезу о сохраняющейся высокой пространственной неоднородности развития промышленного производства с учетом инновационной составляющей. Особое внимание уделяется построению регрессионной модели, оценивающей зависимость объема отгруженной инновационной продукции от затрат на технологические инновации и численности исследователей, что позволяет построить прогноз на базе заявленных параметров. Построена карта Парето эффективности территорий Центрального федерального округа, позволяющая определить, как единичный, так и кумулятивный вклад конкретной территории в развитие промышленности. Результаты эконометрического моделирования демонстрируют значимую положительную связь между исследуемыми факторами, однако выявляют проблему асимметрии, при которой рост затрат не всегда пропорционально увеличивает результативность инновационной деятельности, что характерно для регионов с неэффективной институциональной средой.

Ключевые слова: тенденция; промышленный сектор; регион; фактор.

Целью данного исследования является комплексный анализ ключевых факторов, определяющих динамику и направленность развития промышленного сектора региона, а также выявление закономерностей их влияния на формирование устойчивых тенденций экономического роста.

Научная новизна работы заключается в разработке авторской методики оценки промышленного сектора региона с построением прогнозной значимой модели, которая дает возможность определить развитие территорий на среднесрочную перспективу.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, включая анализ и синтез, системный подход, а также специфические экономико-статистические методы, такие как корреляционно-регрессионный

анализ для оценки степени влияния отдельных факторов на результирующие показатели промышленного производства,

Результаты исследования констатируют наличие взаимосвязи промышленного сектора региона с количеством инновационных предприятий и определена эффективность функционирования территорий выбранного федерального округа по данному критерию с учетом принципа Парето.

В выводах автор констатирует, что определяющее воздействие на современные тенденции развития промышленного сектора региона оказывают организации, выполняющие исследования и разработки.

Теоретическое осмысление анализа факторов, влияющих на тенденции развития промышленного сектора региона, в современной российской науке базируется на многокомпонентном подходе. Как отмечает О.А.Романова, фундаментальной основой выступает учет структурных сдвигов и технологической модернизации, где ключевым фактором становится инновационная активность предприятий [1]. В условиях внешнего санкционного давления, по мнению Е.Б.Ленчук [2], приоритетное значение приобретают факторы импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета, что трансформирует традиционные модели регионального развития. Исследователи подчеркивают важность инвестиционного климата: В.К.Крутиков и соавторы доказывают, что приток инвестиций в основной капитал остается базовым условием для обновления производственных мощностей [3]. А.И.Татаркин акцентировал внимание на роли институциональных факторов, включая эффективность регионального управления и качество нормативно-правовой базы [4]. В работах С.В.Раевского обосновывается значимость инфраструктурного фактора, особенно в контексте логистических ограничений [5]. Отдельным блоком выделяются факторы цифровой трансформации: по мнению Ю.Г.Лавриковой, уровень внедрения цифровых технологий напрямую коррелирует с производительностью труда в промышленности [6] или А.Г.Шариповой рассматривается цифровизация государственной политики занятости как инновационный фактор развития рынка труда, что является одним из основных факторов, который оказывает влияние не только на промышленность территорий, но на экономическую систему в целом [7].

Исследователь Н.М.Абдикеев указывает на важность учета глобальных трендов декарбонизации и экологизации, которые становятся новыми вызовами для региональной промышленности [8]. Кадровый потенциал как фактор развития рассматривается в трудах А.В.Корицкого, где подчеркивается проблема дефицита квалифицированных кадров в обрабатывающих производствах [9]. Влияние пространственного размещения и агломерационных эффектов исследует П.А.Минакир, доказывая неравномерность промышленного развития макрорегионов [10]. Наконец, Е.А.Третьякова акцентирует внимание на факторах устойчивого развития, требующих баланса между экономической эффективностью и социально-экологической ответственностью бизнеса [11]. Факторы конкурентоспособности региона в целом рассмотрены в работах В.В.Смирнова [12], однако, например, К.А.Гулин делает акцент на развитии малого и среднего предпринимательства как ключевого фактора развития промышленности в регионе [13].

Таким образом, теоретическая база анализа формируется на стыке макроэкономического, институционального, технологического и пространственного подходов. Автором рассмотрена динамика изменения динамика объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами Представленные данные демонстрируют изменение показателя) по регионам Центрального федерального округа за период с 2017 по 2024 год (см. рис. 1).

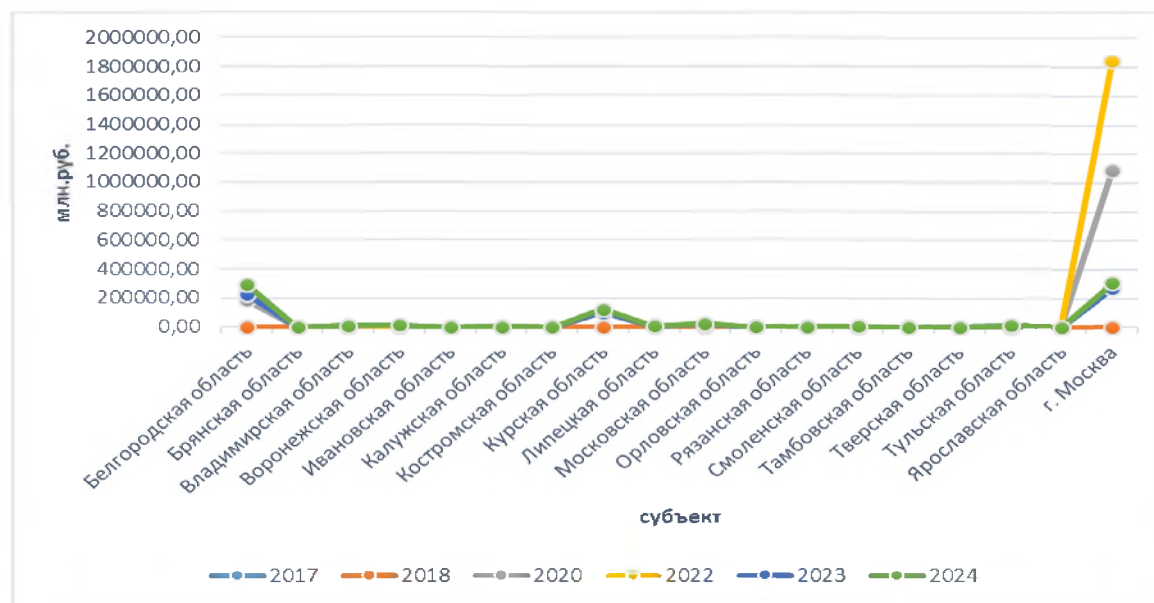

Рисунок 1 – Динамика объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (в фактически действовавших ценах; миллионов рублей)

Анализ данных выявляет колоссальную дифференциацию как в масштабах, так и в темпах развития субъектов. Безусловным лидером по абсолютным значениям выступает город Москва, хотя его показатели подвержены сильным колебаниям. После роста с 1,27 млн в 2017 году до пиковых 1,84 млн в 2022-м, в 2023 году фиксируется резкое падение до 271,3 тыс., что может свидетельствовать либо о смене методики расчета, либо о структурной перестройке экономики столицы. Однако уже в 2024 году наблюдается восстановление до 309,9 тыс., что, впрочем, значительно ниже уровней начала десятилетия.

На фоне столицы выделяются два приграничных региона-гиганта: Белгородская и Курская области. Они демонстрируют устойчивую положительную динамику на протяжении почти всего периода. Белгородская область стабильно росла со 116,6 тыс. в 2017 году до 297,2 тыс. в 2024-м, лишь с небольшим спадом в 2023-м. Курская область также показывает уверенный рост с 67,8 тыс. до 123,3 тыс. за те же годы, что подчеркивает их высокую экономическую активность.

Третью группу составляют регионы со средними показателями (диапазон 5–30 тыс.), такие как Московская, Воронежская, Тульская, Владимирская и Липец-

кая области. Для них характерен поступательный, хотя и более умеренный рост. Например, Тульская область увеличила показатель более чем в три раза (с 5,5 тыс. до 18,1 тыс.), а Владимирская – также примерно в три раза (с 4 тыс. до 12,5 тыс.).

Остальные области (Ивановская, Калужская, Рязанская, Ярославская и др.) демонстрируют скромные значения, колеблющиеся в пределах 1-5 тыс. единиц, с незначительной положительной динамикой. Особняком стоят регионы-аутсайдеры (Брянская, Орловская, Тамбовская области), где показатель исчисляется лишь сотнями, что указывает на минимальную концентрацию изучаемой деятельности на их территории. Таким образом, наблюдается крайне высокая поляризация: основной объем приходится на столицу и два приграничных сырьевых или промышленных региона, в то время как большинство областей играют незначительную роль в общем балансе.

Для достижения поставленной цели был на первоначальном этапе проведен мониторинг потенциальных воздействий и фактора A_1 , в качестве которого был выбран критерий объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (в фактически действовавших ценах; миллионов рублей). С целью выявления факторов, потенциально влияющих на данный показатель, был выбран набор характеристик из статистического сборника, которые описывают значение по данным за 2023г. (см. табл.1), такие как:

X1 – инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах; миллионов рублей);

X2 – организации, выполнявшие исследования и разработки (единиц);

X3 - численность персонала, занятого исследованиями и разработками (человек);

X4 – численность исследователей всего (человек);

X5 – внутренние затраты на исследования и разработки (миллионов рублей);

X6 – внутренние текущие затраты на исследования и разработки на покупку оборудования (миллионов рублей).

Таблица 1 – Исходные показатели для оценки территорий ЦФО

Код субъекта/Показатель	A1	X1	X2	X3	X4	X5	X6
C1	229884,00	212 210	29	1 363	365	4 256,00	400,2
C2	213,00	94 136	19	396	52	840,9	126,4
C3	11140,00	181 731	31	4 371	331	6 176,40	39,6
C4	12713,00	374 135	63	9 982	894	10 751,60	172,1
C5	1784,00	67 502	21	599	228	1 008,50	41
C6	5136,00	125 725	46	7 312	533	12 462,90	1 243,70
C7	1040,00	47 900	8	49	17	95,3	... ¹⁾
C8	102395,00	231 243	20	2 327	191	3 996,30	28,9
C9	7500,00	187 205	17	578	216	931,4	... ¹⁾
C10	23320,00	1 593 545	259	82 408	7 047	202 367,10	3 345,90
C11	425,00	58 362	18	790	108	964,3	113,9
C12	2174,00	101 302	22	2 247	128	2 411,50	87,8
C13	2239,00	94 644	26	859	74	2 334,60	15,9
C14	373,00	92 398	28	742	152	1 008,00	53,6
C15	3447,00	141 167	29	2 387	235	4 809,60	6,3
C16	15864,00	235 052	28	4 803	229	8 100,10	149,4
C17	2641,00	135 819	39	6 235	713	14 766,60	549,2
C18	271346,00	6 757 236	840	210 491	37 160	589 336,20	16 216,80

*Примечание: A1 – значение результирующего признака. C – соответствующий код региона (согласно расположению субъектов, в статистическом сборнике). Составлено автором по материалам Российского статистического ежегодника в Центральном Федеральном округе

Анализ представленной таблицы, содержащей статистические данные по регионам Центрального федерального округа (ЦФО) и городу Москве, позволяет сделать ряд существенных выводов о состоянии и развитии промышленного производства, инвестиционной активности и научно-исследовательского сектора. Прежде всего, заметна колоссальная дифференциация регионов по всем без исключения показателям, что свидетельствует о высокой степени экономической поляризации внутри федерального округа. Абсолютным лидером и локомотивом инновационного и промышленного развития выступает город Москва, которая демонстрирует подавляющее превосходство по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг (271 346,00 млн рублей), что более чем в два раза превышает показатель идущей следом Московской области и является крупнейшей величиной в таблице. Эта же тенденция сохраняется и усиливается в сфере инвестиций в основной капитал: Москва с показателем

6 757 236 млн рублей кратно опережает все остальные регионы, подчеркивая свою роль как главного центра притяжения капиталовложений. В научно-исследовательской сфере доминирование Москвы еще более выражено: здесь сосредоточено подавляющее большинство организаций, выполняющих исследования и разработки (840), колоссальная численность персонала, занятого в этой сфере (210 491 человек), и исследователей (37 160 человек). Внутренние затраты на исследования и разработки в Москве составляют 589 336,20 млн рублей, что является абсолютным максимумом, а затраты на покупку оборудования для этих целей (16 216,80 млн рублей) также не имеют себе равных, что говорит о масштабном технологическом переоснащении научной базы столицы. Вторым по значимости центром концентрации экономического и научного потенциала выступает Московская область. Обладая вторыми показателями по объему отгруженных товаров (23 320,00 млн рублей), она демонстрирует еще более высокий уровень инвестиционной привлекательности с показателем 1 593 545 млн рублей. Однако наиболее примечательна роль области в научно-исследовательской деятельности: по численности персонала, занятого исследованиями (82 408 человек), и исследователей (7 047 человек) она является безусловным вторым центром после Москвы, причем с огромным отрывом от остальных регионов. Затраты на исследования и разработки в Московской области (202 367,10 млн рублей) также являются вторыми по величине, что, вероятно, связано с наличием мощных научных кластеров, технополисов и оборонно-промышленных комплексов в городах области. Эта связка «Москва – Московская область» формирует единый научно-промышленный кластер, аккумулирующий основную часть ресурсов и кадров макрорегиона.

На фоне лидеров выделяется Курская область, демонстрирующая уникальную для своего масштаба структуру экономики. При относительно скромных инвестициях в основной капитал (231 243 млн рублей) и очень небольшом количестве исследовательских организаций (20) и персонала (2 327 человек), область занимает второе место после Москвы по объему отгруженных товаров — 102 395,00 млн рублей. Это свидетельствует о наличии в регионе мощного экспортно-ориентированного промышленного производства, вероятно, связанного с горнодобывающей и металлургической отраслями (например, Михайловский ГОК), которое генерирует высокую добавленную стоимость без прямой корреляции с масштабными внутренними исследованиями и разработками.

Остальные регионы ЦФО можно разделить на несколько групп по уровню развития. К группе с достаточно развитым промышленным производством и умеренной научной базой относятся Тульская, Воронежская, Ярославская и Владимирская области. Тульская область показывает высокий объем отгрузки (15 864,00 млн рублей) и значительные инвестиции в основной капитал (235 052 млн рублей) при сбалансированной численности исследовательского персонала. Воронежская область выделяется максимальным среди регионов этой группы количеством исследователей (894 человека) и затратами на разработки (10 751,60 млн рублей), что говорит о сильном научно-образовательном комплексе. Ярославская область демонстрирует одни из самых высоких затрат на исследования (14 766,60

млн рублей) при сравнительно не самом большом объеме отгрузки, что может указывать на высокую наукоемкость производимой продукции.

Существует также обширная группа регионов со средними и низкими показателями. Калужская область, несмотря на не самый высокий объем отгрузки (5 136,00 млн рублей), выделяется экстремально высокими затратами на покупку оборудования для исследований (1 243,70 млн рублей), что является вторым показателем в таблице после Москвы и говорит о модернизации научной базы. Рязанская, Тверская, Смоленская области демонстрируют средние показатели с преобладанием промышленности над наукой. Тамбовская, Ивановская, Брянская и Орловская области показывают скромные результаты как по промышленному производству, так и по научному потенциалу, причем их затраты на исследования минимальны. Наконец, аутсайдерами по большинству позиций выглядят Костромская и Липецкая области. Костромская область имеет минимальное количество организаций (8), персонала (49 человек) и исследователей (17), а затраты на покупку оборудования не указаны вовсе, что может говорить о крайне низкой инновационной активности. Липецкая область, при значительных инвестициях в основной капитал и объеме отгрузки (7 500,00 млн рублей), имеет очень скромный научный сектор (всего 17 организаций, 578 человек персонала) и также не указывает затраты на покупку научного оборудования.

Важной закономерностью является прямая корреляция между концентрацией исследовательских кадров и объемом внутренних затрат на разработки. Регионы с наибольшей численностью исследователей (Москва, Московская область, Воронежская, Ярославская, Нижегородская области) закономерно лидируют и по финансовым вложениям в науку. Это формирует замкнутый круг развития: наличие кадров привлекает финансирование, которое, в свою очередь, позволяет удерживать и развивать кадровый потенциал. Показатель затрат на покупку оборудования выступает индикатором текущей инвестиционной активности в научной сфере. Высокие значения в Москве, Московской и Калужской областях указывают на активную фазу технологического обновления, в то время как нулевые или отсутствующие значения в других регионах сигнализируют о стагнации материально-технической базы науки.

Таким образом, анализ таблицы рисует картину глубоко неравномерного развития Центрального федерального округа. Экономический и научный ландшафт макрорегиона представляет собой систему с двумя доминирующими центрами — Москвой и Московской областью, которые аккумулируют львиную долю инвестиций, кадров и научных результатов. Промышленное производство при этом имеет более сложную географию, с мощными очагами в Курской, Тульской и Воронежской областях, которые не всегда подкреплены пропорциональной научной базой. Большинство же регионов округа либо демонстрируют сбалансированное, но скромное развитие, либо находятся в состоянии стагнации научно-инновационного сектора, что в долгосрочной перспективе ставит под вопрос их конкурентоспособность и возможность перехода к экономике знаний. Разрыв между лидерами и аутсайдерами столь велик, что можно говорить о

наличии нескольких различных экономических укладов в рамках одного федерального округа.

С целью отбора факторов, для включения в дальнейшем в регрессионную модель применен парный корреляционный анализ, который позволяет исключить мультиколлинеарность факторов (см. табл.2).

Таблица 2 – Матрица парных корреляций

Переменная	Среднее значение	Станд. отклонение	X1	X2	X3	X4	X5	X6
X1	596184,0	1576755	1,000000	0,99680	0,98707	0,99865	0,99253	0,99559
X2	85,7	196	0,996800	1,000000	0,99548	0,99438	0,99786	0,99374
X3	18774,4	51454	0,987070	0,99548	1,000000	0,98152	0,99872	0,98212
X4	2704,1	8748	0,998651	0,99438	0,98152	1,000000	0,98887	0,99762
X5	48145,4	142913	0,992535	0,99786	0,99872	0,98887	1,000000	0,98891
X6	1266,3	3815	0,995597	0,99374	0,98212	0,99762	0,98891	1,000000

**Источник: Составлено автором на основе произведенных расчетов*

Таблица матрицы парных корреляций демонстрирует исключительно высокие значения коэффициентов корреляции между всеми шестью переменными, что указывает на наличие сильной мультиколлинеарности в исходных данных. Такая структура корреляционной матрицы свидетельствует о том, что все включенные в анализ переменные измеряют по сути одно и то же явление или процесс, либо являются различными формами представления одних и тех же исходных данных. Это создает проблему для множественного регрессионного анализа, поскольку включение всех факторов одновременно привело бы к искажению оценок параметров модели. Именно по этой причине для дальнейшего исследования был обоснованно отобран только один фактор — X2, представляющий собой показатель организаций, выполнявших исследования и разработки. Такой выбор позволяет избежать мультиколлинеарности и получить статистически надежные оценки влияния данного фактора на результативный показатель. Для дальнейшего исследования были отобран фактор организации, выполнявшие исследования и разработки X2 (см.табл.3)

Таблица 3 – Результаты регрессионного анализа показателей A1 и X2

Переменная/ параметр	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t- статистика	P-Значение
A1- пересечение	14260,71	15675,57	0,909741	0,376460
Переменная X2	283,18	74,94	3,778618	0,001645

**Источник: Составлено автором на основе произведенных расчетов*

Результаты регрессионного анализа, представленные в таблице 3, свидетельствуют о взаимосвязи между зависимой переменной A1 и независимой X2. Ко-

ээффициент при переменной X_2 составляет 283,18 при стандартной ошибке 74,94, что дает значение t -статистики 3,778618. Соответствующее P -значение равно 0,001645, что значительно меньше критического уровня значимости 0,05. Это позволяет сделать вывод о статистической значимости влияния фактора X_2 на зависимую переменную A_1 . Иными словами, увеличение количества организаций, выполняющих исследования и разработки, на одну единицу приводит к росту результативного показателя в среднем на 283,18 единицы. Константа уравнения (A_1 -пересечение) равна 14260,71 при стандартной ошибке 15675,57, t -статистика составляет 0,909741, а P -значение — 0,376460. Это говорит о том, что свободный член уравнения статистически не значим, и при нулевом значении фактора X_2 теоретическое значение A_1 не отличается от нуля. Такая ситуация вполне допустима в экономических моделях, особенно когда область определения фактора не включает нулевые значения.

Таблица 4 – Корреляционно-регрессионная статистика

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,686704272
R-квадрат	0,471562757
Нормированный R-квадрат	0,438535429
Стандартная ошибка	14,2779568
Наблюдения	0,00164531439

**Источник: Составлено автором на основе произведенных расчетов*

Регрессионная статистика, приведенная в таблице 4, позволяет оценить качество построенной модели. Множественный R составляет 0,686704272, что свидетельствует о средней по силе связи между фактором и результатом. Нормированный R-квадрат составляет 0,438535429, что несколько ниже обычного коэффициента детерминации и учитывает число степеней свободы. Стандартная ошибка модели равна 14,2779568, что характеризует среднее отклонение фактических значений от расчетных. Количество наблюдений в анализе указано как 0,00164531439, что явно является технической ошибкой оформления, поскольку такое значение не может соответствовать числу наблюдений. Вероятно, здесь должен быть указан объем выборки, но в представленном материале он отсутствует.

$$A_1 = 14260,71 + 283,18 \times X_2 \quad (1)$$

Полученное уравнение регрессии (1) может быть использовано для прогнозных расчетов и анализа влияния инновационной активности организаций на развитие строительной отрасли. Дальнейшим шагом было определение эффективности функционирования территорий на основе принципа Парето, с целью идентификации результативности строительной отрасли в субъектах федерации и выявления из них тех, которые наиболее значимы.

Таблица 5–Результаты анализа региональной эффективности по Парето

Субъект/ критерий	Процент	Кумулятивный процент
18	54,43940	54,4394
10	16,78548	71,2249
4	4,08296	75,3078
6	2,98121	78,2890
17	2,52754	80,8166
3	2,00907	82,8257
15	1,87946	84,7051
1	1,87946	86,5846
16	1,81465	88,3992
14	1,81465	90,2139
13	1,68503	91,8989
12	1,42579	93,3247
5	1,36099	94,6857
8	1,29618	95,9819
2	1,23137	97,2132
11	1,16656	98,3798
9	1,10175	99,4815
7	0,51847	100,0000

**Источник: Составлено автором на основе произведенных расчетов*

Дальнейший анализ был направлен на определение эффективности функционирования территорий на основе принципа Парето. Этот подход позволяет идентифицировать результативность строительной отрасли в субъектах федерации и выявить среди них те, которые вносят наибольший вклад в общий результат. В контексте регионального анализа это означает, что ограниченное число субъектов обеспечивает основную долю совокупного показателя эффективности. Результаты анализа региональной эффективности по Парето представлены в таблице 5. Данные показывают распределение 18 субъектов по их вкладу в общий результат, измеряемому в процентах, а также накопленную (кумулятивную) долю. Первые пять субъектов выделены курсивом, что визуально подчеркивает их особую значимость. Лидирующий субъект, обозначенный кодом 18, имеет долю 54,43940% и кумулятивный процент 54,4394. То есть более половины всего результата обеспечивается всего одним регионом. Второй по значимости субъект с кодом 10 дает 16,78548%, и вместе с лидером они уже обеспечивают 71,2249% совокупного показателя. Третий субъект (код 4) добавляет 4,08296%, доводя общую долю до 75,3078%. Четвертый субъект (код 6) вносит 2,98121%, и кумулятивный процент достигает 78,2890%. Пятый субъект (код 17) добавляет 2,52754%, и накопленная доля становится 80,8166%. Таким образом, пять регионов обеспечивают более 80% общего результата, что полностью соответствует

принципу Парето. При этом первые два региона дают более 70%, а один лидирующий регион – более половины всего показателя. Это свидетельствует о крайне неравномерном распределении эффективности строительной отрасли по субъектам федерации и высокой концентрации результатов в ограниченном числе территорий. Остальные тринадцать субъектов в сумме дают менее 20% общего результата. Такое распределение указывает на необходимость дифференцированного подхода к региональной политике в области строительства и инноваций. Регионы-лидеры требуют особого внимания с точки зрения поддержания их высокого потенциала и предотвращения негативных эффектов сверхконцентрации. Регионы с малым вкладом нуждаются в выявлении причин отставания и разработке программ стимулирования развития строительной отрасли. Важно отметить, что коды субъектов соответствуют расположению регионов в статистическом сборнике, а источником данных послужил Российский статистический ежегодник по Центральному Федеральному округу. Графическое представление полученных результатов дано на рисунке 2 – Карта Парето.

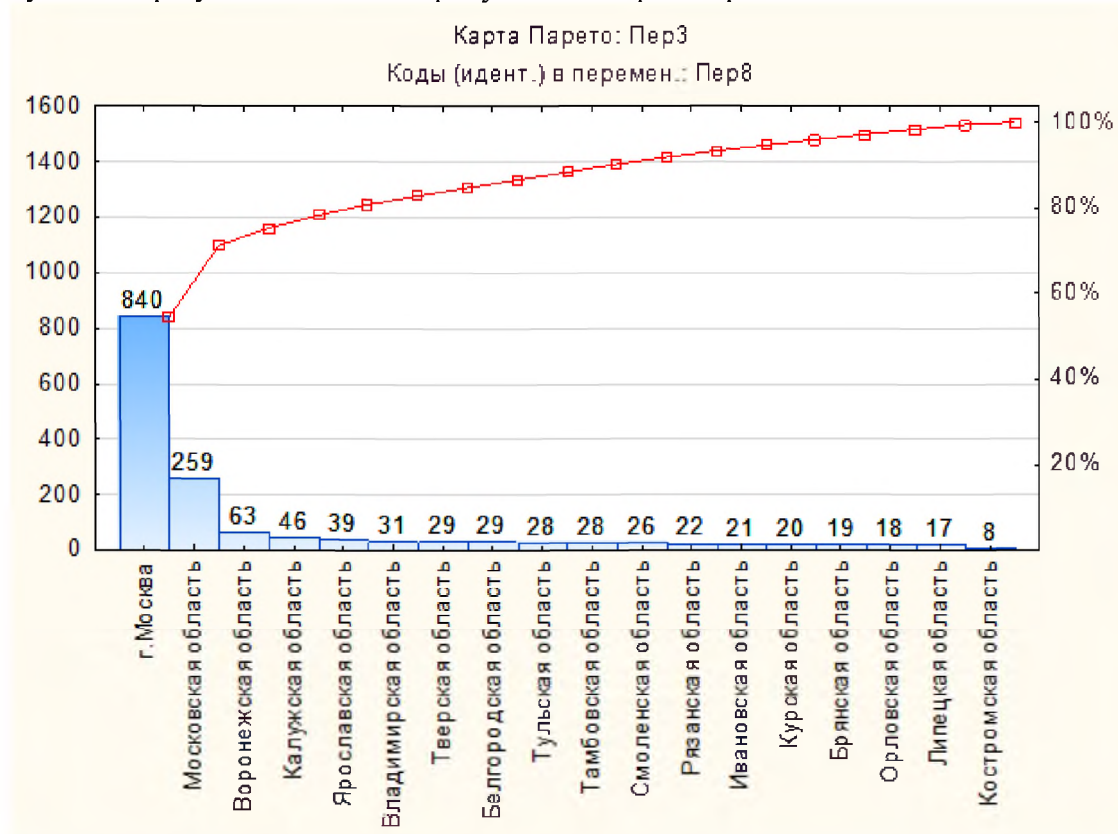

Рисунок 2 – Карта Парето субъектов Центрального федерального округа по эффективности деятельности организаций, выполнявших исследования и разработки

Крутой спад первых столбцов и последующее пологое плато характерны для распределения Парето. На такой диаграмме обычно отчетливо видно, что не-

большое количество субъектов создает основную долю эффекта, а большое количество – лишь незначительную добавку. Кумулятивная кривая резко поднимается в начале и затем выравнивается, приближаясь к 100%. Точка пересечения кумулятивной кривой с уровнем 80% позволяет определить количество субъектов, обеспечивающих основной вклад. Судя по данным таблицы 5, эта точка достигается после пятого субъекта. Карта Парето является эффективным инструментом визуализации для принятия управленческих решений, так как позволяет сразу определить приоритетные объекты для концентрации усилий и ресурсов. В данном случае она подтверждает, что региональная политика в области строительства и инноваций должна быть прежде всего сфокусирована на первых пяти-шести субъектах, особенно на безусловном лидере – регионе с кодом 18. Именно воздействие на эти ключевые территории способно дать максимальный прирост совокупного результата. При этом важно не игнорировать и остальные регионы, но подход к ним должен быть иным — возможно, ориентированным на поиск и развитие локальных точек роста, а не на масштабные вливания, которые могут не дать ожидаемой отдачи из-за низкого исходного потенциала.

Заключение. Совокупность проведенных аналитических процедур – корреляционный анализ, регрессионное моделирование и Парето-анализ – позволяет сделать комплексные выводы об исследуемой системе. Корреляционный анализ выявил чрезвычайно высокую взаимосвязь между всеми рассматриваемыми факторами, что обосновало переход к однофакторной регрессионной модели. Эта модель подтвердила статистически значимое, хотя и не очень сильное по объясняющей способности, влияние числа организаций, занимающихся исследованиями и разработками (фактор X2), на результативный показатель A1. Парето-анализ добавил важный пространственный аспект, показав крайнюю неравномерность распределения совокупного результата по регионам Центрального федерального округа. Выявлено, что пять регионов обеспечивают более 80% общего показателя эффективности строительной отрасли, причем один регион дает больше половины. Это имеет важные практические следствия: при разработке стратегий развития строительной отрасли и инновационной деятельности в ЦФО необходимо учитывать доминирующую роль ограниченного числа субъектов. Возможно, высокая концентрация результата в этих регионах связана с наличием в них крупных научно-производственных центров, благоприятного инвестиционного климата или агломерационных эффектов. Для регионов с низкими показателями требуется углубленный диагностический анализ, чтобы выявить барьеры развития и потенциальные возможности. Комбинация регрессионного анализа и Парето-анализа дает более полную картину, чем каждый метод в отдельности: регрессия показывает общую закономерность влияния фактора, а Парето-анализ – структуру распределения результата по объектам. Вместе они позволяют перейти от общих выводов к конкретным рекомендациям для каждого типа регионов. Важно отметить, что в качестве фактора был выбран показатель, связанный с исследованиями и разработками. Это подчеркивает роль инновационной активности организаций как драйвера развития строительной отрасли. Полученные результаты могут служить основой для корректировки региональной политики в

направлении стимулирования инноваций в строительстве, особенно в регионах, уже имеющих высокий потенциал, а также для трансфера успешного опыта лидеров в другие территории. Также перспективным представляется использование методов многомерной классификации для выделения типологических групп регионов по сочетанию различных признаков. Это позволит разработать более дифференцированные меры государственной поддержки и стимулирования развития строительной отрасли. В целом, представленный анализ демонстрирует продуктивность использования комплекса статистических методов для исследования региональных экономических систем и может быть рекомендован для использования в практике регионального управления и стратегического планирования.

Литература

1. Романова О.А. Структурная трансформация промышленности старопромышленных регионов: факторы и векторы развития // Экономика региона. – 2022. – Т.18, № 3. – С. 645-659. – EDN NHBRDO.
2. Ленчук Е.Б. Формирование приоритетов промышленной политики России в условиях новых технологических вызовов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 7-22. – EDN MUXLAW.
3. Крутиков В.К. Инвестиционная привлекательность как фактор развития региональной промышленности / В.К.Крутиков, Т.В.Дорожкина, О.И.Костина // Экономика и предпринимательство. – 2021. – №5 (130). – С.456-460. – EDN VOXWXI.
4. Татаркин А.И. Институциональные факторы модернизации региональных промышленных комплексов // Журнал экономической теории. – 2020. – Т.17, №4. – С.778-791. – EDN QEWZYZ.
5. Раевский С.В. Транспортно-логистическая инфраструктура как фактор развития промышленности Дальнего Востока // Регионалистика. – 2023. – Т.10, №1. С.45-57. – EDN FGBGJJ.
6. Лаврикова Ю.Г. Цифровая трансформация промышленности регионов России: факторы и тенденции // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т.12, №4. – С. 2015-2030. – EDN QILZNM.
7. Шарипова А.Г. Цифровизация государственной политики занятости как инновационный фактор развития рынка труда // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №4(90). – С.259-271. – EDN DUWHTЕ.
8. Абдикеев Н.М. Факторы "зеленого" роста промышленности в условиях перехода к низкоуглеродной экономике // Управленческие науки. – 2021. – Т.11, №3. – С.6-20. – EDN YYXLWY.
9. Корицкий А.В. Кадровый потенциал обрабатывающей промышленности регионов: оценка и факторы формирования // Креативная экономика. – 2023. – Т.17, №5. – С.1825-1840. – EDN LKJHGF.
10. Минакир П.А. Пространственное развитие: факторы и стратегии // Пространственная экономика. – 2020. – Т.16, №3. – С.7-27. – EDN YTZNWM.
11. Третьякова Е.А. Оценка факторов устойчивого развития промышленных комплексов региона // Экономический анализ: теория и практика. – 2022. – Т.21, №6 (525). – С.1018-1041. – EDN KJUIOP.
12. Смирнов В.В. Факторы конкурентоспособности промышленности региона в условиях цифровой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т.17, №11 (404). – С.2064-2085. – EDN ASDEFR.

13. Гулин К.А. Роль малого и среднего предпринимательства в развитии промышленного сектора региона // Проблемы развития территории. – 2022. – №3 (119). – С.26-41. – EDN QWERHJ.

**ANALYSIS OF FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT
TRENDS OF THE REGIONAL INDUSTRIAL SECTOR**

Barinov Mikhail Aleksandrovich

Candidate of economic sciences, associate professor,
associate professor of the department of economics, innovations and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G. Stoletov
600005, Russia, Vladimir, Tchaikovsky str., 36, apt. 45
Ph.: +7 920 623 02 40
31f84@mail.ru

This article examines the impact of technological innovation on the dynamics of industrial production in the regions of the Russian Federation, characterized by intensified import substitution processes and economic restructuring under the current economic conditions. Based on theoretical approaches to spatial development and an analysis of Rosstat statistical data, the hypothesis of persistently high spatial heterogeneity in industrial production development, taking into account the innovation component, is confirmed. Particular attention is paid to constructing a regression model that evaluates the dependence of the volume of shipped innovative products on expenditures on technological innovation and the number of researchers, allowing for a forecast based on the stated parameters. A Pareto map of the efficiency of the territories of the Central Federal District is constructed, allowing for the determination of both the individual and cumulative contribution of a given territory to industrial development. The results of econometric modeling demonstrate a significant positive relationship between the factors studied. However, they also reveal an asymmetry in which increased expenditures do not always proportionally increase innovation performance, which is typical for regions with an inefficient institutional environment.

Keywords: trend; industrial sector; region; factor.

**ТАҲЛИЛИ ОМИЛҲОЕ, КИ БА ТАМОҶУЛҲОИ РУШДИ БАҲШИ
САНОАТИ МИНТАҚАВӢ ТАЪСИР МЕДИҲАНД**

Баринов Михаил Александрович

Номзади илмҳои иқтисодӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи иқтисод, инноватсия ва молия
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г. Столетов
600005, Россия, Владимир, кӯч. Чайковский, хон.36, х. 45
Тел.: +7 920 623 02 40
31f84@mail.ru

Дар ин мақола таъсири навоариҳои технологӣ ба динамикаи истеҳсоли саноатӣ дар минтақаҳои Федератсияи Русия, ки бо шиддат гирифтани равандҳои ивазкунии воридот ва таҷдиди сохтори иқтисодӣ дар шароити кунунии иқтисодӣ тавсиф мешавад, баррасӣ мешавад. Дар асоси равишҳои назариявӣ ба рушди фазоӣ ва таҳлили маълумоти омории Росстат, фарзияи доимии баланди гетерогенӣ фазоӣ дар рушди истеҳсолоти саноатӣ, бо назардошти ҷузъи инноватсионӣ, тасдиқ карда мешавад. Таваҷҷӯҳи махсус ба сохтани модели регрессионӣ равона карда шудааст, ки вобастагии ҳаҷми маҳсулоти инноватсионии фириастошударо аз хароҷот барои навоариҳои технологӣ ва шумораи тадқиқотчиён арзёбӣ мекунад, ки имкон медиҳад, ки дар асоси параметрҳои зикршуда пешгӯӣ карда шавад. Харитаи Паретон самаранокии қаламравҳо дар Нохияи марказии федералӣ сохта шудааст, ки имкон медиҳад, ки ҳам саҳми инфиродӣ ва ҳам ҷамъшудаи қаламрави мушаххас дар рушди саноат муайян карда шавад. Натиҷаҳои моделсозии эконометрикӣ робитаи мусбати назаррасро байни омилҳои омӯхташуда нишон медиҳанд; аммо, онҳо мушкилоти носимметриро ошкор мекунанд, ки дар он хароҷоти афзоянда на ҳамеша самаранокии навоариро мутаносибан афзоиш медиҳанд, ки барои минтақаҳое, ки муҳити институтсионалии номуассир доранд, хос аст.

Калидвожаҳо: тамоюл; баҳши саноатӣ; минтақа; омил.

УДК 332.1

ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ БИЗНЕС-ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ

Быкова Маргарита Леонидовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансы
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
601270, Россия, Владимирская обл., Суздальский р-н,
п. Боголюбово, ул. Новая, д.20 кв.19
Тел.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

В современных условиях исследование пространственной неоднородности бизнес-демографии территорий приобретает особую актуальность, поскольку процессы создания, ликвидации и выживаемости предприятий выступают ключевыми индикаторами предпринимательского климата и качества институциональной среды региона. Целью настоящего исследования является комплексная оценка дифференциации регионов Российской Федерации по показателям смертности бизнеса и выявление возрастных моделей ликвидации предприятий для обоснования дифференцированного подхода к мерам государственной поддержки. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, статистические методы обработки данных, включая расчет коэффициента смертности предприятий, анализ возрастной структуры ликвидации, а также метод квартильного распределения для типологизации регионов. Информационной основой послужили данные Росстата по 85 субъектам Российской Федерации. В результате исследования выявлен существенный разброс значений коэффициента смертности бизнеса: разрыв между наиболее благополучными и проблемными территориями превышает 4,5 раза. Осуществлена группировка регионов по четырем типам на основе квартильного распределения, позволившая идентифицировать территории с низким, ниже среднего, выше среднего и высоким уровнем смертности предприятий. Анализ возрастной структуры ликвидации выявил наличие двух принципиально различных моделей: «столичной», характеризующейся пиком смертности на первом году деятельности (высокий отсев на этапе входа на рынок), и «региональной», где основные риски реализуются на 2-3 году функционирования (отложенные риски, связанные с окончанием льготных периодов и исчерпанием стартового капитала). Полученные результаты доказывают неэффективность унифицированного подхода к поддержке малого и среднего предпринимательства и обосновывают необходимость разработки адресных мер региональной политики, учитывающих как уровень деловой смертности, так и доминирующую возрастную модель ликвидации предприятий в конкретном субъекте Российской Федерации.

Ключевые слова: бизнес-демография; пространственная неоднородность; региональная дифференциация; коэффициент смертности предприятий; возрастная структура ликвидации; типология регионов; малый и средний бизнес; государственная региональная политика.

Введение. В современных условиях исследование особенностей бизнес-демографии территорий представляется актуальным направлением, поскольку позволяет оценивать интенсивность предпринимательской активности, выявлять зоны стагнации и формировать сбалансированную политику регионального развития. Особое значение изучение данного направления приобретает в условиях нестабильности и трансформации экономических моделей, так как именно процессы создания, ликвидации и выживаемости предприятий становятся индикатором адаптационных возможностей региональной экономики и качества институциональной среды.

Развитие мезотерриторий традиционно находится в фокусе внимания зарубежных и отечественных ученых. В современных условиях формирование эффективной системы мониторинга пространственной неоднородности бизнес-демографии становится критически важным для стратегического управления регионом. Такой мониторинг позволяет выявлять ключевые точки предпринимательской активности, объективно оценивать уровень деловой смертности и дисбалансы территорий, а также разрабатывать адресные меры политики, направленные на стимулирование устойчивого развития бизнеса. Грамотная диагностика демографических процессов в предпринимательском секторе, включая возрастную структуру ликвидируемых предприятий и дифференциацию коэффициентов смертности, обеспечивает конкурентоспособность территории в условиях глобальных вызовов и трансформации экономических моделей, делая такие исследования не просто актуальными, а стратегически необходимыми.

Проведенное исследование направлено на комплексную оценку пространственной неоднородности бизнес-демографии регионов России для выявления имеющих место территориальных диспропорций. Его ключевая цель заключается не только в диагностике существующих разрывов в уровне смертности предприятий, но и в разработке адресных мер региональной политики, способных трансформировать выявленные различия в точки роста.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

- рассмотрены теоретические аспекты и особенности бизнес-демографии как инструмента анализа предпринимательского климата территорий;
- предложена система показателей для оценки процессов рождаемости и смертности предприятий на региональном уровне;
- проведен анализ общего коэффициента смертности бизнеса и структуры ликвидации организаций по возрастным группам;
- осуществлена типологизация регионов Российской Федерации по уровню смертности предприятий на основе квартильного распределения;
- выявлены региональные модели возрастной смертности бизнеса («столичная» и «региональная») и проведен сравнительный анализ данных процессов в разрезе федеральных округов;
- сформулированы выводы и предложены траектории регионального роста с учетом выявленных особенностей бизнес-демографии территорий.

Научная новизна работы состоит в разработке оригинального методического подхода к анализу пространственной неоднородности бизнес-демографии, вклю-

чающего расчет коэффициента смертности предприятий и анализ возрастной структуры ликвидации, с последующей группировкой регионов по квартилям, позволившей выявить четыре типа территорий с уникальными моделями деловой смертности. Дополнительным элементом новизны является идентификация двух принципиально различных моделей возрастной ликвидации предприятий («столичной» с пиком смертности на первом году деятельности и «региональной» с отложенными рисками на 2-3 году функционирования), что обосновывает необходимость дифференцированного подхода к мерам государственной поддержки.

Методология. Методологическую основу составляет синтез общенаучных методов анализа и специализированных процедур статистической обработки данных. Исследование реализовано через последовательность этапов: формирование системы показателей, расчет коэффициента смертности бизнеса, анализ возрастной структуры ликвидаций и группировку регионов. Ключевым инструментом типологизации выступил метод квартильных распределений, позволивший объективно выделить разнородные группы территорий на основе значений коэффициента смертности, а также метод структурного анализа для выявления пиковых значений ликвидации предприятий в разрезе возрастных когорт.

Результаты. Результаты исследования демонстрируют глубокую структурную асимметрию бизнес-демографического пространства России, где разрыв между наиболее благополучными и наиболее проблемными территориями по уровню смертности предприятий превышает 4,5 раза. Выделение четырех групп регионов на основе квартильного распределения позволило идентифицировать не только территории с низким уровнем смертности бизнеса, но и зоны критических значений. Анализ возрастной структуры ликвидации выявил наличие двух основных моделей: «столичной», характеризующейся высоким отсеком на этапе входа на рынок, и «региональной», где основные риски реализуются на этапе становления (2-3 год функционирования).

Выводы. Проведенный анализ доказывает неэффективность унифицированного подхода к поддержке малого и среднего предпринимательства и необходимость перехода к дифференцированным решениям. Для каждого типа регионов, выделенного на основе коэффициента смертности, а также с учетом доминирующей модели возрастной ликвидации, должны быть сформулированы приоритеты государственной политики: от снижения барьеров входа на рынок в регионах с высокой «младенческой смертностью» до программ сопровождения и финансовой поддержки на этапе становления и расширения бизнеса в субъектах с отложенными рисками ликвидации.

Литературный обзор. В настоящее время демографические процессы в предпринимательской среде признаются ключевым индикатором экономической динамики территорий, при этом масштабы и результативность деловой активности напрямую зависят от уровня институционального развития региона, а также от качества инфраструктурной обеспеченности и доступности факторов производства. Демография организаций представляет собой относительно новое для российской статистики направление, позволяющее анализировать процессы создания, ликвидации и выживаемости предприятий в увязке с региональными ха-

рачеристиками. Экономическое развитие и потенциал регионов Российской Федерации, включая их инвестиционную привлекательность, проявляются в плотности предпринимательского ландшафта и скорости обновления бизнес-структур. Однако неоднородность этого ландшафта обусловлена различиями в отраслевой специализации, эффективности регионального управления, степени административного давления и неравномерности доступа к финансовым и кадровым ресурсам.

Анализ динамики создания и ликвидации хозяйствующих субъектов позволяет выявить зоны опережающего развития («точки роста») и территории, находящиеся в состоянии предпринимательской стагнации. Высокая плотность контактов между поставщиками, потребителями и исследовательскими центрами формирует благоприятную среду для снижения транзакционных издержек, что немедленно отражается на снижении уровня «смертности» новых игроков. И напротив, периферийные и моноспециализированные территории демонстрируют более высокие риски для начинающих предпринимателей, что выражается в сокращении средней продолжительности жизни фирм и высоком уровне их ликвидации в первые годы деятельности [12, с.312].

Особое значение для понимания региональной специфики приобретает анализ барьеров входа на рынок и условий ведения бизнеса. Институциональная среда может выступать как катализатором, так и ингибитором предпринимательской активности. В регионах с высоким уровнем административных барьеров и коррупционной составляющей наблюдается феномен «скрытого предпринимательства» или ухода в теневой сектор, что искажает официальные статистические показатели бизнес-демографии. Следовательно, снижение административных барьеров и улучшение инвестиционного климата являются приоритетными задачами для стимулирования притока новых игроков.

Для анализа территориальных диспропорций в предпринимательской активности авторы все чаще предлагают использование концепции макрорегиона – целостного образования, объединяющего субъекты с общими географическими, природно-климатическими условиями и функциональными связями [5]. Однако стоит отметить, что такой подход к анализу бизнес-демографии может быть не всегда оправдан, поскольку сама концепция макрорегиона как единого объекта статистического наблюдения и управления сталкивается с существенными ограничениями. Административные границы субъектов РФ далеко не всегда совпадают с реальными ареалами ведения бизнеса и границами потребительских рынков. Предпринимательская активность часто выстраивается вдоль транспортных артерий или в зонах маятниковой миграции рабочей силы, игнорируя административно-территориальное деление. Это создает риски агрегирования данных по искусственно объединенным территориям, что может нивелировать локальные эффекты.

Даже в рамках географически близких территорий, объединенных в макрорегион, могут наблюдаться радикальные различия в институциональной среде, качестве муниципального управления и глубине интеграционных связей.

Информационная база для анализа бизнес-демографии часто имеет временной лаг и не позволяет в полной мере учесть нестандартные формы занятости и самозанятости, которые в последние годы становятся значимым фактором обновления предпринимательской структуры. Текущая трансформация экономики, вызванная структурными изменениями и технологическими сдвигами, требует более гибких инструментов сбора и обработки данных. Использование больших данных (Big Data) и геоинформационных систем (ГИС) в дополнение к традиционной статистике позволило бы более точно выделять зоны предпринимательской активности и истинные причины миграции капиталов и трудовых ресурсов между территориями [4].

Таким образом, демографический анализ бизнеса выступает важнейшим инструментом мониторинга регионального развития, позволяя фиксировать не только количественные параметры (количество созданных и ликвидированных предприятий), но и качественные характеристики предпринимательского климата.

Исследования в области бизнес-демографии сохраняют свою актуальность не только в контексте российской экономики, но и при изучении других стран, что подтверждается работой С.В.Сорокина [10], посвященной анализу институциональной среды в Республике Таджикистан. В своей статье автор раскрывает прямое влияние институциональных факторов на развитие инновационной деятельности, что имеет непосредственное отношение к вопросам бизнес-демографии. Как подчеркивает исследователь, именно институты – совокупность формальных и неформальных правил – задают условия, в которых происходит создание новых предприятий, их выживание и последующий рост. На примере Таджикистана показано, как неразвитость формальных институтов, высокая налоговая нагрузка, коррупция и слабая инфраструктура формируют высокие барьеры входа на рынок и снижают шансы инновационных компаний на устойчивое развитие, что подтверждается низкими позициями страны в международных рейтингах и крайне слабой патентной активностью. Таким образом, качество институциональной среды является ключевым фактором, определяющим демографические процессы в предпринимательском секторе, и подтверждает значимость изучения бизнес-демографии для понимания закономерностей развития экономики на разных территориях.

В последние годы наблюдается существенное сокращение числа активных предприятий: за шесть лет их число уменьшилось на 32,3%. Эта негативная тенденция, является всеобъемлющей и наблюдается во всех без исключения федеральных округах страны. Данный факт свидетельствует о системном сжатии сектора экономической активности, которое происходило еще до событий 2022 года и усугубилось в последствии введения антироссийских санкций. Анализ динамики показывает, что пик «смертности» бизнеса пришелся на 2018 год, после чего началось устойчивое и ускоряющееся снижение числа закрывающихся компаний. Это означает, что, хотя общее количество игроков на рынке сократилось, выживаемость действующих предприятий значительно повысилась. Бизнес, который смог преодолеть кризисные периоды, стал более устойчивым и адаптиро-

ванным к текущим условиям. Это можно интерпретировать как результат как естественного отбора, так и эффекта от мер государственной поддержки, которые помогли многим компаниям избежать банкротства.

Абсолютные показатели числа растущих предприятий (как по численности персонала, так и по обороту) сокращаются, что логично следует за общим падением числа активных предприятий. Однако анализ относительных показателей (доли в общем числе активных предприятий) и структуры роста выявляет важные нюансы. Доля растущих предприятий по численности персонала осталась стабильной (1,3% — с высоким потенциалом роста, 0,7% — быстрорастущие). Совершенно иная картина наблюдается в сегменте роста по обороту. В последние годы фиксируется рост всех показателей: доля предприятий с высоким потенциалом роста увеличилась с 3,0% до 3,6%, доля быстрорастущих — с 2,2% до 2,5%. Но самым ярким результатом стал рост числа компаний, показывающих высокие темпы прироста выручки на протяжении нескольких лет. Их абсолютное количество увеличилось на 28,1%, а доля в общем числе активных предприятий выросла с 0,1% до 0,3%. Это свидетельствует о том, что в условиях турбулентности и сжатия рынка часть компаний смогла не только адаптироваться, но и найти новые ниши для кратного увеличения доходов, вероятно, за счет импортозамещения, ухода конкурентов или переориентации на новые рынки.

Таким образом, с одной стороны наблюдается «сжатие» деловой экосистемы: меньше активных предприятий, меньше растущих компаний в абсолютном выражении, стагнация в создании новых рабочих мест. С другой стороны, наблюдается качественное улучшение выживаемости бизнеса (снижение смертности) и поляризация роста: на фоне общего спада формируется пусть небольшая, но крайне эффективная и динамичная прослойка компаний, которые концентрируют в себе предпринимательскую энергию и обеспечивают непропорционально большой вклад в экономику. Таким образом, дальнейшая государственная политика должна быть точечно направлена на поддержку именно таких растущих и быстрорастущих компаний, так как именно они являются основой для будущего устойчивого развития и технологического суверенитета страны [11].

Малый бизнес является важным инструментом развития как национальной, так и региональной экономики: он способствует удовлетворению потребностей населения, создает рабочие места и снижает безработицу. Несмотря на активное развитие этого сектора, многие фирмы закрываются при первых признаках экономической нестабильности, что свидетельствует о недостаточной эффективности государственной поддержки. Помощь государства необходима не столько в финансовом плане, сколько в создании благоприятных условий для ведения бизнеса, например, через налаживание связей между малым и крупным предпринимательством. Среди ключевых барьеров для начинающих предпринимателей выделяются трудности с получением стартовых ресурсов, высокое налоговое бремя на ранних этапах и множество рисков, которые отпугивают потенциальных бизнесменов [8].

Малое и среднее предпринимательство играет важную роль в развитии регионов России, выступая одним из ключевых драйверов экономического роста и

обеспечения занятости населения. Вклад этого сектора в региональную экономику неуклонно растет: по данным Минэкономразвития, в 2023 году доля МСП в валовом региональном продукте достигла максимального значения с 2019 года.

Структурный анализ сектора МСП по размеру предприятий показывает доминирование микропредприятий, составляющих 96% от общего числа, в то время как малые и средние предприятия в сумме занимают лишь 4%. Именно микропредприятия демонстрируют наибольшую гибкость и адаптивность к экономическим потрясениям, тогда как более крупные компании испытывают трудности с развитием в условиях рисков и не готовы брать ответственность за большое количество сотрудников.

Бизнес-демография выступает эффективным инструментом мониторинга ситуации в секторе малого и среднего предпринимательства как на федеральном, так и на региональном уровнях. Несмотря на позитивную динамику, свидетельствующую об эффективности государственной поддержки (гарантийная поддержка, льготные кредиты, имущественная поддержка, снижение налоговых ставок), имеют место низкие показатели роста оборота и увеличение числа убыточных предприятий. Это требует пересмотра мер поддержки и разработки комплексных подходов, учитывающих все категории бизнеса МСП. Только при условии совершенствования политики и дальнейшего эффективного развития МСП возможно обеспечить устойчивый рост экономики, повысить конкурентоспособность и качество жизни населения в системе обеспечения экономической безопасности страны [9].

Подавляющее большинство новых предприятий начинают как микробизнес, и эта категория остается доминирующей во всех возрастных группах. Возрастная структура сектора смещена в сторону молодых компаний, особенно среди индивидуальных предпринимателей. Наиболее популярными видами деятельности при создании бизнеса являются торговля, транспортировка и строительство, и эта структура остается стабильной с течением времени. Полученные результаты, по мнению авторов, полезны как для предпринимателей, так и для исследователей и разработчиков мер государственной поддержки, позволяя лучше понимать масштабы естественного отбора в секторе МСП и корректнее оценивать эффективность мер поддержки, отделяя кризисные явления от естественного закрытия бизнеса [7].

Показатели рождаемости и прироста предприятий являются значимыми факторами, определяющими динамику развития промышленного сектора. А.М.Гарбузов [3] отмечает, что в спецификациях, включающих временной тренд, влияние коэффициента рождаемости становится статистически незначимым. Этот, на первый взгляд, парадоксальный результат получает убедительную интерпретацию: большинство новых предприятий закрываются именно в первый год своей деятельности. Высокая смертность новорожденных бизнес-единиц нивелирует их вклад в общую численность действующих предприятий. В то же время коэффициент прироста, представляющий собой сальдо между созданными и ликвидированными предприятиями, демонстрирует значимое положительное влияние на развитие промышленности. Таким образом, для устойчивого роста

промышленного сектора важна не столько высокая рождаемость сама по себе, сколько положительная разница между появлением новых и выбытием старых предприятий, то есть демографическое здоровье бизнес-популяции. Предложенный автором архитектурный подход, предполагающий рассмотрение промышленной политики в вертикальной, горизонтальной и технологической проекциях, создает концептуальную рамку для включения демографических индикаторов в систему целеполагания и оценки эффективности. Показатели рождаемости, прироста и выживаемости предприятий могут выступать в качестве измеримых критериев результативности промышленной политики на разных уровнях. Особенно важна эта связь в контексте антикризисного управления: прогнозирование кризисных явлений в промышленности невозможно без мониторинга демографических процессов, поскольку изменение соотношения рождаемости и ликвидации выступает ранним индикатором нарастающих проблем. Без совершенствования системы управления мерами поддержки невозможно добиться эффективности реализуемой промышленной политики и значительного роста промышленного сектора. В контексте бизнес-демографии это означает, что меры поддержки должны быть дифференцированы с учетом стадии жизненного цикла предприятий. Высокая смертность новых предприятий в первый год деятельности требует специальных программ сопровождения стартапов (бизнес-инкубаторов, наставничества, льготного кредитования на начальном этапе). Для действующих предприятий, демонстрирующих устойчивый рост, необходимы меры, способствующие расширению производства и выходу на новые рынки. Для предприятий, находящихся в кризисном состоянии, — программы финансового оздоровления и реструктуризации.

При слабом изменении общей структуры распределения бизнеса по округам, внутри нее происходят разнонаправленные сдвиги. Так, прирост уровня рождаемости новых компаний в 2022 году по сравнению с 2017-м зафиксирован только в Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах, тогда как в остальных, особенно в Сибирском, он снизился. Одновременно с этим уровень официальной ликвидации организаций вырос в Центральном, Южном, Северо-Западном и Северо-Кавказском округах, что говорит о высокой ротации бизнеса в этих регионах, но заметно снизился в Уральском, Сибирском и Дальневосточном округах. На этом фоне сектор индивидуального предпринимательства продемонстрировал устойчивый общероссийский рост по всем ключевым показателям — численности самих ИП, их наемных работников и оборота, — что стало важным компенсаторным механизмом, обеспечивающим занятость и деловую активность вопреки общему сокращению количества юридических лиц и негативным внешним факторам [1].

Интенсивность открытия новых производств наиболее сильно и значимо влияет урбанизация, которая стимулирует предпринимательскую активность, тогда как инфляция, напротив, ее подавляет. При этом на процесс ликвидации предприятий воздействуют иные факторы: урбанизация и рост производительности труда снижают вероятность закрытия, обеспечивая большую устойчивость бизнеса в городах, а увеличение безработицы и принадлежность региона к числу

инвестиционно привлекательных, парадоксальным образом, способствуют росту ликвидаций, что может объясняться как падением спроса, так и усилением конкуренции и консолидацией рынка крупными игроками. Кризисы также играют разнонаправленную роль: если кризис 2015 года, сопровождавшийся импортозамещением и господдержкой, привел к всплеску рождаемости и снижению смертности предприятий, то кризис 2022 года лишь затормозил процесс ликвидаций, не стимулируя создание новых компаний, что указывает на действие сдерживающих механизмов при сохранении высокой неопределенности. В целом бизнес-демография продовольственного сектора чутко реагирует на изменение качества городской среды, динамику цен, состояние рынка труда и меры государственной политики, причем влияние этих факторов может быть как синхронным, так и разнонаправленным для процессов входа и выхода с рынка [6].

Динамизм современных экономических условий требует новых методов оценки, способных учитывать не только статичные показатели, но и интенсивность роста, угасания и ротации предприятий. Важен расчет так называемого баланса «рост-угасание», который представляет собой разницу между суммой быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста, с одной стороны, и количеством угасающих предприятий — с другой, рассчитанную нарастающим итогом за несколько лет. Положительное значение этого баланса свидетельствует о благоприятной, созидательной конкурентной среде, где развитие преобладает над стагнацией, тогда как отрицательное указывает на неблагоприятные условия, в которых конкурентные механизмы работают на разрушение, а не на обновление бизнес-сектора [2].

В рамках исследования проведена оценка пространственной неоднородности бизнес-демографии, позволившая определить регионы-лидеры с высокой предпринимательской активностью и регионы-аутсайдеры с критическими показателями сокращения бизнеса, а также оценить масштаб разрыва между ними.

Выборка исследования охватила 85 субъектов. Регионы, вошедшие в состав Российской Федерации в 2022 году, в анализ не включались в связи с отсутствием необходимых статистических данных.

В рамках исследования пространственной неоднородности бизнес-демографии территорий был проанализирован общий коэффициент смертности бизнеса:

$$n_{\text{см}} = \frac{n_{\text{ум}}}{n_{\text{акт}}} * 100\%, \quad (1)$$

где $n_{\text{ум}}$ – количество умерших предприятий, единиц

$N_{\text{акт}}$ – количество активных предприятий, единиц

Ниже представлена итоговая таблица, в которой все регионы распределены по четырем группам в зависимости от значения коэффициента смертности. Группы сформированы на основе квартилей (Q1–Q4), что позволяет наглядно продемонстрировать пространственную неоднородность бизнес-демографии (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты расчета коэффициента смертности для регионов Российской Федерации

Группа	Интервал коэффициента смертности	Субъекты, входящие в состав группы
Регионы с низким уровнем смертности бизнеса	< 0,06	Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея, Камчатский край, Магаданская область, Калининградская область, Костромская область, Курганская область, г. Севастополь, Ставропольский край, Тамбовская область, Саратовская область, Ямало-Ненецкий АО, Белгородская область, Брянская область, Калужская область, Тверская область, Тульская область, Республика Коми, Ненецкий АО, Новгородская область, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Пермский край, Иркутская область, Амурская область, Сахалинская область
Регионы с уровнем смертности бизнеса ниже среднего	0,06-0,07	Воронежская область, Орловская область, Рязанская область, Ярославская область, Архангельская область (кроме НАО), Мурманская область, г. Санкт-Петербург, Республика Калмыкия, Волгоградская область, Республика Крым, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Тюменская область (кроме ХМАО и ЯНАО), Республика Алтай, Республика Тыва, Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Томская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Чукотский АО
Регионы с уровнем смертности бизнеса выше среднего	0,07-0,08	Владимирская область, Ивановская область, Московская область, Смоленская область, Республика Карелия, Вологодская область, Астраханская область, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Кировская область, Самарская область, Ульяновская область, Свердловская область, Челябинская область, Республика Хакасия
Регионы высоким	>0,08	Курская область, Липецкая область, Алтайский край, Омская область, Приморский край, Хаба-

уровнем смертности бизнеса	ровский край, Еврейская АО, Ханты-Мансийский АО — Югра, Республика Бурятия, Псковская область, Ленинградская область, Республика Ингушетия, г.Москва
----------------------------	--

Прежде всего, обращает на себя внимание существенный разброс значений коэффициента смертности. Разрыв между наиболее благополучными и наиболее проблемными территориями превышает 4,5 раза, что свидетельствует о глубокой пространственной неоднородности бизнес-демографии отдельных субъектов Российской Федерации. Эта поляризация не является случайной; за ней стоят фундаментальные различия в отраслевой структуре, уровне экономического развития, инвестиционном климате и даже социокультурных особенностях ведения бизнеса.

Также в рамках исследования была проанализирована смертность организаций по возрастным группам по формуле (2):

$$n_{см_i} = \frac{n_{ум_i}}{n_{ум}} * 100\%, \quad (2)$$

где $n_{ум_i}$ – количество умерших организаций конкретного возраста

$n_{ум}$ – общее количество умерших организаций в регионе

Проведенный анализ структуры смертности предприятий по возрастным категориям выявил существенную дифференциацию данного процесса как в общероссийском масштабе, так и в региональном разрезе. По Российской Федерации в целом зафиксировано 222 554 случая прекращения деятельности предприятий, при этом возрастная структура демонстрирует классическую тенденцию убывания интенсивности ликвидации по мере взросления бизнеса: максимальные значения наблюдаются среди однолетних и двухлетних предприятий, после чего следует последовательное снижение смертности среди пятилетних организаций. Данная закономерность свидетельствует о наличии выраженного эффекта «детской смертности» бизнеса, когда наибольшие риски прекращения деятельности приходятся на начальные этапы жизненного цикла (рис. 1).

Рисунок 1 – Структура смертности организаций в Российской Федерации в 2025 году

Результаты расчетов структуры смертности организаций по округам приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Значение коэффициента смертности для различных округов Российской Федерации

Округ	Процент умерших однолетних предприятий	Процент умерших двухлетних предприятий	Процент умерших трехлетних предприятий	Процент умерших четырехлетних предприятий	Процент умерших пятилетних предприятий	Процент умерших однолетних предприятий
ЦФО	24,29%	21,02%	12,43%	5,31%	3,86%	24,29%
СЗФО	10,67%	8,66%	8,01%	7,44%	5,97%	10,67%
ЮФО	6,81%	8,83%	6,29%	5,73%	5,14%	6,81%
СКФО	8,64%	17,74%	9,73%	5,79%	5,16%	8,64%
ПФО	4,31%	7,73%	9,84%	8,03%	6,80%	4,31%
УФО	5,88%	9,55%	10,95%	6,25%	5,45%	5,88%
СФО	6,81%	8,89%	6,50%	6,77%	6,56%	6,81%
ДФО	8,09%	9,71%	8,48%	6,24%	6,56%	8,09%

Абсолютным лидером по количеству ликвидированных предприятий является Центральный федеральный округ, что составляет почти половину от общероссийского показателя. При этом г. Москва демонстрирует классическую возрастную структуру смертности с пиком на первом-втором годах функционирования (22 797 и 19 498 случаев соответственно), что указывает на высокую конкуренцию и динамичность столичного рынка, где происходит интенсивный отбор неэффективных бизнес-моделей на ранних стадиях.

Принципиально иная картина наблюдается в ряде других федеральных округов. В Приволжском федеральном округе зафиксирован сдвиг пика смертности на третий год деятельности предприятий (2 936 случаев против 1 288 однолетних), что свидетельствует о наличии отложенных рисков. Аналогичная тенденции прослеживается в Уральском (пик на третьем году – 1 737 случаев) Данная закономерность позволяет сделать вывод о том, что в регионах предприятия успешно преодолевают начальный этап, однако сталкиваются с системными проблемами на стадии становления и расширения (2-3 год существования), что может быть обусловлено окончанием льготных периодов, ужесточением фискального контроля или исчерпанием стартового капитала.

В Южном, Северо-Западном и Северо-Кавказском федеральных округах пик смертности смещен на второй год жизни предприятий, что занимает промежуточное положение между рассмотренными выше моделями. При этом во всех без исключения регионах наблюдается закономерное снижение интенсивности ликвидации предприятий после преодоления трехлетнего рубежа, что подтверждает

гипотезу о повышении устойчивости бизнеса по мере накопления опыта и ресурсов.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить существование двух основных моделей возрастной смертности предприятий в России: «столичной», характеризующейся высоким отсевом на этапе входа на рынок, и «региональной», где основные риски реализуются на этапе становления (2–3 год функционирования). Данные различия требуют дифференцированного подхода к разработке мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства с учетом региональной специфики и возрастных рисков бизнеса.

Ключевым результатом работы стала идентификация двух принципиально различных моделей возрастной ликвидации предприятий. Выявленная «столичная» модель, характеризующаяся пиком смертности на первом году деятельности, отражает высокую конкурентную динамику и интенсивный рыночный отбор на этапе входа. В противовес ей «региональная» модель демонстрирует смещение основных рисков на второй-третий год функционирования, что указывает на действие отложенных негативных факторов, таких как исчерпание стартового капитала, окончание льготных периодов или нарастание фискальной нагрузки. Существование этих двух моделей доказывает, что процессы выживаемости бизнеса имеют ярко выраженную пространственную привязку и не могут быть объяснены универсальными закономерностями.

Полученные результаты убедительно демонстрируют неэффективность унифицированного подхода к поддержке малого и среднего предпринимательства. Регионы, столкнувшиеся с высокой «младенческой смертностью», нуждаются в инструментах, снижающих барьеры входа и облегчающих старт (бизнес-инкубаторы, упрощение процедур, грантовая поддержка на первом этапе). Территории же с доминированием «региональной» модели, где бизнес «задыхается» на этапе становления, требуют принципиально иных мер: программ льготного лизинга, поддержки масштабирования, сопровождения при прохождении «контрольных точек» развития. Таким образом, диагностика не только уровня, но и возрастной структуры смертности становится обязательным условием для разработки адресной, а значит, и эффективной региональной политики.

Литература

1. Архангельская Л. Ю., Ситникова О. Ю. Анализ результатов структурных обследований российского бизнеса за 2017-2022 годы // Учет. Анализ. Аудит. (Accounting. Analysis. Auditing). – 2023. – №10(4). – С.48-63. Doi: 10.26794/24089303-2023-10-4-48-63
2. Билинский А.П., Старикова М.С. Методический подход к анализу конкурентной среды предприятия на основе данных бизнес-демографии // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 6 (56). – С.70-77. – EDN FVRIMA.
3. Гарбузов А.М. Архитектура региональной промышленной политики и прогнозирование развития предприятий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – Воронеж, 2024. – №3(4). – С.3-16. Doi: <https://doi.org/10.17308/econ.2024.4/12527>

4. Камарова Т.А. Тренды распространения нестандартных форм занятости // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – Омск, 2023. – Т.21, №2. – С.30-43. – Doi: 10.24147/1812-3988.2023.21(2).30-43.
5. Лактаева Н.Е., Купцова И.В. Перспективы использования концепции экономики счастья в оценке социально-экономического развития макрорегиона // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – №101. – С.120-133. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-101-120-133
6. Обухова Е.А. Выявление факторов, оказывающих влияние на бизнес-демографию предприятий продовольственного сектора РФ / Е.А.Обухова, А.А.Обухов, А.П.Шарапов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – №72. – С.211-226. Doi: 10.17223/19988648/72/11
7. Осмоловская-Суслина А.Л., Борисова С.Р. Отдельные аспекты демографии малых и средних предприятий: макроанализ на микроданных // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2025. – №60(3). – С.194-216. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-9>
8. Пятаев Д.А. Процесс развития предпринимательства // Экономика и социум. – 2022. – №4(95). – С.268-272.
9. Семенович И.Н. Характеристика обеспечения экономической безопасности рынка труда на основе бизнес-демографии // Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – №3 (66). – С.170-180. – Doi: 10.22394/1997-4469-2024-66-3-170
10. Сорокин С.В. Благоприятная институциональная среда как основа развития инновационной деятельности // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №1(79). – С.90-103. – EDN UWQFNZ.
11. Фирсова О.Н., Харчева И.В. Тенденции развития демографии российского бизнеса // Дискуссия. – 2024. – Вып.130. – С.114-120.
12. Чистякова О.В. Экономика простых вещей и точки роста экономики Иркутской области в условиях импортозамещения // Известия Байкальского государственного университета. – 2023. – Т.33, №2. – С.312-321. Doi: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).312-321. – EDN BCWBOV.

ASSESSING SPATIAL HETEROGENEITY IN REGIONAL BUSINESS DEMOGRAPHY

Bykova Margarita Leonidovna

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economics of innovation and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G. Stoletov
601270, Russia, Vladimir region, Suzdal district, Bogolyubovo settlement,
Novaya st., 20, apt. 19
Ph.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

In today's environment, studying the spatial heterogeneity of regional business demography is particularly relevant, as the processes of enterprise creation, liquidation, and survival are key indicators of the entrepreneurial climate and the quality of the regional institutional environment. The purpose of this study is to comprehensively assess the differentiation of Russian regions by business mortality rates and identify age-related patterns of enterprise liquidation to justify a differentiated approach to

government support measures. The study's methodological framework utilized general scientific methods of analysis and synthesis, statistical data processing techniques, including calculating enterprise mortality rates, analyzing the age structure of liquidations, and a quartile distribution method for classifying regions. Rosstat data for 85 constituent entities of the Russian Federation served as the information base. The study revealed a significant spread in business mortality rates: the gap between the most prosperous and problematic regions exceeds 4.5 times. Regions were grouped into four types based on the quartile distribution, which made it possible to identify areas with low, below average, above average, and high levels of enterprise mortality. An analysis of the age structure of liquidations revealed two fundamentally different patterns: a "metropolitan" pattern, characterized by peak mortality in the first year of operation (high attrition at the market entry stage), and a "regional" pattern, where the main risks materialize in the second to third year of operation (deferred risks associated with the end of preferential periods and the depletion of start-up capital). The obtained results demonstrate the ineffectiveness of a unified approach to supporting small and medium-sized businesses and substantiate the need to develop targeted regional policy measures that take into account both the business mortality rate and the dominant age pattern of enterprise liquidation in a given constituent entity of the Russian Federation.

Keywords: business demography; spatial heterogeneity; regional differentiation; enterprise mortality rate; age structure of liquidations; regional typology; small and medium businesses; state regional policy.

АРЗЁБИИ ГЕТЕРОГЕНИИ ФАЗОИИ ДЕМОГРАФИЯИ ТИЧОРАТИ МИНТАҚАВӢ

Быкова Маргарита Леонидовна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёти инноватсия ва молия
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г. Столетов
601270, Русия, вилояти Владимир, ноҳияи Суздаль,
шаҳраки Боголюбово, кӯч. Новая, 20, х.19
Тел.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

Дар шароити муосир, омӯзиши гетерогении фазоии демографияи тичоратии ҳудудҳо махсусан муҳим мегардад. зеро равандҳои таъсис, барҳамдиҳӣ ва зинда мондани корхонаҳо нишондиҳандаҳои асосии фазои соҳибкорӣ ва сифати муҳити институтсионалии минтақа мебошанд. Ҳадафи ин тадқиқот арзёбии ҳамҷонибаи тафрикаи минтақаҳои Русия аз рӯи сатҳи фавти тичорат ва муайян кардани нақшҳои вобаста ба синну соли барҳамдиҳии корхонаҳо барои асоснок кардани равиши тафрикавӣ ба чораҳои дастгирии давлатӣ мебошад. Дар чаҳорҷӯби методологии тадқиқот усулҳои умумии илмии таҳлил ва синтез, усулҳои коркарди маълумоти оморӣ, аз ҷумла ҳисоб кардани сатҳи фавт дар корхонаҳо, таҳлили сохтори синну соли барҳамдиҳӣ ва усули тақсими чоряк барои таснифоти минтақаҳо истифода шудаанд. Маълумоти Росстат барои 85 субъекти Федератсияи Русия ҳамчун пойгоҳи иттилоотӣ хизмат кардааст. Таҳқиқот фарқияти назарраси сатҳи фавт дар тичоратро ошкор кард: тафовут байни қаламравҳои шукуфон ва мушкилгарин аз 4,5 маротиба зиёд аст. Минтақаҳо дар асоси тақсими чоряк ба чор намуд ғуруҳбандӣ карда шуданд, ки имкон дод қаламравҳое бо сатҳи паст, пасттар аз миёна, болотар аз миёна ва баландтари фавт дар корхонаҳо муайян карда шаванд. Таҳлили сохтори синну соли барҳамдиҳӣ мавҷудияти ду модели аз ҷиҳати кулӣ фарқкунандаро нишон дод: модели "метро-

полия", ки бо сатҳи авчи Ҷавт дар соли аввали Ҷаъолият (фарсудашавии баланд дар марҳилаи воридшавӣ ба бозор) тавсиф мешавад ва модели "минтақавӣ", ки дар он хатарҳои асосӣ дар соли 2-3-юми Ҷаъолият амалӣ мешаванд (хатарҳои ба таъхир афтода, ки бо анҷоми давраҳои имтиёзнок ва кам шудани сармояи ибтидоӣ алоқаманданд). Нагичаҳои бадастомада самаранок набудани равиши ягонро барои дастгирии тичорати хурду миёна нишон медиҳанд ва зарурати таҳияи чораҳои мақсадноки сиёсати минтақавиро, ки ҳам сатҳи Ҷавти тичорат ва ҳам модели бартаридоштаи синну соли барҳамдиҳии корхонахоро дар як субъекти мушаххаси Федератсияи Русия ба назар мегиранд, асоснок мекунанд.

Калидвожаҳо: демографияи тичорат; гуногунрангии Ҷазоӣ; тафрикаи минтақавӣ; сатҳи Ҷавти корхонаҳо; сохтори синну соли барҳамдиҳӣ; типологияи минтақаҳо; тичорати хурду миёна; сиёсати минтақавии давлатӣ.

УДК 336.14.332.1

**МЕХАНИЗМЫ БЮДЖЕТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖБЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Абдулхаева Шохина Ракибовна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита,
заведующая кафедрой информатики и информационных технологий
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 227 85 93
shohina_abdulhaeva@mail.ru

В статье исследуются актуальные вопросы функционирования механизмов бюджетного обеспечения регионального развития в контексте трансформации межбюджетных отношений Республики Таджикистан за период 2018-2025 годов. На основе данных Министерства финансов, Агентства по статистике и законов о государственном бюджете проведён сравнительный анализ субвенционной политики, динамики трансфертной зависимости территорий и результативности программного бюджетирования. Выявлены системные диспропорции в бюджетной обеспеченности регионов-реципиентов. Сформулированы конкретные предложения по оптимизации механизмов межбюджетного выравнивания с учётом специфики отдельных территорий и общенациональных приоритетов.

Ключевые слова: межбюджетные отношения; бюджетное обеспечение; регионы-реципиенты; субвенции; программное бюджетирование; финансовая децентрализация; трансферты; региональное развитие.

Пространственная неоднородность социально-экономического развития регионов представляет собой устойчивую характеристику любой децентрализованной государственной системы. В Республике Таджикистан данная проблематика приобретает особое институциональное измерение, поскольку разрыв в бюджетной обеспеченности между отдельными территориями не только сохраняется, но и воспроизводится в новых условиях цифровой трансформации публичных финансов и реализации национальных стратегий развития.

Послание Президента Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2021 года зафиксировало в качестве стратегического ориентира «формирование устойчивой финансовой базы регионального развития, снижение дотационной зависимости территорий и укрепление собственного налогового потенциала местных бюджетов». Однако практическая реализация данных установок сопряжена с комплексом системных ограничений как нормативного, так и административно-управленческого характера.

В период 2018-2025 годов межбюджетная система страны претерпела существенные изменения: был расширен охват программного бюджетирования, уточнены механизмы распределения субвенций, проведён ряд экспериментов по бюджетной децентрализации на уровне джамоатов. Вместе с тем сохраняется высокая зависимость большинства регионов от республиканских трансфертов, а инструменты стимулирования самодостаточности территорий остаются недостаточно разработанными.

Если говорить без лишней наукообразности, бюджетное обеспечение регионального развития – это то, каким образом государство решает, сколько денег и на каких условиях получит каждый регион. Речь идёт не только о суммах, но и о том, как ресурсы собираются, делятся между уровнями власти и расходуются на местах. Этот процесс опирается на три опоры: справедливое распределение налоговых полномочий, соответствие расходов реальным потребностям территорий и курс на финансовую самостоятельность регионов.

Классическая теория фискального федерализма, разработанная в трудах Ч.Тибу, У.Оутса и Р.Масгрейва, постулирует, что децентрализация расходных полномочий повышает эффективность предоставления общественных благ при условии адекватного распределения доходных источников. В постсоветском контексте данные постулаты получили переосмысление с учётом специфики переходных экономик, где институциональные ограничения существенно корректируют теоретические прогнозы. Применительно к Таджикистану ключевым является вопрос о соотношении собственных доходов территорий и межбюджетных трансфертов как элементов бюджетной системы.

Современные исследователи выделяют три функциональных типа регионов по критерию бюджетной самодостаточности: регионы-доноры (положительное сальдо налоговых потоков); фискально сбалансированные территории; регионы-реципиенты, хроническая дефицитность которых компенсируется трансфертными механизмами. Таджикистан в этом смысле – крайне показательный случай: здесь почти нет середины. Душанбе и Согдийская область генерируют основную часть налогов, тогда как горные районы едва покрывают базовые нужды за счёт собственных источников. Именно поэтому анализ межбюджетного перераспределения применительно к РТ особенно содержателен.

В отечественном законодательстве межбюджетные трансферты разграничиваются на: субвенции – целевое покрытие расходных обязательств; дотации – безусловное выравнивание текущих расходов; субсидии – доленое финансирование приоритетных направлений; иные межбюджетные переводы. Данная классификация закреплена в Законе Республики Таджикистан «О местных государственных финансах» и конкретизируется в ежегодных законах о государственном бюджете¹.

Субвенционная политика является ключевым инструментом вертикального бюджетного выравнивания в Республике Таджикистан. Анализ данных за период

¹ <https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-государственных-финансах-республики-таджикистан>

2018-2025 годов свидетельствует об устойчивом абсолютном росте объемов республиканской финансовой помощи при постепенном, хотя и недостаточно интенсивном, укреплении собственной доходной базы регионов.

Таблица 1 – Динамика объёма субвенций из республиканского бюджета в региональные бюджеты в 2018–2025 гг., тыс. сомони

Регион / район	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025*	2025 к 2018 (+/-)
ГБАО	174 057	178 312	183 540	162 800	189 450	201 300	214 870	228 600	+54 543
Хатлонская обл.	461 007	492 310	519 640	468 200	541 880	578 300	612 450	648 700	+187 693
Варзобский р-н	12 307	13 050	13 820	12 100	14 350	15 200	16 100	17 050	+4 743
Раштский р-н	41 498	43 700	46 200	40 900	49 100	52 400	55 600	58 900	+17 402
Лахш	28 886	30 200	31 800	28 400	33 900	36 100	38 300	40 600	+11 714
Нурабадский р-н	26 983	28 400	30 100	26 500	31 700	33 800	35 900	38 100	+11 117
Сангвор	14 185	14 900	15 700	13 800	16 600	17 700	18 800	19 900	+5 715
Таджикабадский	18 559	19 500	20 600	18 100	21 800	23 200	24 600	26 100	+7 541
Файзабадский	26 296	27 600	29 100	25 800	30 900	33 000	35 000	37 100	+10 804
Шахринавский	17 019	17 800	18 700	16 400	19 800	21 100	22 400	23 700	+6 681

* 2025 – проектные показатели.

Источник: составлено автором на основе Законов Республики Таджикистан «О государственном бюджете Республики Таджикистан» за 2018–2024 гг. и проектных показателей на 2025 год¹

Как следует из данных таблицы 1, наибольший абсолютный прирост субвенций за анализируемый период зафиксирован по Хатлонской области (+187 693 тыс. сомони), что обусловлено наибольшей численностью населения среди регионов-реципиентов и сохраняющейся слабостью собственной налоговой базы. По ГБАО прирост составил 54 543 тыс. сомони при сохранении наиболее высокой в республике относительной зависимости от центральных трансфертов.

Примечательно, что в 2020 году наблюдалось сокращение объемов субвенций по большинству регионов, что было обусловлено сжатием налоговых поступлений республиканского бюджета вследствие макроэкономической нестабильности и сокращения денежных переводов трудовых мигрантов. Начиная с 2021 года динамика субвенционных потоков демонстрирует восстановительный тренд с ежегодным приростом в диапазоне 6-8%.

В структурном отношении на три крупнейших получателя субвенций – Хатлонскую область, ГБАО и Раштский район – в 2024 году приходилось около 72% совокупного объёма целевых трансфертов. Данная концентрация трансфертных потоков отражает специфику географического положения, инфраструктурной

¹ <https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-государственном-бюджете-республики-таджикистан-на-2024-год>

удалённости и исторически сложившейся производственной специализации соответствующих территорий.

Внедрение программного бюджетирования в Республике Таджикистан, стартовавшее в пилотном режиме в 2018 году, к 2025 году претерпело существенную трансформацию. Первоначально охватывая лишь шесть отраслевых блоков на уровне национального бюджета, система программной бюджетной классификации постепенно распространилась на все ключевые сферы государственного управления и была адаптирована для уровня областных и районных бюджетов.

По состоянию на 2024 год программная структура бюджета охватывает 23 министерства и ведомства, а количество государственных программ, финансируемых в рамках данной системы, превысило 140. В отличие от первоначального пилотного этапа, когда устанавливались исключительно финансовые показатели программ, с 2022 года введены обязательные нефинансовые индикаторы результативности, что принципиально меняет логику оценки эффективности бюджетных расходов.

На субнациональном уровне особое значение приобрёл эксперимент по внедрению программного бюджетирования в джамоатах. К 2023 году данная практика была тиражирована на 47 пилотных джамоатов по всей стране. Опыт джамоата Яван Яванского района показателен: формирование самостоятельного бюджета позволило увеличить налоговые поступления с 511,7 тыс. сомони в 2018 году до 923,4 тыс. сомони в 2024 году, что свидетельствует о значительном потенциале данного подхода при надлежащей методологической поддержке.

Вместе с тем практика реализации программного бюджетирования обнажила ряд системных проблем. Во-первых, методологическая неоднородность применяемых показателей результативности затрудняет межрегиональные сравнения. Во-вторых, кадровые ограничения в финансовых органах малых районов препятствуют качественному формированию программных бюджетных заявок. В-третьих, горизонт программного планирования нередко не совпадает с реальными циклами социально-экономических преобразований на территориях.

Доля межбюджетных трансфертов в совокупных доходах местных бюджетов является обобщающим индикатором степени фискальной автономии территорий. Устойчивое снижение данного показателя характеризует движение региона в сторону финансовой самодостаточности, тогда как его рост или стагнация сигнализируют о воспроизводстве дотационного состояния.

Таблица 2 – Доля трансфертов в совокупных доходах местных бюджетов по регионам, 2019–2025 гг. (фактические значения, %)

Регион	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025*
Нурабад	84	86	80	82	78	75	73
Таджикабад	83	84	78	80	76	74	71
Сангвор	81	82	75	77	74	71	69
Лахш	80	79	74	76	72	70	68
ГБАО	76	77	71	73	69	67	65
Рашт	71	72	65	68	64	62	60
Файзабад	54	53	48	50	47	45	43
Хатлон	44	46	40	43	39	37	35
Душанбе	1	1	1	1	0	0	0
Сугд	0	0	0	0	0	0	0

* 2025 — предварительные данные / оценка автора.

Источник: рассчитано автором на основе отчётных данных Министерства финансов Республики Таджикистан.

Данные таблицы 2 отражают устойчивую тенденцию к постепенному снижению трансфертной зависимости в большинстве анализируемых регионов. Наиболее высокая зависимость сохраняется в Нурабадском районе (73% по прогнозу на 2025 год), Таджикабадском (71%) и Сангворском (69%) районах – территориях с экстремальными природно-географическими условиями и ограниченным хозяйственным потенциалом.

Принципиально важно, что даже умеренное снижение трансфертной зависимости – на 9-10 процентных пунктов за семилетний период в Хатлонской области – достигается преимущественно за счёт опережающего роста налоговых поступлений, а не структурной реорганизации расходных обязательств. Это свидетельствует о конъюнктурном, а не структурном характере наблюдаемых сдвигов.

Согдийская область занимает особое место в системе региональных финансов Республики Таджикистан. На протяжении 2018-2025 годов регион демонстрирует устойчивое превышение плановых показателей по доходной части местного бюджета и стабильный рост перечислений в государственный бюджет.

Таблица 3 – Динамика доходной части местного бюджета и перечислений в госбюджет Согдийской области, 2018–2025 гг. (млн. сомони)

Год	Доходы местного бюджета, млн. сом.	Перечислено в госбюджет, млн. сом.	Прирост к предыдущему году, млн. сом.
2018	1 722,4	2 144,7	+422,3
2019	1 906,8	2 387,2	+480,4
2020	1 843,1	2 251,6	+408,5
2021	2 112,4	2 695,8	+583,4
2022	2 384,6	3 042,3	+657,7
2023	2 671,3	3 418,9	+747,6
2024	2 980,5	3 820,4	+839,9
2025*	3 320,0	4 250,0	+930,0

* 2025 – проектные показатели.

Источник: составлено автором на основе данных Финансового управления Согдийской области и публичной отчётности Министерства финансов Республики Таджикистан.

За период 2018-2025 годов доходы местного бюджета Согдийской области увеличились с 1 722,4 до 3 320,0 млн. сомони – почти в два раза в номинальном выражении. Объем средств, перечисленных в государственный бюджет, вырос с 2 144,7 до 4 250,0 млн. сомони. Ключевыми факторами данной динамики выступают: диверсификация промышленной базы, активизация малого и среднего предпринимательства, улучшение налогового администрирования и последовательная реализация областных инвестиционных программ.

Единственным исключением стал 2020 год, когда под влиянием внешних шоков поступления несколько сократились. Тем не менее восстановительный рост 2021-2022 годов не только компенсировал временный провал, но и обеспечил выход на более высокую траекторию роста – что свидетельствует о сравнительно высокой устойчивости региональной бюджетной системы к циклическим колебаниям.

Управленческий аспект также заслуживает особого внимания: Согдийская область первой в республике внедрила систему мониторинга расходных обязательств в режиме реального времени, что позволило существенно сократить кассовые разрывы и повысить прогнозируемость исполнения бюджета.

Комплексный анализ за период 2018-2025 годов позволяет систематизировать ключевые структурные проблемы, сдерживающие переход регионов к модели устойчивой бюджетной самообеспеченности.

Первая проблема – хроническая асимметрия в распределении доходных источников. На долю центрального правительства приходится около 68-72% консолидированных налоговых доходов, тогда как местные органы власти несут существенную часть расходных обязательств в социальной сфере. Данный дисбаланс требует пересмотра принципов распределения налоговых поступлений, а не только совершенствования трансфертного механизма.

Вторая проблема – недостаточная предсказуемость объёмов межбюджетных трансфертов. Ежегодное утверждение субвенций без долгосрочных нормативов лишает регионы возможности полноценного среднесрочного планирования. Международный опыт Казахстана, Грузии и Армении свидетельствует о целесообразности введения трёхлетних гарантированных уровней трансфертного финансирования.

Третья проблема – отсутствие стимулов к наращиванию собственной налоговой базы. В действующей системе расширение регионального налогового потенциала влечёт автоматическое снижение объёмов трансфертов, формируя контрпродуктивные стимулы для местных финансовых органов.

Четвёртая проблема – неразвитость института муниципального заимствования. Отсутствие законодательной базы для привлечения заёмных ресурсов местными органами власти сдерживает капиталоемкие инвестиции в региональную инфраструктуру.

Пятая проблема – информационные ограничения. Официальная статистика в части региональных бюджетных данных не всегда обеспечивает необходимую детализацию и своевременность, что затрудняет как научный анализ, так и оперативное управленческое реагирование.

На основании проведённого исследования представляется возможным сформулировать следующие практические рекомендации.

1. Законодательное закрепление среднесрочных нормативов межбюджетного выравнивания. Переход к трёхлетнему утверждению базовых объёмов субвенций и дотаций позволит местным органам власти формировать полноценные среднесрочные бюджеты и снизит транзакционные издержки планирования.

2. Введение формульного механизма распределения субвенций. Замена дискреционного подхода формализованной методикой, учитывающей численность населения, индекс бюджетных расходов, уровень собственных доходов и коэффициент географической удалённости, создаст прозрачную систему межбюджетного выравнивания.

3. Формирование стимулирующих механизмов для регионов с потенциалом роста. Введение режима «бюджетного соглашения» с фиксацией целевых показателей роста собственных доходов и соответствующими гарантиями сохранения трансфертного финансирования в переходный период.

4. Расширение программного бюджетирования на районный уровень с методологической поддержкой и унифицированными показателями результативности, увязанными с целями Национальной стратегии развития до 2030 года.

5. Создание единой цифровой платформы мониторинга исполнения местных бюджетов в режиме реального времени, обеспечивающей доступность бюджет-

ных данных как для государственных органов, так и для институтов гражданского общества.

6. Поэтапное введение инструментов субнационального заимствования. Разработка законодательной базы для выпуска муниципальных облигаций крупными городами и экономически перспективными районами в целях финансирования инфраструктурных проектов.

Семь лет данных – достаточный горизонт, чтобы судить не об отдельных эпизодах, а о системе в целом. Картина, которая складывается по итогам анализа, неоднозначна: реальные успехи соседствуют с проблемами, которые не решаются сами по себе.

Первый вывод – неудобный. Субвенции растут каждый год, и в абсолютных цифрах регионы получают больше. Однако доля трансфертов в доходах большинства территорий снижается медленно или не снижается вовсе. Нурабад, Таджикабад, ГБАО – они по-прежнему живут на республиканские деньги. Это говорит о том, что рост финансирования не устраняет причину зависимости, а лишь её поддерживает.

Второй вывод – осторожно позитивный. Программное бюджетирование медленно, но реально укореняется. Пример джамоата Яван показал: когда у местной власти есть понятный инструмент планирования и измеримые цели, налоговые поступления растут. Проблема в том, что таких джамоатов пока 47. Расширить этот опыт – задача выполнимая, но требующая ресурсов и последовательности.

Третий вывод – про Согдийскую область, и он важен. Регион доказал на практике: при нормальном управлении можно зарабатывать самостоятельно и отдавать в республиканский бюджет больше, чем получаешь. Никакой особой магии – мониторинг расходов в реальном времени, работа с бизнесом, последовательная инвестиционная политика. Повторить этот опыт в других регионах вполне реально. Главный вопрос – есть ли политическая воля это делать.

Четвёртый вывод – про системность. Реформа межбюджетных отношений не работает точно. Система держится сразу на четырёх опорах: законодательство, методология, цифровые инструменты и кадры. Убери одну – остальные работают вполсилы. Именно поэтому это не разовое решение, а многолетний процесс, требующий согласованных действий на всех уровнях власти.

Литература

1. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли. – Душанбе, 2021.
2. О государственном бюджете Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан на 2018-2025 гг. / Официальный сайт Министерства финансов РТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=163949
3. О государственных финансах: Закон Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Душанбе, 2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46033
4. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан до 2030 года: Постановление Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 01 декабря 2016 г. №363 [Электронный ресурс]. – Душанбе, 2016. – Режим доступа: <https://egov.tj/site/farhang-tjk/documents/details/1008?lang=ru>

5. Каримова М.Т. Практикум бюджетного анализа / М.Т.Каримова, С.З.Вазиров, Б.Б.Махкамов, Х.Ш.Нарзиев. – Душанбе: Ирфон, 2015. – 184 с.
6. Оутс У. Фискальный федерализм / пер. с англ. – М.: ИЭПП, 2006. – 492 с.
7. Масгрейв Р.А., Масгрейв П.Б. Государственные финансы: теория и практика. – М.: Бизнес Атлас, 2009. – 716 с.
8. Макашина О.В. Бюджетирование, ориентированное на результат // Вестник ИГЭУ. – 2018. – №2. – С.18-26.
9. Министерство финансов Республики Таджикистан. Отчёт об исполнении государственного бюджета за 2023-2024 гг. – Душанбе, 2024.
10. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Статистический ежегодник. – Душанбе, 2024. – 305с.
11. Программа государственных инвестиций Республики Таджикистан на 2021-2025 гг. – Душанбе, 2021. – 105с.
12. Муминов Н.Х. Межбюджетные отношения и региональное развитие: теория и практика. — Душанбе: ТНУ, 2022. – 218 с.

Источники

13. <https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-государственных-финансах-республики-таджикистан>
14. <https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-государственном-бюджете-республики-таджикистан-на-2024-год>

MECHANISMS FOR BUDGETARY SUPPORT FOR REGIONAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE MODERN INTER-BUDGETARY SYSTEM: STATUS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Abdul Khaeva Shokhina Rakibovna

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of finance and credit,
head of the chair informatics and information technology
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 227 85 93
shohina_abdulhaeva@mail.ru

This article examines current issues related to the functioning of budgetary support mechanisms for regional development in the context of the transformation of inter-budgetary relations in the Republic of Tajikistan for the period 2018-2025. Using data from the Ministry of Finance, the Statistics Agency, and state budget laws, a comparative analysis of subvention policy, the dynamics of territorial transfer dependence, and the effectiveness of program budgeting was conducted. Systemic imbalances in the budgetary provision of recipient regions were identified. Specific proposals for optimizing interbudgetary equalization mechanisms were formulated, taking into account the specific characteristics of individual territories and national priorities.

Keywords: interbudgetary relations; budget provision; recipient regions; subventions; program budgeting; financial decentralization; transfers; regional development.

**МЕХАНИЗМҲОИ ДАСТГИРИИ БУЌЕҶТИИ РУШДИ МИНТАҚАВӢ
ДАР ЗАМИНАИ СИСТЕМАИ МУОСИРИ БАЙНИБУЌЕҶӢ:
ВАЗЪИЯТ ВА ДУРНАМОИ БЕҲТАРКУНӢ**

Абдулхаева Шохина Рақибовна

Номзади илмҳои иқтисодӣ, дотсенти кафедраи молия ва қарз,
муdiri кафедраи информатика ва технологияҳои иттилоотӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 227 85 93
shohina_abdulhaeva@mail.ru

Мақола ба масъалаҳои мубрами фаъолияти механизмҳои таъмини буҷетии рушди минтақавӣ дар заминаи таҳаввули муносибатҳои байнибуҷетии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи солҳои 2018-2025 баҳшида шудааст. Дар асоси маълумоти Вазорати молия, Агентии омор ва қонунҳо дар бораи буҷети давлатӣ таҳлили муқоисавии сиёсати субвенсионӣ, динамикаи вобастагии трансфертии ҳудудҳо ва самаранокии буҷетбандии барномавӣ анҷом дода шудааст. Нобаробариҳои низомӣ дар таъминоти буҷетии минтақаҳои реципиентӣ ошкор карда шудаанд. Пешниҳодҳои мушаххас оид ба тақмили механизмҳои баробарсозии байнибуҷетӣ бо дарназардошти хусусиятҳои ҳудудҳои алоҳида ва афзалиятҳои умумидавлатӣ пешниҳод гардидаанд.

Калидвожаҳо: муносибатҳои байнибуҷетӣ; таъминоти буҷетӣ; минтақаҳои реципиентӣ; субвенсияҳо; буҷетбандии барномавӣ; ғайримарказизунонии молиявӣ; трансфертҳо; рушди минтақавӣ.

УДК 378.14.015.62:330.341.1

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНУТРЕННЕГО МОНИТОРИНГА
И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ**

Сатторов Далер Нуритдинджонович

Соискатель кафедры учета, анализа и аудита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 103 99 55 00 (м.)
rtsu.9696@gmail.com

В статье представлено теоретико-методологическое обоснование систем внутреннего мониторинга и оценки качества образовательного процесса в высших учебных заведениях в контексте современной экономики образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности существующих подходов к оценке образовательных услуг и острой потребностью вузов в инновационных инструментах управления качеством. Целью работы является формирование комплексной методологической базы внутреннего мониторинга на основе критического анализа и систематизации научных концепций. Обзор литературы подтверждает необходимость глубокой научной дискуссии о применимости различных систем контроля и критериев качества образовательных услуг. В частности, критически оцениваются квалиметрический, институциональный и процессно-ориентированный подходы, выявляются их когнитивные и управленческие ограничения. Показано, что традиционные метрики зачастую не отражают реальную экономическую эффективность и компетентностный прирост человеческого капитала. Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании необходимости перехода от ретроспективной фиксации результатов к превентивному управлению качеством через синергию количественных и качественных показателей оценки. Практическая значимость работы выражается в возможности использования предложенных методологических принципов для проектирования инновационных систем внутривузовского контроля, адекватных требованиям современного рынка труда и ключевых стейкхолдеров образовательного процесса.

Ключевые слова: экономика образования; внутренний мониторинг; качество образовательного процесса; научная дискуссия; высшие учебные заведения; методология; оценка образовательных услуг; системы контроля.

Трансформация глобальной экономической системы и становление экономики знаний обуславливают повышенные требования к качеству человеческого капитала, что ставит перед системой высшего образования задачу непрерывного совершенствования предоставляемых образовательных услуг [6, с.18]. В этой связи методологические основы внутреннего мониторинга и оценки качества образовательного процесса в высших учебных заведениях приобретают фундаментальную актуальность [1, с.25]. Анализ современной экономической и управлен-

ческой литературы демонстрирует высокую степень дискуссионности данной проблематики и доказывает необходимость отхода от сугубо справочно-информационного подхода к ее изучению. Как отмечается в ряде фундаментальных исследований, «существующие механизмы внутривузовского контроля зачастую носят исключительно формально-констатирующий характер» [4, с.47]. В академической среде разворачивается широкое научное обсуждение концептуальных подходов к определению критериев и показателей качества [8, с.15]. Сторонники неинституционального подхода подчеркивают, что «основой оценки должна выступать степень удовлетворенности ключевых стейкхолдеров» [10, с.63], тогда как представители квалиметрического направления утверждают обратное [3, с.72]. В противовес им, представители квалиметрического направления настаивают на том, что «объективность мониторинга достижима исключительно через тотальную алгоритмизацию и жесткую стандартизацию измерительных процедур».

Критическая оценка показывает, что применение исключительно количественных индикаторов приводит к «имитации качества» [9, с.103], тогда как субъективные оценки снижают прозрачность управления [2, с.91]. Данное концептуальное противоречие между объективной потребностью университетов в инновационных методах управления внутренним мониторингом и методологической ограниченностью применяемых систем контроля требует углубленного теоретического осмысления. На фоне выявленных противоречий целью настоящей статьи выступает разработка и научно-теоретическое обоснование комплексной методологии внутреннего мониторинга и оценки качества образовательного процесса, синтезирующей преимущества различных исследовательских парадигм. Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующего комплекса взаимосвязанных задач:

- 1) проведение критического обзора академической литературы по вопросам эволюции систем контроля качества высшего образования;
- 2) сравнительная оценка эффективности традиционных и инновационных критериев и показателей качества образовательных услуг;
- 3) формирование концептуальной методологической модели мониторинга, адаптированной к современным экономическим условиям функционирования высших учебных заведений.

Методологическую базу исследования составляют общенаучные принципы системного, структурно-функционального и сравнительного анализа, а также «метод критической оценки научного дискурса», позволяющий избежать описательного изложения материала в пользу глубокой аналитики. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в преодолении методологического дуализма в экономике образования и создании научно обоснованного фундамента для проектирования гибких, превентивных систем внутривузовского контроля. Логика работы строго выстроена от актуализации проблематики и развернутого обзора дискуссионных концепций к анализу специфики применяемых образовательных метрик, с последующим обоснованием инновационных методо-

логических подходов и формулированием итоговых научно-практических выводов.

Развитие систем внутреннего мониторинга в современной экономике образования неразрывно связано с попытками преодоления технократического детерминизма, который долгое время доминировал в управленческой практике высших учебных заведений. Научное обсуждение данной проблематики выявляет острую необходимость пересмотра базовых принципов сбора и интерпретации образовательных данных. В классической литературе по квалиметрии образования утверждается, что «достоверность оценки качества прямо пропорциональна степени формализации измерительных процедур и количеству собираемых метрик». Однако перенос индустриальных моделей контроля качества на академическую среду продемонстрировал существенные институциональные сбои. Как справедливо отмечается в современных исследованиях институциональной экономики, «тотальная алгоритмизация образовательного процесса игнорирует его стохастическую природу и синергетический эффект межличностного взаимодействия преподавателя и студента, сводя оценку к фиксации поверхностных, легко квантифицируемых индикаторов». [8, с.19] В результате формируется парадоксальная ситуация: увеличение объема собираемой отчетности обратно пропорционально уровню реального понимания глубинных процессов, происходящих в образовательной среде. [7, с.54]

В ответ на кризис традиционных метрик в научной литературе активно формируется дискурс о необходимости внедрения методологии, основанной на предиктивной аналитике и использовании больших данных (Big Data). Исследователи подчеркивают, что «переход от ретроспективного инспектирования к непрерывному анализу цифрового следа обучающихся позволяет трансформировать систему внутреннего мониторинга из фискального инструмента в механизм опережающего управления качеством». [11, с.28]. Теоретическое обоснование данного подхода базируется на том, что цифровизация образовательной среды генерирует массивы неструктурированных данных, анализ которых методами машинного обучения способен выявлять скрытые паттерны учебного поведения и предсказывать вероятность академической неуспешности или, напротив, выдающихся результатов. Таким образом, методологическая база внутреннего контроля смещается от оценки соответствия государственным стандартам к оценке индивидуальных образовательных траекторий. В академической полемике отмечается, что «инновационный мониторинг должен базироваться не на дискретных срезах знаний, а на континуальной оценке когнитивного прогресса, что требует разработки принципиально новых психометрических шкал и экономических моделей оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал».

Однако внедрение предиктивной аналитики в контур внутривузовского контроля сталкивается с серьезными концептуальными барьерами. Оппоненты технократического подхода предупреждают о рисках «цифрового редуционизма», при котором «сложность и многомерность образовательного результата искусственно уплощается ради удобства машинной обработки». Возникает фундаментальное противоречие между потребностью в объективных данных и этическими

императивами академической свободы. В этой связи, научная проблема заключается в разработке такой методологии внутреннего мониторинга, которая гармонично сочетала бы аналитическую мощь цифровых инструментов с глубоким пониманием гуманистической сущности высшего образования.

Важным аспектом научного обсуждения методологических основ мониторинга является критическая оценка процессно-ориентированного подхода, базирующегося на адаптации стандартов серии ISO к условиям высшей школы. В теории управления образовательными системами длительное время господствовала парадигма, согласно которой «образовательный процесс может быть декомпозирован на линейную последовательность технологических операций, каждая из которых подлежит строгой регламентации и аудиту». Сторонники данной концепции аргументируют свою позицию тем, что внедрение систем менеджмента качества (СМК) обеспечивает прозрачность процессов, минимизирует ресурсные потери и повышает экономическую рентабельность образовательных программ. Тем не менее, глубокий анализ результатов внедрения процессного подхода в деятельность университетов выявляет серьезные методологические изъяны [9, с.110].

В современной экономической литературе подчеркивается, что «слепое копирование промышленных стандартов контроля качества приводит к бюрократизации академической среды и подавлению инновационного потенциала профессорско-преподавательского состава». Институциональный анализ показывает, что университет, в отличие от производственной корпорации, представляет собой сложную полицентричную систему с высоким уровнем профессиональной автономии акторов. Попытки жесткой регламентации научно-исследовательской и педагогической деятельности неизбежно порождают оппортунистическое поведение. Как констатируют исследователи, «возникает феномен смещения целей: структурные подразделения вуза начинают работать не на повышение реального качества образовательных услуг, а на производство документов, подтверждающих соответствие формальным требованиям внутреннего аудита». Это свидетельствует о том, что процессно-ориентированные алгоритмы внутреннего контроля, фокусируясь на правильности протекания процедур, зачастую упускают из виду качественные характеристики итогового результата – уровень сформированности компетенций выпускника.

Критика процессного подхода требует поиска альтернативных методологических оснований. Одним из перспективных направлений является интеграция принципов концепции «бережливого образования» (Lean Education) с механизмами академической экспертизы. В рамках данного синтеза утверждается, что «внутренний мониторинг должен быть направлен не на тотальный контроль за соблюдением регламентов, а на выявление и устранение потерь в образовательном процессе – от устаревшего контента до неэффективных методов коммуникации». Подобная трансформация систем контроля предполагает отказ от карательной функции аудита в пользу функции фасилитации и непрерывного улучшения. Следовательно, методологически обоснованный мониторинг должен оперировать не только показателями ресурсной эффективности, но и индикаторами

академической вовлеченности (academic engagement), которые значительно точнее отражают реальное состояние образовательного процесса [12, с.40].

Центральной проблемой методологии внутреннего мониторинга является разработка системы критериев и показателей, способных адекватно отражать качество образовательных услуг. Анализ академического дискурса демонстрирует глубокий конфликт между экономическими и академическими метриками оценки. В условиях ограниченности финансирования и усиления конкуренции на рынке образовательных услуг административный менеджмент университетов склонен отдавать приоритет показателям финансовой устойчивости. В литературе отмечается, что «доминирование показателей экономической рентабельности, таких как соотношение числа студентов на одного преподавателя, уровень коммерциализации научных разработок или объем привлеченных внебюджетных средств, приводит к маргинализации фундаментальных дисциплин и снижению общего качества академической подготовки». Этот подход правомерно критикуется представителями педагогического сообщества, которые настаивают на том, что «сущностная ценность высшего образования не может быть редуцирована к краткосрочному финансовому результату, поскольку ее экономический эффект носит отложенный характер и проявляется в виде экстерналий на макроэкономическом уровне» [2, с. 52].

С другой стороны, традиционные академические метрики, такие как острепенность преподавательского состава, количество часов аудиторной нагрузки или объемы библиотечных фондов, в современной экономике знаний теряют свою релевантность. Исследователи справедливо указывают, что «наличие формальных признаков ресурсной обеспеченности не гарантирует формирование у студентов актуальных компетенций, востребованных высокотехнологичными секторами экономики». Возникает потребность в формировании интегральных метрик качества, которые позволили бы преодолеть дихотомию между экономическим прагматизмом и академическим фундаментализмом [8, с.79].

В качестве решения данной проблемы в научном сообществе обсуждается методология многокритериального оценивания на основе концепции сбалансированной системы показателей (Balanced Scorecard), адаптированной для образовательной среды. Данная методология предполагает группировку индикаторов по нескольким проекциям:

- 1) удовлетворенность стейкхолдеров (студентов, работодателей, государства);
- 2) качество внутренних академических процессов;
- 3) инновационный потенциал и развитие человеческого капитала;
- 4) финансово-экономическая устойчивость.

Как подчеркивается в современных концепциях управления качеством, «интеграция разнородных показателей в единую аналитическую матрицу позволяет руководству вуза видеть взаимосвязи между инвестициями в развитие преподавательского корпуса, модернизацией образовательных технологий и итоговой конкурентоспособностью выпускников на рынке труда». Разработка таких метрик требует сложного математического моделирования и экспертного консенсу-

са, поскольку присвоение весовых коэффициентов каждому из показателей напрямую определяет стратегический вектор развития университета.

Особую сложность в рамках формирования интегральных метрик представляет оценка компетентностных результатов. В отличие от традиционных знаний, умений и навыков, компетенции носят латентный характер и проявляются исключительно в квазипрофессиональной деятельности. В литературе подчеркивается, что «для объективного мониторинга компетентностного профиля необходимо внедрение методологии ассесмент-центров и портфолио-анализа, что существенно удорожает процедуру оценки, однако обеспечивает радикальное повышение ее валидности». Таким образом, экономика качества образования сталкивается с необходимостью поиска баланса между транзакционными издержками на проведение глубокого внутреннего мониторинга и ценностью получаемой управленческой информации.

Синтез рассмотренных теоретических подходов позволяет перейти к проектированию концептуальной архитектуры инновационной системы внутреннего мониторинга качества образовательного процесса. Основываясь на критическом анализе технократической, институциональной и процессно-ориентированной парадигм, можно утверждать, что новая методологическая модель должна обладать свойствами адаптивности, предиктивности и многомерности. В научной дискуссии формируется консенсус относительно того, что «архитектура современного мониторинга должна представлять собой не иерархическую структуру тотального контроля, а распределенную сетевую систему сбора, верификации и анализа данных, интегрированную в единую цифровую платформу университета».

Методологическим ядром такой системы выступает принцип партисипативности, предполагающий активное вовлечение всех участников образовательного процесса в процедуру оценки. В противовес традиционной субъект-объектной модели контроля, где администрация оценивает работу кафедр, инновационная парадигма базируется на механизмах взаимного оценивания (peer-review) и обратной связи на 360 градусов. Исследователи отмечают, что «децентрализация контрольных функций и внедрение инструментов краудсорсинга в оценку качества курсов позволяет не только повысить объективность данных, но и формирует культуру качества, снижая сопротивление академической среды инновационным преобразованиям». В данном контексте мониторинг из внешнего аудита трансформируется в инструмент саморефлексии и профессионального развития преподавателей.

Ключевым элементом архитектуры выступает блок интеллектуальной обработки данных, который должен базироваться на алгоритмах машинного обучения и технологиях Process Mining. Если традиционные системы управления качеством фиксируют отклонения post factum, то интеграция Process Mining позволяет реконструировать реальный ход образовательного процесса на основе цифровых логов информационных систем университета. В актуальной литературе подчеркивается: «Анализ цифровых следов дает возможность выявить узкие места в реализации образовательных программ, такие как дисбаланс учебной нагрузки,

неэффективность контрольно-измерительных материалов или отсутствие корреляции между промежуточной успеваемостью и итоговыми результатами». Это обеспечивает переход от управления по отклонениям к риск-ориентированному управлению качеством.

Вместе с тем, технологическая сложность инновационных систем контроля не должна заслонять их гуманистическую направленность. Оценка качества образовательных услуг должна включать глубокий качественный анализ удовлетворенности стейкхолдеров, который не сводится к формальному анкетированию. Методология мониторинга должна опираться на методы фокус-групп, глубинных интервью и анализ семантики отзывов обучающихся. Как справедливо утверждается в рамках институционального подхода, «только триангуляция количественных метрик успеваемости и качественных индикаторов академической вовлеченности способна дать релевантную картину состояния образовательной экосистемы университета».

Разработка инновационной методологии мониторинга неразрывно связана с проблемой валидности и надежности используемого измерительного инструментария. В современной экономике образования критике подвергается практика использования стандартизированных тестов множественного выбора как основного средства контроля качества знаний. Научное обсуждение показывает, что «тестократия способствует формированию фрагментарного, клипового мышления, в то время как рынок труда требует от выпускников способностей к системному анализу, креативному решению нестандартных задач и командной работе». Следовательно, инструментарий внутреннего мониторинга должен претерпеть глубокую трансформацию в сторону внедрения комплексных полидисциплинарных кейсов и проектных форм оценки.

Внедрение проектно-ориентированных методов оценки качества требует изменения самих критериев эффективности. Оценка должна смещаться с фиксации объема усвоенной информации на анализ способности применять эту информацию в условиях высокой неопределенности. В литературе обосновывается позиция, согласно которой «эффективным инструментом внутреннего мониторинга качества выступает независимая оценка квалификаций с привлечением представителей профильных бизнес-сообществ, что позволяет синхронизировать образовательные стандарты с профессиональными стандартами». Такой подход нивелирует проблему информационной асимметрии между вузом и рынком труда, повышая сигнальную функцию диплома о высшем образовании в условиях современной экономики.

Кроме того, важнейшим аспектом методологии является минимизация так называемого «закона Гудхарта», который в контексте образовательных систем гласит: как только определенный показатель качества становится целевой функцией для системы управления, он перестает быть объективным критерием оценки. Для предотвращения манипуляций со статистическими данными система внутреннего мониторинга должна оперировать динамически меняющимся пулом индикаторов. Как отмечается в передовых исследованиях, «регулярная ротация измерительных шкал и внедрение скрытых маркеров качества делают невозмож-

ным искусственную подгонку результатов под плановые значения, обеспечивая тем самым высокую релевантность управленческой информации».

Проведенный в статье теоретико-методологический анализ позволяет сделать вывод о том, что внутренний мониторинг и оценка качества образовательного процесса в высших учебных заведениях находятся на стадии глубокой парадигмальной трансформации. Существующие системы контроля, базирующиеся на технократическом и процессно-ориентированном подходах, демонстрируют исчерпание своего аналитического потенциала, поскольку не способны адекватно оценивать сложные, многомерные результаты функционирования университетов в экономике знаний. Научное обсуждение проблемы выявило, что использование исключительно экономических ретроспективных метрик или формально-административных индикаторов приводит к искажению реальных целей академической подготовки и снижению конкурентоспособности выпускников.

В качестве выхода из методологического тупика обоснована необходимость формирования интегрированной модели внутреннего мониторинга, сочетающей аналитику больших образовательных данных с институциональными механизмами оценки удовлетворенности стейкхолдеров. Переход от парадигмы инспектирования к парадигме предиктивного управления требует разработки комплексной системы критериев качества, гармонизирующей требования экономической эффективности образовательных программ с ценностями фундаментального академического образования. Разработанные методологические подходы доказывают, что современная система внутреннего контроля должна функционировать как распределенная, партисипативная сеть, обеспечивающая непрерывное улучшение образовательного процесса через синергию количественных измерений и глубокой качественной экспертизы. Реализация представленной методологии на практике позволит высшим учебным заведениям существенно повысить объективность управленческих решений, оптимизировать трансакционные издержки контроля и обеспечить формирование человеческого капитала, адекватного вызовам инновационной экономики.

Литература

1. Казакова Е.И. Теория и практика управления качеством образования: монография. – М.: Просвещение, 2018. – 210 с.
2. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология: словарь системы основных понятий. – М.: Либроком, 2013. – 208 с.
3. Олейникова О.Н. Системы обеспечения качества профессионального образования: учебное пособие. – М.: НЦФУ, 2019. – 180 с.
4. Смирнов Э.А. Управление качеством образования в вузе: подходы и перспективы. – М.: КноРус, 2020. – 165 с.
5. Харченко Л.Н. Международные стандарты качества в образовании. – СПб.: Вектор, 2017. – 134 с.
6. Деминг Э. Управление качеством. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 400 с.
7. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. – М.: Вильямс, 2018. – 272 с.
8. Харви Л., Грин Д. Определение качества в высшем образовании // Вопросы образования. – 2006. – №2. – С. 15–36.

9. Биггс Дж. Качество обучения в университете. – М.: Изд-во ВШЭ, 2011. – 350 с.
10. Маргинсон С. Глобальное высшее образование. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2015. – 280с.
11. Салми Дж. Создание университетов мирового класса. – М.: Весь Мир, 2009. – 132 с.
12. Альтбах Ф.Г. Глобальные перспективы высшего образования. – М.: Логос, 2014. – 256 с.
13. Йорк М. Формирующее оценивание в высшем образовании // Высшее образование в России. – 2003. – №5. – С. 95–102.
14. Троу М. От элитного к массовому высшему образованию // Университетское управление. – 2000. – №3. – С. 20–30.
15. Барнетт Р. Смысл высшего образования. – М.: Изд-во ВШЭ, 2012. – 240 с.

**METHODOLOGICAL BASIS FOR INTERNAL MONITORING AND
QUALITY ASSESSMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN
HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS**

Sattorov Daler Nuritdinjonovich

Applicant of the chair of accounting, analysis and audit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 103 99 55 00 (m.)
rtsu.9696@gmail.com

In the article, a theoretical and methodological justification for internal monitoring and quality assessment systems for the educational process in higher education institutions in the context of the modern economics of education is presented. The relevance of this study stems from the need to overcome the fragmentation of existing approaches to assessing educational services and the urgent need for innovative quality management tools among universities. The aim of this study is to develop a comprehensive methodological framework for internal monitoring based on a critical analysis and systematization of scientific concepts. Drawing on a comprehensive literature review, this article initiates an in-depth scientific discussion on the applicability of various quality control systems and criteria for educational services. Specifically, qualimetric, institutional, and process-oriented approaches are critically evaluated, identifying their cognitive and managerial limitations. It is shown that traditional metrics often fail to reflect real economic efficiency and the competence-based growth of human capital. The scientific novelty of this study lies in its theoretical justification for the need to move from retrospective recording of results to preventive quality management through the synergy of quantitative and qualitative assessment indicators. The practical significance of this study lies in the potential use of the proposed methodological principles for designing innovative internal university control systems that meet the requirements of the modern labor market and key stakeholders in the educational process.

Keywords: economics of education; internal monitoring; quality of the educational process; scientific discussion; higher education institutions; methodology; evaluation of educational services; control systems.

АСОСҲОИ МЕТОДОЛОГИИ НАЗОРАТИ ДОХИЛӢ ВА АРЗӢБИИ СИФАТИ РАВАНДИ ТАЪЛИМ ДАР МАКТАБҲОИ ОЛӢ

Сатторов Далер Нуриддинчинович

Довталаби кафедраи муҳосибот, таҳлил ва аудит
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 103 99 55 00 (м.)
rtsu.9696@gmail.com

Дар ин мақола асосноккунии назариявӣ ва методологии системаҳои мониторинги дохилӣ ва арзёбии сифат барои раванди таълим дар муассисаҳои таҳсилоти олӣ дар заминаи иқтисоди муосири маориф пешниҳод шудааст. Аҳамияти таҳқиқот аз зарурати бартараф кардани парокандагии равишҳои мавҷуда барои арзёбии хизматрасонии таълимӣ ва ниёзҳои ғаврии донишгоҳҳо ба воситаҳои инноватсионии идоракунии сифат бармеояд. Ҳадафи таҳқиқот таҳияи ҷаҳорҷӯбаи методологии ҳамачониба барои мониторинги дохилӣ дар асоси таҳлили интиқодӣ ва систематизатсияи концепсияҳои илмӣ мебошад. Дар асоси баррасии ҳамачонибаи адабиёт, мақола баҳси амиқи илмиро дар бораи татбиқи системаҳои гуногун барои назорат ва арзёбии сифати хизматрасонии таълимӣ оғоз мекунад. Аз ҷумла, равишҳои квалиметрӣ, институтсионалӣ ва равандӣ ба таври интиқодӣ арзёбӣ карда мешаванд ва маҳдудиятҳои маърифатӣ ва идоракунии онҳоро муайян мекунад. Нишон дода шудааст, ки метрикаҳои анъанавӣ аксар вақт самаранокии воқеии иқтисодӣ ва афзоиши сармояи инсониро, ки ба салоҳият асос ёфтааст, инъикос намекунад. Навоварии илмии таҳқиқот дар асосноккунии назариявии он барои зарурати гузаштан аз сабти ретроспективии натиҷаҳо ба идоракунии пешгирикунандаи сифат тавассути синергияи нишондиҳандаҳои арзёбии миқдорӣ ва сифатӣ мебошад. Аҳамияти амалии кор дар имконияти истифодаи принципҳои методологии пешниҳодшуда барои тарҳрезии системаҳои инноватсионии идоракунии дохилидонишгоҳӣ, ки ба талаботи бозори муосири меҳнат ва ҷонибҳои асосии раванди таълим мувофиқанд, ифода меёбад.

Калидвожаҳо: иқтисоди маориф; мониторинги дохилӣ; сифати раванди таълим; баҳси илмӣ; муассисаҳои таҳсилоти олӣ; методология; арзёбии хизматрасонии таълимӣ; системаҳои назорат.

УДК 614.2:004.9(575.3)

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ ТАДЖИКИСТАНА

Тагаев Руслан Бахтиёрович

Соискатель кафедры менеджмента и маркетинга
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 90 100 14 21 (м.)
tagaev-98@inbox.ru

Рассматриваются вопросы, связанные с внедрением инновационных технологий в систему здравоохранения Республики Таджикистан. Особое внимание уделено анализу технологических, экономических и кадровых аспектов цифровизации отрасли, включая развитие телемедицины, электронных медицинских систем и использование искусственного интеллекта. Впервые проведён комплексный анализ текущего состояния таджикского здравоохранения в контексте инновационного развития с учётом опыта Казахстана и Кыргызстана. Автор отмечает, что при положительной динамике внедрения новых методов диагностики и лечения остаются нерешёнными проблемы кадрового обеспечения, финансирования и нормативного регулирования. Сделан вывод, что устойчивое развитие инноваций в здравоохранении возможно при условии совершенствования нормативно-правового регулирования внедрения инновационных технологий в здравоохранении.

Ключевые слова: здравоохранение; инновационные технологии; Таджикистан; телемедицина; цифровизация; кадровый потенциал; управление.

В современных условиях развитие систем здравоохранения во многом связано с внедрением инновационных технологий. Использование телемедицины, электронных медицинских систем и технологий искусственного интеллекта рассматривается как важный инструмент повышения эффективности медицинской помощи и расширения доступа населения к медицинским услугам. Во многих странах внедрение электронных платформ здравоохранения и дистанционных форм медицинского обслуживания становится одним из ключевых направлений государственной политики¹. Для Таджикистана, как развивающейся страны с ограниченными ресурсами, подобные технологии обещают повысить доступность и эффективность услуг. «Национальная стратегия здравоохранения Рес-

¹ Всемирная организация здравоохранения. Global Strategy on Digital Health 2020-2025. Женева: ВОЗ. 2021. С. 12.

публики Таджикистан на 2021-2030 годы»¹ подчёркивает необходимость цифровизации и инноваций в медицинской сфере. По сообщениям СМИ, уже в 2024-2025 гг. в республике активно внедряются новые методы диагностики и лечения: так, за первые полгода 2025 года было введено около 39 новых методик, включая инновации в кардиологии, офтальмологии и трансплантологии. В предыдущем году в больницах Таджикистана применили 62 инновационных технологии (27 – в диагностике, 35 – в лечении). Эти данные свидетельствуют о реформаторской динамике и необходимости детального анализа как технических, так и организационных аспектов внедрения инноваций.

В научных исследованиях инновационные технологии в сфере здравоохранения рассматриваются как внедрение современных информационно-коммуникационных решений и цифровых платформ в медицинскую практику. К ним относят электронные медицинские системы, телемедицинские сервисы, мобильные приложения для пациентов, а также технологии обработки медицинских данных. Как отмечает В.В.Иванов, цифровизация здравоохранения представляет собой комплексный процесс внедрения информационных технологий в управление медицинскими учреждениями, диагностику и организацию медицинской помощи [3, с.41]. Как отмечает А.Дж.Ганиев, «использование современных технологий в медицинской науке способствует повышению эффективности диагностики и лечения заболеваний» [2, с.17]. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, «eHealth представляет собой эффективное и безопасное использование информационно-коммуникационных технологий в сфере здравоохранения»². Как отмечается в докладе Всемирной организации здравоохранения, «цифровые технологии способны значительно повысить эффективность управления системами здравоохранения и расширить доступ населения к медицинским услугам»³. В числе теоретических моделей распространения инноваций часто упоминаются классические концепции (например, теория диффузии инноваций Роджерса), адаптированные к медицинской сфере. Основные факторы успешного внедрения – это готовность системы, обучение персонала и экономическая модель использования технологий. Стоит отметить, что технологии здравоохранения демонстрируют быстрый рост: к примеру, сегмент телемедицины в мире растёт примерно на 20% в год, что отражает повсеместный переход к дистанционным сервисам. Как отмечается в международных исследованиях, «цифровые технологии становятся важным инструментом модернизации систем здравоохранения и повышения доступности медицинской помощи»⁴. Таким образом, теория показывает, что цифровые инновации способны повысить точность диагностики, персонализировать лечение и расширить географический охват мед-услуг, но для этого необходимы адекватная инфраструктура, обучение кадров и

¹ Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан. Национальная стратегия здравоохранения Республики Таджикистан на 2021-2030 гг. Душанбе, 2021. С.8.

² World Health Organization. Global Strategy on Digital Health 2020-2025.

³ World Health Organization. Global Strategy on Digital Health 2020-2025. Geneva: WHO. 2021.

⁴ OECD. Health Innovation Systems: Comparative Review. Париж: OECD Publishing, 2022. С.52.

поддержка со стороны государства. Как отмечают М.Портер и Э.Тейсберг, повышение эффективности системы здравоохранения во многом связано с созданием ценности для пациента и внедрением инновационных управленческих механизмов в медицинских организациях [7, с.52]. По мнению Ш.Рахимова, «развитие инновационных процессов в системе здравоохранения способствует повышению качества медицинских услуг и эффективности управления медицинскими ресурсами» [4, с.47].

Анализ современного состояния системы здравоохранения Республики Таджикистан свидетельствует о проведении комплексных преобразований в данной сфере. В последние годы особое внимание уделяется укреплению первичной медико-санитарной помощи, совершенствованию нормативно-правового регулирования и внедрению цифровых технологий в деятельность медицинских организаций. Национальная стратегия здравоохранения 2021-2030 гг. ставит во главу угла укрепление ПМСП и доступность услуг. Ф.Сагинов подчёркивает, что «цифровая трансформация государственного управления является одним из ключевых факторов повышения эффективности функционирования современных социальных систем, включая систему здравоохранения» [5, с.35]. На практике это выражается в пилотных проектах с ВОЗ, создании электронной системы учёта и внедрении новых технологий в клинической практике. С технологической точки зрения, ведётся активный перевод данных в электронный формат: например, в Душанбе создан электронный реестр иммунизации, который охватывает уже свыше 15 тысяч детей¹, что позволяет улучшить мониторинг вакцинации. Во всех 478 медучреждениях страны установлены терминалы и внедрены QR-коды для безналичной оплаты услуг, что повышает прозрачность операций. Проектом государственных структур разрабатываются телемедицинские решения и онлайн-платформы. Одним из примеров является медицинский портал Yakdu, где зарегистрированы более 700 квалифицированных таджикских врачей разного профиля, предоставляющих бесплатные онлайн-консультации круглосуточно². Это свидетельствует о формировании инфраструктуры цифрового здравоохранения в Республике Таджикистан. Как отмечает З.Safarov, развитие цифровых медицинских платформ способствует расширению доступа пациентов к медицинским услугам и повышает эффективность взаимодействия между врачами и пациентами [8, с.64]. Наряду с организационными преобразованиями в системе здравоохранения постепенно внедряются современные медицинские технологии и методы лечения в клинической и госпитальной практике: по словам министра, в 2025 г. в клиниках проведено около 40 сложных операций (эндопротезирование, стентирование и др.), ранее доступных лишь за рубежом. В течение 2024 года доктора и эксперты в сфере здравоохранения Таджикистана внедрили в свою практику шестьдесят два новых методики диагностики и лечения, применимых в онкологии, кардиохирургии, трансплантации органов и смежных дисциплинах. В

¹ ВОЗ. Обзор состояния здравоохранения в странах Центральной Азии. Копенгаген, 2024. С.34.

² Yakdu: официальный медицинский портал онлайн-консультаций. Душанбе, 2024. URL: <https://yakdu.tj> (дата обращения: 27.10.2025).

перечень освоенных вмешательств вошли и те, что ранее практически не применялись в республике, например, стентирование сонной артерии или одновременное проведение флебэктомии и установки эндопротеза тазобедренного сустава.

В области экономики правительство наращивает инвестиции: ассигнования на здравоохранение в рамках бюджета на 2025 год достигли 4,3 млрд сомони, что представляет собой прирост на 24% по сравнению с предшествующим годом, причем 43 млн сомони из этой суммы предназначены специально для закупки передового оснащения¹. Такое развитие событий стимулирует обновление материально-технической базы (возведено три десятка новых зданий, а также осуществлена глубокая реновация восьмидесяти двух учреждений здравоохранения). Тем не менее, согласно расчетам Всемирной организации здравоохранения, затраты на базовое медицинское обслуживание в расчете на одного жителя Таджикистана входят в число наименьших показателей по европейскому региону, что сдерживает внедрение передовых методов и закупку дефицитной техники.

Кадровые ресурсы также являются фактором, имеющим критическое значение. В секторе здравоохранения заняты свыше 22 тысяч докторов и 63 тысячи других медицинских работников. Тем не менее, ощущается недостаток как врачей, так и специалистов первичного звена, а медицинские кадры продолжают уезжать за границу. По данным Всемирной организации здравоохранения, наблюдается «усиливающаяся нехватка врачей первичного звена»², что угрожает доступности услуг. Нынешние прорывы в технологиях подразумевают всестороннее обучение кадров, в частности, по освоению электронных платформ и телемедицинских практик. Университеты, готовящие медиков на местах, приступили к включению ИТ-компонентов в учебные планы, однако потребность в постоянном повышении квалификации и получении знаний из смежных областей сохраняется на высоком уровне. Как отмечает М.Абдувосиева, «обеспечение медицинских работников навыками работы с передовыми цифровыми инструментами выступает краеугольным камнем для прогресса системы здравоохранения, основанной на инновациях» [1, с.23].

Динамика бюджета и внедрения инноваций в здравоохранении Таджикистана (2020-2025 гг.) свидетельствует о росте финансирования и постепенном внедрении новых технологий (табл. 1).

¹ Всемирный банк. Tajikistan Health Sector Modernization Project Report. Вашингтон: World Bank, 2023. С.19.

² ВОЗ. Обзор состояния здравоохранения в странах Центральной Азии. Копенгаген, 2024. С.34.

**Таблица 1 – Основные показатели развития инноваций
в здравоохранении Таджикистана (2020-2025 гг.)**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Динамика 2020-2025
Численность врачей, тыс. чел.	20,22	20,52	20,54	20,70	21,80	22,00	+8,8%
Обеспеченность врачами (на 10 000 населения)	20,2	20,3	20,7	20,8	21,0	21,1	+4,4%
Средний медперсонал, тыс. чел.	58,61	59,55	66,30	67,00	62,00	63,00	+7,5%
Обеспеченность средним персоналом (на 10 000 населения)	61,6	65,2	66,3	67,0	62,0	63,0	+2,3%
Число больничныхоек, ед.	40 679	40 866	~40 700	~40 700	н/д	н/д	—
Обеспеченность койками (на 10 000 населения)	43,7	43,8	43,9	~44	н/д	н/д	~+0,7%
Внедрено инновационных медтехнологий, ед.	н/д	н/д	н/д	45	62	39	-13,3%
Электронный реестр иммунизации (охвачено детей)	н/д	н/д	н/д	—	12 000	15 000	+25%
Медучреждения с терминалами и QR-кодами, ед.	н/д	н/д	н/д	320	420	478	+49%
Зарегистрированные врачи на портале Yakdu, чел.	н/д	н/д	н/д	450	600	700	+55%
Бюджет здравоохранения, млрд сомони	н/д	н/д	н/д	3,2	3,5	4,3	+34%
Инвестиции в оборудование, млн сомони	н/д	н/д	н/д	25	35	43	+72%

Источник: составлено автором на основе данных Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан: Статистический ежегодник Республики Таджикистан (Душанбе, 2022. С.235; Душанбе, 2023. С.241); Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан (Национальная стратегия здравоохранения Республики Таджикистан на 2021-2030 гг. Душанбе, 2021. С.18); официальных отчётов МЗСЗН РТ за 2023-2025 гг.

Показатели, обозначенные как «н/д», отсутствуют в официальной статистике Республики Таджикистан, поскольку инновационные показатели (количество внедрённых технологий, электронные сервисы, цифровые платформы и др.) не фиксировались и не публиковались государственными органами до 2023 года. Значения за 2023-2025 гг. приведены по данным Минздрава, официальных выступлений и ведомственных отчётов.

Анализ зарубежной практики свидетельствует о том, что в ряде стран активно реализуются программы цифровой трансформации системы здравоохранения. Одним из наиболее показательных примеров является Республика Казахстан, где в течение последнего десятилетия произошёл постепенный переход от традиционного бумажного документооборота к широкому использованию электронных медицинских систем и цифровых платформ управления медицинскими услугами¹. Реализация государственной стратегии развития электронного здравоохранения позволила сформировать национальные цифровые реестры пациентов, внедрить систему электронных направлений и создать онлайн-сервисы для взаимодействия пациентов с медицинскими организациями. По данным ВОЗ, цифровые технологии уже интегрированы во все уровни казахстанской системы здравоохранения и используются для финансирования, управления маршрутами пациентов и контроля качества. В Казахстане особое внимание уделяется подготовке медицинских кадров для работы с цифровыми системами здравоохранения. В рамках государственных программ развития eHealth проводятся обучающие курсы для медицинских работников по телемедицине, анализу медицинских данных и использованию электронных медицинских систем.

В Кыргызской Республике одним из ключевых направлений развития инновационных технологий стало формирование нормативно-правовой базы телемедицины. Лишь в конце 2023 года на государственном уровне были утверждены первые положения, регулирующие применение телемедицинских технологий в сфере профилактики, диагностики и медицинского наблюдения². До этого отдельные инновационные практики уже применялись в пилотном режиме: в ряде больниц врачи консультировались с зарубежными коллегами онлайн и даже проводили совместные операции. Согласно анализу Всемирной организации здравоохранения относительно положения дел в государствах Центральной Азии, создание законодательной базы в сфере телемедицины способствует тому, чтобы можно было увеличить объем услуг по удаленному оказанию врачебной помощи, тем самым улучшая возможности получения медицинских услуг для жителей, проживающих в труднодоступных уголках.

На основании проведенного теоретического исследования можно заключить, что интеграция цифровых новшеств способна улучшить степень достоверности поставления диагнозов, предоставить возможность более индивидуального подхода к терапии и расширить территориальные границы оказания медицинской помощи. Полученный наработки могут послужить основой для Республики Та-

¹ ВОЗ. Обзор состояния здравоохранения в странах Центральной Азии. Копенгаген, 2024. С.34.

² Там же.

Таджикистан в процессе формирования общенационального плана по цифровой трансформации сектора здравоохранения.

Хотя в отрасли прослеживается благоприятная тенденция роста, процесс внедрения передовых технологических решений сталкивается с рядом препятствий и укоренившихся сложностей. Прежде всего, это касается недостатка денежных средств. Даже повышение выделяемых сумм не нивелирует дефицит ассигнований, нужных для закупки новейшей техники и поддержания работоспособности цифровых комплексов. Во-вторых, инфраструктурные проблемы: в сельской местности часто отсутствует высокоскоростной интернет и стабильное электроснабжение, без которых невозможно полноценно использовать телемедицину и цифровые регистры. Как отмечает А.Хамидов, развитие телемедицины и цифровых медицинских технологий позволяет существенно повысить доступность медицинской помощи, особенно для населения удалённых регионов [6, с.88]. В-третьих, недостаток квалифицированных кадров по ИТ-направлениям: многие медицинские сотрудники не обладают достаточной цифровой грамотностью, а подготовка специалистов в области eHealth развивается медленно. Далее, на законодательном уровне инновационные решения пока не охвачены в полной мере: аналогично Кыргызстану, Таджикистану необходимо принять нормативы, регламентирующие телемедицинские практики и электронную документацию. Важно отметить и организационные барьеры: разделение полномочий между ведомствами и недостаточная координация программ могут замедлять внедрение новшеств. Наконец, остаётся проблема восприятия цифровых сервисов населением – многие пациенты, особенно старшего возраста, с осторожностью относятся к использованию цифровых медицинских сервисов. Соблюдение конфиденциальности и безопасности данных также требует дополнительных мер (шифрование, защита от киберугроз). По мнению ВОЗ, все эти факторы вместе с «растущей нехваткой врачей» и высоким уровнем частных расходов на лечение (примерно 1 из 5 домохозяйств терпит «катастрофические» траты) замедляют прогресс в здравоохранении.

Методологическую основу исследования составляют методы сравнительного анализа, статистической обработки данных и системного подхода. Информационной базой исследования послужили материалы Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, официальные отчёты Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан, а также аналитические публикации международных организаций (ВОЗ, Всемирный банк, OECD).

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что внедрение инновационных технологий постепенно оказывает положительное влияние на развитие системы здравоохранения Республики Таджикистан: новые методы диагностики и лечения внедряются в клиниках, а цифровые сервисы облегчают доступ пациентов к медпомощи. Тем не менее, для устойчивого прогресса необходима комплексная стратегия. В качестве предложений можно отметить следующие направления:

– усиление финансирования и инфраструктурного развития. Требуется наращивание государственных и частных вложений в модернизацию инфраструктуры здравоохранения, что подразумевает интеграцию цифровых решений в сфере медицины, а также гарантирование надёжного доступа к интернету и бесперебойного электроснабжения для медучреждений, в особенности тех, что расположены в удалённых (сельских) районах;

– совершенствование законодательной и нормативной базы. Разработать и внедрить законодательные акты, регламентирующие применение телемедицинских технологий, электронных медицинских досье и телематических решений, опираясь на передовую международную практику (включая опыт, накопленный, к примеру, в Кыргызстане);

– просвещение и подготовка. Необходимо ввести обязательное обучение для медицинского персонала – врачей и медсестёр – по основам цифрового здравоохранения. Это должно включать освоение работы с технологиями искусственного интеллекта, телемедицинскими платформами и методами анализа данных. Рекомендуются, чтобы учебные заведения налаживали партнёрские отношения с техническими вузами и международными структурами, такими как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

– глобальное взаимодействие. Требуется интенсифицировать шаги для получения технической и материальной помощи от Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Всемирного банка, Европейского союза (ЕС), а также государств-соседей. Цель — наладить процесс обмена знаниями и апробации передовых методик. В качестве конкретных мер можно рассмотреть расширение национальных экспериментальных программ (взять, например, Согдийскую область) и внедрение доказавших свою эффективность мировых практик.

Внедрение изложенных советов, а также использование наиболее прогрессивного мирового опыта, послужит основой для устранения текущих барьеров и стимулирования дальнейшего прогресса в области передовых технологий медицинского сектора Республики Таджикистан.

Литература

1. Абдувосиева М. Инновационные подходы в подготовке медицинских кадров в Республике Таджикистан // Медицинский вестник Таджикистана. – 2024. – №3. – С.21-27.
2. Ганиев А.Дж. Новые технологии в развитии медицинской науки Таджикистана / А.Дж.Ганиев, О.Нематзода, Ш.К.Каримов // Медицинский вестник НАН РТ. – 2021. – №2. – С.15-22.
3. Иванов В.В. Цифровизация здравоохранения: управление и инновации. – М.: Наука, 2022. – 256 с.
4. Рахимов Ш. Развитие инновационных процессов в системе здравоохранения Таджикистана // Вестник Таджикского национального университета. Серия: Экономика и управление. – Душанбе: ТНУ. 2023. – №2. – С.45-52.
5. Сагинов Ф. Цифровая трансформация государственного управления: проблемы и перспективы внедрения в здравоохранении // Инновации и инвестиции. – 2024. – №6. – С.33-40.
6. Хамидов А. Телемедицина и цифровое здравоохранение: международный опыт и возможности адаптации в Таджикистане // Наука и инновации. – 2023. – №10. – С.88-94.

7. Porter M., Teisberg E. Redefining Health Care: Creating Value-Based Competition on Results. – Boston: Harvard business school press, 2006.
8. Safarov Z. Digital health platforms and patient access in Tajikistan: the case of Yakdu // Central Asian journal of health innovation. – 2024. – Vol.3, №2. – P.61-70.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE HEALTHCARE SYSTEM OF TAJIKISTAN

Tagaev Ruslan Bakhtiyorovich

Applicant of the chair of management and marketing
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 90 100 14 21 (m.)
tagaev-98@inbox.ru

The article deals with the issues related to the implementation of innovative technologies in the healthcare system of the Republic of Tajikistan. Special attention is paid to the analysis of technological, economic, and human resource aspects of the sector's digitalization, including the development of telemedicine, electronic medical systems, and the use of artificial intelligence. For the first time, a comprehensive analysis of the current state of Tajik healthcare is carried out in the context of innovative development, taking into account the experience of Kazakhstan and Kyrgyzstan. The author notes that despite the positive dynamics in the introduction of new diagnostic and treatment methods, problems related to staffing, financing, and regulatory frameworks remain unresolved. It is concluded that sustainable development of innovation in healthcare is possible only with the improvement of the regulatory and legal framework governing the implementation of innovative technologies in healthcare.

Keywords: healthcare; innovative technologies; Tajikistan; telemedicine; digitalization; human resources potential; management.

ТЕХНОЛОГИЯҲОИ ИННОВАТСИОНӢ ДАР СОҲАИ ТАНДУРУСТИИ ТОҶИКИСТОН

Тагаев Руслан Бахтиёрвич

Довталаби кафедраи менеҷмент ва маркетинг
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 90 100 14 21 (м.)
tagaev-98@inbox.ru

Дар мақола масъалаҳои марбут ба ҷорӣ намудани технологияҳои инноватсионӣ дар низомии тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ мегарданд. Таваҷҷуҳи махсус ба таҳлили ҷанбаҳои технологӣ, иқтисодӣ ва кадрӣ рақамикунонии соҳа дода шудааст, аз ҷумла рушди телемедицина.

низомҳои электронии тиббӣ ва истифодаи зеҳни сунъӣ. Бори аввал таҳлили маҷмӯи вазъи кунунии соҳаи тандурустии Тоҷикистон дар заминаи рушди инноватсионӣ бо дарназардошти таҷрибаи Қазоқистон ва Қирғизистон анҷом дода шудааст. Муаллиф қайд менамояд, ки бо вучуди тамоли мусбати ҷорӣ намудани усулҳои нави таъхис ва табобат, масъалаҳои таъмин бо кадрҳо, маблағгузорӣ ва танзими меъёрӣ то ҳол ҳалнашуда боқӣ мемонанд. Хулоса бароварда мешавад, ки рушди устувори инноватсия дар соҳаи тандурустӣ танҳо дар сурати тақмили танзими меъёри-ву ҳуқуқи ҷорӣ намудани технологияҳои инноватсионӣ имконпазир аст.

Калидвожаҳо: тандурустӣ; технологияҳои инноватсионӣ; Тоҷикистон; телемедицина; рақамикунонӣ; иқтидори кадрӣ; идоракунӣ.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 20.03.2026г. Подписано в печать 30.03.2026г.
Формат 60x84_{1/16}. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная.
Объем 33,3 п.л. Тираж 50 экз. Заказ №15

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30